

ISSN 2309-8325

Уральский
федеральный
университет

УРАЛЬСКОЕ
ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

Выпуск 7
2018

Уральское востоковедение

Выпуск 7
2018

УДК 94(5)
ББК Т3(5)
У 686

ISSN 2309-8325

Уральское
ВОСТОКОВЕДЕНИЕ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ АЛЬМАНАХ
Ural Survey of Oriental Studies

Выпуск 7

Екатеринбург
2018

Издается с 2005 г.
С 2018 г. издается ежегодно на русском языке
Учредитель – Уральский федеральный университет им. первого Президента России
Б. Н. Ельцина

Главный редактор
профессор В. А. Кузьмин

Редакционная коллегия:
профессор Г. Н. Валиахметова
профессор А. В. Антошин
доцент А. Л. Мышинский
ассистент Д. В. Возчиков
профессор Алек Д. Эпштейн (Израиль)
профессор Чжу Юйфу (Китай)
профессор Арун Моханти (Индия)
профессор В. Э. Молодяков (Япония)
профессор Исмет Бинер (Турция)

Ответственный за выпуск
Д. В. Возчиков
Дизайн обложки выполнен при участии
А. Е. Фокина

Формат 70x100/16. Уч.-изд. л. . Усл. печ. л.
Бумага офсетная. Гарнитура Times.
Тираж 500 экз. Заказ № 415.

Издательство Уральского университета
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4

Отпечатано в типографии Издательско-полиграфического центра УрФУ
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4
Тел.: +7 (343) 350-56-64, 350-90-13
Факс: +7 (343) 358-93-06
E-mail: press-urfu@mail.ru

© Уральский федеральный университет, 2018

В журнале публикуются исследования и документы по истории, внутренней и внешней политике, культуре, религиям, языкознанию стран Востока. Авторами являются представители научно-исследовательских центров и вузов России, стран СНГ, Восточной Южной и Юго-Восточной Азии, Ближнего Востока.

Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикуемых материалов

Контактная информация:

кафедра востоковедения департамента международных отношений Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета

Телефон: (+7) 343 350-28-34,
E-mail: kuzmin16@yandex.ru,
catullus89@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора	7
--------------------	---

ВОСТОЧНАЯ И ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ

<i>Д. А. Суровень.</i> Государство Ямато в 80-е годы V века	9
<i>В. Э. Молодяков.</i> Начальный период японской колонизации Тайваня глазами французского аналитика: Реджинальд Канн и его «Доклад о Формозе» (1907).....	31
<i>А. Л. Мышинский.</i> Изучение даосизма: развитие отечественного китаеведения до 1917 года	41
<i>И. А. Муסיнова, Лим Сонгдже.</i> Советская национальная политика в 1920-е гг. на примере деятельности «Корейского национального союза» и «Союза корейских рабочих» г. Свердловска	59
<i>С. В. Смирнов.</i> Японские школы русского языка в Харбине (1920–1945).....	64
<i>М. А. Фельдман.</i> Ветер с востока: что он принесет России?	70
<i>Л. В. Цуканов, К. Г. Муратишина.</i> Противоречия в китайско-польских отношениях в реализации инициативы «Экономического пояса шелкового пути».....	77
<i>Сомкамнерд Наванат.</i> Стратегия устойчивого развития политического сотрудничества Таиланда в азиатском регионе	84

БЛИЖНИЙ ВОСТОК И ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ

<i>Д. В. Возчиков.</i> «В зубах четырех зверей»: образ киликийской Армении в трудах венецианских интеллектуалов XIV–XV веков	89
<i>З. С. Абдулазизова.</i> Султанхан Адо и социально-культурное мышление жителей Средней Азии.....	101
<i>А. С. Бурнасов, Ю. Ю. Ковалев, А. В. Степанов.</i> Российско-казахстанский вектор приграничного экономического сотрудничества в рамках интеграционных процессов Евразийского экономического союза	108
<i>Р. Р. Сулейманов.</i> Иранское влияние на Урал в начале XXI века	114
<i>Алек Д. Эпштейн.</i> Институт президентства в Израиле: правовые нормы и политические традиции.....	124
<i>В. А. Кузьмин, Н. В. Соколов.</i> Причины сирийского кризиса и его развитие в 2011–2015 гг.	140

АФРИКА

<i>А. В. Антошин.</i> Колониальное общество Ньясаленда на пороге заката	149
<i>Е. В. Хахалкина.</i> Колониальная политика Великобритании после Суэцкого кризиса в 1957–1959 гг.	156

ПРЕПОДАВАНИЕ ВОСТОЧНЫХ ЯЗЫКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

<i>А. Л. Мышинский.</i> Изучение китайских иероглифов: проблемы и методы.	170
<i>Л. Ф. Фомина.</i> Опыт изучения турецкой литературы со студентами-востоковедами II и IV курсов	184

ПУБЛИЦИСТИКА

<i>В. А. Кузьмин.</i> Литературный разворот на Восток? Воронежский автор издал повесть из китайской истории.	190
<i>Г. М. Литвинцев.</i> Советы бывалого путешественника-ориенталиста.	196
<i>Р. В. Степанов.</i> Йемен – увидеть средневековье в наши дни.	198
<i>В. В. Хренов.</i> Остров Чеджудо: города и люди глазами уральского путешественника. Часть первая	204
<i>Д. Л. Стровский.</i> Из лирики о святой земле.	222
Авторы выпуска	232

CONTENTS

Editorial	7
-----------------	---

EAST AND SOUTHEAST ASIA

<i>Dmitry A. Surowen</i> . Yamato State During 80s of 5 th Century	9
<i>Vassili E. Molodiakov</i> . The Beginning of Japanese Colonization of Taiwan as Seen by a French Analyst: Réginald Kann and His “Report on Formosa” (1907)	31
<i>Alexey L. Myshinskiy</i> . Studies of Daoism: Progress of Russian Sinology Until 1917	41
<i>Irina A. Musinova, Lim Sungjae</i> . The Main Principles of National Politics in the First Years of Soviet Power, Focusing on the Sverdlovsk “Korean Union” and “The Korean Labor Union”	59
<i>Sergei V. Smirnov</i> . Japanese Schools in Teaching the Russian Language in Harbin (1920-1945)	64
<i>Michael A. Feldman</i> . The Wind from the East: What Will it Bring to Russia of The 21 st Century?	70
<i>Leonid V. Tsukanov, Ksenia G. Muratshina</i> . Contradictions in Sino-Polish Relations in Silk Road Economic Belt Project Realization	77
<i>Somkamnerd Navapat</i> . Sustainable Development Strategy of Political Cooperation of Thailand In The Asian Region	84

MIDDLE EAST AND CENTRAL ASIA

<i>Dmitry V. Vozchikov</i> . “In the Jaws of Four Beasts”: The Image of the Cilician Kingdom of Armenia in the Works of the Venetian Intellectuals (14 th -15 th Centuries)	89
<i>Zebo S. Abdulazizova</i> . Sultanhan Ado and Social and Cultural Thinking of People of Central Asia	101
<i>Alexander S. Burnasov, Yury Kowaljov, Anatoli Stepanov</i> . Russia-Kazakhstan Vector of the Cross-Border Economic Cooperation Within the Eaeu Integration Process	108
<i>Rais R. Suleymanov</i> . Iranian Influence on the Urals in the Early 21 st Century	114
<i>Alek D. Epstein</i> . The Israeli Presidency: Constitutional Norms and Political Traditions	124
<i>Vadim A. Kuzmin, Nicholas V. Sokolov</i> . The Origins of the Syrian Crisis and its Development in 2011 – 2015	140

AFRICA

<i>Alexey V. Antoshin. Colonial Society of Nyasaland at the End of its History</i>	149
<i>Elena V. Khakhalkina. Colonial Policy of Great Britain after the Suez Crisis in 1957–1959</i>	156

TEACHING OF ORIENTAL LANGUAGES AND LITERATURES

<i>Aleksey L. Myshinskiy. Learning of Chinese Characters: Problems and Methods</i>	170
<i>Lilia F. Fomina. The Experience of Exploring Turkish Literature with Second and Fourth-Year Students of the Department of Oriental Studies</i>	184

PUBLICISM

<i>Kuzmin V. A. Literary Turn to the East? The author from Voronezh Issues a Narrative on Chinese history (Interview with G. Litvinov)</i>	190
<i>Litvinov G. M. Advices of the Skilled Orientalist Traveler</i>	196
<i>Stepanov R. V. Yemen – to See the Middle Ages Nowadays</i>	198
<i>Khrenov V. V. Jeju Island: its Towns and People in the Eyes of the Ural Traveler (Part I)</i> . . .	204
<i>Strovsky D. L. From the Lyrics about the Holy Land</i>	222
On the authors	232

ОТ РЕДАКТОРА

Альманах «Уральское востоковедение» (Ural Survey of Oriental Studies) издается кафедрой востоковедения Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина с 2005 г. За прошедший период авторами альманаха были преподаватели, аспиранты и сотрудники кафедры востоковедения, других кафедр и департаментов УрФУ, представители разных вузов Екатеринбурга, Москвы, Санкт-Петербурга, Астрахани, Воронежа, Иркутска, Казани, Кемерово, Красноярска, Томска, Тюмени, Улан-Удэ, Уфы, Якутска, сотрудники различных исследовательских центров, коллеги из Австралии, Азербайджана, Израиля, Ирана, Казахстана, Китая, Турции, Японии, что фактически превратило его в межвузовский и международный сборник.

Предлагаемый вниманию читателей очередной, седьмой выпуск альманаха, традиционно состоит из нескольких разделов. В статьях и других материалах отражено как многообразие Востока, так и многообразие исследовательской тематики авторов, представленных в «Уральском востоковедении».

Первый раздел посвящен странам Восточной и Юго-Восточной Азии, второй – странам Ближнего Востока и Центральной Азии, третий – странам Африки, четвертый раздел объединяет статьи, посвященные проблемам преподавания восточных языков и литератур. В первом разделе, помимо статей, посвященных различным аспектам китаистики, корееведения и таиландоведения, представлены тексты ряда авторов, отражающие работу Центра японских исследований, в течение многих лет действующего при кафедре востоковедения УрФУ. Некоторые статьи второго раздела альманаха напрямую связаны с работой Центра иранских исследований кафедры востоковедения. Действующий при кафедре Центр израилеведения и академической иудаики пригласил к участию в очередном выпуске альманаха в качестве автора известного израильского ученого А. Эпштейна, специально для «Уральского востоковедения» подготовившего статью, в которой проанализированы правовые нормы и политические традиции института президентства в Израиле. Публикацией статьи по этой проблеме редколлегия альманаха привлекает внимание читателей к наступающему в 2018 г. 70-летию Государства Израиль.

Завершают альманах материалы публицистического характера: интервью с известным российским писателем и поэтом Г. М. Литвинцевым, который написал художественную повесть, посвященную событиям в Китае в период «опиумной войны», его же юмористические советы путешественникам, отправляющимся в страны Востока, путевые очерки преподавателей кафедры востоковедения УрФУ, посетивших Йемен и корейский остров Чеджудо, лирические стихи о Святой Земле профессора израильского университета Ариэль Д. Л. Стровского.

Седьмой выпуск альманаха, как и все предыдущие, адресован, прежде всего, исследователям-востоковедам, а также студентам, которые обучаются по направлению «Востоковедение и африканистика» и специализируются по странам Востока. Изучение истории региона, культуры, литературы, традиций, междуна-

родных отношений и внешней политики страны изучаемого языка является важной составной частью подготовки студентов. Альманах помогает решить важную задачу обеспечения учащихся соответствующей страноведческой литературой научного и учебного характера, его содержание может быть использовано при изучении различных востоковедческих и страноведческих дисциплин. Вместе с тем содержание альманаха таково, что, по нашему мнению, он будет интересен и более широкому кругу читателей – преподавателям и студентам различных направлений и департаментов УрФУ и других вузов, особенно гуманитарных, учащимся старших классов школ, всем, кто изучает страны Востока или интересуется ими. Выход в свет нового альманаха «Уральское востоковедение» призван способствовать развитию в разных департаментах Уральского федерального университета востоковедческих исследований.

В заключение отметим, что редколлегия предоставила возможность выступить на страницах сборника представителям различных научных школ, направлений и интересов, исходя из того, что ответственность за свои материалы, их трактовку и выводы несут сами авторы, точка зрения которых может не совпадать с мнением редакции. Приглашаем направлять пожелания, советы, критические замечания и материалы, которые заинтересованные лица хотели бы опубликовать в следующих выпусках «Уральского востоковедения», а также обращаться за дополнительной информацией по адресу: Россия, 620000, Екатеринбург, проспект Ленина, 51, Уральский федеральный университет, Уральский гуманитарный институт, департамент международных отношений, кафедра востоковедения. Тел.: +7(343)3899427; E-mail: kuzmin16@yandex.ru; catullus89@mail.ru

*Главный редактор
доктор исторических наук,
профессор В. А. Кузьмин*

ВОСТОЧНАЯ И ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ

УДК 94(520) + 316.323.4 + 94(5-11) + 94(519)

Д. А. Суровень

ГОСУДАРСТВО ЯМАТО В 80-Е ГОДЫ V ВЕКА

Аннотация: В статье анализируются сведения японских, корейских и китайских источников о внутренней и внешней политике государства Ямато в 80-е годы V века в царствование государей Сирака (Сэйнэя, 480–484 гг.) и Вокэ (Кэндзō, 484–487 гг.). Рассматриваются события борьбы за власть и прихода к власти боковой ветви государева рода Ямато, участие и роль японцев в военных действиях в Южной Корее. В связи с этим проанализированы материалы источников о мятеже принца Хосикава (др.-яп. Посикапа), вступлении на трон принца Сирака, обнаружении принцев Ōкэ и Вокэ, японо-корейских отношений начала 80-х годов V века, налоговых преобразований государя Сэйнэя; временное правление принцессы Ипидоё, обстоятельства борьбы за власть и вступления на трон принца Вокэ, известного под посмертным именем Кэндзō, внутренняя политика данного государя и развитие хозяйства, а также корейская политика Кэндзō в середине 80-х годов V века. Особо рассматривается происхождение и деятельность Ки-но Охиха-но сукунэ (др.-яп. Ки-но Опипа-но сукунэ) в Имна (яп. Мимана).

Ключевые слова: Ямато, Сирака (Сэйнэй), Вокэ (Кэндзō), Силла, Когурё, Пэкче, Имна, Кара, Мимана, Восточная Азия, Корея.

Dmitry A. Surowen

YAMATO STATE DURING 80s OF 5th CENTURY

Abstract: In this article, data of the Japanese, Korean and Chinese sources on domestic and foreign policy of Yamato state during 80s of 5th century in reign of emperor Shiraki (Seinei, 480-484) and emperor Woke (Kenzō, 484-487) are analyzed. Events of struggle for power and coming to power of a side branch of a monarchic family of Yamato, participation and a role of Japanese in military operations in South Korea are considered. In this regard, materials of sources about prince Hoshikawa's mutiny, enthronement of prince Shiraka, detection of princes Ōke and Woke, Japanese-Korean relations during early 80s of the 5th century, tax reform of emperor Seinei; temporary government of princess Ipidoyo, a circumstance of struggle for power and enthronement of prince Woke known under a posthumous name Kenzō, domestic policy of this sovereign and development of economy, and also the Korean policy of Kenzō in the mid-eighties of the 5th century are analyzed. Especially the origin and activity of Ki-no Ohiha-no sukune (ancient Jap. Ki-no Opipa-no sukune) in Imna (Jap. Mimana) is considered.

Key words: Yamato, emperor Shiraka (Seinei), emperor Woke (Kenzō), Silla, Koguryo, Pekche, Imna, Kara, Mimana, East Asia, Korea.

Конец V века в истории государства Ямато – время начала заката былой мощи и влияния Японии на Корейском полуострове, это и время серьезных внутривосточных потрясений, связанных с политической борьбой и фактически со сме-

ной правящей династии. Однако в российской исторической науке данный период изучен слабо. А ведь это переломный во всех отношениях этап в истории Ямато. Поэтому существует необходимость тщательно исследовать исторические процессы конца V века в Японии.

После смерти государя Опо-патусэ-но Вака-такэру (совр.-яп. *Ō-haicusэ-но Вака-такэ* /Юряку, 457–479) (о нем см.: [23]) в Ямато начались беспорядки. Сначала произошел мятеж среди воинов *эмиси*, участвовавших, видимо, в походах против Силла в 476–477 годах. Киби-но *оми* Восиро, командовавший войсками в этих походах, вернулся к себе домой в Киби. Когда стало известно о кончине государя Юряку, «... пять сотен *эмиси*, которых он привел с собой, узнав, что государь скончался, стали говорить между собой: “Государь, захвативший нашу страну (северо-восточную часть Японии, где проживали *эмиси* – С. Д.), уже скончался. Так что нам нельзя терять время”. И вот они собрались в шайку и вторглись в соседние уезды». Подавлять мятеж отправился их бывший командир Киби-но *оми* Восиро. Около бухты Саба-но *минато* завязалось сражение. В конце концов мятежные *эмиси* потерпели поражение. Восиро, «... преследуя [*эмиси*]... добрался до (бухты – С. Д.) Уракакэ-но *минато* в провинции Танипа и там, настигнув их, поразил всех». Естественно, действовал военачальник не один, а с отрядом своих людей, о чем говорит одна из книг, цитируемых в «Нихон-сёки»: «... преследуя их, он добрался до Уракакэ и послал людей разгромить [*эмиси*]» [11, с. 370–371; 12, с. 390–391] (Нихон-сёки, св. 14-й, Юряку, 23-й год пр., 8-й месяц).

Но на этом беспорядки в Ямато не прекратились. В 479 году началась борьба за наследство Юряку [2, с. 112]. М. В. Воробьев усмотрел в этом вмешательство членов знатных кланов в вопросы престолонаследия. Главы крупных родов – *ō-оми* и *ō-мурадзи* конкурировали с кланом правителя в расширении своих владений и в захвате людей [2, с. 112]. Как и опасался покойный Юряку, принц Посикапа (совр.-яп. Хосикава, по матери – из рода Киби) [10, 21] не согласился с назначением принца Сирака наследником престола (сына Юряку от Кара-пимэ, второй жены из рода Кадураки). Настроения принца Посикапа во многом подогревала его мать – Киби-но Вака-пимэ (третья жена Юряку, дочь Киби-но *ками-ту мити-но оми*) (см.: [11, с. 346]). Она нашептывала сыну разные мятежные мысли. Так, Киби-но Вака-пимэ сказала сыну: «Если ты хочешь взойти на престол в Поднебесной, возьми сначала в свои руки казну» (др.-яп. *опо-кура-но тукаса* – досл. “ведомство великой сокровищницы”).¹ Против выступил его единоутробный старший брат – принц Ипаки-но *мико*. Однако Посикапа, в 8-м месяце 479 года, «не слушая [старшего брата – С. Д.], последовал желаниям матери. И взял (яп. *торита*² – С. Д.) в свои руки казну (др.-яп. *опо-кура-но тукаса* – С. Д.). Запер там внешние ворота, чтобы обезопасить себя на случай каких-либо происшествий. Присвоил себе полную власть над казной и тратил все, что там было» [11, с. 372–373; 12, с. 396].

¹ 大藏之官 др.-яп. *опо-кура-но тукаса* – досл. “ведомство великой сокровищницы” [12, с. 396]; где 官 яп. *тукаса* / *цукаса*, кит. *гуйнь* – суц. 1) чиновник... 2) должность... 3) служба, служебные обязанности; 4) административный (правительственный) орган; ведомство, присутствие, приказ; учреждение... [1, с. II, 543].

² 取 яп. *тору*, кит. *цзюй* – гл. 1) брать, забирать, захватывать с собой... 3) брать, овладевать (*напр. городом*); громить (*войско противника*)... [1, с. III, 967]; [12, с. 396].

В поддержку наследного принца Сирака выступил глава мощного военного клана – Опо-отомо-но Муроя-но *опо-мурази* (совр.-яп. *Отомо-но Муроя-но $\bar{o}$ -мурадзи*) [10, 21], а также Ямато-но ая-но Тука-но *атаи* (совр.-яп. *Цука-но атаи*). Опо-отомо-но Муроя поднял войска и окружил Великую сокровищницу (*опо-кура*), устроил снаружи засаду и поджёг здание, где скрывались мятежники. В огне погибли принц Посикапа, его мать – заговорщица Киби-но Вака-пимэ, *Э-кими* – старший брат принца Ипаки от другого отца (т.е. сын Киби-но Вака-пимэ) и Ки-но Вокасаки-но Кумэ. Спасти удалось лишь Капути-но Минэ-но *агата-нуси* Вонэ, который, ради спасения своей жизни, подарил (яп. *окурита*)³ Опо-отомо-но *опо-мурази* 10 *тё* рисовых полей в местности Опо-випэ в селении Кумэ-но *мура* в Нанипа (совр.-яп. *Нанива*), а также подарил земли с заливными полями Кусакабэ-но *киси* Ая-пико, который ходатайствовал перед Опо-отомо-но *опо-мурази* о сохранении жизни Вонэ [11, с. 372–373; 12, с. 396].

В этом же 8-м месяце 479 года другой сын Киби-но Вака-пимэ – единоутробный брат мятежного принца Посикапа по титулу Киби-но *ками-но мити-но оми*, узнав, что при дворе случились беспорядки, выступил из Киби на 40 военных кораблях, чтобы помочь своему брату Посикапа. Но, пока он плыл в Нанипа, мятеж был подавлен, бунтовщики погибли. Узнав об этом, Киби-но *ками-но мити-но оми* повернул назад. Однако об этом стало известно принцу Сирака. Киби-но *ками-но мити-но оми* вызвали ко двору и в наказание отобрали у него корпорацию Яма-бэ, которой он управлял (яп. *рёситэ*).⁴ На этом мятеж принца Посикапа закончился [12, с. 396; ср.: 11, с. 373].

В 4-й день 10-го месяца 479 года Опо-отомо-но Муроя-но *опо-мурази* во главе остальных сановников ранга *оми* и *мурадзи* поднёс наследному принцу Сирака знаки императорского достоинства (государеву печать). В 15-й день 1-го месяца 1-го года правления Сирака (480 г.) в качестве резиденции была избрана территория Ипарэ (совр.-яп. *Иварэ* – там, где ранее располагалась резиденция Дзимму) в местности Микакури [11, с. 372–373; 12, с. 396] (Нихон-сёки, св. 15-й, Сэйнэй, 23-й год пр. Юряку, 8-й и 10-й месяцы; 1-й год пр., 1-й месяц). Все эти события ясно указывали, что новый правитель Ямато государь **Сирака** (Сэйнэй, 480–484 гг.) был ставленником военного клана Опо-томо-уди (совр.-яп. *О-томо-удзи*), чья родословная уходила корнями к временам Восточного похода Дзимму (о нём см.: [16]). Этот клан совместно с кланом Пэгури (совр.-яп. *Хэгури*) участвовал в борьбе за трон в 456 году (в период после смерти государя Анапо и восшествия на престол Опо-патусэ-но Вака-такэру), в результате чего клан Кадураки оказался отстраненным от власти при монархе Ямато. Однако мать Сирака – Кара-пимэ, происходившая из клана Кадураки (совр.-яп. *Кацураги*, *Кадзураки*), была почтена званием вдовствующей государыни (др.-яп. *опо-и-кйсаки*, совр.-яп. *кё-тай-фудзин*).⁵ Почему она полу-

³ 送 яп. *окуру*, кит. *сун* – гл. ...3) дарить; преподносить; посылать в подарок... [1, с. IV, 144].

⁴ 領 яп. *рёсуру*, кит. *лин* – гл. 1) вести; руководить, управлять, возглавлять, командовать... [1, с. IV, 729];

⁵ 皇太夫人 др.-яп. *опо-и-кйсаки*, совр.-яп. *кё-тай-фудзин*, кит. *хуán-тáйфǔ'жэнь* – досл. “императорская (вдовствующая) госпожа” [12, с. 397; 1, с. II, 162]; 太夫人 яп. *тайфудзин*, кит. *тáйфǔ'жэнь* – госпожа (о матери уважаемого лица) [1, с. III, 646].

чила столь странный титул вместо обычного в этих случаях титула “вдовствующей императрицы” (яп. *кō-тайкō*)⁶, объяснил В. Астон: так как Кара-пимэ не являлась “государыней” (яп. *тайкō*) при Опо-патусэ-но Вака-такэру, а была всего лишь первой супругой среди младших жён, она не могла быть почтена титулом “вдовствующей императрицы” [28, с. 375, п. 2]. Высшие должности в аппарате управления заняли главы кланов Опо-томо и Пэгури (совр.-яп. *Ō-томо* и *Хэгури*). Опо-томо-но Муроя-но *опо-мурази* был возведен в ранг “великого *мурадзи*” (др.-яп. *опо-мурази*, яп. *ō-мурадзи*), а Пэгури-но Матори-но *опо-оми* – в ранг *опо-оми* (совр.-яп. *ō-оми*), «то есть оба они сохранили свое прежнее положение» [11, с. 374; 12, с. 397]. *Оми, мурадзи, томо-но мияцукэ* – все получили прежние должности (яп. *сёку-и*)⁷ [12, с. 397; 11, с. 374.]. По сведениям «Родословной рода Ки» («Ки-удзи-но катэ» / «Кисики катэ»), в царствование государя Сэйнэя от рода Ки-удзи отпочковался новый клан – Сакамото-но *оми*. «Ещё примечают: младший брат Ки-но Кара Нэ-но *сукунэ* – Такэпи-но *сукунэ* жил в селении Сакамото-но *сато* округа Идзуми-но *агата* области Капути-но *куни* (совр.-яп. *Кавати-но куни*). [По этой причине] государь (*сумэра-микото*) Сэйнэй изменил [наследственное звание этому] клану, даровав ему [титул] Сакамото-но *оми* (досл. “глава [селения] Сакамото [в звании] *оми*”)».⁸

Брачные связи правителя Сирака проследить невозможно, так как «...у этого государя не было государыни, не было детей» [9, с. 203; 8, с. 279; 7, с. 354] (Кодзики, св. 3-й, Сэйнэй). В связи с этим, во 2-м месяце 2-го года пр. (481 г.), «...*сирака-бэ* были учреждены [для него самого] в виде *минасиро*» [9, с. 203; 8, с. 279; 7, с. 354] (Кодзики, св. 3-й, Сэйнэй), «...государь, омрачённый тем, что у него нет детей, послал Опо-томо-но Муроя-но *опо-мурази* по всем провинциям (яп. *куни* – владениям – *С. Д.*) основать роды–корпорации Сиракабэ-но *тонэри* (ближних слуг – *С. Д.*), Сиракабэ-но *касинадэ* (поваров⁹ – *С. Д.*), Сиракабэ-но *юкэпи* (досл. “несущие (на спине) колчаны”¹⁰, видимо лучников, которые были частью дворцовой стражи [11, с. 374; 28, с. 375, п. 5] – *С. Д.*). Этим он хотел оставить след, чтобы он был приметен и будущим [поколениям]» [11, с. 374; 12, с. 398] (Нихон-сёки, св. 15-й, Сэйнэй, 2-й год пр., 2-й месяц).

Проблема отсутствия наследника престола сильно заботила Сэйнэя. Она была разрешена благодаря случаю. «Зимой, в 11-м месяце (2-го года пр. (481 г.) – *С. Д.*) понадобилась провизия для подношения во время [ритуала] Великого урожая (др.-яп. *опо-ниэ* – *С. Д.*), и Водатэ, из рода–корпорации Иё-но кумэ-бэ, дальний предок Ямабэ-но *мурадзи*, наместник (др.-яп. *тукаса*, совр.-яп. *цўкаса* – губернатор¹¹ – *С. Д.*) государя в провинции Парима, был послан туда за провизией.

⁶ 皇太后 яп. *кō-тайкō*, кит. *хуан-тай-хю* – вдовствующая императрица [1, II, 162].

⁷ 職位 яп. *сёку-и*, кит. *чжэ-вэй* – служебное положение; должность; пост [1, IV, 211].

⁸ 「又目、紀、辛梶宿禰、弟、建日宿禰「宿」河内国、和泉県、坂本里。清寧天皇改「氏賜」坂本臣。」 [6].

⁹ 膳夫 яп. *дзэн-фу*, кит. *шань-фў* – 1) *стар.* повар; 2) *ист.* шеф царского стола [1, II, 465]; [12, 398; ср.: 11, 374].

¹⁰ 鞆負 др.-яп. *юкэпи*, кит. *жэнь-фў* – досл. “несущие (на спине) колчан”; где 鞆 *вм.* 鞆 яп. *уцубо*, кит. *чā, чāй* – *суц.* колчан [1, III, 413; IV, 66]; 負 яп. *оу*, кит. *фў* – *гл.* 1) нести на плечах, нести на спине [1, с. IV, 705; 12, с. 398; ср.: 11, с. 374].

¹¹ 司 др.-яп. *тукаса*, совр.-яп. *цўкаса* – губернатор [12, с. 398].

Там, [на праздновании по случаю] нового жилья Посомэ, Сизими-но *миякэ*-но *обито* (глава *миякэ* в Сидзими – С. Д.) из уезда (др.-яп. *копори*, совр.-яп. *кōри / гун* – С. Д.) Акаси, Осинумибэ-но *миятуко*, он увидел [владык] Ōкэ и Вокэ, сыновей принца Ити-но пэ-но Осипа...», которые в 10-м месяце 456 года сбежали в Харима (др.-яп. Парима) от гнева Опо-патусэ-но Вака-такэру после убийства государем их отца (см.: [11, с. 345; 9, с. 192; 2, с. 112]). Обнаруженные принцы были внуками государя Изапо-вакэ (Ритю) от его главной жены (яп. *кйсаки*) [11, 323, 487, п. 8], а также детьми не признанного традиционной японской историографией государя Ити-но пэ-но Осипа¹² [3, с. 243, с. 108; см.: 9, с. 204; 11, с. 380], успевшего процарствовать в 456 году всего лишь несколько месяцев. Родословная Ōкэ и Вокэ позволяла им стать наследниками трона Ямато.

«Кодзики» утверждает, что братья принцы были найдены уже после смерти Сирака [9, с. 203]. Кое-какие подробности этих событий сохранились в местных источниках провинции Харима. «История пребывания в этой местности царевичей Ōкэ и Вокэ такова: ...Они скитались повсюду и, наконец, нанялись в дом Итоми – старосты деревни Сидзими (яп. Сидзими-но *мура*-но *обито* – С. Д.). А Итоми на празднестве по случаю возведения нового дома заставил обоих царевичей поддерживать огонь. Затем он велел им спеть песню. Братья ссылались друг на друга. Наконец младший брат встал и запел: “...Обитавшего в зелёной Ямато царя Ити[но]бэ мы дети (яп. *Итинобэ-но сумэра-микото-га мианасуэ*¹³ – С. Д.)...” Так он пел. [Услышав это], все люди почтительно выбежали из дома [на улицу]. И тогда *мурадзи Ямабэ* [В]отатэ, являвшийся *представителем* Ямато в провинции Харима, услышав это и увидев [их], сказал: “Это же царские дети, из-за которых их мать – царица Тасирага – днём не ест, ночью не спит и [все время] плачет, горюя, живы они или мертвы”, – так он сказал, отправился в столицу и доложил, все как было. [Царица] обрадовалась и заплакала от тоски [по детям]. Она отправила [В]отатэ обратно и повелела ему пригласить царевичей к царскому двору. Они встретились [с матерью] и беседовали со взаимной любовью...»¹⁴ (Харима-фудоки, уезд Минаги, село Сидзими). В древнеяпонском источнике «Фудай» («Генеалогии»), цитируемом в «Нихон-сёки», матью принцев названа Паэ-пимэ, дочь Ари-но *оми*, который, в свою очередь, был сыном Асида-но *сукунэ*¹⁵ – сына Кадураки-но Сотубико. Возможно, Тасирага из «Харима-фудоки» – это одно из имён Паэ-пимэ

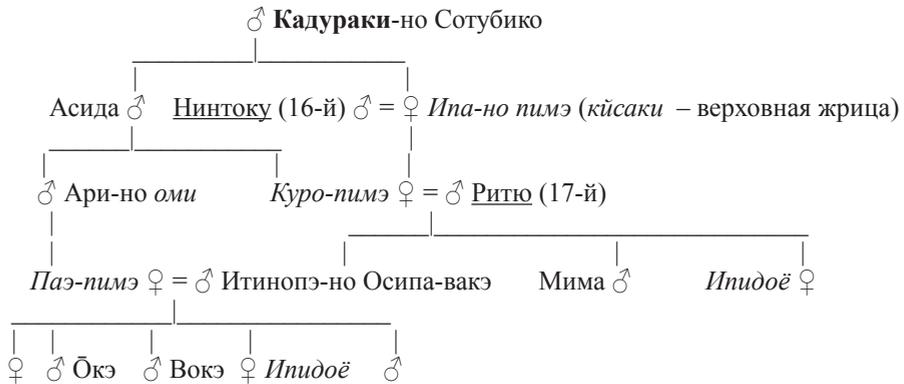
¹² 「市辺天皇命」 яп. *Ити[но]бэ-но сумэра-микото-но микото* – досл. “господин Небесный повелитель (государь) *Ити[но]бэ*” [26, 34]; 「市辺之天皇」 яп. *Ити[но]бэ-но сумэра-микото* – досл. “Небесный повелитель (государь) *Ити[но]бэ*” [26, с. 35].

¹³ 「市辺之天皇 御足末」 яп. *Итинобэ-но сумэра-микото-но мианасуэ*; где 御足末 яп. *мианасуэ* – “дети (потомки) царя”, где 御 – префикс, указывавший на отношение к богу или правителю со значением “божественный”, “царский”; 足末 яп. *анасуэ* (*аси-но суэ* или *асиносаки*) – “потомки”. [3, 211, 212, п. 6].

¹⁴ [3, 108-109]; 「志深里... 於奚・袁奚天皇等 所以坐^レ於此土者: ...迷^レ於東西、仍志深村首 伊等尾之家 所役也。因伊等尾 新室之宴 而二子等 令^レ燭。仍令^レ挙詠^レ辞。爾兄弟各相讓。乃弟立^レ詠、其辞袁: 『...倭者 青垣 // 青垣 山投坐 // 市辺之天皇 御足末...』。即諸人等皆畏 走出。爾針間 国之山門領 所遣^レ山部連少楯 相聞相見、語云: 『為^レ此子、汝母 手白髮命 画者不食、夜者不寝、有^レ生有死、泣恋^レ子等』。仍參上 啓如右件。即歛哀泣。還遣^レ少楯 召上。仍相見相語 恋...」 [26, 34-35].

¹⁵ [12, 400; 11, 376]; В. Астон прочитал имя деда Паэ-пимэ как Хада-но *сукунэ* [28, 378].

[см.: 27, с. 428]. Кроме того, этот антропоним (Тасирага / Тасирака) потом повторится в имени дочери государя Ōкэ (Нинкэна, 488–498) – Тасирака-но *микото* [см.: 9, с. 208, 209].

В разделе “Кэндзō-ки” в «Нихон-сёки» сообщается, что Водатэ, приняв участие в празднике, связанному с новым жильем, с вечера остался ночевать, а на следующую день случайно встретил братьев. Вокэ, посоветовавшись с братом, решил, что настало время открыть их имена и благородное происхождение. На празднике Водатэ обратил внимание на двух юношей, стоящих у рисового котла со светильниками. Водатэ приказал им танцевать: «Младший и старший брат стали уступать друг другу [эту честь]...». В конце концов, сначала станцевал Ōкэ, а за ним Вокэ, который ещё и спел, совершив *нанори* (“называние имени”): «...В Поднебесной правившего Принца Осипа-но *микото* Я – отпрыск!». «Водатэ был крайне поражён. Он встал со своего места и, тая горе в сердце, дважды поклонился. Он поднес им разные вещи и созвал свою свиту, чтобы простерлась перед ними ниц...» [11, с. 377–380, 488, п. 24].

Сходные сведения рассказывает и «Кодзики»: «Когда Ямабэ-но *мурази* Водатэ был назначен управителем земли Парима [др.-яп. Парима-но *микотомоти*¹⁶ – С. Д.], он отправился праздновать постройку нового дома, владел которым человек из этой земли по имени Сидзиму. Когда выпили уже достаточно, все стали танцевать. Там было два [человека-служки – др.-яп. *во-ко*, совр.-яп. *сё-си*, кит. *сёуцзы*¹⁷ – С. Д.], которые следили за огнем и сидели возле очага. Этим [служкам – С. Д.] приказали танцевать. Тогда один из них сказал: “Мой старший брат, танцуй снача-

¹⁶ 針間國之宰 др.-яп. *Парима-но микотомоти* [7, 356]; где 宰 др.-яп. *микотомоти*, кит. *цзай* – 1) канцлер, министр; правитель, глава; начальник; 2) распорядитель... [1, II, 853].

¹⁷ 小子 др.-яп. *во-ко*, совр.-яп. *сё-си*, кит. *сёуцзы* – 1) мальчик... 2) мальчик–слуга, служка... [1, IV, 775]. На русский язык эти иероглифы переведены как «мальчики» (см.: [9, 203]). Однако они сбежали в Харима в 456 году. К 481 году прошло уже 25 лет. Таким образом, они никак не могли быть «мальчиками», поэтому в русском переводе допущена ошибка. «Кодзики» говорит, что Вокэ (Кэндзō) умер в 487 году в возрасте 38 лет. 487 год – 38 = 449 год – это год рождения Вокэ. Значит, в 481 году ему было 32 года (481 год – 449 год = 32 года). На то, что принцы все время рассматриваются как маленькие мальчики, даже по прошествии 25 лет, обратил внимание Ямао Юкихиса. – См.: [27, 425].

ла ты!” Тогда старший брат сказал: “Ты сначала танцуй!” Когда они вот так уступали друг другу очередь, собравшиеся там люди смеялись над тем, как они препирались. В конце концов, старший брат стал танцевать первым. Когда же младший брат собирался танцевать, он пропел так: “...Правил ли Поднебесной Итинопэ-но Осипа-но *опо-кими* – сын государя Изаповакэ, от которого происхожу я!” Водатэ-но *мурази* услышал это, удивился, упал со своего сидения и удалил людей, которые находились в помещении. Посадив двух принцев – одного на правое колено, другого – на левое, он плакал и горевал...» [9, с. 203].

Далее в «Нихон-сёки» и «Кодзики» сообщается, что Водатэ, собрав людей, построил дворец в Сиба для принцев, содержал из своих припасов. А сам Водатэ отправился с сообщением ко двору с докладом. По «Кодзики», он докладывал тётке принцев – Ипидоё-но *опо-кими* (уже после смерти государя Сирака) [7, с. 356; 9, с. 204]; по «Нихон-сёки» – самому Сирака. Выслушав доклад, как говорит «Нихон-сёки», «...государь удивился, опечалился, сокрушался какое-то время в сердце своём, а потом сказал: “Ах, как хорошо! Как радостно! Небо, в великой милости своей, послало мне двух сыновей!” В том же месяце (11-м месяце 2-го года пр. (481 г.) – С. Д.) государь отправил Водатэ с государственной биркой (яп. *сируси* / *сиросу*¹⁸ – С. Д.), в сопровождении чиновников Левого и Правого приказов (досл. “*тонэри* Левого и Правого (приказов)” – С. Д.), выйти навстречу [обоим юношам] в Акаси» [11, с. 374; 12, с. 398] (Нихон-сёки, св. 15-й, Сэйнэй, 2-й год пр., 11-й месяц, 1-й день). Такие же сведения содержатся в разделах «Кэндзё-ки» и «Нинкэн-ки» (Нихон-сёки, св. 15-й, Кэндзё, 2-й год пр. государя Сирака, 11-й месяц; Нинкэн, 1-й год пр.¹⁹ государя Сирака, 11-й месяц).

В 1-й день 1-го месяца 3-го года пр. (482 г.), «...Водатэ и его спутники, сопровождая Ёкэ и Вокэ, добрались до Ту-но *куни* (яп. Цу-но *куни*, т.е. до области Сэццу – С. Д.). Тогда *оми* и *мурадзи* с государственными бирками были посланы встретить их и сопроводить во дворец в государевой колеснице...» [11, с. 375; 12, с. 399] (Нихон-сёки, св. 15-й, Сэйнэй, 3-й год пр., 1-й месяц, 1-й день). «Весной 3-го года правления государя Сирака, в начальном месяце... *Оми* и *мурадзи*, с государственными бирками в руках...» [12, с. 398, 399, 413] (Нихон-сёки, св. 15-й, Кэндзё, 3-й год пр., 1-й месяц, 1-й день). В 7-й день 4-го месяца 3-го года пр. (482 г.) «...владыка (яп. *кими* – С. Д.) Ёкэ был провозглашён наследным принцем (яп. *кё-тайси* – С. Д.). Вокэ стал принцем (др.-яп. *ми-ко*, совр.-яп. *тайси* – С. Д.)» [11, с. 375; 12, с. 399] (Нихон-сёки, св. 15-й, Сэйнэй, 3-й год пр., 4-й месяц, 7-й день). В «Харима-фудоки» говорится, что после поездки в столицу Ёкэ и Вокэ вернулись назад в Харима (после 4-го месяца 482 г.), где были созданы новые дворцовые хозяйства принцев: «После этого возвратились из столицы обратно [в Харима]. Здесь они построили дворцы и в них пребывали. Поэтому-то есть дворцы: Такано, Оно, Кавамура и Икэно. Место, где были построены казенные амбары (*миякэ*), назвали деревней Миякэ, а место, где были построены кладовые (*кура*),

¹⁸ 節 яп. *сируси* / *сиросу*, кит. *цзэ* – *суц*. 1) коленце (*бамбука*)... обрубок (дерева)... 11) стар. верительная бирка [1, II, 769].

¹⁹ Должен быть «2-й год пр.». – См.: [12, 413, прим.].

назвали Микурао»²⁰ (Харима-фудоки, уезд Минаги, деревня Сидзими). В «Нихон-сёки» указано, что дворцы в Оно (Воно) и Икэно в провинции Харима принадлежали Вокэ [11, с. 383; 12, с. 407], а дворцы в Такано²¹ и Кавамура – его брату Ёкэ [3, с. 212, п. 7]. В «Харима-фудоки» есть кое-какие подробности их пребывания здесь: «...Во дворце Такано, что в селе Сидзими уезда Минаги, жили молодые царевичи – Ёкэ и Вокэ. Они послали Ямабэ-но [В]отатэ просить им в жёны княжну Нэхимэ, дочь Кома – наместника провинции (Харима – С. Д.). Нэхимэ сразу же дала согласие на их просьбу, но оба молодых князя отказались от своих слов и не женились на ней...».²² Впоследствии, еще при жизни государя Сэйняэ (т.е. до его смерти в начале 484 года), Нэхимэ «...скончалась. А князья (принцы Ёкэ и Вокэ – С. Д.) сильно опечалились. Послав [туда] [В]отатэ, они вымолвили: “Сделай могилу в таком месте, где весь день светит солнце, погребви ее останки в этой могиле и укрась её драгоценными камнями (*тама*)”, – так они сказали. По этой могиле и холм называли Тама, а деревню – Тамано»²³ (Харима-фудоки, уезд Камо, деревня Тамано).

Внутренние проблемы, видимо, не давали возможности государю Сэйняэ заниматься внешнеполитическими делами. Поэтому Ямато не приняло участие в военных действиях своих южно-корейских союзников (Пэкче и Кая – Тэгая) на стороне Силла против Когурё, действовавшим в союзе с народом *магаль* (*мохэ*). В 11-м месяце 480 года люди *магаль* напали на северную границу государства Силла. В этой ситуации новый *ван* Пэкче – Модэ (Тонсон-ван, 479–501) решил обратиться за помощью к китайской династии Южная Ци: В «Самкук-саги» процитирован китайский источник «Цэфу юаньгуй», рассказывающий об этих усилиях Пэкче заключить союз с Южной Ци. «В “Цэфу юаньгуй” говорится, что во втором году *Цзянь-юань* [царства] Южная Ци (480 г.) пэкчешский *ван* Модэ (Тонсон) отправил посла и преподнёс дары. [Изданный по сему случаю] императорский указ гласил: “[С тех пор как] снова посетило [наше царство] сокровенное повеление [Неба] (т.е. после утверждения династии), его благодеяниями пользуются даже [самые] удаленные пределы. Модэ, уже на протяжении поколений наш окраинный слуга... на восточной стороне, исправно несёт службу на отдалённой окраине, поэтому могут быть дарованы ему [звания] полномочного посла (*шичицзе*), наместника (*дуду*), главнокомандующего войсками (*чжуцзюньши*) Пэкче, великого военачальника по умиротворению Востока”...» [4, с. 169].

Помощь государству Силла со стороны Пэкче была обусловлена антикогурёским союзом, заключённым между Пэкче и Силла в середине V века. Участие Тэгая в отражении когурёского нападения означало, по-видимому, присоединение этого владения к направленному против могущественного северного соседа со-

²⁰ [3, 109]; 「自此以後 更遷下。造^レ宮於此土而坐^レ之。故有^レ高野宮・少野宮・川村宮・池野宮。又造^レ屯倉之處即号^レ御宅村、造^レ倉之處号^レ御倉尾。」 [26, 35].

²¹ В «Нихон-сёки» сделано примечание о том, что опоры главного зала дворца Такано в Сидзими были целы ещё в начале VIII века [11, 389; 12, 413].

²² [3, 105]; 「...意奚袁奚 二皇子等 坐^レ於美囊郡, 志深里, 高野宮、遣^レ山部, 小楯 詔^レ国造 許麻之女 根日女命 於是。根日女 已依命訖。爾時 二皇子 相辞 不娶。」 [26, 34].

²³ [3, 105]; 「至^レ于日間、根日女 老長逝。于時 皇子等 大哀。即遣^レ小立、耶云: 『朝日夕日 不隱之地 造^レ墓、藏^レ其骨 以玉 飾墓』。故緣^レ此墓 号^レ玉丘、其村 号^レ玉野。」 [26, 34].

юзу Пэкче и Силла [25, с. 50]. В 3-м месяце 481 года «...[люди] Когурё вместе с *магаль* напали на северную окраину [Силла] и захватили семь крепостей – Хомён и др., а затем двинули войска дальше, на Мичжильбу. Наши (силлаские – С. Д.) войска и вспомогательные войска из Пэкче и Кая отражали их, разделившись по дорогам. Враг (т.е. Когурё – С. Д.) потерпел поражение и отступил, и при преследовании разгромили его к западу от реки Ниха. Было отрублено [у врагов] более тысячи голов» [5, 120–121] (Самкук-саги, летописи Силла, кн. 3-я, Сочжи, 2-й и 3-й годы пр. (480, 481 гг.)).

Кроме того, по завершении событий, связанных с отысканием принцев Ёкэ и Вокэ, японцы в 5-м месяце 482 года сами атаковали Силла: «...в пятом месяце на границу напали люди Вэ» [5, 121] (Самгук-саги, летописи Силла, кн. 3-я, Сочжи, 4-й год пр. (482 г.)). Чем было вызвано такое поведение правителя Ямато – неясно. Видимо, он имел какие-то свои стратегические планы по поводу Силла, которое, обычно, традиционно выступало противником Ямато. Однако когда в 9-м месяце 482 года *магальские* войска атаковали уже Пэкче («осенью, в девятом месяце, напали *магальские* [войска] и разрушили крепость Хансан, захватили и увели в плен более 300 семей» [4, с. 166]), войска Ямато на помощь Пэкче не пришли (Самгук-саги, летописи Пэкче, кн. 26-я, Тонсон, 4-й год пр. (482 г.)). Здесь без поддержки остался уже традиционный союзник Японии.

Ряд сообщений, касающихся международных отношений, содержится в разделе 3-го и 4-го годов правления Сирака. В 11-й месяц 3-го года пр. (482 г.): «...все заморские зависимые страны (яп. *бан*)²⁴ поочерёдно прислали послов преподнести дань»²⁵ (Нихон-сёки, св. 15-й, Сэйинэй, 3-й год пр., 11-й месяц). [11, с. 375; 12, с. 399]. Какие именно страны прислали подарки с посольствами – не уточняется. В 7-й день 1-го месяца 4-го года пр. (483 г.) этим послам был устроен прием и пир при государевом дворе (яп. *тёдо*).²⁶ «Им было пожаловано много разнообразных даров» [1, с. 375; 12, с. 399]. А чуть позже, в 1-й день 9-го месяца 483 года в государевом павильоне для стрельбы из лука послы заморских стран развлекались стрельбой из лука вместе с японскими чиновниками. Стрелки получили разные подарки [11, 375-376; 12, 399] (Нихон-сёки, св. 15-й, Сэйинэй, 4-й год пр., 9-й месяц). Можно предположить, что послами от заморских стран могли быть посланцы Пэкче, Кая и Силла, которые могли прибыть в Ямато с просьбой оказать им помощь в борьбе против Когурё. Но сообщений об ответных действиях Ямато ни в корейских, ни в японских источниках нет.

Вообще, правление Сирака отмечено отстраненностью от дел на Корейском полуострове. Больше внимания этот монарх уделял внутренним делам. В 7-й день 8-го месяца 4-го года пр. (483 г.) «*эмиси* и *паяпито* (совр.-яп. *хаято* – С. Д.) вместе подтвердили свою преданность» – дословно: «приняли зависимость» (яп. *най-фу*)²⁷ (Нихон-сёки, св. 15-й, Сэйинэй, 4-й год пр., 8-й месяц) [12, с. 399;

²⁴ 蕃 яп. *бан*, кит. *фань*, *фань* – суц. 1) *уст.* дальние вассальные земли; окраины... 2) *уст.* некитайские племена; туземцы, варвары; 3) *уст.* иностранцы [1, II, 657].

²⁵ 「是月。海表諸蕃並遣使進調。」 [12, 399].

²⁶ 朝堂 яп. *тёдо*, кит. *чао-тан* – императорский двор. [1, с. III, 167; 12, 399].

²⁷ 内附 яп. *най-фу*, кит. *нэй-фу* – *уст.* принять... зависимость... [1, с. III, 326].

11, с. 375]. Видимо, речь идет о тех *эмиси* (айнах) и *паяпито* (аустронезийцах *хаято*), которые еще не были подчинены власти Ямато. В 9-м месяце 3-го года пр. (482 г.), когда *магаль* осаждали пограничную с Когурё пэкческую крепость Хансан, во 2-й день 9-го месяца «...*оми* и *мурадзи* были посланы совершать инспекционный объезд провинций (яп. *дзюн-сэй*)²⁸, [чтобы проверить местные] нравы и обычаи (яп. *фүдзоку*)²⁹»³⁰ (Нихон-сёки, св. 15-й, Сэйнэй, 3-й год пр., 9-й месяц). Чем они там занимались, могут пояснить сведения анонимного источника, цитируемого в «Нихон-сёки». Там говорится, что в 11-м месяце 2-го года правления Сирака губернатор (др.-яп. *микотомоти* / *тукаса*, яп. *цукаса* / *си*)³¹ Харима по имени Водатэ «обходил (яп. *дзюнкō*)³² уезды (др.-яп. *копори*, яп. *кōри* / *гун*) и округа (яп. *агата*), [чтобы] собирать–запасать поземельный налог (др.-яп. *та-тикара*)».³³ Правда, исследователи отмечают, что аналогичная запись – об отправке посланцев для такой инспекции – содержится в «Суй-шу». Из этого они делают вывод о том, что, поскольку в «Кодзики» сведения о правителе Сэйнэе (Сирака) весьма скудны, есть основания полагать, что фрагмент об этом правителе – плод вымысла составителей, использовавших сюжеты и данные «Суй-шу» [11, с. 487, п. 9]. Однако сторонники такой точки зрения упускают ряд моментов. Во-первых, сведения обо всех правителях Ямато конца V – начала VII века в «Кодзики» – скудны, так как там даются исключительно одни только генеалогические материалы. Поэтому скудость «Кодзики» – не аргумент. Во-вторых, даже если за образец фразы «Нихон-сёки» взята цитата из «Суй-шу», это совсем не означает, что событие, описываемое этой фразой, не имело места. Просто составители японского источника могли пожелать, чтобы текст был написан в “высоком” китайском стиле и не более. Аналогичные возражения и контраргументы вызывает следующее сообщение «Нихон-сёки», касающееся состава налогов. В 4-й день 10-го месяца 3-го года пр. (482 г.) был издан указ, гласивший: «Собак, коней и игрушки государю не подносить».³⁴ Это – точная цитата из «Суй-шу», записанная в разделе 581 года [28, с. 376, п. 3; 11, с. 487, п. 10].

В 7-й день 8-го месяца 4-го года пр. (483 г.) «государь самолично переписывал заключённых (с целью сбора их жалоб, для возможного пересмотра их дел) (яп. *року-сёто*)³⁵»³⁶ (Нихон-сёки, св. 15-й, Сэйнэй, 4-й год пр., 8-й месяц). В связи

²⁸ 巡省 яп. *дзюн-сэй*, кит. *си́нь-сйн* – объезжать, совершать инспекционный объезд (*чего-л.*); проверять; кит. *си́нь-шэ́н* – объезжать провинцию, совершать инспекторский объезд провинции [1, с. IV, 172].

²⁹ 風俗 яп. *фүдзоку*, кит. *фэ́н'сү(сү)* – нравы; обычаи [1, с. IV, 540].

³⁰ 「遣^レ臣連 巡省^レ風俗。」 [12, с. 399; 11, 375].

³¹ 播磨國司 яп. *Харима-но кунин-но цукаса* – губернатор провинции Харима [12, с. 401].

³² 巡行 яп. *дзюнкō*, кит. *си́нь-сйн* – объезжать, обходить, обзирать; обход [1, с. IV, 172].

³³ 「巡行^レ郡縣 收歛^レ田租 也。」 [12, с. 401; ср.: 11, с. 377]; где 田租 др.-яп. *та-тикара*, кит. *тяньцзү* – 1) арендная плата за землю... 2)* поземельный налог [1, с. II, 637].

³⁴ 「詔、犬馬器翫不得獻上。」 [12, с. 399; 11, с. 375].

³⁵ 錄囚徒 яп. *року-сёто*, кит. *лу-цюту́*; где 錄囚 кит. *лу-цю* – переписывать заключённых (с целью сбора их жалоб, для возможного пересмотра их дел) [1, с. III, 819]; 囚徒 яп. *сёто*, кит. *цюту́* – арестант, узник; заключённый [1, с. II, 678].

³⁶ 「天皇 親錄^レ囚徒。」 [12, с. 399; 11, с. 375].

с этим В. Астон отмечает, что Вильямс считает, что иероглиф “*року*” (кит. *лу*) в этой фразе должен означать «освободить, выпускать на волю». В. Астон согласился с этим мнением, указав, что целью данного мероприятия было освобождение тех, кто заслуживал помилования [28, с. 377, п. 2]. В английском и русском переводах использовано понятие «инспектировать», которого данный иероглиф не имеет [11, с. 375; 28, с. 377].

В 16-й день 1-го месяца 5-го года пр. (484 г.) государь Сирака скончался. «Нихон-сёки» не называет точного возраста этого монарха. По разным подсчётам учёных, ему было от 39 лет до 41 года [28, 377, п. 3]. В 9-й день 11-го месяца он был похоронен в кургане на поле Сакато-но *пара* в Капути (совр.-яп. Кавати) [11, с. 376; 12, с. 400].

Смерть правителя Сирака (Сэйнэя, 480-484), не имевшего жён и не оставившего детей, по мнению М. В. Воробьева, поставила дом правителей Ямато в очень опасное положение [2, 155] и, в итоге, привела к новому всплеску борьбы за престол. «Нихон-сёки» в разделе “Кэндзё-ки” говорится, что долгое время Ōкэ и Вокэ не занимали трон, и он пустовал. «И государственные дела временно вершила *старшая сестра* государя (Вокэ – С.Д.), принцесса Ипидоё-но Аво-но пимэ, установив временное правление (яп. *рин-тё хэй-сэй*, кит. *лínь-ча́о бйн-чжэ́н* – досл. “пожаловала на аудиенции (как *император* или *регент*) для занятия государственными делами, встав у кормила правления»³⁷ – С. Д.) из дворца Оси-нуми-но Тусаси-но *мия*. Она сама назвала себя Оси-нуми-но Ипидоё-но Аво-но *микото*» [11, с. 381]. В связи с этим очень интересную версию даёт «Кодзики». Этот источник утверждает, что единственной наследницей после смерти Сирака оказалась Оси-нуми-но *иратумэ* (другое имя Ипидоё-но *опо-кими*³⁸, или Авоми-но пимэ) [см.: 27, с. 428] (Кодзики, св. 3-й, Сэйнэй). По одной версии («Кодзики», «Нихон-сёки» и одному толкованию) она была дочерью государя Идзапо-вакэ (совр.-яп. *Идзахо-вакэ* / Ритю, 426/427–432 гг. [испр. хрон.]) от государыни и одновременно родной младшей сестрой принцев Итинопэ-но Осипавакэ-но *опо-кими* (который наследовал престол после государя Анапо в 456 году) и Мима, убитых Опо-патусэ-но Вака-такэру (Юряку) в борьбе за власть в 456 году (Кодзики, св. 3-й, Анкō). По другой версии (высказанной в «Фудай», одной анонимной книге, цитируемых в «Нихон-сёки», и в разделе “Кэндзё-ки” этого источника) она была дочерью принца Итинопэ (младшей дочерью по «Фудай», или старшей дочерью по анонимной книге и “Кэндзё-ки”) [см.: 11, с. 376; 12, с. 400; 27, с. 428]. Причем (в обоих случаях) принцесса Ипидоё по матери и отцу происходила из рода Кадураки (совр.-яп. Кадзураки) и была единственной наследницей титула верховной жрицы.

³⁷ 「臨朝秉政」 [12, 404]; где 臨朝 яп. *рин-тё*, кит. *лínь-ча́о* – пожаловать на аудиенцию (*об императоре, регенте*) [для занятия государственными делами] [1, II, 411]; 秉政 яп. *хэй-сэй*, кит. *бйн-чжэ́н* – держать власть; стоять у кормила правления [1, III, 487].

³⁸ Прославилась в «Нихон-сёки» тем, что, вступив впервые в половую связь (в 7-м месяце 482 года), в дальнейшем не захотела иметь сношений с мужчинами, так как не испытала никакого удовольствия. – См.: [11, 375].

Более того, 3-й свиток «Кодзики» начинается с примечания, что от Нинтоку до Суйкō – «девятнадцать государей» (см.: [9, 169]), однако исследователи указывают, что в действительности их – восемнадцать. Разночтение связано с тем, что автор этого вступительного замечания (сделанного, как принято считать, в период Хэйан) включил в число государей Ипидоё-но *оно-кими* [9, 217, п. 1]. И это не случайно. Несмотря на то, что, по «Нихон-сёки», в 482 году в провинции Харима отыскивались два беглых принца – Ōкэ и Вокэ, принцесса Ипидоё-но *оно-кими* в 484 году фактически стала правительницей Ямато. Её дворец Туносаси (совр.-яп. Цуносаси) находился в местности Осинуми в Кадураки (у подножия горы Кацураги [11, 489, п. 28] в современной местности Осими³⁹ городка Синдзё уезда Кацураги в префектуре Нара) [7, с. 355, п. 21; 9, с. 203]. Принцы Ōкэ и Вокэ оказались отстранены от наследования престола (и находились в Харима).

Однако правление Ипидоё-но *оно-кими* не было продолжительным (1-й – 11-й месяцы 484 г.), после чего она неожиданно скончалась и была похоронена в кургане на холме Кацураги-но Ханикути-но *ока* (др.-яп. Кадураки-но Паникути-но *вока*) [11, с. 381; 12, с. 404–405] источники обходят молчанием причины смерти правительницы. Можно полагать, что, скорее всего, государыня Ипидоё умерла не своей смертью – она была убита.

Видимо, какая-то группа центральной знати сделала ставку на братьев-принцев. Вероятно, с их появлением на политической арене были связаны силы, враждебные клану Пэгури (совр.-яп. Хэгури), глава которого в борьбе за трон Ямато прежде поддерживал Юряку. Оба принца – Ōкэ и Вокэ – были враждебно настроены по отношению к Пэгури, и, по сообщению «Кодзики», они, организовав заговор, убили сына Пэгури-но Матори – Пэгури-но Сиби-но *оми* (в 484 г.). (По сведениям «Нихон-сёки», Сиби-но *оми*, сына Пэгури-но Матори, убили в 498 году (см.: [11, с. 392–394]), если только в «Кодзики» не перепутали имя сына Пэгури-но Матори, убитого в 484 году). Поводом послужило соперничество Вокэ и Сиби-но *оми* из-за девушки из рода Уда-но *обито*, которую Вокэ, якобы, надумал взять в жены (о ней он потом и не вспомнил). Конфликт на празднике *утагаки* привел к тому, что братья-принцы ранним утром подняли войска, окружили дом Сиби и убили его. Принц Ōкэ уступил право занять трон своему младшему брату – Вокэ, объяснив это следующим образом: «Если бы ты не назвал наши имена, когда мы жили в доме Сидзиму в Парима, мы не стали бы правителями Поднебесной. Так случилось благодаря тебе. Поэтому хоть я и старший брат, править Поднебесной первым тебе» [7, с. 358–360; 9, с. 204–206] (Кодзики, св. 3-й, Сэйнэй). Ōкэ стал наследным принцем (яп. *кō-тайси*). В 12-м месяце 484 года на собрании чиновников и служилых людей «наследный принц Ōкэ взял священные знаки Сына Небес (др.-яп. *сумэра-микото-но сируси* – досл. “государеву печать” – С. Д.) и положил к сиденью [нынешнего] государя...» [11, с. 381; 12, с. 405]. Далее в «Нихон-сёки» следует пространное рассуждение о порядке престолонаследия, из содержания которого можно сделать вывод, что, возможно, именно в это время – в конце V – начале VI века начал формироваться

³⁹ 忍海 др.-яп. *Осинуми*, совр.-яп. *Осими* [7, 355, п. 21].

принцип престолонаследия по старшинству, от которого отступил старший из братьев – Ōкэ, для чего и понадобилось столь подробное объяснение причин такого поступка.

С этого начался закат власти клана Пэгури – принц Вокэ, воцарившийся в 1-й день 1-го месяца 485 года под именем государя **Вокэ** (Кэндзō, 484–487 гг.), глубоко ненавидел Опо-патусэ-но Вака-такэру (Юряку)⁴⁰, убившего его отца, а значит, отрицательно относился к роду Пэгури. Дворец нового правителя – Тикату Асўка-но мия находился в провинции Кавати (местность Асўка города Хабикино в округе Осака) [7, с. 362, п. 4; см.: 11, с. 383]. Единственной женой Вокэ стала Нанива-но *ō-кими* (др.-яп. Нанипа-но *опо-кими*), (по «Кодзики») дочь *Ипаки-но опо-кими* [7, с. 362; 9, с. 206]. Но «Нихон-сёки» называет её дочерью принца Вока-но Вакуго, внучкой принца *Ипаки*, правнучкой государя Во-асаду-ма-вакуго (Ингё) [11, с. 383; 12, с. 407]. Детей у государя Вокэ и государыни Нанива-но *опо-кими* не было [7, с. 362; 9, с. 206].

«Нихон-сёки» так определяет характер правления Вокэ: «Государь, долгое время проживавший на окраине, хорошо знал о печалях и горестях ста родов [т.е. общинников – *С. Д.*]. Всякий раз, когда он видел, как они согнуты под бременем своих тягот, ему казалось, что это его руки и ноги мокнут в канавке для орошения полей. И он, управляя страной, всегда и всюду являл свою праведную добродетель и милость. Он помогал беднякам, поддерживал вдов, был нераздельно близко связан со всей Поднебесной» [11, с. 376; 12, с. 400]. В этой цитате очень ярко проявляется традиционная идеология гражданской общины, главной ценностью которой является забота правителя об общинниках. Слова её напрямую перекликаются с речами древних монархов Египта, Месопотамии (Уруинимгины, Липит-Иштара, Хаммурапи), Индии, Китая, Кореи (подробнее см.: [19]). Поэтому исследователи не случайно видят сходство с идеями других источников.⁴¹ Правление Вокэ было спокойным, без внутренних потрясений. Составители «Нихон-сёки», перефразируя «Хоу-хань-шу» (раздел Мин-ди) [11, с. 489, п. 39], так характеризуют его царствование: «В то время Поднебесная пребывала в спокойствии, народ не назначался на работы (т.е. не отбывал трудовую обязанность – яп. *яку / эки*⁴² – *С. Д.*). Урожай риса вызревал исправно, и сто родов жили в достатке... В полях [во множестве] паслись кони» [11, с. 387; 12, с. 411].

За заслуги перед государем в 11-й день 4-го месяца 1-го года пр. (485 г.) Кумэбэ-но Водатэ, губернатор (др.-яп. *тукаса*, яп. *цукаса / си*) провинции Харима, нашедший братьев-принцев в Харима, был назначен по его желанию управляющим Горной управы (др.-яп. *яма-но тукаса*).⁴³ В связи с этим его роду было даровано *кабанэ Ямабэ-но мурадзи* (досл. “[управляющие] горными корпораци-

⁴⁰ Об этом прямо говорится в разделе, рассказывающем о замысле разрушить гробницу Опо-патусэ Вака-такэру [9, 207].

⁴¹ Некоторые исследователи видят в этом парафраз из «Хуайнаньцзы» [11, 488, п. 15].

⁴² 役 яп. *яку / эки* – трудовая обязанность [12, с. 411].

⁴³ 山官 др.-яп. *яма-но тукаса*, яп. *яма-но цукаса* – досл. “Горная управа”; где 官 яп. *кан*, кит. *гуань* – 1) чиновник... 2) должность... 4) административный (правительственный) орган; ведомство, присутствие приказа; учреждение... [1, с. II, 543].

ями [бэ] в ранге *мурадзи*”). В помощники (яп. *фуку*)⁴⁴ Водатэ был дан Киби-но ами, а в подчинение передали корпорацию Яма-мори-бэ (“корпорация горных охранников”) [11, с. 384; 12, с. 408–409]. В 5-м месяце этого же года (485 г.) Кара-пукуро-но сукунэ был обвинён в умышленном убийстве. Дело в том, что Кара-пукуро-но сукунэ занимал должность Сасаки-но яма-но кими (“повелителя гор в Сасаки”), и в его угоды в 456 году государь Опо-патусэ-но Вака-такэру (Юряку) обманом заманил и убил отца государя Вокэ (Кэндзō) – принца Ити-но бэ-но Осипа (см.: [11, с. 345; 12, с. 359]; подробнее см.: [18]). Кара-пукуро-но сукунэ не был причастен к этому убийству (по крайней мере, по источникам его участие не прослеживается). «Когда его уже собирались казнить, он стал биться головой о землю и заговорил очень печальными словами. Государь (Вокэ – С. Д.) не в силах был предать его смерти и назначил ему быть в числе хранителей гробниц (др.-яп. *мисасаги-но ко*, яп. *рѳко*⁴⁵ – С. Д.), одновременно оставив его горным стражем (досл. “охранять горы” – С. Д.) [12, с. 409]. Имя его вычеркнули из посемейных списков (яп. *сэки-тѳ*⁴⁶ – С. Д.) и придали Яма-бэ-но мурази. А Ямато-пукуро-но сукунэ (родственник Кара-пукуро [см.: 11, с. 489, п. 35] – С. Д.), благодаря заслугам его младшей сестры, Окимэ (которая помогла найти останки убитого принца Осипа – С. Д.), сохранил свой прежний родовой титул – *кабанэ* – Сасаки-но Яма-но кими...» [11, с. 385; 12, с. 409] (Нихон-сѳки, св. 15-й, Кэндзō, 1-й год пр., 4-й и 5-й месяцы).

Ещё одна корпорация – Саки-куса-бэ (досл. “корпорация травы счастья”; где *саки-куса* – “трава счастья” также ещё называется *ман-нэн-гуса* – “трава десяти тысяч лет”) [28, с. 392, п. 2] была учреждена в 13-й день 4-го месяца 3-го года пр. (487 г.). «Нихон-сѳки» не содержит подробностей этого события, однако об этом рассказывает «Синсэн-сѳдзи-року»: «В правление государя Кэндзō чиновники были собраны на пир. В это время трава из трёх стебельков росла во дворе дворца [государя]. Одно [из таких растений] было сорвано и поднесено государю, который по этой причине присвоил подарившему [растение] звание Сакибэ-но *мияцуко*» (цит. по: [28, с. 392, п. 2]). «[Люди клана] Саки-куса-бэ-но *мурадзи*. [Имеют] одинакового предка с [кланом] Нукатабэ-но Ювэ-но *мурадзи* (т.е. Ама-цу Хйконэ-но *микото* – С. Д.). В царствование государя (*сумэра-микото*) Кэндзō, людей всех кланов (*моро удзибитодомо*) созвали-собрали, [государь им] даровал [милость] пир пировать (др.-яп. *ми-апэ*, яп. *ми-аэ*).⁴⁷ Тогда траву из трёх стебельков (яп. *саки-куса*), что росла во дворе дворца [государя], сорвали и

⁴⁴ 副 яп. *фуку*, кит. *фү* – 1) заместитель, помощник начальника; второй по значимости, приданный в помощь... [1, с. II, 1001].

⁴⁵ 陵戸 др.-яп. *мисасаги-но ко*, совр.-яп. *рѳко* – досл. “дворы императорского мавзолея (кургана)” [12, с. 409].

⁴⁶ 籍帳 яп. *сэки-тѳ*, кит. *цзи-чжэн* – досл. “реестровые свитки” или “опись на дощечках для письма” [12, с. 409]; где 籍 яп. *сэки*, кит. *цзи* – *суц.* 1) дощечки для письма; записи; опись, каталог; книги... 2) список, реестр (*особенно: кадастровый, фискальный*); 3) место приписки... [1, II, 560]; 帳 яп. *тѳ*, кит. *чжэн* – *суц.* ...3) бухг. счёт, опись... 5) свиток (*с надписью*)... [1, III, 409].

⁴⁷ 饗醮 *вм.* 飨宴 др.-яп. *ми-апэ*, яп. *ми-аэ*, кит. *сяньянь* – пир; гулять на пиру, пировать; где 饗 яп. *аэ*, кит. *сян* – *гл.* 1) угощать, потчевать (*гостей*); устраивать (давать) пир (*кому-л.*)... *суц.* 1)* угощение; подношение... 2) деревенский пир... [1, с. III, 918-919]; 醮 яп. *эн*, кит. *янь* – *суц.* *вм.* 宴 (*пир, пириество*); *гл.* пировать; веселиться... [1, с. IV, 936].

поднесли [государю]. По этой причине [подаривший эту траву человек из клана потомков Ама-цу Хйконэ-но *микото*] получил наследственное звание Саки-куса-бэ-но *мияцукэ*⁴⁸ (Синсэн-сэ́дзи-року, св. 13-й, Саки-куса-бэ-но *мурадзи*). В 17-м свитке этого же источника даны такие же сведения, но с некоторыми подробностями: человеком, получившим звание Саки-куса-бэ-но *мурадзи*, был Такэгоро-но *микото* (или его отпрыск?) – потомок Ама-цу Хйконэ-но *микото* в 14-м поколении⁴⁹ (Синсэн-сэ́дзи-року, св. 17-й, Саки-куса-бэ-но *мурадзи*). В этом же свитке сказано, что Такэгоро-но *микото* стал также предком клана Амути-но *мияцукэ*⁵⁰ (Синсэн-сэ́дзи-року, св. 17-й, Амути-но *мияцукэ*). Известен ещё один – более “древний” Такэгоро – при *Вака-тараси-хйко* (Сэйму) занимавший должность наместника области Иваки (в 341–343 годах [испр. хрон.]), а потом служивший при государыне *Окинага-тараси-химэ* (Дзингү)⁵¹ до рождения *Хомуда-вакэ*⁵² (т.е. с момента реального прихода к власти Тёоя в 344 году и до 347 года [испр. хрон.]⁵³). Имеется ли в «Синсэн-сэ́дзи-року» в виду “древний” Такэгоро (а, значит, при Кэндзō действовал потомок этого “древнего” Такэгоро), или это просто тёзка “древнего” Такэгоро – не ясно.

Продолжало развиваться шелководство и шелкоткачество. Потомки корейских иммигрантов (переселенцев из Пэкче) из клана Цуки-удзи (др.-яп. Туки-уди) изготавливали разные модели шёлковых изделий и подносили их государю. «[Люди рода] Цуки-но *мурадзи*... Являются потомками Нури-но *оми* (кор. Нори) из страны Кудара-но *куни* (кор. Пэкче-кук). В царствование государя Хомуда-но *сумэра-микото* (посмертное почётное имя – Одзин) [Нури-но *оми*] прибыл и покорился (др.-яп. *мавирэри*, совр.-яп. *кика-сэри*). [Его] внука [звали] Акута. Сына [Акута, т.е. правнука Нури-но *оми*, звали] Мива. Следующего [сына Акута звали] Кая. Следующего – Мари. [Этот] Мива, в царствование государя Вокэ-но *сумэра-микото* (посмертное почётное имя – Кэндзō), занялся разведением шелковичных червей, шелководством и [шелко]ткачеством (др.-яп. *ко-капи-патаори-ситэ*, яп. *ко-капи-хатаори-ситэ*)⁵⁴, образчики (яп. *ката*) грубых и тонких шёлковых тка-

⁴⁸ 「(413) 左京、神別、天孫。三枝部連。額田部湯坐連、同祖、顯宗天皇、御世、喚集^レ諸氏人等、賜^レ饗醢。于時三莖之草生於宮庭。採以奉^レ獻。仍負^レ姓三枝部造。」[13, 224]; cp.: 「三枝部連(さきくさべむらじ)。額田部湯坐連と同じき祖、顯宗天皇の御世に、諸氏の人どもを喚集へて、饗醢を賜へり。時に、三莖の草、宮庭に生ひたるを採りて奉獻れり。よりて姓を三枝部造と負ひき。」[14].

⁴⁹ 「(561) 大和国、神別、天孫。三枝部連。額田部湯坐連、同祖。天津彦根命、十四世孫達己呂命之後也。顯宗天皇、御世。諸氏賜^レ饗醢。于時宮庭、有^レ三莖草獻^レ之。因賜^レ姓三枝部造。」[13, 249]; cp.: 「三枝部連(さきくさべのむらじ)。額田部湯坐連と同じき祖。天津彦根命の十四世孫、;達己呂命の後なり。顯宗天皇の御世に、諸氏に;饗醢を賜へり。時に宮庭に三莖の草のありけるを獻りき。よりて姓を三枝部造と賜ひき。」[14].

⁵⁰ 「(414) 左京、神別、天孫。奄智造。額田部湯坐連、同祖。」[13, 249]; 「奄智造(あむちのみやつこ)。同じき神の十四世孫、建凝命の後なり。」[14].

⁵¹ О ней см.: [15; 20; 17].

⁵² О нём см.: [21].

⁵³ Об этом см.: [15; 20; 17].

⁵⁴ ;蚕機して др.-яп. *ко-капи-патаори-ситэ*, яп. *ко-капи-хатаори-ситэ*; где 蚕 *сокр.* вм. 蠶 яп. *ко*, *сан* – кит. *цань* – *суц.* зоол. гусеница тутового шелкопряда (*Bombyx mori*); гл. заниматься шелководством, разводить шелковичных червей [1, IV, 990, 984]; 機 яп. *ки* / *хата*, кит. *цзи* – *суц.* ...2) ткацкий станок... [1, IV, 264].

ней⁵⁵ поднесли [как дань (яп. *ми-цуки*) государю Вокэ]. По этой причине [он] даровал [Мива] наследственное звание (*кабанэ*) Цуки-но *обито*»⁵⁶ (Синсэн-сэйдзи-року, св. 22-й, Цуки-но *мурадзи*). Таким образом, Нури-но *оми* и его правнук Мива стали предками кланов Цуки-но *обито* и Цуки-но *мурадзи* (др.-яп. Туки-но *обито* и Туки-но *мурази*).

Государь Вокэ занимался также и религиозными делами. Во 2-м месяце 3-го года пр. (487 г.) было создано храмовое хозяйство Лунного бога (яп. *Цуки-но ками*; возможно, имеется в виду бог луны – др.-яп. *Тукуёми*, совр.-яп. *Цукиёми*) [11, с. 489, п. 40]. «Лунному богу было отдано поле Ута-арасу (поле Ута-арасу находится в уезде Кадоно провинции Ямасиро), а Осими-но *сукунэ*, дальний предок Ики-но *агата-нуси*, был назначен священнослужителем» [11, 387; 12, 411]. Через два месяца (в 4-м месяце 487 г.) храмовое хозяйство было создано божеству Солнца (яп. *Хи-но ками*) (парному богу Луны), которому было подарено поле размером в 14 *тэ*⁵⁷ в Ипарэ. Служить жрецом в его храме был поставлен *атапи* (комментаторы читают его титул как *агата-нуси*) [12, с. 412] нижнего округа Тусима (совр.-яп. *Цусима*) [11, с. 387; 12, с. 411–412] (Нихон-сёки, св. 15-й, Кэндзё, 3-й год пр., 2-й и 4-й месяцы).

Не отмечена большой активностью и внешняя политика государя Вокэ. В 486 году, «летом, в четвёртом месяце, люди Вэ напали на окраину» Силла [5, 121] (Самгук-саги, летописи Силла, Сочжи, 8-й год пр. (486 г.)). В 1-й день 2-го месяца 3-го года пр. (487 г.) Апэ-но *оми* Котосиро по приказу государя должен был отправиться в Имна, но так и не уехал из Японии [11, 387; 12, 411]. Вскоре, в 25-й день 4-го месяца этого же года (487 г.), Вокэ умер во дворце Ятури-но *мия* в возрасте 38 лет – смерть довольно ранняя и вызывает подозрение в убийстве (Кодзики, св. 3-й, Кэндзё; Нихон-сёки, св. 15-й, Кэндзё, 3-й год пр., 3-й месяц), однако источники ничего не сообщают об обстоятельствах его кончины. Вокэ был похоронен в 3-й день 10-го месяца 1-го года правления Окэ (Нинкэна, в 488 г.) на холме Ипатуки-но *вока* в Катавока (в Северном Кадзураки, где-то на территории городов Касиба и Кита-имаити) [11, с. 389, 490, п. 46; 12, с. 414; 9, с. 208; 7, с. 368, 369, п. 8-9].

В это время в Имна ситуация складывалась неблагоприятно для Ямато. В Имна большую роль стал играть японский военачальник Ки-но Опи-но *сукунэ* (совр.-яп. Ки-но Охиха-но *сукунэ*), прибывший в Южную Корею ещё в 5-м месяце 9-го года правления Юряку (465 г.), когда он узнал о смерти своего отца – Ки-но Во-юми-но *сукунэ*. По прибытии Ки-но Опи-но взял в свои руки все

⁵⁵ 「絶絹之様」 [13, 286]; где 絶 яп. *си* / *цумуги*, кит. *шй* – грубая шёлковая ткань [1, IV, 402]; 絹 яп. *кэн* / *кину*, кит. *цзюань* – тонкий шёлк (для картин); тафта [1, III, 182].

⁵⁶ 「(782) 左京、諸蕃、百濟。調連。…百濟國、努理使主之後也。譽田天皇[諡 応神] 御世、帰化。孫阿久太、男弥和、次賀夜、次麻利。弥和、弘計天皇[諡 顕宗] 御世、蚕織 献^レ 絶絹之様。仍 賜^レ 調首姓。」 [13, 286]; ср.: 「調連(つきのむらじ) …百濟國の、努理使主の後なり。譽田天皇[諡は応神]の御世に、; 帰化れり。孫、; 阿久太の男、; 弥和。次にs18 ; 賀夜。次に; 麻利。弥和、弘計天皇[諡は顕宗]の御世に、; 蚕機して、絹の; 様を献れり。よりて調首といふ姓を賜ひき。」 [14].

⁵⁷ [12, 412]. В русском переводе допущена ошибка, там эта фраза переведена как «четыре участка поля». – См.: [11, 387].

служебные обязанности по управлению конницей, пехотой и флотом, подчинил себе всех младших командиров и добился особого могущества в повелениях.⁵⁸ Как ситуация развивалась далее, рассказывается в разделе “Кэндзō-ки”. «Засев (досл. “захватив”⁵⁹ – С. Д.) и укрепившись (досл. “базируясь”⁶⁰ – С. Д.) в Имна, Ки-но Охиха-но сукунэ наладил связи с Ко[гу]рё. Захотев стать [правителем] страны Трёх Хан (кор. Самхана – С. Д.) на западе [от Японии]⁶¹, он основал (яп. *сэйсё* – досл. “привёл в порядок”⁶² – С. Д.) правительственные ведомства⁶³ и сам провозгласил себя божеством. Используя планы имнасца Чваро Нагитха (в должности – С. Д.) *каппэ* (или: Чваро Наги и Тха Каппэ⁶⁴ – С. Д.) и других, [он] убил пэкчесца Чок Маннихэ в Ириме (Ирим – это земля Ко[гу]рё). Он построил крепость Тэсансон и преградил Восточный путь (яп. *хигаси-но мити* – С. Д.), перерезав [дорогу] к порту, через который шло снабжение продовольствием. [Это] заставило армию страдать от голода. Пэкческий государь очень разгневался и послал военачальника Ко Ихэ, *нэду чванхёна* (пэкческий чиновник, отвечавший за казну и склады; чин 1 ранга – прим. переводчика) Мок Кохэ и других во главе войска атаковать Тэсан[сон]. В это время Охиха-но сукунэ выслал вперёд войска, которые вступили во встречный бой [с пэкчесцами]. [Войска Охиха-но сукунэ] становились все крепче духом и громили [противника] везде, куда бы они ни направлялись, так что один [воин] противостоял сотне. Но через некоторое время войска [Охиха-но сукунэ] устали и выбились из сил. [Охиха-но сукунэ] понял, что не [сможет завершить] дело успешно, и вернулся из Имна. Поэтому [воины] государства Пэкче убили Чваро Нагитиха *каппэ* и более 300 человек [с ним]» (цит. по: [25, с. 199, п. 1]; ср.: [11, с. 387–388; 12, с. 412]).

Для корееведов этот отрывок представляет собой определенную проблему, так как здесь говорится об Имна и действиях в этом владении японца Ки-но Опиано сукунэ, который захватил в Имна власть, привел в порядок правительственные учреждения и действовал как самовластный правитель. Несмотря на очевидность данных сведений, причем без всяких попыток изобразить развитие событий в пользу японцев (все закончилось поражением Ки-но Опиано сукунэ, победой Пэкче и казнью сторонников японского властителя), корееведы пытаются полностью исключить какую-либо связь этих событий с Японией. Так, например, Чхон

⁵⁸ 「…掌^レ兵馬船官 及 諸小官。専用威命。」 [12, с. 377–378].

⁵⁹ 跨 яп. *ко*, кит. *куа* – *гл.* ...14) присоединять; завладевать (*чем-л.*); распространять свою власть на...; захватывать; аннексировать... [1, с. III, 495].

⁶⁰ 據 яп. *кё* / *ёру*, кит. *цзюй* – *гл.* 1) опираться на...; базироваться на; 2) опираться на... 4) занимать, захватывать; овладевать; удерживать; утверждаться на (*плацдарме*)... [1, с. III, 836].

⁶¹ 「將^レ西王^レ三韓...」 [12, с. 412]. Эту фразу можно перевести ещё так: «Желая на западе [от Японии, т.е. в Корее] править (кит. *ван*) Тремя Хан...».

⁶² 整備 яп. *сэйсё*, кит. *чжэньсё*; где *脩* яп. и кит. *сё* – *вм.* *修* яп. и кит. *сё*; 整備 яп. *сэйсё*, кит. *чжэньсё* – ремонтировать, приводить в порядок [1, с. II, 230; III, 189].

⁶³ 官府 яп. *гу-фу*, кит. *гун-фү* – 1) дворцовые и правительственные здания; 2) *ист.* двор наследника престола [1, II, 542]. В других списках «Нихон-сёки» (см.: [12, с. 412, прим.]) используется понятие 官府 яп. *кан-фу*, кит. *гуань-фү* – 1) [местные] органы власти; приказ, присутствие... [1, с. II, 544].

⁶⁴ В английском и русском переводах эти антропонимы даны как два имени. – См.: [11, 387-388; 28, 392-393].

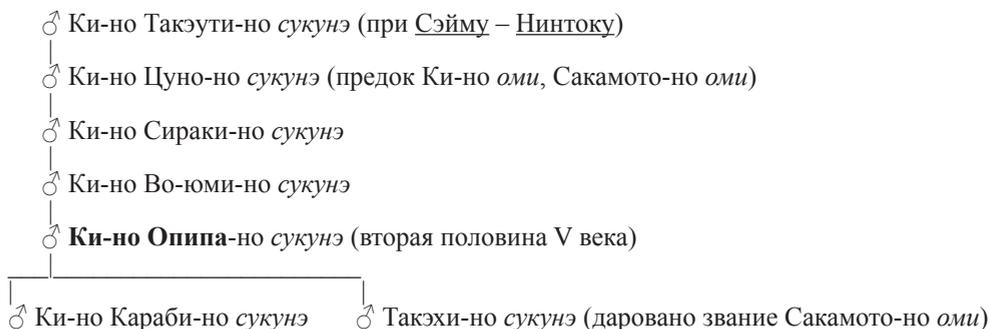
Гвану склонен рассматривать данный фрагмент как доказательство того, что имнаские (каясские) земли находились под контролем Пэкче (?!) и после поражения Пэкче 475 года. С его точки зрения, здесь повествуется о том, как каясские аристократы (Чваро Нагитха Каппэ и др.) попытались, воспользовавшись бедственным положением Пэкче, отделиться от него и создать независимое государство. Перерезав «Восточный путь», т.е. дорогу, соединявшую Пэкче и каясские земли, они, как считает Чхон Гвану, отрезали расквартированные в Кая пэкческие войска от источников снабжения продовольствием и заставили их страдать от голода. Однако центральное правительство сумело разгромить сепаратистов и вернуть Кая в сферу влияния Пэкче [25, с. 199–200, п. 1].

Однако В. М. Тихонов не согласен с такой точкой зрения. «Трудно поверить, что Тэгая, отправлявшая посольство в Южную Ци, строившая роскошные гробницы и горные крепости, находилась в военно-политической зависимости от Пэкче вплоть до конца 80-х годов V века. Кроме того, описанное в «Нихон-сёки» восстание Ки-но Охиха закончилась неудачей. Если считать, что организаторы этого выступления были каясцами, то выходит, что каясские владения оставались под контролем Пэкче и после 487 года. Как же в таком случае объяснить независимую и зачастую имевшую антипэкческий характер внешнюю политику, проводившуюся Тэгаем в 490–500-х годах?» [25, с. 200–201, п. 1]. В. М. Тихонов считает, что более приемлемой выглядит точка зрения Кима Тхэсика, однако, на наш взгляд, она стоит от версии «Нихон-сёки» гораздо дальше, чем точка зрения Чхон Гвану. Ким Тхэсик полагает, что «Нихон-сёки» рассказывает о мятеже пэкческих аристократов против центрального правительства (т.е. правительства Пэкче) – мятеже, никак не связанного с Кая (?!), а бежавший из Имна в Японию [тут даже В. М. Тихонов ставит знак вопроса] мятежник Ки-но Охиха-но сукунэ – не японец, а пэкчесец (??!). И Ким Тхэсик отождествляет имя Охиха с именем пэкчесца Юби-пхи (яп. Ухиха) [правда, в реальности, его звали Упики / Ухики (см.: [12, с. 62; 11, с. 42])], упомянутого в записи «Нихон-сёки» за 2-й месяц 5-го года правления Киммэя (544 г.), который «действовал вразрез с желаниями» пэкческого государя и потому был изгнан со службы (из страны?). А фамильный иероглиф Ки является, по мнению Ким Тхэсика, звуковым аналогом пэкческой аристократической фамилии Мок (кит. му – «дерево»; по-японски этот иероглиф может читаться как *ки*). Ким Тхэсик считает, что и Чваро Нагитха-каппэ также, скорее всего, был пэкчесцем. Объясняет он это следующим образом: чваро – упоминающееся в «Самгук-саги» (*квон* 37) название одного из уездов Пэкче (совр. уезд Кочхан пров. Северная Чолла), откуда, по мнению Ким Тхэсика, Нагитха-каппэ и был родом. Слово «каппэ» (должность? титул?) можно найти в именах пэкческих послов, упоминающихся в записях «Нихон-сёки» за 3-й месяц 23-го года правления Кэйтая (529 г.) и 4-й месяц 2-го года правления Киммэя (541 г.). Таким образом, считает Ким Тхэсик, в тексте повествуется о том, как пэкческие сановники Мок Юбипхи (яп. Ки-но Охиха) и Нагитха, носитель должности (титула?) каппэ родом из уезда Чваро, взбунтовались против центральной власти и укрепились в одном из отдалённых районов Пэкче (крепость Тэансон предположительно помещают на земле про-

винции Южная Чхунчхон). Два подобных аристократических мятежа отмечены в «Пэкче-понги» («Самгук саги») под 478 и 501 годами. Упоминание топонима Имна указывает, по мнению Ким Тхэсика, только на то, что этот топоним мог использоваться в японских источниках по отношению ко всей южной части Корейского полуострова [25, с. 200, п. 1].

Надо сказать, что это интересная, но очень *вольная* интерпретация материалов «Нихон-сёки». В тексте японского источника прямо говорится, что Ки-но Опила был **японцем**, захватившим власть в **Имна**, а не где-то в местностях Пэкче. И отец Ки-но Опила-но *сукунэ* – Ки-но Во-юми-но *сукунэ* тоже был японцем. И его дед, и прадед, и прапрадед – также были **японцами**.

Генеалогия клана Ки-удзи по «Ки-удзи-но катё»⁶⁵

Упомянутый в разделе 544 года Викака-но *кими* Упики⁶⁶ (кор. Юбипхи) не мог быть человеком по имени Ки-но Опила, прибывшим в Южную Корею ещё в 465 году и жившим ещё в 487 году, в противном случае в 544 году ему должно было быть не менее 100 лет.⁶⁷ Ки-но Опила-но *сукунэ* и Викака-но *кими* Упики – это разные люди. Что же касается Чваро Нагитха-*каппэ*, то, возможно, он мог быть *пэкчесцем* *каяского* происхождения, хотя источник прямо говорит, что он – *имнасец*.

К сожалению, следует отметить, что корейская историография японо-корейских отношений необъективна и старается всеми способами отрицать роль Японии в делах в Южной Корее, что противоречит сведениям китайских источников (где прямо говорится, что китайские императоры во второй половине V века признавали главенство Ямато в военном руководстве делами в Южной Корее и не признавали такой роли за Пэкче) [см.: 22].

⁶⁵ 「紀辛梶宿祢弟、建日宿祢「宿」... 建日宿祢者、白城宿祢曾孫、小弓宿祢孫、大磐宿祢二男也。」 – Составлено по: [6; 24].

⁶⁶ См.: [12, 62; 11, 42].

⁶⁷ Хотя в тексте «Нихон-сёки», вроде бы, и говорится о «прошлых временах»; но если Ки-но Опила в 465 году было даже 20 лет, то в 544 году ему должно было быть 99 лет (544 год – 465 год = 79 лет + 20 лет = 99 лет).

Таким образом, в 80-е годы V века, в связи с внутренними проблемами династии Ямато, наблюдается снижение внешнеполитической активности властей Японии в Южной Корее.

Литература

1. Большой китайско-русский словарь. М. : Наука, 1983. Т. I–IV.
2. *Воробьев М. В.* Япония в III–VII веках. М. : Наука, 1980. 344 с.
3. Древние фудоки. М. : Наука, 1969. 340 с.
4. *Ким Бусик.* Самгук саги. М. : Вост. лит., 1995. Т. II. 405, VIII, 344, VII с.
5. *Ким Бусик.* Самгук саги. М. : Изд-во вост. лит., 1959. Т. I. 384, VI, 202, VIII с.
6. Ки-удзи-но катэ // В кн.: Тана ка Такаси-тэсаку-сю:2 『田中卓著作集2』 // URL: <http://www.kamnavi.net/ki/kisinoie.htm>.
7. Кодзики 古事記 (из серии “Нихон котэн бунгаку дзэнсю” 日本古典文学全集). Токио 東京 : Сёгаккан 小学館, 2001. 445, 15 с
8. Кодзики 古事記 (из серии “Нихон котэн дзэнсю” 日本古典全集). Токио 東京 : Асахи симбун сякан 朝日新聞社刊, 1968. Т. II. 354 с.
9. Кодзики: Записи о деяниях древности. СПб. : Шар, 1994. Т. II. 256 с.
10. Нихон-но кэнгоку 日本の建国. Токио 東京 : Токио дайгаку сюппанкай-кан 東京大学出版會刊, 1957. 246 с.
11. Нихон-сёки: Анналы Японии. – СПб. : Гиперион, 1997. Т. I. 496 с.
12. Нихон-сёки 日本書紀 // Кокуси-тайкэй 国史大系. Токио 東京 : Ёсикава кобункан 吉川弘文館, 1957. Ч. I. Т. I. 417 с.
13. Синсэн-сёдзи-року 新撰姓氏録 // *Сазки Арикиё* 佐伯有清. “Синсэн-сёдзи-року”-но кэнкю. Хомбун-хэн 新撰姓氏録の研究 本文篇. Токио 東京 : Ёсикава кобункан 吉川弘文館, 1962. С. 149–350.
14. Синсэн-сёдзи-року, в 30-ти свитках 新撰姓氏録. 全三十卷 – в кн.: 佐伯有清 『新撰姓氏録の研究 本文篇』 (*Сазки Арикиё*. Исследование “Синсэн-сёдзи-року”. Основной текст. Токио : Ёсикава кобункан, 1962) [Электронный ресурс] URL: <http://www.h4.dion.ne.jp/~munyu/sujroku/17syouji.htm>.
15. *Суровень Д. А.* Корейский поход *Окинага-тараси-химэ* (правительницы Дзингу) // Проблемы истории, филологии, культуры. М.–Магнитогорск : Ин-т археологии РАН МГПИ, 1998. Вып. 5. С.160–167.
16. *Суровень Д. А.* Основание государства Ямато и проблема Восточного похода *Каму-ямато-иварэ-бико* // Историко-юридические исследования российского и зарубежных государств. Екатеринбург, 1998. С. 175–198.
17. *Суровень Д. А.* Период регентства *Окинага-тараси-химэ* (правительницы Дзингу) // Проблемы истории, филологии, культуры. М.–Магнитогорск, 1998. Вып. 6. С. 174–180.
18. *Суровень Д. А.* Политическая борьба в государстве Ямато в середине 50-х годов V века // Вестник Челябинского государственного университета. Политические науки. Востоковедение. Вып. 13. 2012. № 33 (287). С. 103–117.
19. *Суровень Д. А.* Политическая борьба в государстве Ямато и его внешнеполитические связи в 10-е – 20-е годы V века // Уральское востоковедение. Международный альманах. Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2007. Вып. 2. С. 4–24.
20. *Суровень Д. А.* Поход государства Ямато в Силла 346 года // Научный диалог. 2015. № 1 (37). С. 8–65.
21. *Суровень Д. А.* Развитие Японии в конце IV – начале V вв. // Уральское востоковедение: Международный альманах. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2005. Вып. 1. С. 8–45.
22. *Суровень Д. А.* Регулирование Китаем военно-политического статуса правителей древнеяпонского и древнекорейских государств в отношении территорий Южной Кореи во второй половине IV – начале VI веков // Китай: история и современность. Материалы VII международной научно-практической конференции Екатеринбург, 17–19 октября 2013 г. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2014. С. 132–186.
23. *Суровень Д. А.* Японо-корейские и японо-китайские отношения и внешняя политика государства Ямато в конце 50-х – 70-е годы V века // Уральское востоковедение: Международный альманах. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2008. Вып. 3. С. 4–29.
24. Такэути-но сукунэ-но кэйдзу 武内宿禰の系図 「紀氏家牒」準拠 – Из кн.: *Танака Такаси.* Нихон кокка-но сэйрицу 田中卓 『日本国家の成立』 // URL: <http://www.h4.dion.ne.jp/~munyu/oookimikeizu/takesiuti.htm>.

25. Тихонов В.М. История каяских протогосударств (вторая половина V в. – 562 г.). М. : Вост. лит. РАН, 1998. 256 с.
26. Харима-но куни-но фудоки 播磨國風土記 // Фудоки風土記 (из серии «Бунгаку-тайкэй» 文学大系). Токио 東京, 1958. С. 25–35.
27. Ямао Юкихиса 山尾 幸久. Нихон кодай бкэн-кэйсэй сирон 日本古代王権形成史論. – Токио 東京: Иванами сэтэн 岩波書店, 1983. 486, 15 с.
28. Nihongi: Chronicles of Japan from the earliest times to A.D. 697 / Transl. by W.G. Aston. London : Allen, 1956. Part I. 407 p.

References

- Bol'shoi kitaisko-russkii slovar'. T. I–IV* [Large Chinese-Russian Dictionary. Vol. I–IV]. (1983). Moscow, Nauka.
- Vorobiev, V. M. (1980). *Iaponiia v III–VII vekakh* [Japan in the 3rd–7th Centuries]. 344 p. Moscow, Nauka.
- Drevnie fudoki* [Ancient Fudoki]. (1969). 340 p. Moscow, Nauka.
- Kim Pusik (1995). *Samguk sagi. T. II* [Samguk Sagi. Vol. II]. 405, VIII, 344, VII p. Moscow, Vostochnaia literatura.
- Kim Pusik (1959). *Samguk sagi. T. I* [Samguk Sagi. Vol. I]. 384, VI, 202, VIII p. Moscow, Izdatel'stvo vostochnoi literatury.
- Ki-uji-no-kacho [Genealogy of Ki Clan]. (n. d.). In *Tanaka Takashi-chosaku-shū 2*. URL: <http://www.kamnavi.net/ki/kisinoie.htm> (mode of access: 5.04.2017).
- Kojiki* (2001). 445, 15 p. Tokyo, Shōgakkan (Nihon koten bungaku zenshū).
- Kojiki* (1968). Vol. II. 354 p. Tokyo, Asahi Shimbun Shakan (Nihon koten bungaku zenshū).
- Kojiki: Zapisi o deianiiakh drevnosti : V 2 t.* [Kojiki: Records of Ancient Matters: 2 Vols.]. (1994). Vol. II. 256 p. Saint-Petersburg, Shar.
- Nihon-no kengoku* [Foundation of the Japanese State]. (1957). 246 p. Tokyo, Tokyo Daigaku Shuppankai-kan.
- Nihon-shoki : Annaly Iaponii : v 2 t.* [Nihon Shoki : the Annales of Japan : in 2 Vols.]. (1997). Vol. 1. 496 p. Saint-Petersburg, Giperion.
- Nihon Shoki* (1957). P. I. Vol. I. 417 p. Tokyo, Yoshikawa Kobunkan (Kokushi-taiki).
- Shinsen Shōjiroku (1962). In Saeki Arikaio. *Shinsenshōjiroku no kenkyū honbun-hen* [Study of “Shinsen Shōjiroku” : the Basic Text]. Tokyo, Yoshikawa Kobunkan, pp. 149–350.
- Shinsen Shōjiroku zen sanjū-kan [“Shinsen Shōjiroku” in Thirty Scrolls]. (1962). In Saeki Arikaio. *Shinsenshōjiroku no kenkyū honbun-hen*. URL: <http://www.h4.dion.ne.jp/~munyu/sujroku/17syouji.htm> (mode of access: 10.04.2017).
- Surowen, D. A. (1998^a). Koreiskii pokhod Okinaga-tarashi-hime (pravitel'nitsy Jingu) [The Korean Campaign of Okinaga-tarashi-hime (Monarchess Jingu)]. In *Problemy istorii, filologii, kul'tury*. Moscow–Magnitogorsk, In-t arkhologii RAN – MGPI, iss. 5, pp. 160–167.
- Surowen, D. A. (1998^b). Osnovanie gosudarstva Yamato i problema Vostochnogo pokhoda Kamu-yamato-iware-biko [The Foundation of Yamato State and the Problem of the Eastern Campaign of Kamu-yamato-iware-biko]. In *Istoriko-iuridicheskie issledovaniia rossiiskogo i zarubezhnykh gosudarstv*. Ekaterinburg, pp. 175–198.
- Surowen, D. A. (1998^c). Period regentstva Okinaga-tarashi-hime (pravitel'nitsy Jingu) [The regency period of Okinaga-tarashi-hime (Monarchess Jingu)]. In *Problemy istorii, filologii, kul'tury*. Moscow, Magnitogorsk, Institut arkhologii RAN–MGPI, Iss. 6, pp. 174–180.
- Surowen, D. A. (2012). Politicheskaia bor'ba v gosudarstve Yamato v seredine 50-kh godov V veka [The Political Struggle in Yamato State in the Mid 50-s of Vth Century]. In *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Politicheskie nauki. Vostokovedenie*, Iss. 13, pp. 103–117.
- Surowen, D. A. (2015). Pokhod gosudarstva Yamato v Silla 346 goda [Campaign of the Yamato State against Silla in 346 AD]. In *Nauchnyi dialog*, 1, pp. 8–65.
- Surowen, D. A. (2005). Razvitiie Japonii v konce IV – nachale V vv. [Development of Japan During the End of IV – Beginning of V Centuries]. In *Ural'skoe vostokovedenie*, Iss. 1, pp. 8–45.
- Surowen, D. A. (2014). Regulirovanie Kitaem voenno-politicheskogo statusa pravitelej drevnejaponskogo i drevnekorejskikh gosudarstv v otnoshenii territorij Juzhnoj Korei vo vtoroj polovine IV – nachale VI vekov [Regulation by China of the Military-Political Status of Rulers of Ancient Japanese and Ancient

Korean States Concerning Territories of South Korea in Second Half of IV – the Beginning of VI Centuries]. In Smirnov, S. V. (Ed.) *Kitaj: istorija i sovremennost'. Materialy VII mezhdunarodnoj nauchno-praktičeskoj konferencii Ekaterinburg, 17–19 oktjabrja 2013 g.* Ekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, pp. 132–186.

Surowen, D. A. (2008). Iapono-koreiskie i iapono-kitaiskie otnosheniia i vnesniaia politika gosudarstva lamato v kontse 50-kh – 70-e gody V veka [Japan-Korea Relations and Japan-China Relations and Foreign Policy of the Yamato State in the Late 50's - 70's of Vth Century]. In *Ural'skoe vostokovedenie*, Iss. 3, pp. 4–29.

Takeuchi-no sukune-no keizu [Genealogy of Takeuchi-no Sukune]. (n. d.). In Tanaka Takashi. *Nihon kokka-no seiritsu*. URL: <http://www.h4.dion.ne.jp/~munyu/ookimikeizu/takesiuti.htm> (mode of access: 1.04.2017).

Tikhonov, V. M. (1998). *Istoriia kaiaskikh protogosudarstv (vtoraia polovina V v. – 562 g.)* [History of Gaya Proto-states, c. 450–562]. 256 p. Moscow, Vost. lit. RAN.

Harima-no kuni-no fudoki [The Fudoki of Harima Land]. (1958). In *Fudoki*. Tokyo, Iwanami Shoten, pp. 25–35 (Bungaku-taikei).

Yamao Yukihisa (1983). *Nihon kodai ōken keisei shiron* [History of Kingship Formation in Japan]. 486, 15 p. Tokyo, Iwanami Shoten.

Nihongi: Chronicles of Japan from the earliest times to A.D. 697. Transl. by W.G. Aston. (1956). P. I, 407 p. London, Allen.

The article was submitted on 21.03.2017

**НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ЯПОНСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ
ТАЙВАНЯ ГЛАЗАМИ ФРАНЦУЗСКОГО АНАЛИТИКА:
РЕДЖИНАЛЬД КАНН И ЕГО
«ДОКЛАД О ФОРМОЗЕ» (1907)**

Аннотация: Статья впервые в России вводит в научный оборот «Доклад о Формозе» (1907) французского журналиста и военно-политического аналитика Реджинальда Канна (1876–1925), впервые опубликованный на Тайване в 2001 г. (оригинальный текст и перевод на китайский язык). Ранее состоявший военным корреспондентом при японской армии во время русско-японской войны 1904–1905 гг., Канн посетил Тайвань летом 1906 г. по заданию министерств колоний и военно-морского флота Франции с целью сбора сведений о его военно-стратегическом и экономическом потенциале, о методах японской колониальной политики и возможном применении японского опыта во Французском Индокитае. Собранные Канном данные отличались полнотой и достоверностью, хотя японские власти отказались предоставить ему информацию по некоторым темам, прежде всего в военной области. Канн высоко оценил достижения колониальной администрации в сфере экономического развития, «замирения» острова и обеспечения безопасности на нем (прежде всего в сфере санитарии и гигиены). Наряду с этим он отметил репрессивный характер политики в отношении аборигенов и сохраняющиеся недоверие и неприязнь местного населения к новым хозяевам Тайваня.

Ключевые слова: Тайвань (Формоза), колония, колониальная политика, экономический потенциал, безопасность, аборигены.

Vassili E. Molodiakov

**THE BEGINNING OF JAPANESE COLONIZATION
OF TAIWAN AS SEEN BY A FRENCH ANALYST: RÉGINALD
KANN AND HIS “REPORT ON FORMOSA” (1907)**

Abstract: This article presents, for the first time in Russian language, “Report on Formosa” (1907) written by a French journalist and military-political analyst Réginald Kann (1876–1925) and published for the first time in Taiwan at 2001 (French original with Chinese translation). After serving as a war correspondent with the Japanese Army in the Russo-Japanese War of 1904–1905 Kann visited Taiwan in Summer 1906 by the order of French Colonial and Navy Ministries with the mission to collect data on its military strategic and economic potential as well as on methods of Japanese colonial policy and on possible use of Japanese practice in French Indo-China. Data collected by Kann were extensive and reliable even if Japanese administration refused to give him information on some subjects including military matters. Kann highly valued success of colonial administration in the domains of economic development, “pacification” of the island and maintenance of security (first of all in the domain of sanitary and hygiene). Alongside he recognized oppressive character of Japanese policy dealing with native population as well as mistrust and dislike of aborigines in relation to new masters of Taiwan.

Key words: Taiwan (Formosa), colony, colonial policy, economic potential, security, aborigines.

Начальный период японской колонизации Тайваня (Формозы), связанный с пребыванием выдающегося администратора и государственного деятеля Гото Симпэй (1857–1929) на посту гражданского губернатора острова (1898–1906 гг.), сразу при-

влек внимание аналитиков в Японии и за ее пределами. Япония стала первой не-«белой» и не-христианской страной-колонизатором – абсолютное новшество для эпохи, когда колонизаторская деятельность трактовалась как «цивилизаторская миссия», а способными на нее считались только «белые» христианские страны.

К началу японской колонизации Тайваня, полученного в качестве трофея в войне с Китаем 1894–1895 гг., в «белом» мире уже сложились более-менее четкие представления о колонизации и критерии для оценки ее успеха / неуспеха, примером чего может служить хотя бы известный труд американца П. Рейнша «Колониальное управление. Введение в изучение колониальных институтов» [6]. Знали об этом и японцы, внимательно изучавшие опыт европейских держав. Оставалось рассмотреть, насколько политика Японии на Тайване соответствует этим представлениям, и попытаться оценить ее, исходя из принятых критериев.

Успех колониальной политики означал для Японии нечто большее, чем экономические и военно-стратегические выгоды, которые она могла получить от освоения Тайваня, хотя получение этих выгод было главной практической целью колонизации. Не менее важным был пиаровский эффект, поскольку стратегической целью японской элиты после консервативной революции *Мэйдзи исин* (1868 г.) было сначала признание равенства Японии как современного «цивилизованного» государства с европейскими странами и США, затем вхождение в «клуб великих держав». На рубеже XIX–XX вв. обязательным условием этого было обладание колониями. Благодаря наличию обширных колониальных империй Великобритания и Франция считали себя хозяевами мира. Не тягаясь с ними, Нидерланды, Бельгия, Португалия во многом сохраняли свой статус за счет заморских владений. Потеря колоний Испанией после поражения в войне с США в 1898 г. нанесла по ее международному престижу не меньший удар, чем само поражение. Обладание колониями стало одной из главных внешнеполитических задач Германии и Италии после достижения ими объединения. Россия и Австро-Венгрия не имели заморских владений, но у первой имелся немалый опыт колонизации территорий, населенных не-«белыми» и не-христианскими народами. В этот процесс включилась и Япония (подробнее [8]).

Заложивший основы колониальной политики на Тайване, которому предстояло стать образцом для других будущих японских колоний, Гото не только изучал опыт «великих держав» (включая такого недавнего колонизатора, как Германия), но понимал важность репрезентации успехов японской колонизации как в метрополии (где многие считали ее дорогостоящей, но бесполезной затеей), так и за ее пределами. Неудивительно, что первым официальным подведением итогов освоения Тайваня, в том числе для иностранной аудитории, стал краткий информативный отчет самого Гото [3].

Неофициальным, хотя и вполне официозным подведением итогов первых десяти лет колонизации Тайваня, адресованным широкой публике, стала книга публициста и депутата парламента Такэкоси Ёсабура «Тайвань под японским управлением» (1905). «История нашей страны как колониальной державы начинается с нашего управления Тайванем, успех или неуспех которого должен оказать решающее воздействие на все наши дальнейшие предприятия», – заявил Гото в пре-

дисловии [7, v]. Английский перевод этой книги, вышедший в Лондоне в 1907 г., можно считать началом колониального имиджмейкинга Японии в международном масштабе. Объемистый, насыщенный цифрами и фактами труд Такэкоси, даже при явной ориентации на «историю успехов» и «ответ критикам», стал первой на европейских языках обобщающей работой не только о положении дел на Тайване на рубеже XIX–XX веков, но и о колониальной политике Японии. Сглаживая острые углы, книга не искажала ситуацию в целом, поэтому сохраняет ценность как источник информации, а не только как пиар-акция. Об этом свидетельствует ее переиздание в 1996 г. в Тайбэе.

Сведения о Тайване и его освоении, исходившие от японцев и уделявшие преимущественное внимание их успехам, вызывали у тогдашнего европейского и американского читателя, в целом скептически настроенного относительно способности не-«белых» проводить колониальную политику, сомнения в их полноте и объективности. Главным источником неангажированной информации о положении дел на Тайване при новой власти стали сообщения живших на острове иностранцев – дипломатов, миссионеров, врачей. Ограниченность их возможностей в сборе сведений компенсировалась присутствием на месте, опытом, широким кругом общения, знанием местных обычаев и зачастую языка. Наиболее информированными оставались англичане и американцы, тексты которых в силу общности языка были доступны в обеих странах без перевода.

Продолжали интересоваться Тайванем и французы, особенно с активизацией колониальной политики при Третьей Республике, прежде всего, в Индо-Китае. После установления в 1884 г. протектората над Аннамом и заключения конвенции с Китаем Франция присматривалась к Тайваню. Она даже предложила Японии союз против Китая и помощь в пересмотре неравноправных договоров, но японские правящие круги сделали ставку на Великобританию, от которой главным образом зависел пересмотр. Укрепление Франции на Тайване было невыгодно ни Токио, ни Лондону, так что союз Парижа и Токио, направленный на ослабление Китая, не состоялся. Французская экспедиция на Тайвань и Пескадорские острова во главе с адмиралом А. Курбе в ходе конфликта, а затем войны с Китаем в 1884–1885 гг. окончилась неудачей, показав трудность ведения боевых действий на острове, в том числе из-за заразных болезней (сам Курбе умер там от холеры) [2]. Десять лет спустя, во время войны с Китаем, «Япония учла опыт Франции и не приступала к военным действиям на Тайване», решив добиться его получения дипломатическим путем, «зато предварительно захватила Пескадорские острова» [10, с. 159].

Вместе с Германией и Россией Франция участвовала в «Тройственном вмешательстве» 1895 г. в условия Симоносекского мирного договора между Японией и Китаем. Непосредственного отношения к Тайваню это не имело, но испортило отношения между Парижем и Токио. Во время русско-японской войны 1904–1905 гг. Франция выступала союзницей России, Великобритания – союзницей Японии, что не мешало формированию франко-британского «сердечного согласия», направленного против Германии. Сосредоточившись на колонизации Индо-Китая и на защите своих интересов, прав и привилегий в Китае, французы, тем не менее не упускали Тайвань из виду, хотя не имели там дипломатических представителей

(как и Россия – в отличие от Великобритании, Германии, Нидерландов и США). Дополнительным фактором интереса к острову, как и к колониальной политике Токио, можно считать воздействие японской победы над Россией – первой военной победы не-«белых» над «белыми» в масштабе конфликта двух стран – на азиатские народы, прежде всего, на население колоний.

В ноябре 1905 г. министерства колоний и военно-морского флота Франции при участии второго бюро (разведки) генерального штаба армии решили направить на Тайвань эмиссара для сбора сведений и их первичного анализа с особым вниманием к ресурсам и потенциалу острова и к результатам его колонизации. Тайвань рассматривался как «отправная точка и база поддержки любого японского продвижения на юг» [5, с. 131], в том числе в сторону Индо-Китая. Еще одной задачей было изучение методов японской колониальной политики на предмет их возможной применимости в Индо-Китае, где «Франция часто сталкивается с аналогичными проблемами» [5, с. 131].

Миссия, имевшая официальный характер, была поручена не кадровому дипломату или чиновнику, но формально частному лицу – отставному офицеру Реджинальду Канну (Réginald Kann; 1876–1925), выпускнику военной академии Сен-Сир, который стал журналистом, сотрудничал во влиятельных газетах «Le Figaro» и «L'Illustration», а во время русско-японской войны был аккредитован при японской армии. Его «Дневник военного корреспондента на Дальнем Востоке. Япония, Маньчжурия, Корея» (1905) [4] свидетельствовал не только об опыте, энергии и литературных способностях автора, но и о знании им предмета и умении анализировать полученную информацию; этот ценный, но забытый источник заслуживает отдельного исследования. Книга, посвященная «передовой» Японии и ее победе над Россией (в то время союзницей Франции) и написанная в очень уважительном тоне в отношении японской армии, также должна была служить «визитной карточкой» автора для колониальных властей, которые неохотно допускали иностранных визитеров на остров.

Канн посетил остров летом 1906 г., когда в генерал-губернаторстве готовилась «смена караула»: генерал-губернатор Кодама Гэнтаро и гражданский губернатор Гото Симпэй находились в Токио, готовясь занять новые должности (первый вскоре скоропостижно скончался, второй стал президентом акционерной компании Южно-Маньчжурской железной дороги), и на Тайвань уже не вернулись. Несмотря на официальный характер миссии и усилия французского посланника в Японии Жюля Армана (которого Канн знал по пребыванию в Токио в 1904 г.), местные власти не оказали гостю содействия в передвижениях по острову и в осмотре желаемых объектов, неохотно и неполно предоставляли ему запрошенные сведения, на что Канн счел нужным указать особо [5, 132].

По возвращении во Францию он представил подробный «Доклад о Формозе», на основании которого также написал несколько статей о Тайване для специализированных периодических изданий (например, о производстве камфары для «Revue coloniale» в 1909 г.), но сам доклад, сохранившийся во французских архивах, полностью опубликован только в 2001 г. в Тайбэе в оригинале и в переводе на китайский язык. Ограниченный «техническим заданием», Канн решал задачи

служебного, а не пиаровского характера. Доклад не предназначался для публикации, и тем он ценнее как исторический источник, доселе не введенный в научный оборот ни на русском, ни на английском или японском языках.

Первая часть доклада «Общие соображения» [5, с. 137–143] в тезисной форме описывает место Тайваня в японской политике. Отметив его значение как наиболее близкого к материка звена в «длинном ожерелье островов от Сингапура до Татарского пролива, которые отделяют азиатский континент от (Тихого – В. М.) океана», Канн указал на стратегическое значение Тайваня – этот аспект особенно интересовал не только заказчиков, но и его самого – в качестве «естественной базы» для подготовки будущих территориальных захватов и отметил, что Япония развивает порты острова прежде всего в военных целях [5, 138–140]. Против кого? Для автора очевидно, что «давняя мечта однажды изгнать белых из их дальневосточных колоний крепко сидит в душе японцев» [5, с. 139]. Следовательно, в стратегической перспективе японская экспансия может угрожать Индо-Китаю – как и получилось в годы войны на Тихом океане.

От значения острова аналитик перешел к общей оценке сделанного его новыми хозяевами. Признав, что к 1902 г. японцы победили бандитов на ранее освоенной территории и пиратов в прибрежных водах, так что «путешественник может ездить по китайским провинциям Формозы столь же безопасно, как по пригородам Токио» [5, с. 141], Канн констатировал, что из-за исходно неблагоприятного санитарного состояния острова, неприязни местного населения (китайцев и аборигенов) к японцам и нежелания уступать им свои земли, вплоть до непрекращающегося вооруженного сопротивления, первоначальные обширные планы переселенческой политики оказались невыполнимыми. «Эти неудачи вынудили власти изменить программу колонизации и рассматривать Формозу как территорию для освоения, а не для заселения» колонистами из Японии [5, с. 140].

Канн подчеркнул особое значение полиции, которая не только «замирила» Тайвань и поддерживает там безопасность, но остается «главным посредником между властью и местным населением», а также защищает последнее от «дикарей», которые по-прежнему контролируют значительную часть территории острова. Наряду с этим обстоятельством он отметил, что «японские полицейские, по большей части являющиеся выходцами из старинных самурайских семей, презирают крестьян собственной страны, а уж формозских тем более», а потому «единственное чувство, которое они к себе возбуждают, – это страх, лишенный какой бы то ни было симпатии» [5, с. 141–142]. В этой же связи автор указал на развитие японцами начального образования для местного населения (как он признал далее, «результаты превзошли ожидания» [5, с. 203]), но не среднего и, тем более, высшего, которое «может породить у молодого поколения мысли о свободе и неповиновении» [5, с. 144].

Следом за военными и административными проблемами Канн уделил внимание финансовому и экономическому положению острова: министерство колоний в Париже (автор отметил отсутствие аналогичного министерства в Токио [5, с. 170]) интересовалось, стал ли Тайвань ценным приобретением или обузой для Японии. Указав, что «подобно большинству новых колоний Формоза должна столкнуться с

серьезными финансовыми трудностями», Канн отметил, что правительство стремится сократить прямые расходы на финансирование колонии (небольшая численность и скромное денежное содержание местной администрации, выполнение полицейскими многих других функций, вплоть до учителей начальной школы) и по возможности переложить их на местное население с помощью налогов и монополий, а также привлекает частные инвестиции из метрополии [5, с. 142]. Случившийся ранее запланированного перевод Тайваня на самофинансирование – гордость колониальной администрации – Канн не причислил к ее заслугам, но объяснил финансовыми трудностями Японии после войны с Россией, добавив, что «временная приостановка общественных работ, в том числе связанных с обороной, порождает впечатление застоя из-за нехватки денег» [5, с. 143].

Не склонный в данном случае к апологетике Японии, автор признал: «Возникшая у местного населения неприязнь к японцам затмила в его сознании ту огромную пользу, которую они принесли Формозе за первые десять лет своего правления. Благодаря успешно принятым санитарным мерам и созданию медицинской школы для местных жителей частота и масштаб эпидемий значительно уменьшились. Нынешняя безопасность зримо контрастирует с анархией, от которой Формоза страдала во все периоды своей истории. Замирение принесло сельскому хозяйству невиданную доселе стабильность; используемые площади существенно расширились, сельскохозяйственные культуры улучшились за счет внедрения новых сортов. Столь частые в прошлом голодные годы сегодня забыты. Теперь Формозе не только не требуется ввозить из-за границы нужный для пропитания жителей рис, но сама она стала его экспортером. Растет производство самых дорогих продуктов – сахара, камфары и чая, особенно двух последних. Наконец, природные богатства острова – уголь, золото, нефть, сера – разрабатываются с удовлетворительными результатами. Первым следствием освоения японцами ресурсов Формозы стал быстрый рост ее торговли. Но, как это обычно бывает, власти подвергаются критике за то, что слишком озабочены выгодой Японии, зачастую в ущерб местному населению» [5, с. 142–143].

Если экономические и хозяйственные успехи японцев в освоении Тайваня, особенно с учетом кратковременности владения островом, были бесспорны, то общая оценка их «цивилизаторской» политики, данная Канном исходя из тогдашних представлений, была более критической: «С точки зрения просвещения и свобод местного населения новые хозяева не сделали того, чего можно было ожидать от людей с претензиями быть освободителями желтой расы. Они продолжают создавать класс, который живет на Формозе как в завоеванной стране, и ревниво удерживают подданных в положении более бесправном, нежели то, в котором находится местное население почти во всех остальных колониях Дальнего Востока» [5, с. 144]. Последнее утверждение нуждается в проверке, поскольку в нем видно предвзятое отношение «белого» автора к претензиям не-«белых» колонизаторов.

Часть вторая доклада «Исторический обзор» состоит из глав «Формоза до японского завоевания» [5, 146–150], «Завоевание Формозы японцами» [5, с. 150–154], «Подавление бандитизма» [5, с. 154–160], «Отношения с аборигенами» [5, с. 160–165]. Насыщенный фактами, датами и статистическими данными, narra-

тив Канна весьма точен и объективен; для своего времени он имел несомненную ценность, но на сегодняшний день утратил значение как источник новой информации.

Автор справедливо отметил, что ситуация на острове улучшилась только с назначением на пост генерал-губернатора Кодама Гэнтаро в 1898 г., который в отличие от предшественников (особенно Кабаяма Сукэнори и Ноги Марэсукэ) не стремился отвечать жестокостью на жестокость, но положил в основу поддержания безопасности и борьбы с бандитами систему круговой поруки *хоко* среди местного населения и централизацию полиции. Частным, но зримым показателем успеха в «замирении» острова при администрации Кодама-Гото Канн считал резкое сокращение количества смертных приговоров, вынесенных местными судами прежде всего за бандитизм: 1012 в 1901 г., 587 в 1902 г., 125 в 1903 г., 33 в 1904 г. и 11 в 1905 г. [5, с. 160].

Часть третья доклада «Политическая и административная организация» содержит главы «Генерал-губернаторство, центральная и местная администрация, территориальное деление» [5, с. 168–178], «Правосудие, тюрьмы и полиция» [5, с. 179–188], «Финансы» [5, с. 188–196], «Общественное образование» [5, с. 196–203], «Общественные работы» [5, с. 204–212], «Торговля» [5, с. 212–218], «Сельское хозяйство и промышленность» [5, с. 218–224], «Население. Общественная гигиена» [5, с. 224–232], «Оборона» [5, с. 232–234]. Последний раздел получился самым коротким из-за максимальной засекреченности сведений, на что особо указал автор. Пересказывать эту часть нет необходимости: Канн следовал правилу «только факты», используя доступные ему статистические материалы, а основные оценки по существу уже дал в разделе «Общие соображения». Следует однако указать на некоторые его наблюдения и выводы, которые могут быть полезны при дальнейшем исследовании конкретных вопросов.

Серьезным источником трений и конфликтов между колониальными властями и местным населением было не критическое применение японского законодательства в условиях, существенно отличавшихся от метрополии, к тому же при нехватке квалифицированных кадров. В основу разработки колониальной политики Гото и его сотрудники положили не только понимание политических и экономических задач и целей Японии, но специфику местных условий и особенности «старой системы» (подробнее [1, с. 19–20; 9, с. 8–9]). Не отступая в главном от японского права, введение которого входило в долгосрочные задачи колониальной политики, они отчасти приспособили его применение к местным условиям, прежде всего в отношении прав собственности и наследования, пока колония не получит собственное, детально разработанное законодательство [5, с. 179].

Канн особо отметил совершенство пенитенциарной системы Тайваня, назвав местные тюрьмы «лучшими во всей Японской империи», особенно по контрасту с прежними китайскими, входившими в комплекс *ямэнь* [5, с. 185]. Местные власти крайне неохотно показывали иностранцам даже «передовые» места заключения, так что из текста доклада не ясно, видел ли Канн их своими глазами или нет. Однако через 15 лет после него американский путешественник П. Бигелоу осмотрел тюрьму в Тайтю (совр. Тайчжун), «где имеется все, что может порекомендовать просвещен-

ный пенолог», и оставил о ней развернутый восторженный отзыв [1, с. 113–116].

Коснувшись болезненной в политическом и пиаровском отношении проблемы опиекурения, Канн указал, что введенная японцами монополия на производство и продажу опиума (Гото выступал ее сторонником и как врач, и как администратор [9, с. 33–34, 89–100]) направлена на сокращение его употребления, поскольку реализация полного запрета была обоснованно признана невозможной. Автор однако отметил, что существенные доходы от продажи опиума подвигли власти на смягчение режима доступа к нему местного населения (японцы опиум не курили) ради пополнения казны [5, с. 192–194].

Детально анализируя экономическое положение острова, Канн сделал вывод: «За десять лет экспорт и импорт выросли почти вдвое. Это хороший результат, но он мог бы быть лучше, если бы власти не проводили торговую политику исключительно в интересах метрополии за счет других стран и самой колонии» [5, с. 213]. Однако трудно было ожидать другого.

По мнению Канна, «японцы, несмотря на умеренность и выносливость, не могут конкурировать с местными крестьянами», а «как коммерсанты уступают китайцам» с материка, поэтому «основное японское население живет в главных городах, будучи по большей части служащими, а также торговцами, ремесленниками и рабочими» [5, с. 226]. Вторая часть этого утверждения подкреплена статистическими данными; первую пишущий эти строки не берется оценивать.

Четвертая и пятая части доклада «Сельскохозяйственная продукция» [5, с. 237–293] и «Полезные ископаемые» [5, с. 295–323] насыщены фактическим материалом, но содержат минимум оценок; пересказывать их здесь мы не будем. Основанные на официальной статистике, они свидетельствуют об успехах японцев в экономическом и хозяйственном освоении острова. Изложение автор подкрепил статистическими данными, сведенными в шесть таблиц [5, с. 325–333].

Благодаря «случайности в расписании пароходов», Канн на несколько часов заехал на Пескадорские острова – главную военную базу колонии и «стратегическую зону», куда иностранцев старались не пускать, несмотря на отсутствие формального запрета. Была ли это действительно «случайность» или нет, последствия не заставили себя ждать: «По возвращении в Тайхоку я столкнулся с еще более холодным приемом и был вынужден сократить свое пребывание» на острове [5, с. 132].

Как оценить сегодня «Доклад о Формозе»? Автор настоящей работы не проверял использованные в нем цифры, а приводимые фактические данные не противоречат тому, что мы знаем из других источников, – разница в их оценке, так сказать, в выборе выражений (ср. [7] и [10]). От Канна – журналиста со знанием региона и военной проблематики, но не экономиста, юриста и администратора – требовались максимально достоверная (насколько возможно) информация и ее первичный анализ, а далее с его отчетом должны были работать специалисты различных ведомств. Автор ответственно подошел к порученной миссии и представил качественную «информацию к размышлению», но кем и как она была конкретно использована, мы не знаем.

Наблюдения и выводы Канна в целом согласовываются с тем, что писали позднейшие авторы различной национальной принадлежности и политической

ориентации, кроме записных пропагандистов. Они признавали, что управление Тайванем до Кодама было репрессивным и неэффективным, что реформы последующего времени связаны главным образом с Гото как разработчиком стратегии, а во многом и тактики колониальной политики, что изучение местных правовых и социальных устоев (результаты которого до сих пор сохраняют научное значение [9, с. 206–221]) способствовало успеху колонизации, что японцы радикально модернизировали остров, сделали его безопасным в санитарно-гигиеническом отношении и добились крупных успехов в экономическом развитии, но действовали прежде всего в интересах метрополии – чего не скрывал и Гото – и с помощью силовых мер, а аборигенная политика так и осталась «слабым местом». Последнее признавали и сами колониальные власти (подробнее [9, с. 64–79, 80–88]).

«Доклад о Формозе» Реджинальда Канны не перевернет наши представления о начальном периоде японского правления на Тайване, но как информативный и добросовестно составленный документ «для служебного пользования» послужит для их верификации и, может быть, корректировки. Он также полезен для изучения европейского восприятия колониальной политики Японии и ее пиаровского эффекта, оказывавшего воздействие на международные отношения.

Канн больше не работал на Дальнем Востоке, но его дальнейшая деятельность как журналиста и аналитика была связана с военной и колониальной проблематикой. Он участвовал в Первой мировой войне и в войне с восставшими риффами в Марокко как корреспондент «L'Illustration» и «Le Temps» в начале 1920-х годов, выпустил книги «Кампании 1914 года» (1915), «Германский план кампании 1914 года и его исполнение» (1923) и «Марокканский протекторат» (1921). В настоящее время он практически забыт (нет даже статьи во французской Википедии), так что публикация «Доклада о Формозе» – хороший повод обратиться к его наследию.

Литература

1. *Bigelow P. Japan and Her Colonies.* London : E. Arnold & Company, 1923. 276 p.
2. *Garnot, Le capitaine [E.]. L'expédition française de Formose, 1884–1885.* Paris : Librairie C. Delagrave, 1894. 10, 234 p.
3. *Goto Shimpei.* Formosa (Tai-wan): Its Present Financial and Economic Position. London : Waterlow & Sons, 1902. 19 p.
4. *Kann R.* Journal d'un correspondant de guerre en Extreme-Orient: Japon – Mandchourie – Corée. Paris : Calmann-Lévy, 1905. 396 p.
5. *Kann R.* Rapport sur Formose. Taipei : Academia Sinica, Institute of Taiwan History, 2001. 342 p.
6. *Reinsch P. S.* Colonial Government. An Introduction to the Study of Colonial Institutions. New York : Books for Libraries Press, 1970 (1902).
7. *Takekoshi Yosaburo.* Japanese Rule in Formosa. London : Longmans, Green, and co., 1907. XV, 342 p.
8. *Молодяков В. Э.* Колониальная политика и моделирование образа Японии: Тайвань, 1900-е - 1930-е годы // Япония. 2016. Ежегодник. М., 2016. С. 156–172.
9. Тайвань под японским управлением. Новые материалы и исследования. М. : Институт востоковедения РАН, 2016. 248 с.
10. *Тодер Ф. А.* Тайвань и его история (XIX в.). М. : Наука, 1978. 340 с.

References

- Bigelow, P. (1923). *Japan and Her Colonies.* 276 p. London, E. Arnold & Company.
Garnot, E. (1894). *L'expédition française de Formose, 1884–1885* [The French Expedition to

Formosa]. 10, 234 p. Paris, Librairie C. Delagrave.

Goto, Shimpei (1902). *Formosa (Tai-wan): Its Present Financial and Economic Position*. 19 p. London, Waterlow & Sons.

Kann, R. (1905). *Journal d'un correspondant de guerre en Extrême-Orient: Japon – Mandchourie – Corée* [Journal of the War Correspondent in the Far East: Japan – Manchuria – Korea]. 396 p. Paris, Calmann-Lévy.

Kann, R. (2001). *Rapport sur Formose* [Report of Formosa]. 342 p. Taipei, Academia Sinica, Institute of Taiwan History.

Reinsch, P. S. (1970). *Colonial Government. An Introduction to the Study of Colonial Institutions*. X, 386 p. New York, Books for Libraries Press.

Takekoshi, Yosaburo (1907). *Japanese Rule in Formosa*. XV, 342 p. London, Longmans, Green, and co.

Molodyakov, V. E. (2016). Kolonial'naia politika i modelirovanie obraza Iaponii: Taivan', 1900-e - 1930-e gody [Colonial Policy and Japanese Image Making: Taiwan in 1900–1930]. In *Iaponiia. 2016. Ezhegodnik*, pp. 156–172.

Molodyakova, E. V. (Ed.). (2016). *Taivan' pod iaponskim upravleniem. Novye materialy i issledovaniia* [Taiwan under Japanese Rule. New Materials and Researchs]. 248 p. Moscow, Institut vostokovedeniia RAN.

Toder, F. A. (1978). *Taivan' i ego istoriia (XIX v.)* [Taiwan and Its History (19th Century)]. 340 p. Moscow, Nauka.

The article was submitted on 16.05.2017

ИЗУЧЕНИЕ ДАОСИЗМА: РАЗВИТИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОГО КИТАЕВЕДЕНИЯ ДО 1917 ГОДА

Аннотация: В статье анализируются факторы, которые определяли интерес русских ученых и публицистов к изучению трактатов «Дао дэ цзин» и «Чжуан-цзы». Целью российских исследователей было продемонстрировать консерватизм и слабость даосской философии. Они должны были показать, что даосизм является опасным для христианской цивилизации Европы и России. Русский китаевед Никита Бичурин (в монашестве Иакинф) рассматривает Лао-цзы как морального философа. Русский мыслитель Т. Н. Грановский – представитель «западничества» – стремится обнаружить в учении Лао-цзы идеализм гегельянского толка. А. С. Хомяков, известный славянофил, писал о реакционном характере философии Лао-цзы. Китаевед В. П. Васильев, будучи позитивистом, указывает на недостаток научности в книжной традиции Китая. Китаевед С. М. Георгиевский, сторонник имманентной философии, интерпретирует дао «Дао дэ цзина» и как мировую материю, и как мировую силу, и как мировой разум. Русский философ В. С. Соловьев полагает, что дао есть «абсолютная потенция бытия», а Лао-цзы – выразитель крайнего консерватизма. К. Д. Бальмонт, знаменитый поэт-символист и переводчик, пишет об учении Лао-цзы как о некоем аналоге Веданты. Дао оказывается аналогичным пути воссоединения Атмана и Брахмана. Максим Горький бичует Лао-цзы как крайнего реакционера. По его словам, Лао-цзы – выразитель «мрачного хаоса политической и экономической жизни Востока». Приводятся методы и оценки, которые давались священниками, писателями, учеными и переводчиками; анализируется литература, посвященная даосизму, изданная в России до 1917 года.

Ключевые слова: даосизм, «Дао дэ цзин», «Чжуан-цзы», А. С. Хомяков, В. П. Васильев, В. С. Соловьев, К. Д. Бальмонт, Максим Горький, перевод, китаеведение, историография, идеология.

Alexey L. Myshinskiy

STUDIES OF DAOISM: PROGRESS OF RUSSIAN SINOLOGY UNTIL 1917

Abstract: The article analyzes the conditions and factors that had determined the attention paid by the Russian interpreters and scholars to “Tao Te Ching” (“Dao De Jing”) and “Chuang-tzu” (“Zhuangzi”). The aim of the Russian researchers was to demonstrate conservatism and weakness of Daoist philosophy. They had to reveal that Daoism is dangerous for Christian civilization of Europe and Russia also. Nikita Bichurin (Hyacinth) – Russian sinologist – regards Laozi as a moral philosopher. Timofey Granovsky (Russian philosopher) who was a “Westernizer”, seeks to find Hegel’s type of idealism at the “Dao De Jing”. Aleksey S. Khomyakov (Russian philosopher) represents “Slavophilia” as an intellectual movement. He writes about the reactionary nature of Laozi’s philosophy. Vasily P. Vasilyev (Russian sinologist) points out the lack of scientific knowledge at the bookish tradition in China. Sergey M. Georgievsky (Russian sinologist) was a supporter of “Immanence”. He interprets Dao of “Dao De Jing” as a world matter, world power and a world mind also. Russian philosopher Vladimir S. Solovyov believed that the Dao is an “absolute possibility of being” and Laozi is a representative of extreme conservatism. Konstantin D. Balmont (Russian symbolist poet and translator) believes that Laozi’s philosophy is similar to the teachings of Vedanta. Dao is the way of reunification of Atman and Brahman. Maxim Gorky (Russian and Soviet writer)

considers Laozi as an extreme reactionary. Laozi expressed the “gloomy chaos of the political and economic life of the East”. Adduced are the attitudes and appraisals given by the priests, politicians, scholars, and interpreters; the literature on the Daoism published in Russia until 1917 is also analyzed.

Key words: Taoism (Daoism), Tao Te Ching (Dao De Jing), Chuang-tzu (Zhuangzi), interpretations, Russian studies of China, Aleksey Khomyakov (philosopher), Vasily P. Vasilyev (Russian sinologist), Vladimir Solovyov (philosopher), Konstantin Balmont, Maxim Gorky, translation, sinology historiography, ideology.

Дореволюционные исследования даосизма в нашей стране можно разделить на два периода: 1) до 1873 года; 2) с 1873 по 1917 год.

В качестве рубежа я выбрал 1873 год, потому что в этом году вышла книга профессора¹ В. П. Васильева «Религии Востока. Конфуцианство, буддизм, даосизм» [2, 3, 4]. С этой книги начинается академическое изучение даосизма в России.

В дальнейшем писатели, обращавшиеся к даосизму – С. М. Георгиевский, Л. Н. Толстой, В. С. Соловьев и др. – все в той или иной степени опирались на книгу В. П. Васильева. Период с начала 19-го века по 1873 год мы считаем первоначальным, а период с 1873 по 1917 год – периодом расцвета дореволюционной отечественной даологии.

Поначалу даосизм интересовал русских только в качестве религии. В ее изучении были заинтересованы как русские православные священнослужители, так и российские ученые. Именно православным священникам приходилось изучать даосизм. По условиям Кяхтинского договора между Китаем и Россией (1727 г.), находиться в Пекине разрешалось только российским духовным лицам. Русские священники, номинально представляя православную религию (поскольку проповедовать было запрещено), фактически занимались научными изысканиями. Сам граф М. М. Сперанский составил документ, озаглавленный «Начертание инструкций и вопросов, предлагаемых Академией наук в пользу и употребление молодым путешественникам, назначенным и отправляемым при духовной миссии в Китай», в «Начертании» говорилось: священнослужители должны заниматься изучением буддийской и даосской религии и переводами книг, «в коих изъясняются правила сих вер, и приготовлением нужных на оные возражений» [Цит. по 1, с. 128]. «Начертание инструкций» предназначалось членам Десятой русской духовной миссии в Пекине (1820–1830), но даосские тексты привлекали внимание русских в Китае и раньше.

Поначалу русских интересовал «Дао дэ цзин». С 1842 года «Дао дэ цзин» и Лао-цзы многократно упоминаются в дореволюционной российской литературе. Что же касается мыслителя Чжуан-цзы и литературного памятника «Чжуан-цзы», то ещё в 1785 году вышла книга «Тшуанг-тзе и тиена, или открытая неверность. Повесть китайская с приобщением трёх повестей из книги «Превраты счастья» с франц. перевод А. В. К. П. А. П. Тр. П. П. В. – СПб, – печатано с дозволения указного у Христофора Геннинга»; начало этой книги представляет собой биографию Чжуан-цзы. [5, с. 44].

Следующая публикация, содержащая упоминание о Чжуан-цзы, появилась только в 1883 году. Это была книга профессора В. П. Васильева [2]. Поэтому в

¹ В 1886 году В. П. Васильев стал академиком.

дальнейшем, вплоть до разбора взглядов самого В. П. Васильева, говоря о даосизме, я буду иметь в виду только «Дао дэ цзин».

Вероятно, первым русским истолкователем даосизма был Никита Яковлевич Бичурин (1777–1853), основатель синологического направления в российской исторической науке. Его работы относятся к 1828–1848 годам². Н. Я. Бичурин интересовало, что представлял собой даосизм: религию или философию. Он утверждал, что Лао-цзы несправедливо считают основателем религии даосов: его учение представляет собой «философический взгляд на нравственную сторону человека», а не религию. Мнение Лао-цзы относительно «нравственного учения» совпадает с мнением Конфуция, но Лао-цзы в отличие от последнего для «сохранения чистоты врождённых добродетелей от порчи» полагал необходимым не исполнение общественных обязанностей, а уединение». Последователи Лао-цзы, создавшие даосскую религию, «уклонились от образа его мыслей» [6, с. 25]. В словах Бичурин о *врождённых добродетелях* и о религии как уклонении от *нравственной философии* слышны отзвуки философии Просвещения XVIII века и даже отзвуки картезианства.

Но в первой половине XIX века интеллектуалы России переживали увлечение немецкой классической философией. Сначала это был трансцендентальный идеализм Канта, потом – идеи Шеллинга, затем – гегельянство. Одно из первых русских истолкований даосизма лежит в русле этого увлечения. *Дао* интерпретируется как «имперсональный мировой абсолют» или «идеальное начало мира». Это истолкование Порфирия Евдокимовича Кирилова (1801–1864), врача Одиннадцатой пекинской духовной миссии (1830–1840), знаток учения Лао-цзы. Данные о его деятельности косвенные, так как рукописи его не обнаружены, а печатных работ не было. Сохранилось донесение (фактического) руководителя 11-й Духовной миссии – А. Честного – об учёной деятельности П. Е. Кирилова: «Любимейшее занятие г. Кирилова составляет философия Лаоцзы, которого он готов, кажется, поставить выше не только Пифагора и Платона, но даже Канта и Шеллинга» [1, с. 145].

В 1870 году неизвестный автор большого труда «История религий и тайных обществ Древнего и Нового мира», обращаясь к даосизму, пишет: «Это прекрасное правило, достойное христианского мудреца, учения Лаотси было записано мною со слов покойного П. Е. Кирилова вместе с многими подробностями другими доктрины Тао». Неизвестный автор этой книжки пишет, что *дао* есть идеальное начало мира [1, с. 145]. На этих шатких основаниях можно сделать вывод о том, что П. Е. Кирилов считал даосизм идеалистической философией.

В первой трети XIX века в Россию проникает позитивизм. Мы говорим об этом, потому что переходим к работам Тимофея Николаевича Грановского (1813–1855), мировоззренческий комплекс которого очень сложен. В мировоззрении Т. Н. Грановского отмечают и наличие западных идей, и идей органицизма – осознания неразрывности человека и природы, примата естественного над

---

² Правда, по утверждению А. И. Кобзева, в 1840-х гг. китаевед и монах Д. П. Сивиллов (архимандрит Даниил) перевел «Дао дэ цзин», но оставил в рукописи. См. http://www.synologia.ru/a/%D0%94%D0%B0%D0%BE_%D0%B4%D1%8D_%D1%86%D0%B7%D0%B8%D0%BD Дата обращения: 24.01.17.

механическим, стихийного над «головным», умозрительным, национального над любыми внешними заимствованиями. В литературе отмечается влияние на мировоззрение Т. Н. Грановского позитивизма О. Конта, а также противоречивое влияние Г. В. Ф. Гегеля [7, с. 103–105; 8, с. 16–19, 61–62, 84–87 и др.].

Работы русского историка, профессора Московского университета Т. Н. Грановского дают нам первые свидетельства идеалистического истолкования даосизма в России. Он ясно пишет, что Лао-цзы, «по всей видимости, знакомый с умозрениями Индусов, проповедовал человеколюбие, презрение благ земных и призывал всех к жизни исключительной. Источником всякого бытия он признавал вечный разум (Тао)» [9, с. 609]. Сам же Т. Н. Грановский считал бесконечный разум началом, лежащим в основе бесконечного, прогрессивного исторического развития [8, с. 86].

«Вечный (абсолютный) разум» вполне соответствует системе абсолютного идеализма Гегеля. В то же время «вечный разум» нисколько не противоречит позитивистской доктрине. О. Конт, например, оставлял свободным для позитивиста решение вопроса о боге (или о «вечном разуме»).

Из приведенной выше цитаты Т. Н. Грановского видно, что его интересовали вопросы нравственной философии Лао-цзы и возможность индийского влияния на даосизм. Возможно, эти проблемы были заимствованы из западной синологии, скорее всего, французской.

Русская синология вообще находилась под влиянием французской. Например, в 1842 году в 11 номере журнала «Сын Отечества» вышла анонимная статья о Лао-цзы, автор которой переводит «Дао дэ цзин» на русский язык с французского перевода Ст. Жюльена [10], а также делает некоторые замечания, свидетельствующие о его способности разбирать иероглифический текст. В числе прочих высказывается идея о сходстве учения Лао-цзы и «индейской религии» (индуизма) [11, с. 28].

В середине 30-х годов XIX века в России на авансцену интеллектуальной жизни выходит славянофильская идеология А. С. Хомякова и И. В. Киреевского. Они призывают изучать «старое», то есть разумные основания общественной жизни, выработанные предками, для укрепления «нового». В 40-е годы XIX века Хомяков занимался поисками «жизненного закона» исторического развития русского народа и нашёл его в «вере» [12, с. 259].

Алексей Степанович Хомяков (1804–1860) пишет о даосизме в рамках особого философско-культурологического анализа китайской культуры. Хотя, как отмечает В. В. Сербиненко, в России в 40–50-х годах XIX века китайская культура редко становилась объектом специального анализа, А. С. Хомяков предпринял систематическое исследование такого рода в «Записках о всемирной истории». Критически оценивая истолкование исторического развития в немецком рационализме (прежде всего, у Гегеля) А. С. Хомяков считал, что схема исторической жизни, принципиально лишённая культурного, географического или этнического центра, – это альтернатива и гегелевской модели истории, и общепринятой историографической схеме. Историческая связь, по его мнению, поддерживается борьбой двух полярных начал: «иранского» и «кушитского». Эти «начала» действуют отчасти в реальных, отчасти в символических культурных ареалах. Разные народы развивают свои культуры либо под знаком «иранства», как символа сво-

боды духа, либо – под знаком «кушитства», которое символизирует преобладание вещественной необходимости. Это отрицание свободы его проявлений означает отрицание духа. Как пишет В. В. Сербиненко, в философии истории Хомякова границы между историческими «иранством» и «кушитством» условны. Поэтому об истоках китайской культуры Хомяков не пишет однозначно. Решающую роль в китайской культуре играет «кушитское начало». Китайский культурный тип – исключительно натуралистический, склонный к условности и формализму. Одновременно Хомяков обнаруживает в китайской традиции отголоски древнего «иранства». К признакам «иранства» Хомяков относит монотеизм, якобы существовавший в Китае, и крайний «этицизм» китайской культуры. Её синтетичность оценивается как причина стабильности и устойчивости к внешнему воздействию. Основную причину невосприимчивости Китая к проповеди христианства (высшему типу «иранского сознания») Хомяков видит в том, что все понятия о высоком нравственном значении человека, по крайней мере, в его внешних проявлениях и отношении к другим людям, уже вошли в состав синтетической философии китайских мыслителей [13, с. 371–372].

По мнению А. С. Хомякова, китайской традиции вообще присущ монотеизм, и именно учение Лао-цзы выступает как своего рода рационализация этого древнего монотеизма. «... Китай поклонялся одному началу и источнику всего сущего, – пишет А. С. Хомяков. – Слово Тианг³ или небо, как сила, параллельная силе земли, менее ясно высказывает внутреннее убеждение древнего Китайца до появления Лао-тсеу⁴ или поклонения чистому разуму (Тао). Но смысл Тианг (неба) определяется нравственным направлением всех его предполагаемых действий, постоянной подчинённостью земли, святостью высоко-человеческого служения, и, особенно, лёгкостью перехода от Тианга к Тао, который более носит характер пояснения старой идеи Тианг, чем нововведённого понятия» [14, с. 156].

Обращаясь к учению Лао-цзы, А. С. Хомяков ищет ответы на вопросы:

- Что такое *дао*? – Чистый разум.
- *Дао* есть новое понятие или пояснение старого? – Пояснение старого.
- Хорошо ли это? (Что *дао*, в сущности, старое понятие?) – Хорошо, ибо говорит о наличии «иранства» в китайской культуре. Для Китая ещё не все потеряно, – есть возможность существовать под эгидой свободного духа. Более того, если Лао-цзы ориентирован на *дао*, на некое «старое», выработанное предками, то его идеи созвучны идеям Хомякова.

Идеи Хомякова о Лао-цзы, как о ретрограде, нашли своеобразное отражение в работах русского философа В. С. Соловьева. Об этом далее.

В 60-е годы XIX века в среде русской интеллигенции были популярны позитивизм и материализм. В этой связи интересно проанализировать мировоззрение выдающегося русского китаевода Василия Павловича Васильева (1818–1900). В его работе

---

³ Tiang – это традиционная французская транслитерация иероглифа 天. В традиционной русской транслитерации Палладия (П. И. Кафарова, 1817 – 1878 гг.) пишется *тянь*. Очевидно, А. С. Хомяков изучал Лао-цзы по французскому переводу Ст. Жюльена [10].

⁴ Lao Tseu – это традиционная французская транслитерация имени Лао-цзы. Вновь А. С. Хомяков следует за французским переводчиком «Дао дэ цзина» – Ст. Жюльеном [10].

отчетливо слышны позитивистские нотки. Известно, что Огюст Конт рассматривал науку и разум как высшие авторитеты жизни. При этом установка на «позитивное», «научное» была нормативной и престижной, служила моральным законом «положительно мыслящей личности». Нечто подобное мы находим в работе В. П. Васильева, считавшего, что наука, попавшая под опеку нравственности, превращается в переливание из пустого в порожнее. «Нравственность, выдвинутая вперед, унижает знание, и, покровительствуя, таким образом, невежеству, становится безнравственной <...> Главная беда в том, что нет ума, нет знания, нет науки» [2, с. 274–275]. Эти рассуждения возникают при сравнении Европы и Китая. И не в пользу Китая.

Фраза, за которую В. П. Васильева часто критиковали – «Призвание России – просвещать Восток – не есть пустое выражение», по-видимому, тоже имеет позитивистскую подоплеку. Россия должна просвещать Восток, потому что в России лучше развиты «позитивные» науки. Тем более, что и на Востоке со временем разовьются позитивные науки, и даже обгонят позитивные науки Запада. Вот тогда «Восток будет двигателем просвещения» [2, с. 241, 247–248].

Само использование термина «просвещение» было характерно для учения О. Конта: так сказывалась преемственность идей Просвещения XVII века и идей «позитивной философии».

В. П. Васильев впервые в российской науке указал на важность изучения даосизма в историческом развитии, подразделяя даосизм на «философский» и «религиозный». Религиозный даосизм рассматривался как вырождение даосской философии [15, с. 9; 16, с. 50]. Это подразделение даосизма на две стадии соответствует нашему предположению о позитивизме В. П. Васильева. Наименование стадий развития даосизма – философская и религиозная – напоминает об учении О. Конта о трех стадиях развития человеческого духа: теологической, метафизической и позитивной. Только порядок обратный: даосизм как бы регрессирует, не оставляя себе возможности перейти в позитивную стадию. Отсюда вытекает все та же идея В. П. Васильева – о просвещении Востока.

В. П. Васильев подробно излагает учение Лао-цзы, но при этом не дает никакой интерпретации категории *дао*, предлагая лишь перевод – «путь». Так же Васильев поступает и далее: просто переводит категорию 名 *мин* – «имя», и категорию 玄 *сюань* – «тёмный» [3, с. 33–34].

Излагая учение Чжуан-цзы, В. П. Васильев избегает вопроса о начале мира. Он только указывает на антиконфуцианскую направленность трактата «Чжуан-цзы». На наш взгляд, в этом проявляется неприязнь В. П. Васильева к абстрактным философским категориям, таким как «материя», «дух», «абсолют». Таким терминам позитивисты отказывали в «положительном» научном содержании. Как известно, девиз позитивистов – ни материализм, ни идеализм не противоречат позитивизму.

Большим недостатком Китая В. П. Васильев считал отсутствие науки⁵, а также отсутствие «бодрости», свойственной «позитивно» мыслящим людям. Этот недостаток присущ и даосизму. «Из жителей Запада» никто не становился поклонником Лао-цзы, так как в рассуждениях Лао-цзы «нет живости и силы того бодрого духа, который на Западе борется за принципы и не щадит даже крови и жизни»

⁵ В смысле отсутствие количественного естествознания, созданного в Европе Галилео Галилеем.

[2, с. 249]. Невольно приходит на ум Андрей Штольц из романа И. А. Гончарова, который все время пытается «растолкать под микитки» Илью Ильича Обломова.

Можно понять позицию В. П. Васильева, если учесть общую тенденцию в оценках китайской культуры, бытовавшей в XIX веке и в европейской и в российской историографии, где доминировал европоцентристский подход: путь западной цивилизации является основным, магистральным направлением мировой истории. За всеми иными культурными традициями признаются лишь исторические заслуги.

Культурной традиции Китая особенно не повезло в отношении европоцентризма. Именно европоцентристская установка дала основания Гегелю исключить Китай из «пределов всемирной истории», а Гердеру – писать о китайской культуре, как о тысячелетнем «топтании на одном месте». Эти идеи соответственно преломились на уровне массового сознания Европы и России. Волны моды на китайскую экзотику (стиль «шинуазри», от французского *chinoiserie* – «китайская безделушка») причудливо сочетались с резко отрицательным взглядом на историю общественной и культурной жизни Китая. Китай служил в общественном сознании постоянным символом застоя, косности и национализма. В России в XIX веке выражения «китаизм» и «китайщина» энергично использовались представителями либеральной публицистики для характеристики любого культурного или социального явления, в котором усматривались признаки консерватизма [17, с. 154]. Так В. Г. Белинский упрекал Н. В. Гоголя в апологии «китаизма» [18, с. 11]. Во французском языке выражение *chinoiseries administratives* до сих пор означает «канцелярская волокита». Современники В. П. Васильева тоже отмечали его европоцентристские взгляды.

Уже в 1935 году европоцентристские взгляды В. П. Васильева подверг резкой критике советский китаист новой генерации – Аполлон Александрович Петров (1907–1949), напрямую связав их с классовой позицией. «Знамя русского капитализма крепко поддерживалось рукой этого русского ученого...» [19, с. 7]. Это глупость, конечно. Скорее всего, европоцентризм В. П. Васильева был обусловлен его позитивизмом и сциентизмом – верой во всемогущество (естественных) наук.

Главным предметом исследований В. П. Васильева был буддизм, но в области даосизма тоже было сделано много. Как уже отмечалось, В. П. Васильев подразделял даосизм на философский и религиозный, рассматривая последний как вырождение даосской философии. В. П. Васильев впервые в России вводит в научный оборот философские взгляды Чжуан-цзы, подробно пишет об отношениях ранних даосов с конфуцианцами, ставит вопрос о возможности заимствования философских воззрений Лао-цзы у буддистов или даже с Ближнего Востока, а также вопрос о приоритете Чжуан-цзы перед Лао-цзы [2, с. 33–34, 35–37]. Стиль у В. П. Васильева лёгкий и ироничный. Он приводит множество фрагментов из «Дао дэ цзина» и «Чжуан-цзы». Его переводы, сделанные непосредственно с китайского языка, блистательны.

В. П. Васильев не создал научной школы, но его труды вызвали широкий общественный резонанс. Их изучали и изучают китаеведы. Их изучали и люди, далекие от профессионального китаеведения, например, Л. Н. Толстой и А. М. Горький.

Против европоцентризма выступил другой выдающийся русский китаевед – Сергей Михайлович Георгиевский (1851–1893). Нам мало известно о философских взглядах С. М. Георгиевского. Но он спокойно оперирует категориями «мировая материя», «мировой дух», что позитивистам несвойственно. Вот как С. М. Георгиевский интерпретирует категорию *дао*. «Будучи и первобытною материею, и первосушею идеею, дао является прецедентным видимому многообразию предметов природы <...> дао является и мировую материею, и мировую силу, и мировым разумом» [20, с. 299, 300]. Через семь лет С. М. Георгиевский дает абсолютно материалистическое истолкование философии даосизма, указывая, что материя развивается по присущим ей законам без вмешательства идеального начала: «Китайцы представляют себе мир не сотворенным, а самообразовавшимся...». Приводя пример из «Дао дэ цзина», С. М. Георгиевский интерпретирует *дао* как естественный закон: «Когда (люди) перестали следовать дао (естественному закону), возникла добродетель...» [21, с. I, 112].

Сравнивая этические нормы конфуцианства и «проникнутое стоицизмом учение Лао-цзы», Георгиевский явно отдает предпочтение первым. Если бы в Китае возобладали философские системы даосского толка, то он давно бы испытал судьбу погибших древних цивилизаций [22, с. 64].

Позицию С. М. Георгиевского и его увлеченность конфуцианством можно охарактеризовать как «китаеццентризм». Вот что писал в 1890 году о Георгиевском русский философ В. С. Соловьев: «Увлечение идеалом, хотя бы и китайским, есть прекрасная и редкая черта в современном ученом» [23, с. 97].

В 1877 году началась многолетняя работа Л. Н. Толстого над учением Лао-цзы. Эта тема весьма обширна и ей посвящена специальная работа [24].

Прежде чем перейти к истолкованию учения Лао-цзы Владимиром Сергеевичем Соловьевым (1853–1900), надо сказать несколько слов об отношении Соловьева к Востоку вообще. Как справедливо отмечает В. В. Сербиненко, в философии истории Соловьева христианскому миру противостоят нехристианские религиозные традиции Азиатского континента.

В 1890 году вышли в свет две работы В. С. Соловьева: «Китай и Европа» и «Япония», в которых нашли свое отражение предчувствия будущего соперничества Европы и Юго-Восточной Азии.

Не чужд был В. С. Соловьеву и некий европоцентризм: решающая роль отводилась им христианскому Западу и России. Именно поэтому он смотрел на Китай, который упорно сопротивлялся европейскому и христианскому влиянию, как на чуждую и опасную силу. В работе «Китай и Европа» В. С. Соловьев старался вскрыть корни отчуждения двух культурных традиций. Сама замкнутость китайской культуры была для него отрицательным признаком, поскольку им отстаивался идеал всеединства в познании, жизни и истории.

В. С. Соловьев всегда исходил из того, что решающая роль в жизни общества и личности принадлежит духовным факторам, поэтому причины «исключительности» Китая он искал в религии и философии, считая, что именно они определяют специфику национального сознания, или, говоря словами философа, «китайского идеала» [17, с. 152, с. 155–156].

Анализируя различные стороны ритуальной практики китайцев (культ предков, брак, характер жертвоприношений и др.), особенности двух религиозно-философских систем Китая – даосизма и конфуцианства – В. С. Соловьев приходит к заключению, что суть «китайского идеала» заключается в «безусловной власти прошедшего над настоящим». Такая духовная установка, по его мнению, была наиболее последовательно развита в учении Лао-цзы, «величайшего философа Желтой расы».

В приведенном фрагменте наибольший интерес для нас представляет интерпретация *дао* : «Как умозрительный философ, Лао-цзы ищет абсолютного начала, как истый китаец, он ищет его исключительно в прошедшем, – он ищет, следовательно, *безусловно прошедшего*, такого, которое предшествует всему существующему... Такое абсолютное *предпочтение* всякого действительного и определенного бытия есть чистая *возможность* или неопределённая *потенция бытия*, которая сама по себе равна небытию. Эту отрицательную силу всего существующего Лао-цзы называет *тао*, что ближайшим образом значит путь. Так все происходит из небытия и в него же все возвращается, то оно есть общий путь всего существующего... Первое безусловное начало всего существующего не имеет *само по себе* никакого положительного определения, оно есть *несказанное* или *неизреченное*. С именем как чистая потенция бытия, или путь, которым проходит все существующее, *тао* есть общая мать всех вещей и существ и «таинственная самка» [23, с. 118, 119].

Мы видим, что *дао* – это «безусловно прошедшее», «абсолютное предположение», «неопределенная потенция бытия», «небытие», «несказанное», и «неизреченное». В другом фрагменте мы читаем: «...единая безусловная потенция природы – *тао*». Имеется еще одно короткое определение *дао*: «... абсолютное безразличие всего, или всеобщее начало бытия в состоянии чистой потенции, не проявленное и не действующее» [23, с. 108, 140].

Самые простые предикации *дао* у В. С. Соловьева – «несказанное», «неизреченное» и «неопределенное». Интереснее выглядят «безусловно прошедшее», «абсолютное предложение», «неопределенная потенция бытия» и «небытие». Вот как использует их В. С. Соловьев, указывая, что Лао-цзы «отдает все права одному прошедшему» и принципиально отрицает настоящее и будущее в человечестве: «Но требования Тао-те-кинга («Дао дэ цзина» – А. М.), не исполненные самим Лао-цзы, были неисполнимы вообще ... если народ уже вышел из состояния первобытной простоты, то это произошло по каким-нибудь естественным причинам, которые не могут быть устранены одной проповедью обскурантизма: требовать от народа, чтобы он отказался от цивилизации и возвратился к варварству, – это все равно, что требовать от дуба, чтоб он стал опять желудем» [23, с. 122]. Этот аргумент Соловьева против «власти прошедшего над настоящим» похож на его же аргумент против славянофилов (из магистерской диссертации Соловьева): славянофильство «со стороны практической ... представляет неисполнимое требование возвратиться назад к старому, давно пережитому» [17, с. 84]. В некотором смысле Лао-цзы как идеолог Китая соответствует Хомякову и Киреевскому как идеологам России. Практический вывод идеологии Лао-цзы – «отрицание жизни, знания и прогресса» [23, с. 122]. Иными словами, когда Соловьев присваивает

категории *дао* предикат «прошедшее», он стремится подчеркнуть крайний консерватизм Лао-цзы.

Перейдем к категориям «бытие – небытие». Их В. С. Соловьев тоже использует для интерпретации *дао*. В настоящее время есть серьезные основания сомневаться в возможности применять эти категории к китайской классической философии [25, с. 218–226]. В китайском подлиннике используются категории 無 *у* – 有 *ю*, которые А. И. Кобзев переводит как «наличие – отсутствие». Во французском переводе Ст. Жюльена – *l'être et le non-être* [10, 6 сл.]. Возможно, из французского перевода они и перекочевали в статью В. С. Соловьева. В западноевропейской философской традиции от Парменида до М. Хайдеггера категория «бытие» имела широкое распространение. До Хайдеггера Соловьев, к счастью, не дожил. Но вот каким образом категория «бытие» использовалась Гегелем и Марксом, Соловьев прекрасно знал, и какие ассоциации категория «бытие» должна была вызывать у читателя, тоже хорошо представлял. Сейчас понятно, что по отношению к китайскому материалу такие ассоциации неуместны.

Наконец, В. С. Соловьев для интерпретации категории *дао* использует категорию «потенция». У Аристотеля потенция (*véρυεια*) вещи или чистая возможность есть материя, осуществление этой потенции – форма [26, с. 224]. У Лао-цзы в интерпретации Соловьева *дао* есть безусловная потенция природы. Вполне логичным оказывается, что осуществления этой потенции суть «активная сила *ян*» и «пассивная сила *инь*». Получается, что Соловьев толкует *дао* как некий материальный субстрат, первоматерию, о которой нельзя сказать, «из чего она состоит» [23, с. 108; ср. 26, 190, 224].

Кстати приходится и «несказанность» и «неопределенность» *дао*. *Дао* в интерпретации Соловьева, как и первоматерия Аристотеля, принципиально неопределимы ни одной из категорий, которыми определяются реальные состояния сущего. *Дао*, как и первоматерия есть лишь предпосылка существования. И хотя *дао*, как и первая материя, является основой всякого бытия, *дао* нельзя отождествлять с бытием и даже нельзя считать простой составной частью конкретного бытия.

По Аристотелю, наипростейшей определенностью первоматерии являются «четыре элемента»: огонь, воздух, вода и земля. По Лао-цзы (в истолковании Соловьева), наипростейшей определенностью *дао* являются *инь* и *ян*. Вероятно, Соловьев интерпретировал *дао* по аналогии с первоматерией Аристотеля. Соловьев не использует в своей статье слово «материя». Может быть, чтобы избежать ассоциаций с материализмом XVII–XIX веков?

Итак, интерпретация *дао* Соловьевым определялась тремя факторами. 1) *Дао* оказалось духовным выражением консерватизма китайского народа, который Соловьев порицал (критика увлечения «прошедшим»); 2) для характеристики *дао* использовались термины «бытие – небытие», взятые из французского перевода Ст. Жюльена; 3) В. С. Соловьев увидел в *дао* аналог первоматерии Аристотеля.

Кроме категории *дао*, Соловьев уделяет внимание категории *у вэй* (“*le non agir*” – так этот термин переводит Ст. Жюльен). Соловьев переводит его уже с французского и получает «бездействие».

В 1983 году в журнале «Вопросы философии и психологии» на русском языке начинает публиковаться работа Масутаро Кониси (Даниила Петровича Конисси)⁶ «Философия Лаоси» [27, 28]. В следующем, 1894 году, выходит в свет первый полный перевод «Дао дэ цзина» на русский язык, выполненный Д. П. Конисси [29]. По-видимому, работу Д. П. Конисси следует считать достоянием отечественной историко-философской мысли хотя бы потому, что оригинал статьи «Философия Лаоси» написан на русском языке. Мы оговариваем этот момент, потому что некоторые советские китаисты, например, Ян Хиншун, не упоминают Конисси в числе русских переводчиков и интерпретаторов даосизма.

Конисси считает философию Лао-цзы идеализмом. Он пишет: «Все материальное и конкретное представлялось ему (Лао-цзы – А. М.) только кажущуюся стороною бытия; уже одно то, что в мире есть изменение, ясно доказывает существование неизменного, постоянного и обнимающего все бытие. Это неизменное, постоянное и обнимающее все бытие, по Лаоси, есть Тао» [27, с. 42]. Здесь же Д. П. Конисси указывает, что это напоминает учения Гераклита, элейцев и Платона. Вот любопытное проявление европоцентризма у автора восточного происхождения!

Д. П. Конисси пишет: «Если Тао существо абсолютное, то оно должно быть единым и кроме него не может быть другого... Тао – чистейший дух, который имеет внутреннее единство и неделим» [29, с. 375]. Кажется, Д. П. Конисси в большей степени демонстрирует знание Платона и Гегеля, нежели классической китайской философии. Конисси пишет, что Лао-цзы «не мог довольствоваться конкретным объяснением мира. Ему думалось, что существует высший мир, который открывается только нашему разуму. Видимое бытие, думал Лаоси, ограничено и конечно, следовательно, и не вечно; если оно не вечно, то должно иметь начало; если оно имеет начало, то подлежит разрушению, но разрушение мыслится только тогда, когда существует неразрушимое; конечное мыслимо только тогда, когда существует бесконечное» [29, с. 374]. Ср. «Федр» Платона: «Всякая душа бессмертна. Ведь вечнодвижущееся бессмертно. А у того, что сообщает движение другому и приводится в движение другим, это движение прерывается, а значит, прерывается и жизнь» [30, с. 154]. Кажется, рассуждения Д. П. Конисси содержат больше платонизма или картезианства, чем даосизма. «Лаоси твердо признает врожденность в человеке идеи о Тао» [28, с. 375]. «Абсолютное Тао не может быть существом, зависимым от других: оно уже как таковое, должно существовать от самого себя. Если бы оно не было самобытным существом, то оно не было бы абсолютным бытием» [28, с. 375]. Невольно приходит на ум *causa sui* и учение Спинозы о субстанции – причине самой себя. Насколько адекватно это отражает даосский материал?

«Творец» всего сущего по Лао-цзы (в интерпретации Конисси) тоже есть *dao*. Конисси пишет, что ближайшей аналогией *dao* в европейской философии является Анаксагоров «Ум». «Таким образом, – заключает Конисси, – мета-

---

⁶ Масутаро (Даниил Петрович) Кониси / Конисси (1862–1940). Родился в Японии. Окончил семинарию при Российской духовной миссии в Токио, затем – Киевскую духовную академию и Московский университет, где изучал философию и психологию. Испытав влияние Л. Н. Толстого, отказался от православия. Под редакцией Л. Н. Толстого в 1909 году и в 1913 году (уже после смерти Л. Н. Толстого) выходил русский перевод «Дао дэ цзина», выполненный Кониси [Шифман А. И., 1960, с. 284–289; Китайская философия, 1994, с. 348].

физическая система, развитая Лаоси, представляет собою последовательное и цельное учение о едином Верховном существе, подобное тому, до которого возвысилась греческая философия в эпоху своего расцвета. Но преимущество Лаоси в том, что он один, силою личного ума развил учение, до которого греческая философия дошла лишь совокупными усилиями и в историческом росте» [29, с. 376–378]. Европейское образование переводчика, его приверженность – вначале православия, а затем – толстовству, перевесило и китайский подлинник «Дао дэ цзина», и китайские, и японские комментарии этого текста. Перевод Конисси до 1950 года оставался единственным полным переводом «Дао дэ цзина» на русский язык и был весьма авторитетным. Например, ещё в 1965 году авторитетный религиовед, С. А. Токарев, использовал перевод Конисси [31, с. 276–277].

В 1908 году опубликовал свой перевод «Дао дэ цзина» русский поэт-символист Константин Дмитриевич Бальмонт (1867–1942). Бальмонт был полиглотом, много переводил. Считается, что он изучал и китайский язык, был в состоянии сверять французский, английский и немецкий переводы, имевшиеся к тому времени, с китайским подлинником и самостоятельно переводить с китайского [32, с. 9–10; 33, 6; 34, 6].

Перевод Бальмонта разительно отличается от всего, что нам приходилось видеть прежде. Свой перевод он озаглавил так: ЛАОТЦЕ. «Книга пути и благого чарования».

Приведем пример перевода К. Д. Бальмонта – восьмую строфу (в традиционной разбивке соответствует 17 *чжану* «Дао дэ цзина»).

Первичные Строители Порядка,
Устроенные, знали лишь себя.
Одно свое существованье.
За ними – их любили и хвалили;
За ними – относились к ним со страхом;
За ними – относились с небреженьем;
Лишь Сплоченностью Сплоченность творится.
Величием исполненные, также
Как были полновесные слова их,
Они свершали ряд своих свершений:
Как думали тогда, был Самовзгляд,
Закон был обществ – Самоусмотренье [35, 138].

Оригинал:

太上，下知有之；其次，亲而誉之；其次，畏之；其次，侮之。信不足，焉有不信焉。悠兮，其贵言。功成事遂，百姓皆谓我自然。⁷

⁷ <http://ctext.org/dao-de-jing/zhs> Дата обращения: 28.01.17

В транскрипции Палладия (Какафрова):

Тай шан, ся чжи ю чжи; цицы, цинь эр юй чжи; цицы, вэйчжи; цицы, у чжи. Син буцзу, янь ю бу синь янь. Ю си, ци гуй янь. Гун чэниши суй, байсин цзе вэй во цзы жань.

Перевод Е. А. Торчинова:

О высочайшем правителе все подданные знают лишь одно: он есть.

Ему уступит тот, кого народ любит и хвалит.

Но ещё ниже тот, кого народ боится. Но хуже всех такой монарх, которого в народе презирают.

Когда правитель никому не доверяет, ему доверия не будет тоже никогда.

Но подлинный правитель осторожно относится к словам, ценя их. Когда все славные дела его завершены, народ воскликнет: «О, так мы и сами точно таковы!» [36, 238].

Бальмонт особо не церемонился с текстом, стараясь реализовать в переводе установки символической поэзии. В своей программной работе, манифесте символизма, он уподоблял поэта-символиста человеку, отстраненно наблюдающему за толпой из окна: «[Ч]ем больше вы будете смотреть, тем яснее вам будет рисоваться незримая жизнь за очевидной внешностью, и все эти призраки, которым кажется, что они живут, предстанут перед вами лишь как движущиеся ткани, как созданыя вашей собственной мечты. Они все наконец сольются в один общий поток, управляемый вашей мыслью, и, восприняв красоту и сложность вашей души, образуют с вами одно неразрывное целое, как радиусы с центром. Мир станет фантазмагорией, созданной вами, потому что вы слишком долго и пристально глядели на неистощимый поток людей, сидя одиноко, у большого окна» [37, с. 326]. Бальмонт пишет, что реалисты всегда являются простыми наблюдателями, символисты – всегда мыслители: «Реалисты схвачены, как прибором, конкретной жизнью, за которой они не видят ничего, – символисты, отрешённые от реальной действительности, видят в ней только свою мечту, они смотрят на жизнь – из окна. Это потому, что каждый символист, хотя бы самый маленький, старше каждого реалиста, хотя бы самого большого. Один еще в рабстве у материи, другой ушел в сферу идеальности» [37, с. 327].

Сам Бальмонт, конечно, мыслитель: «Как определить точнее символическую поэзию? Это поэзия, в которой органически, не насильственно, сливаются два содержания: скрытая отвлеченность и очевидная красота, – сливаются так же легко и естественно, как летним утром воды реки гармонически слиты с солнечным светом. Однако, несмотря на скрытый смысл того или другого символического произведения, непосредственное конкретное его содержание всегда закончено само по себе, оно имеет в символической поэзии самостоятельное существование, богатое оттенками» [37, с. 328]. Эти установки и хотел выразить Бальмонт, когда переводил «Дао дэ цзин».

В переводе Бальмонт сократил «Дао дэ цзин»: из 81 *чжана* (параграфа) переведены только четырнадцать, порядок *чжанов* изменен самим К. Д. Бальмонтом (1,

2, 4–8, 17, 18, 24, 47, 46, 40, 25). Перевод выполнен белым стихом. *Дао* интерпретируется как «Путь». Остальные категории «Дао дэ цзина» в переводе отсутствуют.

Некое «Всемирное» в переводе К. Д. Бальмонта противопоставляется «Личному». Подчеркивается, что «чувственный Мир расчлененный», «явленный» есть лишь «частичный Мир», а за ним стоит сверхчувственный, нерасчлененный [35, с. 135–136]. Исчез «персонаж» «Дао дэ цзина» – «совершенномудрый» (*шэн-жэнь*). Вместо него появилось некое безличное «Совершенное».

В целом создается впечатление, что Лао-цзы у Бальмонта – мистик, указывающий на неотделимость каждой человеческой души от единой Мировой души, указывающий на иллюзорный характер мира явлений, и призывающий к слиянию с надмировым Абсолютом.

Слышны отголоски теософии Е. П. Блаватской, чью книгу «The Voice of the Silence» («Голос Безмолвия») [38] Бальмонт читал в 1897 году. Как известно, К. Д. Бальмонт находил параллели между символизмом и рядом индийских религиозно-философских концепций [33, с. 9–13], однако возникает еще одна параллель: символизм – даосизм.

Параграфы, отобранные К. Д. Бальмонтом, содержат описание «Пути» (*дао*), которое в целом напоминает «Путь» единения с Атманом в книжке Е. П. Блаватской (Хотя Блаватская не стеснялась выдавать чужие мысли за свои). Блаватская тоже использует термин *дао* («Тао» в орфографии того времени), говоря о китайском буддизме [38, с. 53].

В переводе Бальмонта и книге Блаватской встречаются созвучные фрагменты. Так, у Бальмонта: «Вселенная – словно покров»; у Е. П. Блаватской: объективный мир есть «тёмные покровы иллюзии», «Маяя» [35, с. 137; 38, 20, 49, примечание 9].

У Бальмонта: «Глянет рассудок – поведения правда слепая исчезла»; у Блаватской: «Ум есть великий убийца реального» и т. д. [35, с. 138; 38, с. 18].

Возможно, Бальмонт считал, что смысл «Дао дэ цзина» близок сокровенному смыслу всех религиозных символов, которые указывают на Абсолют и описывают пути к нему [Ср. 38, 52, примечание 44].

«Книга пути и благого чарования» (мы помним, что так Бальмонт перевел название «Дао дэ цзина») есть один из многих путей, ведущих к Абсолюту. Это предположение подтверждается еще и тем, что Бальмонт обильно переводил (или перелагал) религиозные гимны Египта, Мексики, Персии и т.д.

Его работа над «Дао дэ цзином» продолжалась даже в эмиграции в 1920-е годы. Масштаб его поэтического таланта повлиял на восприятие даосизма русскими читателями.

Возвращаясь к теме европоцентризма в среде российских деятелей культуры, необходимо сказать об отношении к учению Лао-цзы Алексея Максимовича Горького (1868–1936). В 1915 году он взялся бичевать «китаизм»:

«Китаец Лао-си учит: “Единственно, чего я боюсь, это – быть деятельным. Все должны быть бездеятельными. Бездеятельность – полезнее всего, существующего между небом и землею. Когда все сделаются бездеятельными, то на земле наступит полное спокойствие”. “Вот непримиримое противоречие Запада и Востока. Именно это, рожденное отчаянием, своеобразие восточной мысли и является од-

ной из основных причин политического застоя азиатских государств, именно этой подавленностью личности, запуганностью ее, недоверием к силе разума, воли и объясняется мрачный хаос политической и экономической жизни Востока. На протяжении тысячелетий человек Востока был, и все еще остается в массе своей “человеком не от мира сего”. Конечно, и Восток по-своему деятелен, но его деятельность подневольна, ее вызывает только суровая сила необходимости, – человеку Востока незнакомо наслаждение процессом работы, ему недоступны поэзия, неведом пафос деяния» [39, с. 176].

Оценка Востоку и восточному человеку дана убийственная. Характерно, что А. М. Горький в 1915 году рассуждал в парадигме В. С. Соловьева и Л. Н. Толстого: своеобразие мысли Лао-цзы есть причина политического и экономического застоя Китая, а не наоборот. До 1917 года Алексей Максимович Горький мог позволить себе некие вольности. Это уж потом он стал правоверным материалистом.

Непонятно, из какого источника А. М. Горький позаимствовал приведенную выше подборку цитат из «Дао дэ цзина». Как удалось установить, первое предложение: «Единственно, чего я боюсь, это – быть деятельным» является переводом фрагмента 53 *чжана*; второе – «Все должны быть бездеятельными» – перевод фрагмента 63 *чжана*. Третье – «Бездеятельность – полезнее всего, существующего между небом и землею» – перевод фрагмента 43-го *чжана*. И четвертое, последнее, – «Когда все сделаются бездеятельными, то на земле наступит полное спокойствие» – перевод фрагмента 57-го *чжана*. Перевод, конечно, очень тенденциозный.

В таком сочетании эти фрагменты в русской китаеведческой литературе мне не встречались. Однако составителю этой подборки нельзя отказать в умении тенденциозно подбирать цитаты, лишая их контекста. Впрочем, мало кто из интерпретаторов философии Лао-цзы не пользовался этим приемом.

Вряд ли А. М. Горький мог прочесть оригинальный китайский текст. Вероятно, он мог воспользоваться одним из переводов «Дао дэ цзина» на европейские языки. Но и в этом случае нужно было сильно постараться, чтобы составить столь тенденциозную подборку.

Итак, Лао-цзы для А. М. Горького – выразитель «мрачного хаоса политической и экономической жизни Востока».

Картина дореволюционных истолкований философии раннего даосизма будет неполной, если не упомянуть о работах молодого Василия Михайловича Алексеева. Однако к настоящему времени ему посвящены уже сотни работ. Поэтому мы надеемся посвятить ему отдельную статью.

Литература

1. Скачков П. Е. Очерки истории русского китаеведения. М. : Наука, 1977. 506 с.
2. Васильев В. П. Религии Востока. Конфуцианство, буддизм и даосизм // Журнал Министерства народного просвещения. 1873. апрель. С. 239–310.
3. Васильев В. П. Религии Востока. Конфуцианство, буддизм и даосизм // Журнал Министерства народного просвещения. 1873. май. С. 29–107.
4. Васильев В. П. Религии Востока. Конфуцианство, буддизм и даосизм // Журнал Министерства народного просвещения. 1873. июнь. С. 260–293.

5. Скачков П. Е. Библиография Китая. М. : Изд. вост. лит., 1960. 691 с.
6. Михайлов А. Ф., Юркевич А. Г. БИЧУРИН // Китайская философия: Энциклопедический словарь / РАН. Ин-т Дальнего Востока; Гл. ред. М. Л. Титаренко. М. : Мысль, 1994. С. 23–25.
7. Шкуринов П. С. Позитивизм в России XIX века. М. : Изд-во Моск. Ун-та, 1980. 416 с.
8. Каменский З. А. Тимофей Николаевич Грановский. М. : Мысль, 1988. 192 с.
9. Грановский Т. Н. Сочинения. 4-е изд. М. : Товарищество тип. Мамонтова, 1900. 658 с.
10. LAO TSEU. TAO TE KING. LE LIVRE DE LA VOIE ET DE LA VERTU. Traduit en français, et publié avec le texte chinois et un commentaire perpétuel par Stanislas Julien. – P. : Imprimerie royale, 1842. 357 p.
11. Лао-дзы и его учение // Сын Отечества. 1842. № 11. С. 16–34.
12. Русская философия первой половины XIX в.: Хрестоматия / Сост., библиогр. статьи и прим. Б. В. Емельянова. Свердловск : Изд-во Урал. Ун-та, 1987. 259 с.
13. Сербиненко В. В. ХОМЯКОВ // Китайская философия: Энциклопедический словарь / РАН. Ин-т Дальнего Востока; Гл. ред. М. Л. Титаренко. М. : Мысль, 1994. С. 371–372.
14. Хомяков А. С. Записки о Всемирной истории. Ч. 1. – М. : В тип. Бахметева, 1871. 522 с.
15. Торчинов Е. А. Даосизм. Опыт историко-религиоведческого описания. СПб. : Андреев и сыновья, 1993. 311 с.
16. Михайлов А. Ф., Юркевич А. Г. ВАСИЛЬЕВ В. П. // Китайская философия: Энциклопедический словарь / РАН. Ин-т Дальнего Востока; Гл. ред. М. Л. Титаренко. М. : Мысль, 1994. С. 50–51.
17. Сербиненко В. В. Вл. Соловьев: Запад, Восток и Россия. Учебное пособие для высш. учебн. заведений. М. : Наука, 1994. 208 с.
18. Белинский В. Г. Письмо к Гоголю. М. : Гослитиздат, 1956. 32 с.
19. Петров А. А. Философия Китая в русском буржуазном китаеведении. Критико-библиографический очерк // Библиография Востока. – Вып. 7 (1934). М.–Л., 1935. С. 5–28.
20. Георгиевский С. Первый период китайской истории. СПб. : Печатня А. Григорьева, 1885. 332 с.
21. Георгиевский С. Мифические воззрения и мифы китайцев. СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1892. 118 с.
22. Михайлов А. Ф., Юркевич А. Г. ГЕОРГИЕВСКИЙ // Китайская философия: Энциклопедический словарь / РАН. Ин-т Дальнего Востока; Гл. ред. М. Л. Титаренко. М. : Мысль, 1994. С. 63–64.
23. Соловьев В. С. Китай и Европа // Соловьев В. С., Собр. соч. Т. 6. Брюссель : Изд-во «Жизнь с Богом», 1966. С. 91–150.
24. Мышинский А. Л. Лев Толстой и Лао-цзы // Общество и государство в Китае. Т. XLV, ч. 1 / Редколл.: А. И. Кобзев и др. М. : Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт востоковедения Российской Академии наук (ИВ РАН), 2015. (Учёные записки ИВ РАН. Отдел Китая. Вып. 17 / Редколл.: А. И. Кобзев и др.) С. 656–672.
25. Кобзев А. И. Учение о символах и числах в китайской классической философии. М. : Изд. фирма «Восточная литература», 1994. 431 с.
26. Аристотель. Соч. в 4-х т., Т. 1. М. : Мысль, 1976. 550 с.
27. Конисси Д. П. Философия Лаоси // Вопросы философии и психологии. 1893. №3 (18). С. 27–45.
28. Конисси Д. П. Философия Лаоси (окончание) // Вопросы философии и психологии. 1894. №3 (23). С. 363–379.
29. Конисси Д. П. «Тао-тэ-кинг» Лаоси. Пер. с кит. // Вопросы философии и психологии. 1894. №3 (23). С. 380–408.
30. Платон. Федр // Платон. Собр. соч. в 4 т., Т. 2. М. : Мысль, 1993. С. 135–191.
31. Токарев С. А. Религия в истории народов мира. 2-е изд., испр. и доп. М. : Политиздат, 1965. 623 с.
32. Орлов Вл. Бальмонт. Жизнь и поэзия // Бальмонт К. Д. Стихотворения. Л. : Советский писатель, 1962. С. 5–74.
33. Бонгард-Левин Г. М. Индийская культура в творчестве К. Д. Бальмонта // Ашвагхоша, Жизнь Будды / Ашвагхоша. Драммы / Калидаса; пер. К. Бальмонта; Введение, вступ. статья, очерки, науч. ред. Г. Бонгард-Левина. М. : Худож. лит., 1990. С. 6–27.
34. Азадовский К. М., Дьяконова Е. М. Бальмонт и Япония. М. : Наука, 1991. 189 с.
35. Бальмонт К. Д. Зовы древности. Гимны, песни и замыслы древности. СПб. : «Пантеон», 1908. 2-е изд. 226 с.
36. Торчинов Е. А. Даосизм. «Дао Дэ цзин». Перевод Е. А. Торчинова. СПб. : «Петербургское Востоковедение», 1999. 288 с.
37. Бальмонт К. Д. Стозвучные песни: Сочинения (избранные стихи и проза). Ярославль : Верх.-Волж. кн. изд-во, 1990. 336 с.

38. Блаватская Е. П. Голос безмолвия. б.м.: Изд-во г-на Пеликана, 1991 [репринт 1912 г.] 32 с.
 39. Горький М. Две души // Горький М. Статьи 1905–1916 гг. 2-е изд. Пгт. : «Парус», 1918. С. 174–187.

References

- Aristotle (1976). *Sochineniia v 4-kh t., T. I.* [Works in 4 Vols. Vol. 1]. 550 p. Moscow, Mysl'.
- Azadovskii, K. M., D'iakonova, E. M. (1991). *Bal'mont i Iaponiia* [Balmont and Japan]. 189 p. Moscow, Nauka.
- Bal'mont, K. D. (1990). *Stozvuchnye pesni: Sochineniia (izbrannye stikhi i proza)* [Songs of Hundred Sounds: Works (Selected Poems and Prose)]. 336 p. Yaroslavl, Verkhne-Volzhskoe knizhnoe izdatel'stvo.
- Bal'mont, K. D. (1908). *Zovy drevnosti. Gimny, pesni i zamysly drevnosti. 2-e izd.* [The Calls of the Antiquity. The Hymns, Songs and Intentions of the Antiquity. 2nd ed.]. St. Petersburg, Panteon.
- Belinskii, V. G. (1956). *Pis'mo k Gogoliu* [A Letter to Gogol]. 32 p. Moscow, Goslitizdat.
- Blavatskaia, E. P. (1991). *Golos bezmolviia* [The Voice of the Silence]. Reprint of the 1912 Edition. 32 p. Izdatel'stvo gospodina Pelikana.
- Bongard-Levin, G. M. (1990). Indiiskaia kul'tura v tvorcestve K. D. Bal'monta [Indian Culture in K. D. Balmont's Lyrics]. In Bongard-Levin, G. M. (Ed.). *Ashvaghosha. Zhizn' Buddy. Kalidasa. Dramy / per. K. Bal'monta*. Moscow, Khudozhestvennaia literatura, pp. 6–27.
- Georgievskii, S. (1882). *Pervyi period kitaiskoi istorii* [The First Period of Chinese History]. 332 p. St. Petersburg, Pechatnia A. Grigor'eva.
- Georgievskii, S. (1892). *Mificheskie vozzreniia i mify kitaitsev* [Mythological Views and Myths of the Chinese]. 118 p. St. Petersburg, Tip. I. N. Skorokhodova.
- Gorky, M. (1918). *Dve dushi* [Two Souls]. In Gorky M. *Stat'i 1905–1916 gg. 2-e izd.* [Articles of 1905–1916. 2nd ed.]. Petrograd, Parus, pp. 174–187.
- Granovskii, T. N. (1900). *Sochineniia. 4-e izd.* [Works. 4th ed.]. 658 p. Moscow, Tovarishchestvo tipografii Mamontova.
- Kamenskii, Z. A. (1988). *Timofei Nikolaevich Granovskii* [Timofey Nikolayevich Granovsky]. 192 p. Moscow, Mysl'.
- Emel'ianov, E. D. (Ed.). (1987). *Russkaia filosofiiia pervoi poloviny XIX v.: Khrestomatiia* [Russian Philosophy of the First Half of the 19th Century: Chrestomathy]. 259 p. Sverdlovsk, Izdatel'stvo Ural'skogo Universiteta.
- Khomiakov, A. S. (1871). *Zapiski o Vsemirnoi istorii. Ch. I.* [Records on the World History. Part I. 522 p. Moscow, V tipografii Bakhmeteva.
- Kobzev, A. I. (1994). *Uchenie o simbolakh i chislakh v kitaiskoi klassicheskoi filosofii* [The Teaching About Symbols and Numbers in Classical Chinese Philosophy]. 416 p. Moscow, izdatel'skaia firma "Vostochnaia literatura".
- Konissi, D. P. (1893). *Filosofiiia Laosi* [Philisoly of Laozi (Lao-Tzu)]. In *Voprosy filosofii i psikhologii*, no 18, pp. 27–45.
- Konissi, D. P. (1894). *Filosofiiia Laosi (okonchanie)* [Philosophy of Laozi (Lao-Tzu) (End)]. In *Voprosy filosofii i psikhologii*, no 3 (23), pp. 363–379.
- Konissi, D. P. (1894). "Tao-te-king" Laosi. Per. s kit. [Laozi's (Lao-Tzu's) "Tao Te King" ("Dao De Jing"). Translated from Chinese]. In *Voprosy filosofii i psikhologii*, no 3 (23), pp. 380–408.
- Lao Tseu (1842). *Tao Te King. Le livre de la voie et de la vertu. Traduit en français, et publié avec le texte chinois et un commentaire perpétuel par Stanislas Julien* [Tao Te King (Dao De Jing). The Book of the Way and the Virtue. Translated into French and Published with the Chinese Text and a Running Commentary by Stanislas Julien]. 357 p. Paris, Imprimerie royale.
- Lao-dzy i ego uchenie [Laozi and His Teaching]. (1842). In *Syn Otechestva*, 11, pp. 16–34.
- Mikhailov, A. F., Iurkevich, A. G. (1994). BICHURIN. In Titarenko, M. L. (Ed.) *Kitaiskaia filosofiiia: Entsiklopedicheskii slovar'*. Moscow, Mysl', pp. 23–25.
- Mikhailov, A. F., Iurkevich, A. G. (1994). GEORGIEVSKII. In Titarenko, M. L. (Ed.) *Kitaiskaia filosofiiia: Entsiklopedicheskii slovar'*. Moscow, Mysl', pp. 63–64.
- Mikhailov, A. F., Iurkevich, A. G. (1994). VASIL'EV V. P. In Titarenko, M. L. (Ed.) *Kitaiskaia filosofiiia: Entsiklopedicheskii slovar'*. Moscow, Mysl', pp. 50–51.
- Myshinskiy, A. L. (2015). *Lev Tolstoi i Lao-zi* [Leo Tolstoy and Laozi (Lao-Tzu)]. In Kobzev, A. I. (Ed.). *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae*. Moscow, Federal'noe gosudarstvennoe biudzhethnoe uchrezh-

- denie nauki Institut vostokovedeniia Rossiiskoi akademii nauk (IV RAN), Vol. XLV, Part 1, pp. 656–671.
- Orlov, V. (1962). Bal'mont. Zhizn' i poeziia [Balmont. Life and Poetry]. In Bal'mont K.D. *Stikhotvoreniia* [Poems]. Leningrad, Sovetskii pisatel', pp. 5–74.
- Petrov, A. A. (1935). Filosofiiia Kitaia v russkom burzhuaznom kitaevedenii. Kritiko-bibliograficheskii ocherk [Russian Bourgeois Sinology on Philosophy of China. Critical Bibliographical Essay]. In *Bibliografiia Vostoka*, Iss. 7, pp. 5–28.
- Plato (1993). Phaedrus. In Plato. *Sobranie sochinenii v 4 t.* [Works in 4 Vols.]. Moscow, Mysl', pp. 135–191.
- Serbinenko, V. V. (1994). KHOMIAKOV. In Titarenko, M. L. (Ed.) *Kitaiskaia filosofiiia: Entsiklopedicheskii slovar'*. Moscow, Mysl', pp. 371–372.
- Serbinenko, V. V. (1994). *VI. Solov'ev: Zapad, Vostok i Rossiia. Uchebnoe posobie dlia vyssh. uchebn. zavedenii* [Vladimir Solovyov: the West, the Orient and Russia. Textbook for Institutions of Higher Education]. 208 p. Moscow, Nauka.
- Skachkov, P. E. (1960). *Bibliografiia Kitaia* [Bibliography of China]. 691 p. Moscow, Izdatel'stvo vostochnoi literatury.
- Skachkov, P. E. (1977). *Ocherki istorii russkogo kitaevedeniia* [Essays on History of Russian Sinology]. 506 p. Moscow, Nauka.
- Shkurinov, P. S. (1980). *Pozitivizm v Rossii XIX veka* [Positivism in Russia in the 19th Century]. 416 p. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo Universiteta.
- Solov'ev, V. S. (1966). Kitai i Evropa [China and Europe]. In Solov'ev, V. S. *Sobranie sochinenii. T. 6.* [Works. Vol. 6]. Brussels, Izdatel'stvo "Zhizn' s Bogom", pp. 91–150.
- Tokarev, S. A. (1965). *Religiia v istorii narodov mira. 2-e izd., ispr. i dop.* [Religion in the History of the Peoples of the World. 2nd Edition, Update]. 623 p. Moscow, Politizdat.
- Torchinov, E. A. *Daosizm. "Dao De Jing". Perevod E. A. Torchinova* [Daosim. "Dao De Jing". Translated by E. A. Torchinov]. 288 p. St. Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie.
- Torchinov, E. A. *Daosizm. Opyt istoriko-religiovedcheskogo opisaniia* [Daoism. A Description from Historical and Religious Studies' Points of View]. 311 p. St. Petersburg, Andreev i synov'ia.
- Vasil'ev, V. P. (1873). Religii Vostoka. Konfutsianstvo, buddizm i daosizm [The Religions of the Orient. Confuciansm, Buddhism and Daoism]. In *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniia*, April, pp. 239–310.
- Vasil'ev, V. P. (1873). Religii Vostoka. Konfutsianstvo, buddizm i daosizm [The Religions of the Orient. Confuciansm, Buddhism and Daoism]. In *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniia*, May, pp. 29–210.
- Vasil'ev, V. P. (1873). Religii Vostoka. Konfutsianstvo, buddizm i daosizm [The Religions of the Orient. Confuciansm, Buddhism and Daoism]. In *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniia*, June, pp. 260–293.

The article was submitted on 15.04.2017

И. А. Мусинова,

Лим Сонгдже

**СОВЕТСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА
В 1920-Е ГГ. НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
«КОРЕЙСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО СОЮЗА» И
«СОЮЗА КОРЕЙСКИХ РАБОЧИХ» Г. СВЕРДЛОВСКА**

Аннотация: Несмотря на значительное количество научных работ, появившихся после 1990-х гг. и посвященных становлению и развитию корейской диаспоры на территории современной Российской Федерации, до настоящего времени не было создано специальных работ о появлении и становлении корейской диаспоры на территории нынешней Свердловской области. В данной статье представлена попытка показать основные принципы национальной государственной политики в первые годы после установления советской власти на примере деятельности «Корейского национального союза» и «Союза корейских рабочих» г. Свердловска. На материалах впервые введенных в оборот архивных документов из фондов ГАСО (Государственного архива Свердловской области и ГААОСО (Государственного архива административных органов Свердловской области), показана деятельность корейских национальных организаций. Кроме того, в статье впервые представлена информация о нескольких наиболее крупных деятелях корейского национально-освободительного движения, таких как Кан Дин Хо, Ан Тэ До, проживавших на территории Екатеринбурга-Свердловска, а также дана краткая характеристика основных этнокультурных процессов в среде корейцев на территории современной Свердловской области в 1920–середине 1930-х гг.

Ключевые слова: корейцы, корейцы Урала, государственная национальная политика, советская власть, Корейский национальный союз, Союз корейских рабочих

Irina A. Musinova,

Lim Sungjae

**THE MAIN PRINCIPLES OF NATIONAL POLITICS
IN THE FIRST YEARS OF SOVIET POWER, FOCUSING
ON THE SVERDLOVSK “KOREAN UNION” AND
“THE KOREAN LABOR UNION”**

Abstract: Despite the significant development of Diasporology in Russia and publishing of the numerous books and articles on the formation and the development of the Korean Diaspora in Russia, the subject of the Korean Diaspora living on the territory of the modern Sverdlovsk region still didn't get a proper scholars' attention. This article describes the main principles of national politics in the first years of Soviet Power, focusing on the Sverdlovsk “Korean Union” and “The Korean Labor Union”. On the basis of archival data that hasn't been published before the characteristic of ethnical and cultural processes of Koreans in the region has been given, and the information about main leaders of National Korean Unions, such as Kang Jin Ho and An Tae Do, was presented.

Key words: Koreans, ethnic Korean community, Sverdlovsk Koreans, USSR State National Policy, Korean Union, Korean Labor Union.

На первый взгляд, после Февральской и Октябрьской революций в 1917 году открылись новые возможности для различных этнических групп. Период крушения Российской империи был отмечен ростом национального самосознания. Предпринимались попытки перестроить страну на этно-территориальных и культурно-автономных основах.

В указанный период на государственном уровне осознавалась значимость для страны национального вопроса, был создан специальный Народный комиссариат по делам национальностей (Наркомнац). В первые годы существования советского режима была создана разветвленная территориальная структура местных национальных комитетов и отделов при губернских, уездных и городских Советах [4, с. 19]. 3 ноября 1917 года была принята «Декларация прав народов России», которая уравнивала в статусе и в основных гражданских правах все народности советской России [6, с. 61–62].

Тенденция, которая была характерна для России, была характерна также и для Урала: на этапе своего становления советская власть стремилась сотрудничать с различными национальными меньшинствами. Для этой цели в рамках губкомов, а затем и окружкомов существовали агитпропотделы и бюро нацменьшинств. Таким образом, на первоначальном этапе власть активно поддерживала инициативы по созданию национально-культурных организаций, которые создавались как в масштабах всей страны, так и на местном уровне. Такие национальные организации были созданы корейцами на территории города Екатеринбург-Свердловска и нынешней Свердловской области.

Всесоюзная перепись населения 1920 года зафиксировала на территории Уральской области 132 корейца [8]. В источниках не удалось обнаружить достоверную информацию о существовании сообществ по национальному признаку до 1920 года, но указывается, что в 1920 году в Екатеринбурге было открыто отделение Корейского национального союза, а также Союза корейских рабочих [2].

Корейский национальный союз являлся учреждением, объединявшим и регулирующим деятельность всех корейских организаций в России. Союз предполагал достичь следующих политических целей: восстановление политической самостоятельности Кореи на основе самоопределения ее населения; борьба с японским экономическим и политическим господством в Корее; противостояние японскому империализму в Азии [5].

Корейский национальный союз в городе Свердловске был структурным подразделением и не имел собственных локальных целей, однако из источников следует, что Союз создавался без участия губкома. С 1925 года деятельность Корейского союза контролировалась государством. Корейский союз вел агитационную и пропагандистскую работу среди корейцев Екатеринбург-Свердловска и близлежащих территорий.

Первым председателем Корейского союза в 1920 году был избран **Ан Тэ До** (он же Ан Тай До, Ан Сергей Николаевич, 1897–1932 гг.). В архиве ГААОСО хранится дело, возбужденное в отношении него и еще нескольких корейцев и китайцев по ст. 58-б УК СССР. По этому делу были привлечены Ян Чунь Шань, Ян Вын Лунь, Ан На То, Ли Шу Чжан, Пу Иван Иванович. Все они подверглись арестам 13 апреля 1932 г. [1]

В документах на корейском языке указано, что Ан Тэ До родился в Корее, в уезде Гехын (계현군) в 1897 году. Ан Тэ До владел русским, корейским, японским, немецким, французским языками и говорил по-китайски. После переезда в г. Николо-Уссурийск познакомился с корейцем Ли Кап – руководителем Корейского общества по борьбе против японского империализма. В 1912 году Ли Кап забрал Ан Тэ До в Санкт-Петербург для работы в Корейском обществе, а в 1913 году по заданию Ли Кап Ан Тэ До был направлен в город Благовещенск-на-Амуре, работал там в качестве секретаря Корейского общества [1, л. 57].

В 1915 году по поручению иркутского отделения Корейского общества для установления связей был направлен в Харбин, с обществом связался, но через 10 дней был арестован японской полицией по доносу. 2 недели находился под стражей, был освобожден под надзор полиции и по совету корейцев бежал из Харбина в сторону станции Пограничная, в 1916 году прибыл в Екатеринбург. Ан Тэ До пробыл в Екатеринбурге 3 месяца, затем уехал в Пермь, где занял должность заместителя председателя Корейского общества, а потом стал его председателем до Октябрьской революции 1917 года [1, л. 58].

В 1918 году Ан Тэ До в течение 3–4 месяцев служил в рядах Красной гвардии, в Окуловском отряде рядовым красногвардейцем. Приход белых войск в 1918 году встретил в Перми, был командирован Урал Облисполкомом в начале 1919 года на Первый Конгресс Коминтерна в Москве, где выступал в качестве беспартийного [1, л. 58].

После взятия Перми красными Ан Тэ До переехал в Свердловск, где был создан более сильный Союз корейцев. В 1920–1921 годах его выбрали сначала секретарем, а затем и председателем союза, на этой должности он работал до 1925 года. С 1923 года союз стал Областным, Ан Тэ До стал председателем областного комитета Союза [1, л. 59].

Вторая национальная организация на территории Свердловска – Союз корейских рабочих также был образован в 1920 году. В масштабах страны Союз корейских рабочих был сформирован в 1918 году корейцами-эмигрантами, проживающими на территории РСФСР. Во главе Союза стоял Центральный исполнительный комитет. 10 июня 1924 года Совнарком СССР утвердил устав Союза, получившего официальное наименование «Центральный исполнительный комитет союзов корейцев, проживающих на территории СССР» [7].

В соответствии с уставом основной задачей ЦИК союзов корейцев являлась защита интересов своих членов, поднятие их культурного и профессионально-технического уровня, организация взаимопомощи [7].

Союз корейцев вел переписку с наркоматами, государственными учреждениями РСФСР об отпуске финансовых средств, проводил культурно-просветительскую работу среди корейцев, кроме того, была организована деятельность корейских трудовых артелей: корейские студенты отправлялись на рабфаки и в ВУЗы. Велась переписка о предоставлении права на жительство корейцам и др.

Кореец Пу На Сон, допрошенный в качестве свидетеля по делу Ан Тэ До 14 апреля 1932 года, также подтвердил, что, когда Урал был освобожден, Ан организовал в г. Свердловске Союз корейских рабочих и работал его председателем.

Он был знаком с Ан Тэ До с 1923 года, также участвовал в деятельности Союзе корейских рабочих [1, л. 59].

От имени союза корейских рабочих была открыта папиросная фабрика, которую также возглавлял Ан Тэ До и занимался торговыми операциями от ее имени. Существовала также корейская красильная мастерская, на рынках неимущими корейцами и китайцами, часто они ездили за товарами в командировки от имени Союза, осуществлялась продажа разных товаров, проводились операции по покупке платины на приисках города Кыштыма Нижне-Тагильского округа, которая затем продавалась непосредственно в Свердловске. В 1925 году был создан небольшой завод, для работы на котором были привлечены два крупнейших екатеринбургских фабриканта – Шейкман и Чертополохов, а также известные инженеры – бывшие заводчики, с которыми Ан Тэ До поддерживал близкое общение [3].

В 1925 году среди корейцев, проживавших на территории Свердловска и нынешней Свердловской области, произошел внутренний раскол. Существовало две большие группы: корейские рабочие-коммунисты и корейцы-националисты. (к первой группе относились Пу На Сон, Ли Пи Ти, Ким Тай Ени, Цай Юн Хи и другие), которые поддерживали линию партии, были идейными коммунистами, и выступали против коммерческой деятельности Союза, поддерживая лишь сохранение объединяющих и социальных функций организации под контролем государства.

Самым важным представителем этой группы, участником деятельности Союза корейских рабочих, проводником официальной государственной линии в организации являлся **Пу На Сон**, кореец, 1880 года рождения. Он родился в Корее, в городе Ян-Ван. Проживал в Свердловске, работал в Интруде киоскером на улице Толмачева и Ленина, киоск №112. С 1921 года вступил в ЦКП (б), участвовал в Красной гвардии [1, л. 62].

Основной целью корейцев-националистов была борьба с японским империализмом. Союз воспринимался ими как объединение по национальному, а не классовому признаку. Представители группы выступали за ведение различной коммерческой деятельности, которая финансировала бы как саму организацию, так и революционную деятельность различных антияпонских революционных групп. Самым ярким представителем этой группы были Ан Тэ До, Кан Дин Хо. Ан Тэ До поддерживал связи не только с корейскими, но также с китайскими рабочими, о чем свидетельствуют протоколы допросов китайцев Ли Шу Джана и Ян Вын Луна [1, л. 63].

В 1925 году несколько корейцев-рабочих протестовали против кандидатуры Ан Тэ До в качестве председателя, подали жалобу в Центральный комитет союза о том, что он злоупотреблял служебным положением, заботился о личной материальной выгоде, сам никогда не являлся рабочим. После 1925 года Ан Тэ До был отстранен, произошли перевыборы, победила группа корейских рабочих-коммунистов, во главе с Ли Пи Ти, который и стал председателем организации. Таким образом, деятельность Корейского союза была поставлена под контроль государства. Коммерческая деятельность от имени Союза более не осуществлялась [1, л. 64].

Можно сделать вывод о том, что практически все возникшие независимо от советского государства общественные организации корейцев в скором времени попали под влияние местных органов власти. Эта политика осуществлялась с по-

мощью преданных сторонников советской власти среди корейского населения, в частности, с помощью корейцев-коммунистов. Постепенно к началу 1930-х годов деятельность национальных организаций была свернута. В последующий период вся политика власти была направлена, как правило, на ассимиляцию нерусскоязычного населения. Общественные инициативы либо подавлялись, либо находились под жестким контролем государства.

Литература

1. ГААОСО. Фонд Р-1. Описание №2. Дело 33957.
2. ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 19. Д. 251.
3. ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 252.
4. Макарова Г. П. Народный комиссариат по делам национальностей 1917–1923 гг.: исторический очерк. М.: Наука, 1987. 172 с.
5. Национальный вопрос и Советская Россия. М.: Народный комиссариат по делам национальностей, 1919. 91 с.
6. Пескина П. И. Народный комиссариат по делам национальностей и его деятельность 1917–1918 гг. М.: Академия общественных наук при ЦК ВКП(б), Кафедра истории ВКП(б), 1950. 155 с.
7. Сим Хон Ёнг. К истории корейских общественных организаций в России в первой четверти XX века [Электронный ресурс]: Lib.ru. URL: http://world.lib.ru/k/kim_o_i/a13-1.shtml (дата обращения: 29.03.2017)
8. ГАСО. Ф. 239. Оп.1. Д. 419. Уральский статистический ежегодник 1923–1924 гг. Свердловск, 1925.

References

- GAAOSO – *Gosudarstvennyi arkhiv administrativnykh organov Sverdlovskoi oblasti* [State Archive of the Administrative Bodies of Sverdlovsk Region]. Stock R–1. List 2. Dossier 33957.
- GARF – *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii* [State Archive of the Russian Federation]. Stock 3316. List 19. Dossier 251.
- GASO – *Gosudarstvennyi arkhiv Sverdlovskoi oblasti* [State Archives of the Sverdlovsk region]. Stock 45. List 1. Dossier 252.
- GASO – *Gosudarstvennyi arkhiv Sverdlovskoi oblasti* [State Archives of the Sverdlovsk region]. Stock 239. List 1. Dossier 419. Ural'skii statisticheskii ezhegodnik 1923-1924 gg. [The Ural Yearbook of Statistics, 1923-1924.]. (1925). Sverdlovsk.
- Makarova, G. P. (1987). *Narodnyi komissariat po delam natsional'nostei 1917-1923 gg.: istoricheskii ocherk* [People's Commissariat for Nationalities, 1917-1923: Historical Essay]. 172 p. Moscow, Nauka.
- Natsional'nyi vopros i Sovetskaia Rossiia* [National Question and Soviet Russia]. (1919). 91 p. Moscow, Narodnyi komissariat po delam natsional'nostei.
- Peskina, P. I. (1950). *Narodnyi komissariat po delam natsional'nostei i ego deiatel'nost' 1917-1918 gg.* [People's Commissariat for Nationalities and Its Activity in 1917–1918]. 155 p. Moscow, Akademiia obshchestvennykh nauk pri pri TsK VKP(b), Kafedra istorii VKP(b).
- Shim Hong Young (n. d.). *K istorii koreiskikh obshchestvennykh organizatsii v Rossii v pervoi chetverti XX veka* [Towards the History of the Korean Public Organizations of the First Quarter of the 20th Century]. URL: http://world.lib.ru/k/kim_o_i/a13-1.shtml (mode of access: 29.03.2017).

The article was submitted on 25.04.2017

С. В. Смирнов

ЯПОНСКИЕ ШКОЛЫ РУССКОГО ЯЗЫКА В ХАРБИНЕ (1920–1945)

Аннотация: Статья посвящена практически не изученной в отечественной и зарубежной историографии проблеме: деятельности японских школ русского языка в Харбине, крупнейшем русском эмигрантском центре в Китае в 1920–1930-е годы. Опираясь на документы из отечественных центральных и региональных архивов, а также архива Гуверовского института, автор сосредотачивает свое внимание на деятельности двух учебных заведений, работавших в Харбине: Института Японо-Русского Общества и Учебного отряда Квантунской армии – русский язык при харбинской Японской военной миссии. Имея цель подготовку японских и русских кадров для развития торгово-промышленных и других дел между Японией и Россией, Институт Японо-Русского общества тем не менее имел тесные связи с японской разведкой, снабжая ее кадрами для работы по русской линии. Учебный отряд Квантунской армии изначально был создан для подготовки специалистов со знанием русского языка для нужд японской разведки и армии, что было связано с обострением японо-советских отношений на Дальнем Востоке во второй половине 1930-х годов. Оба учебных заведения имели в своем составе русских сотрудников, важную роль среди которых играли бывшие военные. В статье рассматриваются биографии некоторых сотрудников учебных заведений по преподаванию русского языка в Харбине. Конец деятельности школ русского языка был положен советско-японской войной в августе 1945 года. Практически все русские преподаватели японских школ русского языка были репрессированы.

Ключевые слова: Харбин, русская эмиграция, японская разведка, Институт Японо-Русского общества, Японская Военная миссия (ЯВМ), школа русского языка ЯВМ.

Sergei V. Smirnov

JAPANESE SCHOOLS IN TEACHING THE RUSSIAN LANGUAGE IN HARBIN (1920-1945)

Abstract: The article is devoted to scantily studied in Russian and foreign historiography of the problem – the activities of Japanese schools in teaching Russian language in Harbin, the largest Russian émigré center in China in 1920-1930s. Based on the documents from Russian Central and regional archives, and archives of the Hoover institution, the author focuses on the activities of the two schools, who worked in Harbin. Institute for Sino-Russian Society and the Training detachment of the Kwantung Army – Russian language, operating in the structure of the Japanese military mission. With the aim of training Japanese and Russian personnel for the development of commercial, industrial, and other relations between Japan and Russia, Institute of Sino-Russian Society nevertheless had close ties with the Japanese intelligence service, supplying it staff to work on the Russian lines. A training detachment of the Kwantung Army was originally created for training of specialists with knowledge of the Russian language for the needs of the Japanese intelligence service and the army, which was associated with the worsening Sino-Soviet relations in the Far East during the second half of the 1930s. Both institutions have in their composition of Russian officers, an important role among which is played by former military. The article deals with the biography of certain employees of educational institutions for teaching Russian language in Harbin. Activities of Japanese schools in teaching the Russian language was discontinued during the Soviet-Japanese war in August 1945. Almost all the Russian teachers of the Japanese schools was repressed.

Key words: Harbin, the Russian emigration, Japanese intelligence, the Institute of Sino-Russian society, the Japanese Military mission (JMM), the school of the Russian language of JMM.

Начало изучения японцами русского языка было положено во второй половине XIX в., однако особенную актуальность подготовке специалистов со знанием русского языка придало обострение отношений между Японией и Российской империей на рубеже XIX–XX вв., революция и Гражданская война в России, сопровождавшаяся интервенцией Японии и других стран Антанты на Дальнем Востоке.

Наиболее крупными центрами изучения русского языка в Японии в 1920–30-е гг. являлись Институт иностранных языков в Токио, русское отделение историко-филологического факультета университета Васэда (Токио), Институт иностранных языков в Осака. Еще одним интересным заведением по обучению русскому языку являлся Институт Японо-Русского общества¹ в Харбине, открытый в 1920 г.

Целью Института Японо-Русского общества была подготовка русских и японских кадров, «желающих посвятить себя в будущем торгово-промышленным и другим делам уже завязанным и завязываемым между Россией и Японией» [8]. Выбор в качестве места учреждения Института Харбина определялся наличием здесь мощной русскоязычной среды, позволявшей сочетать теоретическое и практическое изучение языка и его более быстрое освоение. Председателем комитета по учреждению Института стал барон Гото Симпэй, председатель Японо-Русского общества, один из наиболее последовательных сторонников развития дружественных и союзнических отношений с Россией, но не с большевиками. В состав харбинского комитета по организации Института входило около сорока крупных общественных деятелей, представителей банковского и промышленного капитала, включая японского консула в Харбине и бывшего губернатора Приамурья Н. Л. Гондатти, служившего начальником Земельного отдела КВЖД и являвшегося членом Японо-Русского общества в Токио. Кроме того, в составе учредителей были представлены начальник местной Японской Военной миссии (ЯВМ – Токуму кикан), генерал-майор Исидзака Дзэндзиро, а также не занимавший никакой определенной должности Н. И. Ландышев, секретный агент ЯВМ [3, 12; 8].

Генерал Исидзака был крупным специалистом по России. Получив первоначальное военное артиллерийское образование, он с 1902 г. являлся сотрудником Генерального штаба Японской Императорской армии. Генерал осуществил разведывательную командировку на территории Маньчжурии и русского Забайкалья (1902), выполнял функции резидента Генерального штаба во Владивостоке (1903–1904), в годы русско-японской войны возглавлял разведку 2-й армии. В 1906 г. подполковник Исидзака был направлен на языковую стажировку в Россию, после чего оставлен там в качестве резидента Генерального штаба в Одессе (1907–1909). В период Первой мировой войны Исидзака, уже в чине полковника, получил назначение в качестве представителя японского Генерального штаба при 5-й русской армии, а с августа 1916 г. – главного представителя при Ставке Верховного Главнокомандующего. С января 1917 по апрель 1918 г. генерал-майор Исидзака был японским военным атташе в России².

---

¹ Японо-Русское общество было учреждено в Токио в 1902 г. Общество преследовало цель расширения русско-японской торговли и развития культурных контактов. Основателями Общества являлись Утида Рёхэй и Андо Кэнсукэ.

² Информация любезно предоставлена историком из Благовещенска А.Г. Зорихиным.

Интерес Военной миссии, главной разведывательной структуры Японии в Маньчжурии и России, к созданию Института был вполне понятен. При Институте предполагалось организовать бюро книгоиздательства, публичную библиотеку и, самое интересное, справочное бюро, которое занималось бы изучением российской истории, географии, политики, торговли, промышленности [8], т.е., фактически, разведкой на основе анализа открытых источников. Еще одним штрихом, подчеркивающим степень внимания японской стороны к Институту Японо-Русского общества, являлось торжественное дарование Институту принцем Котохито, фельдмаршалом и членом Высшего Военного совета Японии, штандарта [8].

Первым директором Института (1920–1924) стал Ида Кохэй. Обучение в Институте составляло три года и было сосредоточено в основном на изучении русского языка. Из других предметов, преподаваемых студентам, известна истории России, советское право, бухгалтерия. На дневном отделении Института в рамках каждого курса обучалось до 60 человек (две студенческие группы). Кроме того, существовали вечерние курсы русского языка для японцев и вечерние курсы японского языка для русских, открытые осенью 1920 г. [8]. С 1923 г., после окончания интервенции в Россию, численность студентов снизилась и в 1926 г. составляла уже не более 110–115 человек [5, с. 1].

В 1921 г. при Институте было создано Общество «Киокко» (Аврора), целью которого являлось содействие взаимной солидарности, приобретению знаний и физическому развитию. Члены Общества разбивались на шесть категорий: действительные члены (студенты Института), сочувствующие члены (лица, окончившие Институт), специальные члены (педагоги и служащие Института), почетные члены (лица, избранные общим собранием), члены-соревнователи (лица, сочувствующие идеям Общества и внесшие единовременно не менее 50 иен или вносящие по 10 иен ежегодно) и второстепенные члены (слушатели Института и вечерних курсов). Общество имело ряд отделов: джиу-джитсу, фехтования, бейсбола, лаун-тенниса, спортивных состязаний, ораторского искусства, музыкальный, литературно-издательский, ученический клуб, хозяйственно-контрольный [8].

В состав русских преподавателей Института входили Л.Г. Ульяницкий, Ласс, Щепин, Н. В. Борзов, Н. В. Устрялов, И. И. Гогладзе [5, с. 7]. Большею частью это были известные педагоги, преподававшие в русских средних и высших учебных заведениях Харбина. С 1923 г. к преподаванию в Институте стали привлекаться бывшие русские офицеры. В частности, здесь работали офицеры-генштабисты полковник А. А. Тихобразов, ротмистр П. Квятковский (одновременно выполнял функции секретаря Института), полковник Я. Я. Смирнов. Все они являлись членами антисоветских военных организаций. В середине 1920-х гг. в связи с улучшением советско-японских отношений и открывавшимися перспективами сотрудничества между двумя странами на Дальнем Востоке русские офицеры из преподавательского состава Института были уволены. Единственным бывшим офицером, сменившим в 1926 г. уехавшего в китайскую армию Тихобразова, остался полковник-артиллерист И. С. Ильин, получивший место в Институте благодаря протекции японского генерального консула Амо [4, с. 261]. В отличие от своих предшественников Ильин не относился к белым активистам.

До какого времени существовал Институт Японо-Русского общества неизвестно, но в конце 1928 г. он еще работал. Вероятно, в 1930-е гг. в условиях крайней узости советско-японских отношений потребности в подготовке специалистов со знанием русского языка обеспечивали японские учебные заведения. Очередной всплеск интереса к русскому языку в японских военно-политических кругах был вызван начавшейся летом 1937 г. японо-китайской войной, в которой Советский Союз принял сторону Китая и стал активно помогать правительству Чан Кайши. Это обострило отношение с Японией и привело в 1938–1939 гг. к двум военным инцидентам – на озере Хасан и реке Халхин-Гол. Именно после хасанского инцидента, в конце 1938 г., руководством Квантунской армии было принято решение о создании при харбинской Военной миссии специальной школы для обучения русскому языку японских военных.

Школа, получившая официальное наименование «Учебный отряд Квантунской армии – русский язык» (Кантогун росияго кёйкутай), с 1942 г. – отряд 345, была организована при 5-м отделе харбинской ЯВМ и располагалась на пересечении Почтовой и Пекинской улиц, в здании бывшей женской гимназии Оксаковской.

Начальниками школы в разное время являлись японские офицеры: Наумура, подполковник Камидзё, подполковник Танака Ёсихиса (1940–1943), капитан Сато (1944–1945). Всего в школе работало около 10 японских строевых офицеров.

В курсанты школы зачислялись рядовые и унтер-офицеры из различных японских воинских частей, имевшие образовательный ценз не ниже среднего. Количество обучающихся после реорганизации школы весной 1940 г. составило 300 человек (в 1944-м – 400), разбитых на три класса (взвода) – младший, средний и старший с соответствующим знанием русского языка. После окончания каждого курса производился отсев неуспевающих курсантов. Основными учебными предметами в школе были русский военный и обычный разговорный язык, пение русских песен, прямой и обратный переводы, организация РККА, история, быт и политический строй СССР, методы опроса и допроса военнопленных, военная подготовка, фехтование. Срок обучения в школе составлял 9–10 месяцев. По итогам выпускных экзаменов курсанты получали квалификацию переводчика русского языка 1-й, 2-й или 3-й класса [1, с. 35–61; 2, с. 9–13; 7, с. 66–68].

Первоначально количество русских преподавателей школы составляло пять человек, но к началу 1941 г. увеличилось до двадцати шести: 15 мужчин, 11 женщин. Из них – десять человек являлись бывшими офицерами. Большая часть русских сотрудников имели в прошлом преподавательский опыт [1, с. 35–61; 2, с. 9–13].

Русским инспектором преподавательской группы почти все время существования школы состоял капитан Л. Н. Гредякин, участник Первой мировой и Гражданской войны, кадровый офицер-артиллерист, владевший японским языком. В Гражданскую командовал батареей Уральского артдивизиона. В Маньчжурию эвакуировался с белыми войсками в 1922 г., имея на руках жену и маленького сына. По прибытии в Маньчжурию практически сразу занялся преподавательской деятельностью. В 1925 г. окончил курсы китайского языка в Мукдене, работал учителем в школах Цицикара и Харбина. Японский язык, по-видимому, осваивал самостоятельно. Являлся членом Русского учительского общества и Харбинского

отделения Русского Обще-Воинского Союза (РОВС). В школу русского языка ЯВМ Гредякин попал в составе первых преподавателей по разрядке Бюро российских эмигрантов (БРЭМ). В 1941 г. капитан, как один из наиболее опытных преподавателей, направлялся на четыре месяца для работы в Институт иностранных языков в Осака [2, с. 8–13, 26]. Такие командировки с конца 1930-х гг. стали явлением постоянным. Известно, что в 1939 г. в университет Васэда для участия в обучении японских военных русскому языку была направлена группа русских эмигрантов, которую возглавил подполковник Б. А. Стржешевский, выпускник восточно-экономического отделения Харбинского Юридического факультета, изучавший японский язык. До командирования в Японию Стржешевский служил начальником 5-го (благотворительного) отдела БРЭМ [6, с. 1–90].

Особое место в харбинской школе ЯВМ занимал прекрасно знавший японский язык В. А. Липовицкий, личный переводчик начальника школы и участник составления всех учебных пособий для японских слушателей школы. Липовицкий, воспитанник Хабаровского кадетского корпуса, оказался в Харбине в начале 1920 г. в 12-летнем возрасте. Его отец, поручик А. Н. Липовицкий, служил помощником начальника контрразведки во Владивостоке и вынужден был бежать с семьей в Маньчжурию после захвата левыми власти во Владивостоке. В Харбине семью Липовицких приютил их родственник Н. И. Ландышев, сотрудничавший с японской разведкой. Благодаря Ландышеву, являвшемуся одним из учредителей Института Японо-Русского общества, Владимир начал изучать японский язык и очень удивил японца из Военной миссии, когда явился с запиской от дяди. После этого мальчик несколько месяцев работал в ЯВМ рассыльным. Уже позднее, в 1927 г. Липовицкий вновь оказался на работе в Военной миссии, чтецом русских газет для начальника миссии подполковника Андо Риндзо. Помог отъезжавший в Японию сотрудник миссии Судзуки, близкий знакомый отца Липовицкого, также сотрудничавшего с японской разведкой. В ЯВМ В. А. Липовицкий познакомился с капитаном Акикусой Сюном, считавшимся одним из лучших специалистов по русским делам. В 1932 г., после провозглашения Маньчжоу-го, Липовицкий, как человек, располагавший доверием со стороны японцев, получил направление на службу в Харбинскую полицию. В 1937–1938 гг. он обучался в Токийской полицейской школе, будучи на своем курсе единственным русским из 30 человек. В Токио он поддерживал дружеские отношения и несколько раз встречался с Акиусой, уже подполковником, начальником контрразведывательного отделения «Яма» Генерального штаба. После возвращения из Токио Липовицкий продолжал работать в Биньцзиньском полицейском управлении. В 1940 г. он был направлен для работы в школу русского языка при ЯВМ, одновременно состоял сотрудником редакции журнала «Друг полиции» и начальником Харбинского пожарного управления в 1942–1945 гг. В 1943 г. Липовицкий получил звание пристава полиции (соответствовало армейскому званию подполковника), которое кроме него в Харбине имел только один русский полицейский – С. Ф. Яковлев [3, с. 9–39], бывший поручик Российской Императорской армии, служивший в полиции с 1918 г.

Возвращаясь к деятельности школы русского языка харбинской ЯВМ, нужно отметить, что за весь период существования (до лета 1945 г.) состоялось 7 или 8

выпусков военных переводчиков, в общей сложности до 700 человек [3, с. 24]. Часть выпускников школы, пройдя тщательную проверку, пополняли штаты Военных миссий в Маньчжоу-го, другие возвращались в качестве переводчиков в свои воинские части. По штатному расписанию Квантунской армии, на дивизию полагалось не менее десяти переводчиков русского языка [7, с. 62], а в 1945 г. их количество увеличилось.

Школа русского языка была ликвидирована в августе 1945 г. вместе с закрытием других подразделений ЯВМ. С приходом советских войск в Харбин большая часть ее бывших русских преподавателей была арестована контрразведкой «Смерш» и вывезена на территорию Советского Союза.

Литература

1. Государственный архив административных органов Свердловской области (ГААОСО). Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 37129. Козловский Г.А.
2. ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 37486. Гредякин Л.Н.
3. ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 40285. Липовицкий В.А.
4. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-6599. Оп. 1. Д. 8. Дневник Ильина И.С. за 1920–1926 гг.
5. ГАРФ. Ф. Р-6599. Оп. 1. Д. 9. Дневник Ильина И.С. за 1926 – 1929 гг. 2 часть.
6. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 45613. Стржешевский Б.А.
7. *Забелин А. Е.* Харбинская школа военных переводчиков // Япония наших дней. 2011. № 3 (9). М. : ИДВ РАН, 2012. С. 61–76.
8. Hoover Institution Archives (HIA). N.V. Borzov Papers. B. 18. F. 18.5.

References

- GAAOSO – *Gosudarstvennyi arkhiv administrativnykh organov Sverdlovskoi oblasti* [State Archive of the Administrative Bodies of Sverdlovsk Region]. Stock R–1. List 2. Dossier 37129. Kozlovskii, G.A.
- GAAOSO – *Gosudarstvennyi arkhiv administrativnykh organov Sverdlovskoi oblasti* [State Archive of the Administrative Bodies of Sverdlovsk Region]. Stock R–1. List 2. Dossier 37486. Grediakin, L.N.
- GAAOSO – *Gosudarstvennyi arkhiv administrativnykh organov Sverdlovskoi oblasti* [State Archive of the Administrative Bodies of Sverdlovsk Region]. Stock R–1. List 2. Dossier 40285. Lipovitskii, V.A.
- GARF – *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii* [State Archive of the Russian Federation]. Stock 6599. List 1. Dossier 8. Il'in, I. P. Diary, 1920–1926.
- GARF – *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii* [State Archive of the Russian Federation]. Stock 6599. List 1. Dossier 9. Il'in, I. P. Diary, 1926–1929. Part 2. Stock R-830. List 3. Dossier 45613.
- GARKH – *Gosudarstvennyi arkhiv Khabarovskogo kraia* [State Archive of the Khabarovsk Krai].
- HIA – *Hoover Institution Archives*. N.V. Borzov Papers. B. 18. F. 18.5. Strzheshesvkii, B.A.
- Zabelin, A. E. (2012). *Kharbinskaia shkola voennykh perevodchikov* [Harbin School of Military Interpreters]. In *Iaponiia nashikh dnei*, 3 (9). Moscow, IDV RAN, pp. 61–76.

The article was submitted on 17.04.2017

М. А. Фельдман

**ВЕТЕР С ВОСТОКА: ЧТО ОН ПРИНЕСТ РОССИИ?
(РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД КНИГОЙ А. В. ПАНЦОВА
«ДЭН СЯОПИН». М., 2013)**

Аннотация: Статья в форме рецензии на книгу А. В. Панцова «Дэн Сяопин» (М., 2013) посвящена истории реформ в КНР – страны, разделяющей с США мировое промышленное первенство, сквозь призму жизни Дэн Сяопина, признанного во всем мире великим реформатором, выдающимся руководителем и «создателем теории построения социализма с китайской спецификой». Известна и собственная самооценка Дэна: положительное и отрицательное в своей жизни Дэн сопоставил как 50 к 50. Результатом реформ стала постоянно меняющаяся экономическая многоукладная система, включавшая как механизмы саморазвития в виде права на личную инициативу в любой хозяйственной форме, так и регулирование сверху нормативной, фискальной и контрольно-надзорной деятельности. Почти четыре десятилетия китайских реформ, казалось бы, дают основания для исключительно положительной оценки модернизации у нашего восточного соседа. Но монополия одной партии, власть сохранения авторитарного правления несут множество рисков, в том числе непредсказуемые последствия режима личной власти и борьбы политических элит.

Ключевые слова: китайская цивилизация, саморегуляция, опыт конвергенция, монополия партии, власть, авторитарное, Дэн-реформатор.

Michael A. Feldman

**THE WIND FROM THE EAST: WHAT WILL IT BRING TO
RUSSIA OF THE 21ST CENTURY? (THOUGHTS ON
A. PANTSOV'S "DENG XIAOPING". MOSCOW, 2013)**

Abstract: The article, in the form of book review on A. V. Panstov's "Deng Xiaoping". (Moscow, 2013.), is dedicated to the history of reforms in China the country, sharing with US global industrial supremacy through the prism of the life of Deng Xiaoping, recognized around the world as a great reformer, an outstanding Director and "the Creator of the theory of building socialism with Chinese characteristics". Known and self-esteem Dan: positive and negative in my life Dan cross-referenced as 50 to 50. A result of the reforms was the constantly changing economic mixed system involving mechanisms of self-development in the form of the right to personal initiative in any economic form and regulation on top of regulatory, fiscal and Supervisory activities. Nearly four decades of Chinese reforms, it would seem, give rise to an overwhelmingly positive response to the modernization of our Eastern neighbor. But the monopoly of a single party government is the preservation of authoritarian rule carry many risks, including the unpredictable consequences of a regime of personal power and struggle of the political elites.

Key words: Chinese civilization, self-control, experience convergence, monopoly party, authority, authoritarian, Deng-reformer.

Что подтолкнуло в 1978 г. ветерана компартии Китая 74-летнего политика Дэн Сяопина к началу реформ, позволивших в XXI веке превратить КНР в «промышленную мастерскую» мира? Реформ, идущих по нарастающей вот уже 39 лет и обладающих механизмами саморазвития.

Книга А. В. Панцова «Дэн Сяопин» тот самый случай, когда биография человека становится зеркалом истории огромной страны. Но глядя в это зеркало, замечаешь и то, что скрывали другие зеркала.

Мальчик из семьи сельских интеллигентов имел мало шансов продвигаться в императорском Китае, хотя в роду были случаи появления обладателей ученых степеней (лиц, сдавших определенные экзамены уездного, провинциального и даже государственного уровня) [1, с. 15]. Китайская традиция уважения к грамотности далеко не всегда предполагала продвижение обладателей ученых степеней по чиновничьей лестнице.

Китайская традиция уважения к памяти предшествующих поколений далеко не всегда проявлялась во времена революционных потрясений. Отец Дэна – средний землевладелец средней руки, имел прозвище «Дэн Цивилизованный»; был неплохо образован, закончив начальную школу и училище юридических и политических наук; хорошо знал китайскую классику и древние каноны. Эти знания он сумел передать сыну [1, с. 20–21].

Можно было разорвать отношения с родителями (как это и случилось у Дэн Сяопина), но заложенные в детстве правила жизни становились частью менталитета. «Морально-этические заповеди древнекитайской философии не находили отклика в душе Дэна, как и в душах многих других будущих революционеров Китая [1, с. 21]» – отмечает Панцов – но заповеди конфуцианства могли откладываться и в подсознании. Частое употребление Дэном и другими китайскими марксистами примеров из китайской древней поэзии позволяет интерпретировать текст и его компоненты как своеобразную репрезентацию социокультурных практик.

Характерно, что в 1950 г., после победы компартии в Гражданской войне, Дэн «неожиданно проявил горячие родственные чувства ко всем членам семьи. Казалось, Дэн расплачивался за долгие годы невнимательного отношения к ним». Братья и сестры были выведены от грозившего им «раскулачивания», получили благодаря Дэну чиновничьи должности в органах власти.

Отец Дэна сочувствовал китайским либеральным реформаторам начала XX в. [1, с. 24] – возможно, это отозвалось у сына в 1978 г., после долгой полосы левацких экспериментов.

Революция 1912 г. выдвинула отца Дэн Сяопина в деятели уездного масштаба. Тяга к знаниям отца вылилась в решение отправить сына во Францию на учебу и работу. Тяжелый труд по 10 часов на предприятиях Франции, плохое питание в заводской столовой, жалкая зарплата в 300 франков, невозможность оплачивать учебу в колледже – все это способствовало созреванию антикапиталистических настроений. Пять лет жизни во Франции обогатили юношу знанием жизни европейских низов, связали с коммунистическим движением [1, с. 36–52]. Частая смена мест работы, фрагментарная учеба – классический портрет коммуниста первых десятилетий XX века. Знание многих жизненных реалий, как правило, сочеталось с утопическими представлениями о путях переустройства мира и отсутствием системного образования.

Год жизни в СССР (январь 1926 – январь 1927 гг.) пришелся на «расцвет нэпа», познание воочию успехов многоукладной экономики «страны социализма»

знакомство с трудами Н. И. Бухарина [1, с. 53–65]. В 22 года не каждому современнику Дэн Сяопина удалось не понаслышке узнать мир традиционного Китая, послевоенной Европы, СССР.

Долгий период жизни – более чем два десятилетия (1927–1949 гг.) стали временем участия в длительной Гражданской войне в Китае, выполнения догматичных сталинских директив и поддержки крайне левых идей Мао Цзэдуна. Роль умелого организатора, обладающего поразительной энергией, и верного сподвижника Мао [1, 124-134, 171-176, 193], любимца «великого кормчего», принесшая Дэн Сяопину место в высшем кругу китайских коммунистов и руководителей КНР, казалось гарантирует невозможность любых отклонений от ортодоксального марксизма. Любопытна характеристика, данная Дэн Самым Мао в Москве в беседе с Хрущевым в ноябре 1957 г.: «это будущий вождь, лучший из моих соратников, главная растущая сила <...>. Это человек и принципиальный, и гибкий, редкий талант». [1, с. 231].

Но в Дэн Сяопине жила и та черта китайского прагматизма, которую в 1978 г. в своей статье кратко выразит один из крупнейших военачальников Китая – маршал Е Цзяньин: «Практика – критерий истины» [1, с. 391].

Провал «большого скачка» в конце 1950-х гг. показал истинную цену волюнтаристским методам развития экономики. Сдержанная критика Дэн Самым курсом Мао [1, с. 263], поддержка семейного подряда в китайской деревне обернулись в годы «культурной революции» четырехлетней ссылкой, унижениями самого недавнего генерального секретаря ЦК КПК и членов его семьи; а также вынужденным «покаянием» перед вождем. У Дэн было время для размышления о трагических судьбах его товарищей – стареющих ветеранов китайской революции и первых итогах строительства нового общества. Возвращение Дэн к политической жизни в 1973 г. стало следствием очевидной растерянности Мао трагическими последствиями «культурной революции» для экономики КНР.

Смерть Мао в 1976 г. обернулась тем, что правящей партии потребовался известный, опытный и энергичный, харизматичный политик, способный вывести страну из экономического хаоса [1, с. 356–362]. При слабом и непопулярном у политической и военной элиты преемнике Мао – Хуа Гофэне – Дэн Сяопин становится одним из лидеров КПК. Характерная черта политической жизни после ухода авторитарного вождя – окончательный выбор сделало руководство армии: фактическим главой партии и государства стал Дэн. Пленум ЦК КПК в декабре 1978 г. только оформил ведущую роль Дэн в руководстве КНР [1, с. 372].

В книге А. В. Панцова мастерски показано как медленно, непоследовательно и все-таки поступательно шла эволюция взглядов Дэн Сяопина. С весны 1978 г. Дэн Сяопин ратовал за перевод предприятий на хозрасчет и усиление роли хозяйственных руководителей, за переход к политике открытости внешнему миру и заимствования импортной техники. Автор обращает внимание на то, что за густой завесой ссылок на положения марксизма и отдельные высказывания ушедшего Мао фактически Дэн в какой-то мере использовал исторический опыт политики «самоусиления» проводившейся правителями Поднебесной в 1861–1894 гг. [1, с. 368–369].

Вскоре последовали призывы к расширению демократии в экономической сфере, против излишнего централизма, за выявление активности трудящихся и восстановления принципа материальной заинтересованности. А. В. Панцов тонко подмечает: признавалась только «управляемая демократия» и направленная «сверху», против конкретных лиц [1, с. 376–377, 393].

В течение всего 1978 г. Дэн Сяопин выступал за привлечение иностранного капитала и создание смешанных предприятий в интересах китайской экономики: курс, традиционный для Китая и ставший понятным массам. «Ускоренная модернизация страны – главное дело партии» – раз за разом принимали решения партийные форумы. Таким образом, фиксирует автор, в 1978 г. КПК перенесла центр тяжести в своей работе с пропаганды классово-борьбы на экономическое строительство [1, с. 372]. Места для догматизма становилось все меньше.

Но это было только начало. Голод в деревне (голодало в 1978 г. 250 млн. крестьян!) породил масштабное недовольство коллективизацией. Дэн поддержал переход крестьян на семейный подряд сначала в одном уезде, затем – в одной провинции и только после этого – по всей стране. Раздел земли между крестьянами и переход на семейный подряд противоречил прежнему курсу КПК в деревне, но именно этот шаг, пусть и на короткий период, помог в ряде провинций страны еще в 1962 г. при поддержке Дэна, преодолеть последствия большого скачка в деревне [1, с. 390, 399–400]. Поддержав движение к реформам «снизу», Дэн продемонстрировал готовность к переменам. Историк может увидеть в этом возвращение к апробированному методу. Политолог – умение разглядеть в движении народных масс точку опоры реформ.

Следующим шагом стало привлечение капиталов иностранцев для совместных предприятий. Панцов указывает на стремительность действий китайского руководства: 15 июля 1979 г. было принято решение ЦК КПК и Госсовета КНР организовать на границе с Гонконгом и Макао «особые районы» для привлечения капиталов из-за границы, создававшиеся как «рыночные анклав» в по-прежнему социалистической китайской экономике», а уже 26 августа 1979 г. официально были открыты четыре «особых района» (особых экономических района), отметившихся бурным развитием за счет капиталовложений соотечественников за рубежом (хуацяо) и благодаря деловой активности японцев и европейцев [1, с. 407]. За такой стремительностью стояла как энергия и настойчивость китайского лидера, так и понимание того, что без постоянного контроля и регулирования даже детально разработанная экономическая реформа не сдвинется с места.

Успехи внедрения семейного подряда в деревне стали основой для перемен в городе. Начиная с 1980 г. разрешение индивидуального и мелкого предпринимательства (поначалу не более семи рабочих!) решило многие проблемы: от трудоустройства десятков миллионов молодых людей, бежавших из голодающих деревень, до наполнения рынка товарами и услугами. В Китае начался бум в сфере бытового обслуживания населения: мелкие частные ресторанчики, обувные и пошивочные мастерские, парикмахерские и тому подобные предприятия стали расти как грибы [1, с. 405].

Одновременно был взят курс на привлечение капиталов для строительства частных предприятий и широкое использование опыта бывших торговцев и промышленников, «раскулаченных» в 1950-е гг. Как опытный политик Дэн подчеркивает Панцов, столь резкую смену курса облек в понятную любому китайцу форму правил и понятий учения Конфуция. «Управление на основе правил и долга», согласно Конфуцию, означало отказ от утопий и прагматизм во всем [1, с. 406].

Относительно модернизации такой подход означал изучение опыта предшественников и внимание к мнению ученых. Еще в июле 1979 г. при поддержке Дэна был создан Институт марксизма-ленинизма и идей Мао, приступивший к серьезному изучению югославского и венгерского опыта строительства социализма, но главное внимание сотрудники института стали уделять большевистскому нэпу, причем в первую очередь – трудам Н. И. Бухарина [1, с. 410].

Китайская делегация обществоведов приняла участие в международной конференции, посвященной теоретическому наследию Н. И. Бухарина, организованной компартией Италии, что, в свою очередь, дало импульс проведению в сентябре 1980 г. Всекитайского научного симпозиума, посвященного роли Н. И. Бухарина в развитии марксистской теории. Был образован Всекитайский научный совет по изучению его работ, символично занявший весь верхний этаж Пекинской высшей школы [1, с. 411].

Оперативно были изданы два сборника статей Н. И. Бухарина, в которые вошли и 37 зарубежных переводных работ о жизни и творчестве советского теоретика-экономиста. Огромный интерес к его теоретическому наследию в Китае был вызван тем, что в своих статьях Бухарин писал о начальной стадии социализма, ратовал за гармоничное сочетание планового и рыночного регулирования, отмечал богатый потенциал нэповской экономики [1, с. 412–413].

Созвучность идей Н. И. Бухарина, практики советского Нэпа (запечатлевшейся в памяти молодого Дэна в период жизни в Москве) действиям лидера КНР на рубеже 1970–1980-гг. – была очевидна. В 1985 г. Дэн признал, что «наиболее правильной моделью социализма была новая экономическая политика в СССР» [1, с. 413].

Жаль, что это высказывание, видимо, не знакомо тем отечественным историкам, которые характеризуют нэп как «неэффективную модель для решения модернизационных задач» и «вариант стагнации» [2, с. 18–20] и, по сути, соглашается с безальтернативностью сталинского варианта развития СССР с конца 1920-х гг.

Поддержку со стороны Дэна получил и тезис Н. И. Бухарина о том, что «рыночная экономика не является синонимом капитализма». Но если Бухарин рассматривал нэп и рыночную экономику как характеристики «переходного периода», Дэн Сяопин понимал сочетание плана и рынка как явление, присущее социалистическому обществу [1, с. 414].

В 1980-е гг. Китай вступал с надеждой взять все лучшее из опыта мировой капиталистической экономики и практики стран социалистического лагеря. Результатом должна была стать (и стала!) постоянно меняющаяся экономическая многоукладная система, включавшая как механизмы саморазвития в виде права на личную инициативу в любой хозяйственной форме, так и регулирование сверху нормативной, фискальной и контрольно-надзорной деятельности.

Поддерживая и стимулируя воскрешение Бухарина – главного теоретика нэпа (за десять лет до аналогичных событий в СССР), Дэн Сяопин поддержал и осуждение сталинских репрессий. *При этом у китайского лидера хватило мудрости отделить сталинскую карательную практику от всего опыта советской эпохи.*

Панцов совсем не идеализирует Дэн Сяопина. Он пишет, что под давлением Дэна, вопреки сопротивлению части руководства армии, в феврале 1979 г. началась война Китая против Вьетнама, с целью подчинить соседнюю страну указаниям из Пекина. Потери Китая оказались в два с половиной раза выше вьетнамских, выявив серьезные проблемы в качестве подготовки китайской армии. Тем не менее укрепив свой личный контроль над армией, Дэн именно во время короткой войны «утвердил себя как подлинного авторитарного лидера партии и страны» [1, с. 386–388].

Своеобразной была критика деятельности Мао. По сути, она была локализована, свернута и заморожена [1, с. 393–395]. Монопольная власть КПК в политической жизни, как и авторитарный диктат самого Дэн Сяопина в руководстве страны и партии, поменявшего за десятилетие трех генеральных секретарей КПК, не подлежали сомнению [1, с. 398–466].

В результате, если верные решения в экономике привели в 1980-е гг. к бурному росту промышленности и сельского хозяйства, очевидному подъему жизненного уровня населения [1, с. 434], то сохранение авторитаризма обернулось подавлением любого инакомыслия и кровавой бойней на площади Тяньаньмэнь в июне 1989 г. События на Тяньаньмэнь, обоснованно констатирует Панцов, подорвали авторитет 85-летнего Дэн Сяопина не только в народе, но и в руководстве партии, фактически завершили его карьеру «вождя нации» [1, с. 434]. Похороны реформатора в 1997 г. трудно было назвать многоядными: большинство пекинцев остались дома [1, с. 478].

Панцов заключает, что время расставило свои оценки. Сегодня большинство населения КНР – страны, разделяющей с США мировое промышленное первенство – считает Дэн Сяопина великим реформатором, выдающимся руководителем и «создателем теории построения социализма с китайской спецификой»¹. Завидная судьба для реформатора, приходит к выводу Панцов, даже если ориентироваться на самооценку человека, изменившего облик Китая [1, с. 481–482].

Завидна и судьба автора, сумевшего через микромир одного человека раскрыть секрет «китайского чуда» и судьба книги, позволяющей через знакомство с соринками в чужом глазу лучше понять проблемы своего зрения.

Дважды СССР был близок к модернизации «социалистического общества»: в 1965 г. с началом «косыгинской» реформы был дан импульс развитию инициативы предприятий. В годы «перестройки», по документам экономической реформы 1987 г., подобный импульс был дополнен разрешением индивидуального предпринимательства. Характерно, что комиссия М. С. Горбачева – Н. И. Рыжкова, готовящая в 1983–1986 гг. проект экономической реформы в СССР 1987 г., изучала и китайский опыт.

¹ Известна и собственная самооценка Дэна: положительное и отрицательное в своей жизни Дэн сопоставил как 50 к 50.

Однако не хватило не только «своего Дэна». Широкомасштабные чистки обществоведов и экономистов в нашей стране и в сталинскую эпоху, и в 1970-е гг. обернулись консервацией представлений о «зловредности» рыночной экономики в высшем руководстве и в академическом мире. Принятая с опозданием на полтора десятилетия, экономическая реформа 1987 г. была пущена на самотек в силу слепой веры советского лидера в возможности директивного метода управления. Путь прозрения, по которому пройти должны были мы, путь обновления и спасения СССР – оказался закрытым.

Влияние достижений китайской цивилизации на жизнь ближних и дальних соседей в древности и в средние века – факт широко известный. Сумеет ли наша страна взять на вооружение китайский опыт «конвергенции двух систем» опыт запуска механизмов саморегуляции [3]? Или китайский компас окажется ненужным? Сумеем ли за китайскими технологиями создания высокоскоростных магистралей увидеть национальную идею постоянного движения вперед, к торжеству первого принципа конфуцианства – победе разума?

Почти четыре десятилетия китайских реформ, казалось бы, дают основания для исключительно положительной оценки модернизации у нашего восточного соседа. Однако монополия одной партии власть сохранение авторитарного правления несут множество рисков, в том числе непредсказуемые последствия режима личной власти и борьбы политических элит [4].

Реформаторский опыт Дэна остается «священной коровой» для лидеров КНР. Но что принесет практика авторитарного правления, подкрепленная растущей военной мощью?

Литература

1. Панцов А. В. Дэн Сяопин. (серия ЖЗЛ). М. : Молодая гвардия, 2013. 558 с.
2. Сенявский А. С. НЭП: современные подходы и перспективы изучения // Нэп: экономические, политические и социокультурные аспекты (опыт системного анализа). М. : РОССПЭН, 2006. С. 5–25.
3. Кива А. В. Что могла бы Россия позаимствовать из опыта реформ в Китае // Новая и новейшая история. 2016. № 5. С. 104–116.
4. Михеев В., Луконин С., Чжэ С. Китай: режим личной власти и новая пятилетка // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т.60. № 10. С. 5–16.

References

- Kiva, A.V. (2016). Chto mogla by Rossiia pozaimstvovat' iz opyta reform v Kitae [What Russia Could Borrow from Experience of Reforms in China]. In *Novaia i noveishaia istoriia*, no 5, pp. 104–116.
- Mikheev, V. V., Lukonin S. A., Jen, S. (2016). Kitai: rezhim lichnoi vlasti i novaia piatiletka [China: Personal Power Regime and New Five-Year Plan]. In *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia*, vol. 60, no. 10, pp. 5–16.
- Pantsov, A. V. (2013). *Deng Xiaoping (seriia "Zhizn' zamechatel'nykh liudei")* [Deng Xiaoping (Series "Life of Remarkable People")]. 558 p. Moscow, Molodaia gvardiia.
- Seniavskii, A. S. (2006). NEP: sovremennye podkhody i perspektivy izucheniia [New Economic Policy: Modern Approaches and Perspectives of Research]. In *Nep: ekonomicheskie, politicheskie i sotsiokul'turnye aspekty (opyt sistemnogo analiza)*. M, ROSSPEN, pp. 5–25.

The article was submitted on 24.04.2017

ПРОТИВОРЕЧИЯ В КИТАЙСКО-ПОЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЯХ В РЕАЛИЗАЦИИ ИНИЦИАТИВЫ «ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОЯСА ШЕЛКОВОГО ПУТИ»¹

Аннотация: В статье рассматривается развитие взаимоотношений Китайской Народной Республики и Республики Польша в контексте развития Китая инициативы «Экономического пояса Шелкового пути» в Центральной и Восточной Европе. Данный вопрос пока не получал освещения в российском востоковедении и международных исследованиях, хотя его изучение является весьма актуальным в условиях расширения интеграционных процессов на евразийском пространстве и планов сопряжения и сотрудничества по линии различных интеграционных инициатив (Евразийского экономического союза и Европейского союза, Европейского союза и «Экономического пояса Шелкового пути»). Изучена краткая история вопроса, проанализирован характер взаимоотношений двух стран на современном этапе, содержание китайско-польского партнерства, факторы возникновения в начале 2017 г. противоречий в отношениях, а также возможные перспективы развития ситуации. Авторы приходят к выводу, что проблемы во взаимоотношениях двух стран имели под собой вполне объяснимые основания, в виде опасений части польского общества относительно негативных последствий для национальной экономики от превращения Польши в перевалочный пункт нового Шелкового пути. За годы интенсивного партнерства с Китаем часть польских предпринимателей стали все чаще отдавать заказы на поставки оборудования китайским компаниям. Кроме того, страна частично потеряла контроль над некоторыми своими предприятиями, акции которых скупил Китай, пользуясь расположением польских бизнесменов и благосклонностью центральной власти, надеявшейся получить быстрые и легкие инвестиции и утверждение своей самостоятельной геополитической линии в ЕС. Отказ от сделки по строительству крупного логистического терминала Шелкового пути, как представляется, был связан с тем, что наличие крупной железнодорожной магистрали, соединяющей Европу и Китай, может спровоцировать резкое увеличение притока в Польшу мигрантов, в том числе, возможно, и нелегальных. К тому же интересы представителей крупных торговых компаний, для которых строительство терминала в Лодзи означало бы возможность работы непосредственно с китайскими поставщиками, могли войти в противоречие с интересами более мелких предпринимателей, чей бизнес оказывается под угрозой из-за потока дешевых товаров из Азии. По сути, переоценка участия в ЭПШП идет не только в Польше, но и в масштабах всего Евросоюза. Это является логичным, поскольку детали такого крупного проекта, как ЭПШП, требуют более чем тщательного анализа со стороны каждого из партнеров КНР, что и происходит в настоящее время.

Ключевые слова: Китай, Польша, Экономический пояс Шелкового пути, логистика, китайско-польские отношения.

**Leonid V. Tsukanov,
Ksenia G. Muratshina**

CONTRADICTIONS IN SINO-POLISH RELATIONS IN SILK ROAD ECONOMIC BELT PROJECT REALIZATION²

Abstract: This paper discusses the development of relations between the People's Republic of China and the Republic of Poland in the context of the Silk Road Economic Belt initiative in Central and Eastern Europe. This issue has not yet received enough coverage in oriental and

¹ Работа выполнена при поддержке программы Европейского Союза ERASMUS+, Jean Monnet, 575043-EPP-1-2016-1-RU-EPPJMO-CHAIR

² This study was supported by the European Union ERASMUS+ Programme, Jean Monnet, 575043-EPP-1-2016-1-RU-EPPJMO-CHAIR

international studies in Russia, although it is highly relevant in the context of expanding integration processes in Eurasia and plans of coordination and cooperation between various integration initiatives (the Eurasian Economic Union and the European Union, the European Union and the Silk Road Economic Belt). The authors analysed the historical background, the specific features of the relationship between the two countries at present stage, the contents of the Sino-Polish partnership, the factors of contradictions in their relations in the beginning of 2017, as well as the possible outlook. The paper concludes, that the problems in the relations between the two countries are understandable and based on the view of part of the Polish society on the negative consequences for the national economy from turning Poland into a transit point for the new Silk Road. During years of intensive partnership with China, part of Polish entrepreneurs began to hand more orders to Chinese equipment suppliers. In addition, the country partially lost control over some of its enterprises, as their shares had been purchased by the PRC, taking advantage of the attitude of Polish businessmen and the favor of the central government, that hoped to receive quick and easy investment deals and establish its independent geopolitical course in the EU. Poland's sudden refusal on the deal of building a large logistic Silk Road terminal in the beginning of 2017 might have taken place due to the fact that the presence of a large railway line connecting Europe and China would certainly provoke a dramatic increase in the flow of migrants to Poland, probably including illegal migration as well. In addition, the interests of large trading companies, for which the construction of the terminal would provide the possibility of direct work with Chinese suppliers, could interfere with the interests of smaller entrepreneurs, whose business would be challenged by the flow of cheap goods from Asia. In fact, the reassessment of participation in Silk Road Economic Belt project is taking place not only in Poland, but in the European Union on the whole. This is understandable, since the details of such a large project require a thorough analysis by each of the partners of the PRC.

Key words: China, Poland, Silk Road Economic Belt, logistics, Sino-Polish relations

С развертыванием китайского проекта «Экономического пояса Шелкового пути» практически на всей территории Евразии, в том числе в Центральной и Восточной Европе, актуальным становится изучение того, как инициатива реализуется в отдельных регионах и встраивается в двусторонние отношения Китая с отдельными странами. Отнюдь не все государства готовы открыть свою экономику для китайского экспорта, а также полностью принять роль транзитера, получающего повышенный транспортный поток и возможное увеличение притока мигрантов. В данном исследовании рассмотрен случай Польши, а именно возникновение серьезных разногласий в двусторонних китайско-польских отношениях в начале 2017 г. Этот случай достаточно интересен, особенно на фоне общего расширения взаимоотношений ЕС с Китаем.

Как известно, концепция Экономического пояса Шелкового пути была озвучена председателем Китайской Народной Республики Си Цзиньпином в 2013 г. Реализация проекта должна ускорить торговое сообщение между Китаем и Европой, уменьшить время и себестоимость доставки грузов. Польша, в силу своего географического положения, в этом проекте автоматически приобретала роль одного из транзитеров. Как следствие, к выстраиванию отношений с этим государством, играющим, ко всему прочему, значительную геополитическую роль в Центральной и Восточной Европе и часто демонстрирующим свою индивидуальную позицию в рамках ЕС, в Пекине подошли основательно. В начале XXI в. между двумя странами, имеющими значительный опыт взаимодействия еще с 1949 г., были официально оформлены отношения стратегического партнерства [13]. С польской стороны вели переговоры китайские руководители самого высокого

уровня (председатель Всекитайского комитета Народного политического консультативного совета Китая [3], председатель Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей [17], член Политбюро ЦК КПК [18]). В 2012 г. состоялся первый официальный визит премьера Госсовета КНР в Польшу за последние 25 лет [1], а в 2016 г. Варшаву посетил председатель КНР Си Цзиньпин [16]. Все это объединялось тезисом о том, что «две страны пишут новую страницу в истории межгосударственных отношений» [1]. Имели место также интенсивные контакты военных: переговоры министра обороны КНР с главнокомандующим ВМС Польши [7] и с начальником польского Генштаба [2], визит кораблей ВМС НОАК, товарищеские спортивные состязания военнослужащих двух стран [8]. Пекин даже начал обсуждать с Варшавой такие не относящиеся напрямую к ее сфере влияния в международных отношениях вопросы, как, например, «вопрос оказания содействия мирному восстановлению Афганистана» [19].

Постоянно рос и товарооборот, было создано крупное совместное предприятие – Китайско-Польская акционерная судоходная компания. С середины первого десятилетия XXI в. Польша стала крупнейшим торговым партнером Китая в Центральной и Восточной Европе, а также крупнейшим партнером Китая в этом регионе по торговле сельскохозяйственной продукцией [1]. Активизировала свои усилия польская сторона после участия в ЭКСПО-2010 в Шанхае. Было открыто «представительство инвестиционного бюро» в КНР, а также Центр по двустороннему экономическому сотрудничеству. Правительством был запущен проект «Идем в Китай», нацеленный на увеличение экспорта, привлечение китайских инвестиций и расширение сотрудничества в самых разных сферах [9].

Что Варшава надеялась получить от развития отношений с новым «стратегическим партнером» – догадаться нетрудно: самоутверждение в качестве самостоятельного геополитического игрока, а не только одного из членов «многоскоростной» Европы и, конечно, банальные денежные вложения. Еще в 2011 г. в ходе своего визита в Китай президент Б. Коморовский заявил, что «Польша уже стала «Новой Польшей»» и «одной из самых привлекательных стран ЕС для зарубежных инвесторов», при этом «польская экономика сохраняет рост на фоне долгового кризиса в Европе, финансовая ситуация в Польше остается стабильной, и в ближайшие 1–2 года процесс приватизации в Польше предоставит еще больше возможностей» [14]. Приоритетность отношений с Китаем была подтверждена и новым президентом А. Дудой [15].

Министр иностранных дел Польши Р. Сикорский еще в 2013 г., выступая в парламенте с докладом о внешней политике страны, заявил, что Польше необходимо увеличить свое присутствие в азиатском регионе [4]. Польское Министерство экономики подсчитывало количество принятых за год китайских делегаций [11]. Глава Польского агентства информации и зарубежных инвестиций С. Майман в интервью «Синьхуа» заявил, что «Польша обладает благоприятным инвестиционным климатом и стремится увеличить приток прямых инвестиций из Китая» [9].

Китай воспользовался складывавшейся ситуацией по-своему: он начал покупать акции польских предприятий и обеспечивать себя заказами от польской стороны на поставки оборудования [6]. Ну а главным направлением стала логистика.

Железнодорожный вокзал Лодзь-Кутно в 100 км к западу от Варшавы оказался идеальным перевалочным пунктом для контейнерных поездов из Китая. Как отмечает «Жэньминь жибао», из десятков китайских городов были запущены грузовые маршруты в Европу. К середине 2016 г. общее количество таких железнодорожных рейсов превысило 1700. Например, поезд Чэнду – Варшава каждую неделю доставлял в Польшу 40 контейнеров с обувью, керамической посудой, электронными комплектующими и оборудованием. Затем в течение 1–3 дней груз автомобильным и железнодорожным транспортом отправлялся в другие страны ЕС [5].

Главным распределительным центром китайской логистики должен был стать новый терминал в Лодзи, который планировалось построить в сотрудничестве с инвесторами из КНР. Однако неожиданно в начале 2017 г. сделка по продаже земли под строительство центра была заблокирована Агентством военного имущества Польши. Согласно официальным заявлениям, отказ мотивирован «необходимостью повторного анализа предстоящей сделки» [12]. Более конкретно свое видение проблемы обозначил новый министр обороны Польши А. Мачеревич. «Концепция Нового Шелкового пути и экспансия Китая, – заявил министр, – это договоренность Западной Европы с Россией и Китаем по исключению из евразийского пространства влияния Соединенных Штатов и ликвидации геополитической субъектности Польши» [11]. В итоге строительство было заморожено. Однако, похоже, Китай это почти не смутило: тональность сообщений китайских СМИ о сотрудничестве с Польшей остается позитивной [20], более того, говорится о возможном появлении авиаузла вместо железнодорожного [21].

Но факт остается фактом: появилось неожиданное и довольно резкое противоречие. На эту ситуацию можно посмотреть с двух точек зрения. С одной стороны, не остается сомнений в атлантическом векторе внешней политики Польши. С другой – нельзя не отметить, что часть польского общества (а если конкретнее, то часть военной элиты, в противовес гражданской, поддерживающей, начиная с президента А. Дуды, активное участие в ЭПШП), несомненно, стала задумываться о неоднозначности участия в китайском проекте для национальной экономики.

Дело может быть и в том, что наличие крупной железнодорожной магистрали, соединяющей Европу и Китай, может спровоцировать резкое увеличение притока в страну мигрантов, в том числе, возможно, и нелегальных. Кроме того, интересы представителей крупных торговых компаний, для которых строительство терминала в Лодзи означало бы возможность работы непосредственно с китайскими поставщиками, могли войти в противоречие с интересами более мелких предпринимателей, чей бизнес оказывается под угрозой из-за потока дешевых товаров из Азии. В таком контексте отказ от сделки приобретает характер уже не спонтанного решения, но желания еще раз взвесить все преимущества и недостатки своего положения «Ворот в Европу».

В конечном счете, можно спроецировать польскую ситуацию на Евросоюз в целом. Крупные европейские ТНК и экономики могут получать некоторую выгоду от резкого увеличения торговли с Китаем, однако национальные экономики более мелких государств, а также средний и малый бизнес могут оказаться в исключительно, своими же руками созданном сложном положении. В этом случае рас-

кол, аналогичный польскому, может случиться уже на общеевропейском уровне. А это отрицательно скажется на балансе сил как в регионе, так и в мире. Логично отметить, что детали проекта ЭПШП требуют более тщательного анализа и рассмотрения европейской стороны, что и происходит в настоящее время.

Литература

1. Визит премьера Госсовета КНР в Польшу имеет далеко идущее значение – посол Китая в Польше // Жэньминь жибао онлайн. 25.04.2012 [Электронный ресурс]. URL: <http://russian.people.com.cn/31520/7798262.html> (дата обращения: 6.05.2017).

2. Встреча министра обороны КНР с начальником Генштаба вооруженных сил Польши // Жэньминь жибао онлайн. 21.10.2010 [Электронный ресурс]. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/7172674.html> (дата обращения: 6.05.2017).

3. Встреча Юй Чжэншэна со спикером сената Польши // Жэньминь жибао онлайн. 17.12.2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/8487167.html> (дата обращения: 6.05.2017).

4. Глава МИД Польши: страна уделяет большое внимание влиянию Азии // Жэньминь жибао онлайн. 21.03.2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://russian.people.com.cn/31520/8177304.html> (дата обращения: 6.05.2017).

5. Китай прокладывает «железный» Шелковый путь в Европу // Жэньминь жибао онлайн. 18.06.2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2016/0618/c31518-9073954.html> (дата обращения: 6.05.2017).

6. Китайские инвестиции вновь запустят польский подшипниковый завод // Жэньминь жибао онлайн. 21.06.2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2016/0621/c31518-9075492.html> (дата обращения: 6.05.2017).

7. Министр обороны КНР Лян Гуанле имел встречу с главкомом ВМС Польши // Жэньминь жибао онлайн. 19.12.2012 [Электронный ресурс]. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/8063864.html> (дата обращения: 6.05.2017).

8. Отряд кораблей ВМС НОАК прибыл в Польшу с визитом // Жэньминь жибао онлайн. 8.10.2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://russian.people.com.cn/n/2015/1008/c31520-8959120.html> (дата обращения: 6.05.2017).

9. Польское правительство и предприятия придают большое значение развитию сотрудничества с Китаем – глава Польского агентства информации и зарубежных инвестиций С. Майман // Жэньминь жибао онлайн. 25.04.2012 [Электронный ресурс]. URL: <http://russian.people.com.cn/31520/7798266.html> (дата обращения: 6.05.2017).

10. Польша встала поперек Нового шелкового пути // Информационное агентство «Накануне». 17.01.2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nakanune.ru/news/2017/1/17/22458292> (дата обращения: 1.05.2017).

11. Польша и Китай – взаимный интерес к сотрудничеству // Радио Польша. 8.08.2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.radiopolsha.pl/6/138/Artykul/143837> (дата обращения: 6.05.2017).

12. Порты: Польша встала поперёк Шелкового пути // Информационное агентство «Regnum». 21.01.2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/economy/2229489.html> (дата обращения: 1.05.2017).

13. Президент Польши завершил визит в Китай и отбыл на родину // Жэньминь жибао онлайн. 23.12.2011 [Электронный ресурс]. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/7685560.html> (дата обращения: 6.05.2017).

14. Президент Польши надеется на поиск и расширение новых сфер сотрудничества с Китаем // Жэньминь жибао онлайн. 20.12.2011 [Электронный ресурс]. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/7681662.html> (дата обращения: 6.05.2017).

15. Президенты Польши и Китая подписали соглашение о стратегическом партнерстве // Радио Польша. 20.06.2016 [Электронный ресурс]. URL: www.radiopolsha.pl/6/136/Artykul/25799 (дата обращения: 31.03.2017).

16. У Варшавы новый друг – Китай. Лучше старых двух? // Информационное агентство «Regnum». 21.06.2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2147715.html> (дата обращения: 6.05.2017).

17. Чжан Дэцзян провел переговоры с маршалом сейма Польши Е. Копач // Жэньминь жибао онлайн. 6.06.2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/8273489.html> (дата обращения: 6.05.2017).
18. Член Политбюро ЦК КПК Лю Ци встретился с бывшим премьер-министром Польши // Жэньминь жибао онлайн. 22.05.2012 [Электронный ресурс]. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/7822842.html> (дата обращения: 6.05.2017).
19. Ян Цзечи встретился с министром иностранных дел Польши // Жэньминь жибао онлайн. 6.12.2011 [Электронный ресурс]. URL: <http://russian.people.com.cn/31520/7667136.html> (дата обращения: 6.05.2017).
20. 中欧携手让中欧班列“飞起来” // Синьхуа. 12.05.2017 [Электронный ресурс]. URL: http://news.xinhuanet.com/mrdx/2017-05/12/c_136276953.htm (дата обращения: 13.05.2017).
21. 波兰总理：波兰已成为中国经贸合作的重要伙伴// Синьхуа. 13.05.2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://news.china.com/news100/11038989/20170513/30520489.html> (дата обращения: 13.05.2017).

References

- Bōlán zōnglǐ: Bōlán yǐ chéngwéi Zhōngguó jīngmào hézuò de zhòngyào huǒbàn [The Prime Minister of Poland: Poland Has Already Become an Important Partner of China in Economic and Trade Cooperation]. (2017). In *Xinhua*, 13.05.2017. URL: <http://news.china.com/news100/11038989/20170513/30520489.html> (mode of access: 13.05.2017).
- Chlen Politbiuro TsK KPK Liu Qi vstretilsia s byvshim prem'er-ministrom Pol'shi [Member of the Political Bureau of the CPC Central Committee Liu Qi Met the Ex-Prime Minister of Poland]. (2012). *Renmin Ribao Online*, 22.05.2012. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/7822842.html> (mode of access: 6.05.2017).
- Glava MID Pol'shi: strana udeliaet bol'shoe vnimanie vliianiiu Azii [Polish Minister of Foreign Affairs: the Country Pays More Attention to Asia]. (2013). In *Renmin Ribao Online*, 21.03.2013. URL: <http://russian.people.com.cn/31520/8177304.html> (mode of access: 6.05.2017).
- Kitai prokladyvaet "zheleznyi" Shelkovyi put' v Evropu [China Paves the "Iron" Silk Road to Europe] (2016). In *Renmin Ribao Online*, 18.06.2016. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2016/0618/c31518-9073954.html> (mode of access: 6.05.2017).
- Kitaiskie investitsii vnov' zapustiat pol'skii podshipnikovyi zavod [Chinese Investments will Launch a Polish Bearing Plant Again]. (2016). In *Renmin Ribao Online*, 21.06.2016. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2016/0621/c31518-9075492.html> (mode of access: 6.05.2017).
- Ministr obrony KNR Liang Guanglie imel vstrechu s glavkomom VMS Pol'shi [Chinese Defence Minister Liang Guanglie Met the Commander-in-Chief of the Polish Navy]. (2012). In *Renmin Ribao Online*, 19.12.2012. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/8063864.html> (mode of access: 6.05.2017).
- Otriad korablei VMS NOAK pribyl v Pol'shu s vizitom [The Detachment of the Ships of the Chinese PLA Navy Arrived in Poland for Visit]. (2015). In *Renmin Ribao Online*, 8.10.2015. URL: <http://russian.people.com.cn/n/2015/1008/c31520-8959120.html> (mode of access: 6.05.2017).
- Pol'skoe pravitel'stvo i predpriiatiia pridaiut bol'shoe znachenie razvitiuu sotrudnichestva s Kitaem – glava Pol'skogo agentstva informatsii i zarubezhnykh investitsii S. Maiman [The Polish Government and Companies Highlight the Development of Cooperation with China – the Chairman of Board of the Polish Information and Foreign Investment S. Maiman]. (2012). In *Renmin Ribao Online*, 25.04.2012. URL: <http://russian.people.com.cn/31520/7798266.html> (mode of access: 6.05.2017).
- Pol'sha i Kitai – vzaimnyi interes k sotrudnichestvu [Poland and China: Mutual Interest in Cooperation]. (2013). In *Radio Pol'sha*, 8.08.2013. URL: <http://www.radiopolsha.pl/6/138/Artykul/143837> (mode of access: 6.05.2017).
- Pol'sha vstala poperek Novogo shelkovogo puti [Poland Blocks the New Silk Road]. (2017). In *Informatsionoe agentstvo "Nakanune"*, 17.01.2017. URL: <http://www.nakanune.ru/news/2017/1/17/22458292> (mode of access: 1.05.2017).
- Porty: Pol'sha vstala poperek Shelkovogo puti [Ports: Poland Blocks the Silk Road]. (2017). In *Informatsionoe agentstvo "Regnum"*, 21.01.2017. URL: <https://regnum.ru/news/economy/2229489.html> (mode of access: 1.05.2017).
- Prezident Pol'shi nadeetsia na poisk i rasshirenie novykh sfer sotrudnichestva s Kitaem [The President of Poland Is Looking For Search and Enlargement of the Spheres of Cooperation with China]. (2011). In

Renmin Ribao Online, 20.12.2011. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/7681662.html> (mode of access: 6.05.2017).

U Varshavy novyi drug – Kitai. Luchshe starykh dvukh? [Warsaw Has a New Friend – China. Is It Better than Two Old Ones?]. (2016). In *Informatsionnoe agentstvo “Regnum”*, 21.06.2016. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2147715.html> (mode of access: 6.05.2017).

Prezident Pol'shi zavershil vizit v Kitai i otbyl na rodinu [The President of Poland Finished His Visit to China and Returned Home]. (2011). In *Renmin Ribao Online*, 23.12.2011. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/7685560.html> (mode of access: 6.05.2017).

Prezidenty Pol'shi i Kitaia podpisali soglashenie o strategicheskom partnerstve [The Presidents of Poland and China Signed an Agreement on Strategic Partnership] (2016). In *Radio Pol'sha*, 20.06.2016. URL: www.radiopolsha.pl/6/136/Artykul/257979 (mode of access: 31.03.2017).

Vizit prem'era Gossoveta KNR v Pol'shu imeet daleko idushchee znachenie – posol Kitaia v Pol'she [Visit of the Premier of the State Council of the PRC to Poland has Far-Reaching Significance – Chinese Ambassador to Poland]. (2012). In *Renmin Ribao Online*, 25.04.2012. URL: <http://russian.people.com.cn/31520/7798262.html> (mode of access: 6.05.2017).

Vstrecha ministra oborony KNR s nachal'nikom Genshtaba vooruzhennykh sil Pol'shi [Meeting between the Defence Minister of the PRC and the Chief of the Polish General Staff]. (2010). In *Renmin Ribao Online*, 21.10.2010. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/7172674.html> (mode of access: 6.05.2017).

Vstrecha Yu Zhengsheng'a so spikerom senata Pol'shi [Meeting between Yu Zhengsheng and the Speaker of the Polish Senate] (2013). In *Renmin Ribao Online*, 17.12.2013. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/8487167.html> (mode of access: 6.05.2017).

Yang Jiechi vstretilsia s ministrom inostrannykh del Pol'shi [Yang Jiechi Met the Polish Minister of Foreign Affairs]. (2011). In *Renmin Ribao Online*, 6.12.2011. URL: <http://russian.people.com.cn/31520/7667136.html> (mode of access: 6.05.2017).

Zhang Dejiang provel peregovory s marshalom seima Pol'shi E. Kopacz [Zhang Dejiang Has Negotiated with the Sejm Marshal of Poland E. Kopacz]. (2013). In *Renmin Ribao Online*, 6.06.2013. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/8273489.html> (mode of access: 6.05.2017).

Zhōng'Ōu xiéshǒu ràng Zhōng'Ōu bānlì “fēiqǐlái” [China and Europe Join Hands to Let the China Railway Express “Fly up”]. (2017). In *Xinhua*, 12.05.2017. URL: http://news.xinhuanet.com/mrdx/2017-05/12/c_136276953.htm (mode of access: 13.05.2017).

The article was submitted on 17.04.2017

СТРАТЕГИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ТАИЛАНДА В АЗИАТСКОМ РЕГИОНЕ

Аннотация: Статья посвящена исследованию политического сотрудничества Таиланда с другими странами в регионе Юго-Восточной Азии и со странами в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Дан обзор политической роли и позиции Таиланда на современном этапе в регионе Юго-Восточной Азии, Восточной Азии и Тихоокеанском регионе в целом, роли других стран в этих указанных регионах и роли региональных организаций, в частности, роль Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) и Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) в развитии и усилении политического сотрудничества между странами членов АСЕАН и АТЭС. Особый акцент сделан на роли Таиланда в деятельности АСЕАН и АТЭС и политическом сотрудничестве в рамках этих организаций. Кроме того, Таиланд активно играет свою роль в деле улучшения отношений и расширяет свою деятельность в таких региональных интеграционных объединениях, как АСЕАН+3, АСЕАН+6, АСЕАН+8, в рамках Регионального Форума АСЕАН по Безопасности (АРФ) и Бенгальского залива как инициативе многосекторального технического и экономического сотрудничества (БИМСТЕК: сотрудничество между Таиландом со странами Южной Азии). Особое внимание уделяется политическим отношениям Таиланда с другими странами в Юго-Восточной Азии, Восточной Азии и Тихоокеанском регионе в XXI веке, современной политической деятельности Таиланда в его регионе и в других регионах по всему миру, роли и позиции Таиланда в мире после событий 11 сентября 2001 г. Таиланд активно с другими странами и другими региональными организациями и оказывает им поддержку в противодействии терроризму. Кроме того, он стремится к борьбе с проблемой международного терроризма и уделяет внимание развитию и сохранению регионального мира и безопасности.

Ключевые слова: политика Таиланда, сотрудничество Таиланда, Юго-Восточной Азии, АСЕАН, Азиатско-Тихоокеанский регион, АТЭС

Somkamnerd Navapat

SUSTAINABLE DEVELOPMENT STRATEGY OF POLITICAL COOPERATION OF THAILAND IN THE ASIAN REGION

Abstract: The article is devoted to political cooperation of Thailand with other countries in the region of South-East Asia and with countries in the Asia-Pacific region. An overview of the political role and position of Thailand in the modern era in the Asian region, such as in the region of Southeast Asia, East Asia and Pacific region, the role of other countries in these regions made of the role of regional organizations, especially the role of the Asia-Pacific economic cooperation (APEC) and the Association of Southeast Asian Nations (ASEAN) in the development and strengthening of political cooperation between the member countries of ASEAN and APEC. Particular emphasis is placed on the role, activities and political cooperation of Thailand in ASEAN and APEC. In addition, Thailand has been actively playing its role to improve relations and accelerate its activities in such regional integration associations, such as ASEAN+3, ASEAN+6, ASEAN+8, within the framework of the ASEAN Regional Forum for Security (ARF) and the Bay of Bengal initiative as multi-sectoral technical and economic cooperation (BIMSTEC: cooperation between Thailand with countries in South Asia). Special attention is paid to political relations of Thailand with other countries in the region of Southeast Asia, East Asia and Pacific region in the XXI century, the modern political activities of Thailand in his region and in other regions around the world, especially the political activities, the role and

position of Thailand in the world after the events of 11 September 2001 Thailand promotes and supports against terrorism and political cooperation of Thailand with other countries in the world and other regional organizations. In addition, Thailand is committed to dealing with the problem of international terrorism and focuses on the development and preservation of regional peace and security.

Key words: Thailand's policy, the cooperation of Thailand, South East Asia, ASEAN, the Asia-Pacific region, APEC

На сегодняшний день мир является ареной процессов глобализации. В глобальном мире все государства постепенно формируют единое сообщество. Следует отметить, что формирование сотрудничества стало важным фактором другого процесса – регионализации. Сегодня ни одно государство мира не может действовать полностью изолированно. Все государства обращают внимание на развитие сотрудничества с другими странами как в своем регионе, так и в других регионах для того, чтобы усиливать свои позиции, совместно решать современные проблемы и отстаивать собственные национальные интересы. Именно поэтому интеграция является важной особенностью развития международных отношений. Сотрудничество также стало одним из главных современных факторов региональной и международной интеграции. Очевидно, что государствам на современном этапе необходимо сотрудничать и укреплять отношения друг с другом на международной арене, чтобы обеспечить оптимальные условия развития, взаимовыгодные политические и экономические интересы, а также способствовать укреплению стабильности и безопасности.

Таиланд – одна из тех стран мира, которые заинтересованы в укреплении отношений со многими государствами, ориентируя политику на развитие отношений и сотрудничества с другими на основе как двустороннего, так и многостороннего взаимодействия. Современный Таиланд уделяет особое внимание развитию хороших отношений и расширению дальнейшего сотрудничества с другими государствами в таких регионах, как АТР и ЮВА в рамках участия в интеграции, а также поддержке сотрудничества на основе организаций в совместных разрешениях многих конфликтов и совместном противодействии ряду угроз.

Отмечается, что, когда отношения между государствами заметно улучшаются, между ними развивается сотрудничество в рамках региональных и международных организаций. Таиланд также активно развивает связи с другими как через двусторонние, так и посредством многосторонних отношений и участвует в деятельности международных отношений.

Поэтому обоснованно считать, что цель формирования сотрудничества в различных регионах состоит в том, чтобы государства содействовали укреплению стабильности и безопасности, решали взаимные конфликты и усиливали конкурентоспособность на международной арене. Особенно важно, чтобы все государства мира могли отстаивать взаимные политические и экономические интересы, развиваясь совместно.

Многие государства состоят в тех или иных региональных организациях, как и государство Таиланд. Таиланд входит в Азиатско-Тихоокеанский регион, поэтому он намерен развивать отношения с другими странами данного региона и пытается

участвовать в деятельности как региональных организаций АТР, так и ЮВА. Эту роль Таиланда можно видеть по спектру направлений его политики и деятельности на региональном уровне, особенно в Азиатском регионе, например, АТР и ЮВА на основе использования важных механизмов сотрудничества. Кроме того, Таиланд стремится играть роль в деле улучшения отношений и деятельности в таких интеграционных объединениях, как Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС) и АСЕАН. Именно поэтому коллективный уровень отношений Таиланда географически выходит за пределы ЮВА, особенно по проектам АТЭС, АСЕАН, АСЕАН+8, АРФ и БИМСТЕК [8].

Для содействия стабильности государствам необходимо совместно усиливать развитие тесного сотрудничества в области безопасности. Любое государство уделяет внимание усилению политического сотрудничества через интеграцию, потому что сегодня региональная интеграция имеет большое значение. Очевидно, что если региональное сотрудничество заметно усиливает позицию, то и позиции ее участников на мировой арене также усиливаются.

Таиланд – страна, которая находится в регионе АТР. Он состоит в ряде региональных организаций – АТЭС, АСЕАН и т.д. Таиланд укрепляет взаимодействие со многими странами в области политического сотрудничества и безопасности стран АТР. Государства АТР играют роль в выработке правовых норм для внедрения демократических форм межгосударственного общения и обеспечения региональной безопасности. Очевидно, что после событий 11 сентября 2001 г. участники АТР особо уделяют внимание созданию организационных и правовых основ противодействия терроризму [9].

Политическая безопасность является главной целью объединения стран в АТР. На сегодняшний день АТР стал в целом стабильным регионом. Региональная безопасность внутри АТР постепенно укрепляется, упрочились и позиции АТР на международной арене. Одним из основных направлений деятельности по повышению роли и укреплению позиции Таиланда в этом регионе является расширение взаимодействия со странами АТР, где сосредоточены важнейшие рынки экспорта и импорта товаров Таиланда. На сегодняшний день исключительная важность придается проблематике поддержания мира, стабильности и безопасности в регионе.

Современная обстановка в АТР характеризуется относительной стабильностью. Все страны АТР считают мирное развитие основным направлением своей политики. Как известно, отношения между ними продолжают развиваться и крепнуть, а диалог по проблемам безопасности и сотрудничества становится все более оживленным. Очевидно, что сегодня между странами АТР в формате АТЭС отражается высокий уровень сотрудничества между государствами региона и выполняется важная задача по стимулированию подобных процессов в регионе АТР. АТЭС объединяет 21 страну, включая США, Россию, Китай, Японию, Таиланд, Филиппины, Индонезию, Сингапур, Малайзию, Вьетнам и т.д. В основном завершен процесс регионального объединения АТЭС, страны участников постоянно углубляют и расширяют сотрудничество во многих сферах, в том числе сфере безопасности, политической, экономической, гуманитарной, культурной и т.д [8].

5. กระทรวงการต่างประเทศ. คำแถลงการณ์ของนายกรัฐมนตรี [สืบค้นจาก]. URL: http://www.mof.go.th/home/Press_release/News2014/history_61.pdf (วันที่สืบค้น: 17.02.2017). МИД Таиланда. Вступление премьер-министра [Электронный ресурс]. URL: http://www.mof.go.th/home/Press_release/News2014/history_61.pdf (дата обращения: 17.02.2017).

6. กระทรวงการต่างประเทศ. ความสัมพันธ์ไทยกับต่างประเทศ ราชอาณาจักร:ประเทศไทย [สืบค้นจาก]. URL: <http://www.mfa.go.th/web/479.php?id=395> (วันที่สืบค้น: 17.02.2017). МИД Таиланда. Отношения Таиланда с другими странами [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mfa.go.th/web/479.php?id=395> (дата обращения: 17.02.2017).

7. กรมอาเซียน กระทรวงการต่างประเทศ. ประชาคมการเมืองและความมั่นคงอาเซียน [สืบค้นจาก]. URL: [http://www.mfa.go.th/asean/th/customize/30637%E0%B8%9B%E0%B8%A3%E0%B8%B0%E0%B8%8A%E0%B8%B2%E0%B8%84%E0%B8%A1%E0%B8%81%E0%B8%B2%E0%B8%A3%E0%B9%80%E0%B8%A1%E0%B8%B7%E0%B8%AD%E0%B8%87%E0%B9%81%E0%B8%A5%E0%B8%B0%E0%B8%84%E0%B8%A7%E0%B8%B2%E0%B8%A1%E0%B8%B1%E0%B9%88%E0%B8%99%E0%B8%84%E0%B8%87%E0%B8%AD%E0%B8%B2%E0%B9%80%E0%B8%8B%E0%B8%B5%E0%B8%A2%E0%B8%99.html](http://www.mfa.go.th/asean/th/customize/30637%E0%B8%9B%E0%B8%A3%E0%B8%B0%E0%B8%8A%E0%B8%B2%E0%B8%84%E0%B8%A1%E0%B8%81%E0%B8%B2%E0%B8%A3%E0%B9%80%E0%B8%A1%E0%B8%B7%E0%B8%AD%E0%B8%87%E0%B9%81%E0%B8%A5%E0%B8%B0%E0%B8%84%E0%B8%A7%E0%B8%B2%E0%B8%A1%E0%B8%A1%E0%B8%B1%E0%B9%88%E0%B8%99%E0%B8%84%E0%B8%87%E0%B8%AD%E0%B8%B2%E0%B9%80%E0%B8%8B%E0%B8%B5%E0%B8%A2%E0%B8%99.html) (วันที่สืบค้น: 17.02.2017). Отдел АСЕАН МИДа Таиланда. Политическое сообщение и безопасность АСЕАН [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mfa.go.th/asean/th/customize/30637%E0%B8%9B%E0%B8%A3%E0%B8%B0%E0%B8%8A%E0%B8%B2%E0%B8%84%E0%B8%A1%E0%B8%81%E0%B8%B2%E0%B8%A3%E0%B9%80%E0%B8%A1%E0%B8%B7%E0%B8%AD%E0%B8%87%E0%B9%81%E0%B8%A5%E0%B8%B0%E0%B8%84%E0%B8%A7%E0%B8%B2%E0%B8%A1%E0%B8%B1%E0%B9%88%E0%B8%99%E0%B8%84%E0%B8%87%E0%B8%AD%E0%B8%B2%E0%B9%80%E0%B8%8B%E0%B8%B5%E0%B8%A2%E0%B8%99.html> (дата обращения: 17.02.2017).

8. ชีรชัย วรรณกิจ. เอเชีย. กรุงเทพฯ, 2001. 329 น. *Turachai Wannagit*. АТЭС. Бангкок, 2001. 329 с.

9. อภิชาติ วัฒนวงศ์ และ ฐิติพันธ์ พงษ์สุทธิรักษ์. ประเทศไทยมุ่งเข้าสู่ศตวรรษที่ 21. กรุงเทพฯ, 2003. 399 หน้า. Раттанамонгконमत и Титинан Понгсуттирак. Таиланд в XXI веке. Бангкок, 2003. 399 с.

10. จุลชีพ ชินวรรณโณ. เอเชีย-แปซิฟิก ความร่วมมือทางเศรษฐกิจใน АПЕС. กรุงเทพฯ, 2010. 397 น. *Djunchit Chinnawanno*. Сотрудничество АТЭС. Бангкок, 2010. 397 с.

References

Apinya Rattanamongkonmat lae Titinan Pongsutthirak (2003). *Bprat-tayt tai mung suu saat-ta wat tee yee sib aid* [Thailand in the XXI century]. 399 p. Bangkok.

Association of Southeast Asian Nations. Overview. Rowley, K. (n. d.). *The Downfall of Thaksin Shinawatra's CEO-state*. URL: <http://www.asean.org/communities/asean-socio-cultural-community/category/overview-24>. (mode of access: 17.02.2017).

Ay-bpayk [APEC]. (2001). 329 p. Bangkok.

Gra-suang gaan dtaang bpra-tayt. Kam ta-laeng-gaan kong naa-yok rat-ta-mon-dtree [Ministry of Foreign Affairs. The declaration of Prime Minister]. (2014). URL: http://www.mof.go.th/home/Press_release/News2014/history_61.pdf (mode of access: 17.02.2017).

Gra-suang gaan dtaang bpra-tayt: Kwam sam-pan tai gap dtaang bpra-tayt [Ministry of Foreign Affairs: Thai relationship with other countries]. (n. d.). URL: <http://www.mfa.go.th/web/479.php?id=395> (mode of access: 17.02.2017).

Grom aa-sian gra-suang gaan dtaang bpra-tayt. Bpra-chaa kom gaan meuang lae kwaam man-kong aa sian [Ministry of Foreign Affairs. ASEAN Political-Security Community]. (n. d.). URL: <http://www.mfa.go.th/asean/th/customize/30637%E0%B8%9B%E0%B8%A3%E0%B8%B0%E0%B8%8A%E0%B8%B2%E0%B8%84%E0%B8%A1%E0%B8%81%E0%B8%B2%E0%B8%A3%E0%B9%80%E0%B8%A1%E0%B8%B7%E0%B8%AD%E0%B8%87%E0%B9%81%E0%B8%A5%E0%B8%B0%E0%B8%84%E0%B8%A7%E0%B8%B2%E0%B8%A1%E0%B8%B1%E0%B9%88%E0%B8%99%E0%B8%84%E0%B8%87%E0%B8%AD%E0%B8%B2%E0%B9%80%E0%B8%8B%E0%B8%B5%E0%B8%A2%E0%B8%99.html> (mode of access: 17.02.2017).

Junlacheep Chinnawanno (2010). *Ay-chia bpaе-si-fik kwam ruam mue nai Ay-bpayk* [Economic cooperation APEC]. 397 p. Bangkok.

Ministry of Foreign Affairs, Kingdom of Thailand Annual Report 2012. (2012). 124 p. Bangkok.

Ministry of Foreign Affairs, Kingdom of Thailand Annual Report 2013. (2013). 178 p. Bangkok.

Spravka ob ASEAN. [Brief Information of ASEAN]. (n. d.). URL: <https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=1&cad=rja&uact=8&ved=0CBwQFjAA&url=http%3A%2F%2Fwww.economy.gov.ru%2Fwps%2Fwcm%2Fconnect%2F7b08110040b1d64bac54fe2af281cc1b%2F%25D0%25A1%25D0%25B7%25D0%2580%25D0%25B0%25D0%25B2%25D0%25BA%25D0%25B0%25B2%25D0%25BE%25D0%25B1%25D0%2590%25D0%25A1%25D0%2595%25D0%2590%25D0%259D.doc%3FMOD%3DAJPERES%26CACHEID%3D7b08110040b1d64bac54fe2af281cc1b&ei=pwRVKkRiIL7ywO9nID4Bw&usq=AFQjCNFNmD6kMxy0d2kIOZMrssxfPiGphw&bvm=bv:82001339,d:BGQ> (mode of access: 17.02.2017).

The article was submitted on 29.04.2017

УДК 94(479.25) + 94(56) + 94(450.341) + 94(62) + 929.52 Хетумиды + 82-94

Д. В. Возчиков

«В ЗУБАХ ЧЕТЫРЕХ ЗВЕРЕЙ»: ОБРАЗ КИЛИКИЙСКОЙ АРМЕНИИ В ТРУДАХ ВЕНЕЦИАНСКИХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ XIV–XV ВЕКОВ

Аннотация: В данной статье рассматривается образ Киликийской Армении, конструируемый в венецианском позднесредневековом нарративе. Особое внимание уделяется трактату «Книга тайн верных креста» сановника и дипломата Марино Санудо Торселло (Торчелло, ок. 1270–1343), видевшего в Армении не только важного торгового партнера Республики, но и военного союзника на Ближнем Востоке в предполагаемом новом крестовом походе против империи мамлюков Египта и Сирии. Хорошо информированный о делах в последнем независимом средневековом армянском государстве и регулярно посещавший его Марино Санудо рассматривал Киликийскую Армению, в первую очередь, как важного и надежного транзитера на торговых путях, связующих Ближний Восток и Индию с Европой. Описывая геополитическое положение современного ему армянского царства, Марино Санудо обратился к излюбленному в средневековой словесности анималистическому коду, изобразив маленькую Армению терзаемой четырьмя могущественными соседями – Львом (ильханами), Барсом (мамлюками), Волком (турецкими бейликами Малой Азии) и Змеей (пиратами). Санудо, подчеркивавший вассальный статус Киликии по отношению к иранским Хулагуидам, вероятно, понимал всю уязвимость этого государства. Санудо строил ряд сюжетов своего трактата на данных армянского принца Хетума, подвизавшегося при папской курии, и именно через него в «Книгу тайн верных креста» проник ряд сюжетов армянского нарратива, в том числе рассказ о договоре царя Хетума с ханом Мункэ. В более поздних венецианских хрониках, в частности, в анонимной «Хронике Энрико Дандоло», в хрониках Лоренцо де Моначи и Антонио Морозини, Армения уже не занимала столь существенного места, как в тексте Санудо и фигурировала, главным образом, как объект конкуренции Венеции и Генуи и мамлюкского завоевания. После значительных перемен в торговле Восточного Средиземноморья в середине XIV в., связанных с окончательным распадом *Rex Mongolica*, Армения, которая была в итоге покорена мамлюками в 1375 г., уже не представляла былого интереса и для венецианской восточной торговли и для венецианского нарратива.

Ключевые слова: Венецианская республика, история Армении, Киликийская Армения, Малая Азия, Хетумиды, мамлюкский султанат.

Dmitry V. Vozchikov

“IN THE JAWS OF FOUR BEASTS”: THE IMAGE OF THE CILICIAN KINGDOM OF ARMENIA IN THE WORKS OF THE VENETIAN INTELLECTUALS (14TH-15TH CENTURIES)

Abstract: This paper observes the image of the Cilician Armenia constructed in the late medieval Venetian narrative. Special emphasis is given to the treatise “The Book of the Secrets of the Faithful of the Cross” written by a Venetian statesman and diplomat Marino Sanudo Torsello

(Torcello, ca. 1270–1343), who considered Armenia not only as an important commercial partner, but also as a military ally in the Near East during the proposed new crusade against the Mamluk Empire of Egypt and Syria. Marino Sanudo, who had regularly been to the Armenian Kingdom and had been well informed about its policy and condition, considered this state mainly as an important and reliable transitory on the trade routes, that linked the Near East and India with Europe. Sanudo described the geopolitical situation of Armenia using the animalistic code, which was favored by the medieval intellectuals: four mighty beasts, symbolizing four neighbors of Armenia (“Lion” – the Ilkhanate, “Leopard” – the Mamluk Sultanate, “Wolf” – the Anatolian beyliks, “Serpent” – the pirates), encircled the small Christian kingdom. Sanudo underlined the status of Armenia as a vassal of the Iranian Ilkhanate and was aware of its vulnerability. Some of Sanudo’s passages were influenced by prince Hethum, which was a prominent historian on service of the papal court, for example, the description of the treaty between the Armenian king Hethum and Mongke Khan. The Venetian chronicles of the later periods payed much less attention to the Armenian Kingdom than Sanudo. In such narratives as anonymous “Chronicle of Enrico Dandolo”, Lorenzo de Monaci’s and Antonio Morosini’s chronicles, Armenia was presented mainly as an object of a rivalry between Venice and Genoa and of the Mamluk conquest. After the significant changes of the East Mediterranean trade in the middle of 14th century, related to the final collapse of the Pax Mongolica, the Armenian Kingdom was not as important as it had been earlier both for the Venetian trade and for the Venetian narrative.

Key words: Republic of Venice, History of Armenia, Cilician Armenia, Asia Minor, Hethumids, Mamluk Sultanate

«По правде сказать, так все пряности и все ткани с Евфрата привозятся в этот город, все дорогие товары и товары из Венеции, Генуи свозятся сюда и здесь покупаются» [6, с. 35], – рассказывал об Айясе (Лаяццо), главном портовом городе этого последнего средневекового армянского царства, венецианский купец Марко Поло. Тот же венецианец давал более нелицеприятную картину Киликийской Армении, отметив, что в старину местная знать была храбра и воинственна, а ныне погрязла в пьянстве [6, 35]. Марко Поло также говорил об ужасе, наводимом на эту землю войсками мамлюкского «вавилонского» султана Бейбарса (аз-Захир Рукн ад-Дин Бейбарс аль-Бундукдари, 1260–1277) [6, с. 28]. В данном случае обрывочные описания скорее сводятся к идее непостоянства, уязвимости и брэнности мира, ведь Киликийская Армения в последнее столетие своего существования представляла для современников достаточно наглядную иллюстрацию этой идеи.

Дипломат, сановник и историк Венецианской республики Марино Санудо Торселло (ок. 1270–1343), автор проекта крестового похода против мамлюков, изложенного в трактате «Книга тайн верных креста» (1307–1321) [29], основывал амбициозный план создания Pax Veneziana за ширмой всехристианского крестового похода против Египта на солидной информационной базе о торговле и географии всего Ближнего Востока.

Санудо, не раз бывавший в Киликийской Армении [28, с. 9], отводил армянскому государству роль одного из ключевых союзников Венеции и папы на Востоке в предполагаемом крестовом походе. Ситуация внутри элиты державы Хетумидов во второй половине XIII–XIV вв. в общих чертах напоминала борьбу пролатински и антилатински настроенных сановников в Византии того же периода. Как и в Константинополе, в Армении вопрос о военном союзе с государями Запада упирался в проблему унии с Римом. Санудо адресовал свой проект не только папе, но и французскому королю Филиппу V Длинному (1316–1322). Последнему Санудо

Торселло направил письмо на французском языке с картами и кратким изложением своего плана, обещая, что, если экспедиция достигнет цели, Филипп сможет получить «мировое господство» (*Seigneurie du monde*), причем стать более славным завоевателем, чем сам Александр Македонский, ведь тот, покорив весь известный мир, так и не смог достичь рая [29, с. 5]. В этом послании венецианец уделил особо пристальное внимание стратегическому значению Армении для будущей всехристианской экспедиции: «Если ныне не хватит числа людей для столь великого предприятия, то, по крайней мере, нужно снарядить десять галер, хорошо вооруженных и с 250 воинами на каждой, для охраны моря, а 300 всадников и 1000 пеших воинов благородного происхождения послать для защиты земли Армении. Ибо, если эта земля будет потеряна, это обернется великой утратой и великим позором для всего христианского мира» [29, с. 5]. Известно, что в 1319 г. Филипп V предпринял *passagium particulare*, или *primum passagium* («предварительный крестовый поход»), – морскую экспедицию на помощь Киликийской Армении и для контроля за соблюдением санкций против портов Сирии и Египта. Однако цели французский флот так и не достиг и, оказавшись вовлеченным в дело защиты интересов папы Иоанна XXII в Италии, был уничтожен в сражении неподалеку от Генуи [26, с. 868].

Марино Санудо представил в «Книге тайн верных креста» описание побережья Армении с указанием расстояний, разделяющих значимые торговые центры царства: Айяс, Мальмистру (Мамистру), Тарс, Мало и другие [29, с. 88–89]. От важнейшего порта Киликийской Армении Айяс (*Aiacium/Laiacium*), как сообщал венецианец, всего десять миль отделяли гавань *Portus Pallorum* [29, с. 88], по другим источникам известный как Портелла [13, с. 25] и впервые упоминаемый только в 1274 г. под именем *Portus Palium* [22, с. 383]. Марино Санудо в общем обзоре военно-морской тактики под мартом 1293 г. упомянул морские бои под Айясом в период венецианско-генуэзской войны, причем, несмотря на свое деятельное участие в конструировании венецианского мифа, он вполне беспристрастно рассматривал причины поражения более крупных венецианских галер от генуэзских судов [29, с. 83]. И поражение венецианского флота при Курцоле, и захват многих новых галер генуэзцами под Айясом Санудо объяснял ошибками в боевом порядке судов [29, с. 83]. В этой сцене Армения практически лишена какого-либо собственного голоса: она здесь скорее яблоко раздора между игроками или арена для значимых в ходе генуэзско-венецианского противостояния событий.

Первый царь Киликийской Армении Левон II (1187–1219, царь с 1198 г.) в хрисовуле конца 1201 г. предоставил венецианским купцам, а позже и другим латинянам, свободу передвижения по территории царства, ряд гарантий и привилегий, которые впоследствии не раз подтверждались в Киликии [12, с. 10]. «Да будут тела, вещи и товары венецианцев в сохранности и безопасности от любого человека, который находится и будет находиться под моей властью и под моим господством» [24, с. 110], – провозглашал Левон. До этого в условиях политической дисперсности Киликии венецианцам, очевидно, приходилось иметь дело с отдельными многочисленными армянскими властителями, что создавало ощутимые препятствия для проникновения купцов Республики в регион [12, с. 11]. Упоминание

о венецианском байло в Армении, в чьи функции входило обеспечение торговых интересов Республики в условиях серьезной конкуренции со стороны генуэзцев, пизанцев, каталонцев, купцов буквально со всей Европы, встречается уже в 1274 г [13, с. 32]. В первой половине XIV в. цари Левон IV, Ошин, Левон V и другие вновь и вновь подтверждали привилегии венецианских граждан в своем государстве [21, с. 75, 178–180], причем льготы даже ближайших конкурентов – генуэзцев – не выдерживали сравнения с венецианскими [12, 18].

Санудо со знанием дела описал папе торговые преимущества Киликии, подчеркивая взаимные выгоды торговли между армянами и Западом, которые возрастут с осуществлением проекта венецианца: «И земля Армении, производящая хлопок в огромном количестве, будет обладать куда большей ценностью [чем торговые связи с султаном Египта – Д. В.]; индийские же пряности и прочий товар через сельскую округу и город Бальдак [Багдад, подконтрольный Хулагуидам, – Д. В.] перейдут в Армению и в наше море. Эти пути позволят христианам Армении получить достаточную выгоду, благодаря которой их царство сможет сокрушить врагов церкви, сарацин» [29, с. 33]. Санудо рассматривал Киликийскую Армению, в первую очередь, как важного транзитера индийских товаров в обход владений египетских мамлюков. В справочнике флорентийского купца Франческо Бальдуччи Пеголотти «Практика торговли» хлопок также упоминался в числе важнейших товаров, которыми купец мог обзавестись в Армении, наряду с перцем, сахаром, имбирем, благовониями, лаком [27, с. 60]. Венецианские и генуэзские купцы в период правления Хулагуидов в Иране именно через Армению вели оживленную транзитную торговлю с Тебризом и Султанайей [8, с. 195].

Описывая тяжкое геополитическое положение современного ему армянского царства, Марино Санудо обратился к излюбленному в средневековой словесности анималистическому коду: «Вашему благочестивейшему милосердию также следует обратить взор к царству Ваших верных армян, что лежит в зубах четырех диких и свирепых зверей. В одной стране, находящейся ниже земли [армянской – Д. В.], находится Лев. Это, разумеется, татары, коим царь Армении платит огромную дань. С другой стороны обитает Барс, а именно – султан, день за днем терзающий христиан и [Армянское – Д. В.] царство. В третьей части живет Волк – турки, разрушающие владение и царство. Четвертую часть населяет Змея. Это – корсары (Cursarios) нашего моря, что день ото дня гложат кости христиан Армении» [29, с. 32].

Если отождествление размножившихся вслед за развалом Румского султаната турецких бейликов с волком выглядит достаточно органично, учитывая огромную символическую роль волка в тюркской культуре, идентификация египетского султана с леопардом – продукт одновременно европейского анималистического воображения и эмблематики самой мамлюкской державы. Эмблемой султана Бейбарса был шагающий лев или иной крупный хищник из семейства кошачьих с поднятой передней лапой [16, с. 107]. Эмблема была широко растиражирована на постройках султана (ныне сохранилось свыше восьмидесяти изображений от Египта до Турции [14, с. 373]) и его монетах.

На парном изображении, украшающем мост, построенный Бейбарсом в 1273 г. в Лидде (современный г. Лод, Израиль), лапа хищника занесена над крысой или

мышью, символизировавшей, очевидно, врагов султаната. Согласно трактовке крупного французского востоковеда и археолога Шарля Клермон-Ганно (1846–1923), грызун (крыса, белка или даже тушканчик?) под лапой хищника, возможно, воплощает арабскую игру слов «kuffāg» («неверные») и «fāg» («крыса»), причем также вероятно, что поза крысы на рельефе буквально пародирует вздыбленного льва (рампана) на гербе Лузиньянов, сохранявших за собой, помимо Кипрского королевства, статус титулярных королей Иерусалима [18, с. 113]. Армянский царь Левон II женился вторым браком на Сибилле Лузиньян, дочери короля Кипра Амори, и назначил своей наследницей Забел, дочь от брака с Сибиллой [4, с. 214; 9, с. 166], и с этого момента Лузиньяны поддерживали значительные династические связи с армянскими монархами – и Рубенидами, и Хетумидами. В 1310 г. после убийства регента Кипрского королевства Амори, женатого на армянской принцессе Изабелле, его дети, лишившись всяких прав на трон, бежали в Армению, где положили начало новой, армянской ветви династии Лузиньянов [1, с. 100], а позже, после пресечения дома Хетумидов со смертью Левона V в 1342 г., эта ветвь утвердилась на троне Киликийской Армении, став последней правящей династией этого государства. Если принять широко известное, остроумное, хотя и не до конца доказуемое на сегодняшний день толкование рельефной сцены с Бейбарсова моста в Лидде у Ш. Клермон-Ганно, можно предположить, что подобного рода парная «монументальная карикатура» изображала и Лузиньянов Кипра, и породнившихся с ними правителей Армении.

В летописи, приписываемой одаренному армянскому сановнику и военачальнику Смбату Спарпету (1208–1276), Бейбрасу – грозному врагу армянских царей – уделено достаточно внимания, причем армянский хронист не упустил случая подчеркнуть его «нецарственное» происхождение: «Султан был всего лишь рабом, сыном подлого раба» [17, с. 116–117]. Смбат нередко прибегал к наглядному и символически емкому анималистическому языку. Смбат, рассказав, как византийский император Мануил Комнин (1143–1180) отменил большой поход на Алеппо против Нур ад-Дина, заметил: «Итак, Мануил, сей мужественный император греков, придя, как могучий орел, вернулся же, как жалкий лис» [17, с. 48]. Хулагу же, узнав о разгроме монгольской армии мамлюками при Айн-Джалуте в 1260 г., «зарычал, как лев» [17, 107].

Европейская средневековая словесность достаточно прочно привязала образ леопарда к владыкам мусульманского Востока. По словам М. Пастуро, в европейской эмблематике с рубежа XI–XII вв. леопард возник как «плохой лев»: воплощение негативных качеств, ранее приписываемых льву, отныне обретшему ярко выраженную христологическую трактовку [10, с. 57]. Шагающий лев с мордой анфас, т. е. именно такой, какой был представлен на рельефах и монетах Бейбарса, в западной геральдике – это именно леопард. Учитывая, что портрет Хулагуидов Ирана в книге Марино Санудо не столь отрицателен, как образ египетских мамлюков, можно сделать вывод, что леопард на этой «звериной» карте соседей, терзающих Армению, выбран венецианским автором для Египта из стремления подчеркнуть однозначно враждебное отношение к султану и более низкий, с его точки зрения, символический статус султаната Египта по сравнению с государством Хулагуидов.

Британский исследователь П. Лок отмечает, что венецианский автор, хотя и был весьма начитан, ни разу не ссылаясь на своего соотечественника Марко Поло [28, с. 8]. Основным источником для «армянских» сюжетов и истории монгольских завоеваний в трактате, включающей некоторые баснословные подробности, стало сочинение «мужественного властителя Армении» [29, с. 26], принца Хетума (Гайтона) «Цветник историй земель Востока». Автор, яркий представитель латинофильского крыла хетумидского двора, член киликийского царствующего дома, вступил в орден премонстранцев и посвятил свой трактат папе Клименту V в 1307 г [2, с. 213–214]. Принц Хетум также известен под именем Хетум Патмич, т.е. «Хетум Историк» [3]. Хетум подробно описал визит своего дяди, царя Хетума I (1226–1270), в Каракорум в 1254 г [2, с. 262–265].

Текст Санудо испытал значительное влияние со стороны армянского интеллектуала, чьей компетентности в восточных делах венецианец, несомненно, доверял. В частности, именно к Хетуму в сочинении Санудо восходят явно преувеличенные представления о распространении христианства на Востоке. Христианами и у Хетума, и у Санудо предстали монгольские ханы Мункэ (Манго) и Хубилай [29, с. 236].

Санудо включил в «Книгу тайн верных креста» пересказ истории Хетума о принятии ханом Мункэ христианства по просьбе Хетума I во время его поездки в Каракорум. Царь Хетум, засвидетельствовав свое почтение хану, обратился к Мункэ с семью прошениями [2, с. 264; 29, с. 236]. Во-первых, хан вместе со своим народом должен был, «оставив секты, исполненные суеверий, принять веру Христову и креститься» [2, с. 263; 29, с. 236]. Во-вторых, между христианами и татарами устанавливался «вечный мир» («рах регретиа»); в-третьих, христианскому духовенству гарантировалась свобода от какого-либо порабощения и обложения данью; в-четвертых, хан посылал помощь христианам для освобождения Святой Земли от сарацин; в-пятых, силами «татар, занявших Турцию» хан обрушивался на Багдад и расправлялся с халифом; в-шестых, царю гарантировалась поддержка всех татарских владений, лежащих рядом с Арменией; в-седьмых, все армянские земли, занятые турками или татарами, должны были вернуться под власть армянской короны [29, с. 236]. Хан, если верить Хетуму и Марино Санудо, согласился на эти требования и крестился, правда, сказал, что не станет никого обращать насильственно [29, с. 237]. В данном рассказе победоносный поход войска Хулагу на Багдадский халифат в 1258 г., в ходе которого халиф аль-Мустасим действительно был убит завоевателями, предстал реализацией плана царя Хетума. Пожалуй, некорректно именовать договором между ханом и армянским царем вслед за А. Г. Галстяном [3, с. 68] этот достаточно сомнительный перечень декларативных прошений ханского данника и декларативных же обещаний Мункэ их удовлетворить.

В армянской традиции прослеживалось несколько синхронных моделей восприятия Монгольской империи. В летописи, приписываемой Смбату Спарпету, который приходился братом царю Хетуму и дядей историку Хетуму, о крещении Мункэ (Мангу) в связи с визитом Хетума ничего не упоминалось, сообщалось лишь, что «хан Мангу <...> принял царя Хетума радушно и предоставил ему все, что тот просил» [17, с. 106]. Однако в 1247 г., тот же Смбат буквально

по дороге миссии в Каракорум к хану Гуюку, в письме королю Кипра Генриху I Лузиньяну (1218–1253) писал, что хан и его сановники якобы «совсем недавно стали христианами» [11, с. 67] под влиянием покоренного монголами христианского населения страны «Гасрат и Гагнат, <...> откуда вышли три царя, чтобы приветствовать Иисуса Христа» [11, с. 66]. В 1250 г. Смбат вернулся в Армению с ханской грамотой, гарантирующей целостность армянских земель от внешних посягательств, и обещанием монголов оказать поддержку Киликии в деле возвращения крепостей, отторгнутых Румским султанатом. В пересказе Марино Санудо повествования Хетума Смбат фигурирует как Гинибальд (Ginibaldus) [29, 236]. Киликийская Армения остро нуждалась в военном союзнике против соседних мусульманских государств. На первых порах союз с ханом объективно отвечал политическим интересам Армении. То же самое можно сказать и о крестоносном движении высокого Средневековья. Распространение в Европе (как Смбатом, так и позже Хетумом) завышенных оценок численности и сил восточных христианах имело явную политическую цель. Принц Хетум сообщал впоследствии, что для составления своего труда пользовался текстами своего «почтенного дяди». Как справедливо предположил А. Г. Галстян, этим дядей, скорее всего, и был Смбат [3, с. 70]. Таким образом, из Армении на Запад выстраивалась определенная дискурсивная цепочка представлений и образов: от Смбата к Хетуму, от Хетума к Марино Санудо.

Другой армянский историк Киракос Гандзакечи (ок. 1200–1271) в «Истории Армении» также не писал о крещении хана и, в целом, воспринимал монголов как сильных и жестоких неприятелей, горячо желая потомкам избавиться от их гнета [5, с. 172–174]. Однако и Киракос не избегал упоминания о христианах среди монголов (в частности, о христианке Докуз-хатун, супруге Хулагу, сжалившейся в 1258 г. над багдадскими несторианами [5, с. 230]) и общей веротерпимости ряда вельмож империи, но, в отличие от Смбата и Хетума, не старался преувеличить степень распространения христианства. По свидетельству Киракоса, в 1247 г. военачальник Анагурак активно покровительствовал монастырю у гробницы св. Фаддея, долгое время заброшенной, превратив его в крупный паломнический центр, причем многие татары «приходили туда и крестили сыновей и дочерей своих, и множество одержимых и хворых были исцелены» [5, с. 193]. Киракос писал, что хан Мункэ в 1254 г. пожаловал Хетуму ярлык, гарантировавший защиту его царству, и подтвердил освобождение церквей от уплаты податей [5, с. 225]. Киракос, сдержанный в оценках союза с монголами и превозносящий Хетума более за благочестие, чем за что-либо иное, сообщив о стандартных для великих ханов действиях по отношению к правителям-данникам, здесь, очевидно, более достоверен, нежели Хетум.

Рассказав в подробностях историю о крещении Мункэ, энтузиасты крестоносного движения армянский принц-интеллектуал Хетум, а вслед за ним и Марино Санудо Торселло, очевидно, выдавали желаемое за действительное. Однако этот сюжет, легендарный, но обнадеживающий в условиях постоянного внешнего давления на армянское государство, оказался востребован современниками. В данной истории особенно показательна чрезвычайно оптимистичная для европей-

ского читателя (прелата и сановника) «обратная конспирология» – объяснение ряда действий монгольского хана, в частности, победоносного похода на Багдад в 1258 г., инициативой куда менее могущественного христианского монарха. Такой нарратив предлагал сценарий контроля над иной культурной реальностью через установление личных связей с восточными государями (и последующую манипуляцию ими). Не исключено, что как раз этот рассказ о мнимом обращении в христианскую веру могущественного монгольского хана силами смиренного армянского царя послужил одним из многих источников вдохновения для ряда утопических проектов по обращению османского султана Мехмеда II в христианство, включая послания султану, написанные критским гуманистом и энтузиастом «венетического мифа» Георгием Трапезундским (1392–1472/73). Армения в венетическом дискурсе первой четверти XIV в. не только была объектом описания и конструируемый образом, но также присутствовала через определенную ветвь армянской интеллектуальной традиции.

Санудо не мог обойти и религиозный аспект армянской жизни, посвятив главу своего труда нравам армян. Марино Санудо приписывал армянам и грекам непримиримую взаимную ненависть [29, с. 183]. Объектом его критики среди обрядов армянской церкви стали употребление несмешанного вина при евхаристии и празднование Рождества и Богоявления в один и тот же день [29, с. 183]. По словам венецианца, армяне «обещали повиноваться Верховному Понтифику и Святой Римской церкви именно тогда, когда их царь [Левон II – Д. В.] получил землю от римского императора Генриха, а царскую корону – от архиепископа Майнцского. Однако они не желают изменять старые обряды и празднества» [29, с. 184]. Все же религиозная инаковость армян обрисована в труде венецианца не столь резко, как в случае с христианами Нубии, которых Санудо, как и армян, считал важными участниками предполагаемого всехристианского союза против мамлюков. Так, согласно его описанию, «многие из них [нубийцев – Д. В.] допускают ошибку, на лбу своих младенцев еще до крещения нанося метки раскаленным железом, а некоторые выжигают на них знак креста» [29, с. 185]. Санудо связывал [29, с. 185] этот обряд с буквальным толкованием слов Иоанна Крестителя: «Он будет крестить вас Духом Святым и огнем» (Мф. 3:11).

С дальнейшим смещением коммерческих интересов венецианцев в сторону торговли с мамлюками и упадком Армянского царства интерес венецианских авторов к описанию этого государства снизился. Автор анонимной «Хроники Энрико Дандоло» (сер. XIV в., доведена до 1362 г.) писал об Армении достаточно скупно. В хронике упоминалась ожесточенная битва венецианцев и генуэзцев у берегов Армении, в которой пал венецианский капитан Марко Баседжо, правда, автор поместил ее под 1290 г. [20, с. 106–107], тогда как в действительности это сражение у Айяса произошло в 1294 г. [23, с. 65]. «В год 1303, – сообщалось в другом месте хроники, – пришло известие о том, что султан Вавилонии потерпел поражение от короля Армении на равнине близ Дамаска, на которой пало сто тысяч сарацин» [20, с. 112]. Впоследствии то же самое утверждение о столь грандиозном сражении повторял венецианский патриций и хронист первой половины XV в. Антонио Морозини, добавив, что по сему поводу «случилась в Венеции великая радость» [19, с. 49].

В этом кратком свидетельстве примечательно не только фантастическое преувеличение потерь противника христианского войска. В частности, проблематична идентификация указанного сражения. Ильхан Ирана Газан-хан (1295–1304), активно воевавший с бахритами, действительно, наголову разбил египетское войско мамлюков при поддержке Хетума II в конце 1299 г. в районе Хомса [15, с. 387–388]. После этого ильхан отправил посла к кипрскому королю Генриху II Лузиньяну с предложением об альянсе, правда, это ответа на это предложение не последовало, поскольку короля не поддерживали тамплиеры и госпитальеры [с. 94]. Если же речь шла о сражении 1303 г., то здесь битва при Мардж ас-Суффаре под Дамаском, имевшая место в апреле 1303 г. [15, с. 394], представлена как кровопролитное сражение между мамлюкским султаном и армянским королем, хотя в действительности, во-первых, ильханские войска потерпели в ней поражение, а, во-вторых, Армения выступала в этой войне вовсе не основным актором, а союзником ильхана Газан-хана. Во-видимому, в приведенных пассажах из венецианских хроник события 1299 г. и 1303 г. оказались перепутаны.

В хронике канцлера Кандии Лоренцо де Моначи (1351–1428), написанной в 1420-е гг., уже значительно позже захвата столицы Киликийской Армении Сиса мамлюками и гибели последнего независимого армянского государства Средних веков в 1375 г., Армения не занимала сколько-нибудь существенного места. Она упоминалась вновь как место борьбы между морскими республиками, в основном в связи с «тяжелейшей войной», вспыхнувшей между Венецианской и Генуэзской республиками в период догата Пьетро Градениго [25, с. 200–201]. Порт Айяс был окончательно закреплен за египетским султаном в 1337 г. [22, с. 162]. Тогда же Левон V уступил мамлюкам все территорию до реки Джейхан [9, с. 457]. Грек-киприот, чиновник и дипломат королевства Лузиньянов первой половины XV в. Леонтий Махера, повествуя в своей «Повести о сладкой земле Кипр» о походе короля Кипра Петра I в 1367 г. на Айяс, вкратце упоминал эти события истории порта: «Здесь находились турки Армении, но сарацины захватили его» [7, с. 220].

Киликийская Армения, пожалуй, являлась наиболее вестернизированной и, в свою очередь, знакомой латинянам страной христианского Востока. Венецианский интеллектуал Санудо, через посредничество армянского латинофильского круга в папском Авиньоне сумевший обратиться к собственно армянской историографической традиции, по всей видимости, действительно хорошо знал Армению, ее географические и хозяйственные особенности. В целом, в конструировании образа Киликийской Армении у венецианцев особенно прослеживается влияние их торговых и геополитических интересов. Отчасти благодаря этой подоплеке портретирование Киликийской Армении, было тщательно фундировано вполне достоверной географической информацией. Сухие цифры здесь переплетены с яркой символикой. Марино Санудо, продвигая свой план крестового похода, в отношении Армении, о которой венецианские купцы и дипломаты были хорошо осведомлены, старался делать больший акцент на общности христианского мира, почти полностью нивелируя конфессиональную инаковость армян в письме Филиппу V. Подчеркивая важность Армении в средиземноморской торговле и необходимость обеспечить ее безопасность, Санудо, очевидно, пытался убедить своих адреса-

тов – и папу, и французского короля, – в религиозной надежности Киликийской Армении для католической церкви. При всем этом, прагматизм не изменял опытному дипломату: рисуя патетические картины угрозы небольшому христианскому царству, окруженному куда более крупными «хищниками», Санудо, вероятно, понимал всю уязвимость и – в перспективе – обреченность этого государства, поэтому и рассматривал несколько весьма различных вариантов закрепления Венеции на торговых путях в Индии. У венецианских авторов, писавших после Марино Санудо, Армения занимала явно периферийное положение, и ее территория воспринималась ими почти исключительно в контексте венецианско-генуэзского соперничества.

Однако примечательно, что именно Венецианская республика, во многом определявшая европейский дискурс о Востоке XIV–XV вв., впоследствии стала колыбелью армянского культурного подъема в период раннего Нового времени: первая армянская печатная книга была издана в Венеции в 1512 г., а в XVIII столетии монастырь Сан-Ладзаро превратился в один из наиболее блистательных центров армянской учености.

Литература

1. *Близнюк С. В.* Королевство Кипр и итальянские морские республики в XIII–XV вв. М. : Academia, 2016. 832 с.
2. *Гайтон.* Цветник историй земель Востока // Книга странствий / Пер. и предисл. Н. С. Горелова СПб. : Азбука-классика, 2006. С. 212–274.
3. *Гетум Патмич.* Цветник историй стран Востока. Текст договора, заключенного между Мункэ-ханом и царем Гетумом // Армянские источники о монголах. Извлечение из рукописей XIII–XIV вв. / Пер.: А. Г. Галстян. М. : Изд-во восточной литературы, 1962. С. 68–71.
4. *Жаворонков П. И.* Из истории никейско-килийских отношений в первой половине XIII в. // Античная древность и средние века. Екатеринбург, 1999. Вып. 30. С. 209–215.
5. *Киракос Гандзакечи.* История Армении / Пер. Л. А. Ханлярян. М. : Наука, 1976. 360 с.
6. *Книга Марко Поло* / Пер. со старофранц. И. П. Минаева; предисл. В. В. Бартольда. М. : Книговек, 2012. 400 с.
7. *Леонтий Махера.* Повесть о сладкой земле Кипр // Близнюк С. В. / Пер. и коммент. С. В. Близнюк. Короли Кипра в эпоху крестовых походов. СПб. : Алетейя, 2014. С. 132–250.
8. *Манандян Я. А.* О торговле и городах Армении. Эривань : Гос. издательство, 1930. 240 с.
9. *Микаелян Г. Г.* История Киликийского армянского государства. Ереван : Издательство АН Армянской ССР, 1952. 555 с.
10. *Пастуро М.* Символическая история европейского средневековья / Пер. с франц. Е. Решетниковой. СПб. : Александрия, 2012. 448 с.
11. *Смбат Спарамет.* Письмо Смбата Спарамета из Самарканда кипрскому королю Генри Лузиньяну (1247) // Армянские источники о монголах. Извлечение из рукописей XIII–XIV вв. / Пер.: А. Г. Галстян. М. : Изд-во восточной литературы, 1962. С. 65–67.
12. *Соколов Н. П.* Торговые взаимоотношения Венеции и Киликийской Армении в XII–XIV вв. // Страны Средиземноморья в эпоху феодализма. Горький, 1973. Вып. 1. С. 5–24.
13. *Bedoukian P. Z.* Coinage of Cilician Armenia. N. Y. : American Numismatic Society, 1962. XXXI, 494 p.
14. *Cambridge History of Egypt. Vol. 1: Islamic Egypt, 640-1517* / Ed. by C. Petry. Cambridge : Cambridge University Press, 1998. XIV, 463 p.
15. *Cambridge History of Iran: in 7 vol. Vol. 5. The Saljuq and Mongol Periods* / Ed. by J. A. Boyle. Cambridge : Cambridge University Press, 1968. X, 709 p.
16. *Christie N.* Muslims and Crusaders. Christianity's Wars in the Middle East, 1095–1382, from the Islamic Sources. L.; N. Y.: Routledge, 2014. XLVII, 246 p.
17. *La chronique attribuée au connétable Smbat* / Introduction, traduction et notes par Gérard Dédéyan. Paris : Librairie Orientaliste Paul Geuthner, 1980. 139 p.

18. Clermont-Ganneau C. *Archaeological Researches in Palestine during the Years 1873–1874*. Vol. II. L. : Palestine Exploration Fund, 1896. X, 504 p.
19. *Il Codice Morosini. Il mondo visto da Venezia (1094–1433) / Edizione critica, introduzione, indice e altri apparati di A. Nanetti*. Spoleto : Fondazione centro italiano di studi sull'alto medioevo, 2010. T. 1. LXII, 530 p.
20. *Cronaca di Venexia detta di Enrico Dandolo (origini–1362) / A cura di R. Pesce*. Venezia: Centro di studi medievali e rinascimentali “E. A. Cicogna”, 2010. LIII, 185 p.
21. *Diplomatarium Veneto-Levantinum / Ed. C. M. Thomas*. Venetiis : Sumptibus societatis, 1880. Vol. 1. XXVI, 356 p.
22. Hild F., Hellenkemper H. *Tabula Imperii Byzantini*. Bd. 5: Kilikien und Isaurien. Wien : Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1990. T. 1. 466 S.
23. Kretschmayr H. *Geschichte von Venedig*. Bd. 2. Gotha : Perthes, 1920. XIX, 701 S.
24. Langlois V. *Le Trésor des Chartes d'Arménie ou cartulaire de la Chancellerie royale des Ropeniens*. Venise; Paris : Typographie arménienne de Saint-Lazare, 1863. 242 p.
25. *Laurentii de Monacis. Veneti Cretae cancellarii Chronicon de rebus Venetis ab U. C. ad annum MCCCLIV: sive ad conjurationem ducis Faledro*. Venetiis : Ex typ. Redmondiniana, 1758. XLVIII, 368 p.
26. *New Cambridge Medieval History*. Vol. VI: c. 1300 – c. 1415 / Ed. by M. Johnson. Cambridge : Cambridge University Press, 2000. XXIII, 1076 p.
27. *Pegolotti Francesco Balducci. La Pratica della mercatura / Ed. by A. Evans*. Cambridge : The Medieval Academy of America, 1936. LIV, 444 p.
28. *Sanudo Torsello Marino. The Book of the Secrets of the Faithful of the Cross / Translated by P. Lock*. Farnham: Ashgate, 2011. 475 p.
29. *Sanuti Torselli Marini. Liber secretorum fidelium crucis / Ed. Bongarius*. Hannover : Typis Wechelians, apud Claudium Marnium, & heredes Joannis Aubrii, 1611. 282 p.

References

- Armiánskie istochniki o mongolakh. Izvlechenie iz rukopisei XIII–XIV vv. Perevod: A. G. Galstian*. [Armenian Sources about the Mongols. Exstractions from the Manuscripts of the 13th-14th Centuries. Translated by A. G. Galstian]. (1962). 156 p. Moscow, Izdatel'stvo vostochnoi literatury.
- Bedoukian, P. Z. (1962). *Coinage of Cilician Armenia*. XXXI, 494 p. New York, American Numismatic Society.
- Bliznyuk, S. V. (2016). *Korolevstvo Kipr i ital'ianskie morskije respubliki v XIII–XV vv.* [The Kingdom of Cyprus and the Italian Maritime Republics from the Thirteenth to the Fifteenth Century]. 832 p. Moscow, Academia.
- Blizniuk, S. V. (2014). *Koroli Kipra v epokhu krestovyykh pokhodov*. [Kings of Cyprus at the Age of Crusades]. 280 p. Saint-Petersburg, Aleteia.
- Petry, C. (Ed.). (1998). *Cambridge History of Egypt. Vol. 1: Islamic Egypt, 640-1517*. XIV, 463 p. Cambridge, Cambridge University Press.
- Boyle, J. A. (Ed.). (1968). *Cambridge History of Iran: in 7 vol. Vol. 5. The Saljuq and Mongol Periods*. X, 709 p. Cambridge, Cambridge University Press.
- Clermont-Ganneau, C. (1896). *Archaeological Researches in Palestine during the Years 1873–1874. Vol. II*. X, 504 p. London, Palestine Exploration Fund.
- Christie, N. (2014). *Muslims and Crusaders. Christianity's Wars in the Middle East, 1095–1382, from the Islamic Sources*. XLVII, 246 p. London; New York, Routledge.
- Gorelov, N. S. (Ed.). (2006). *Kniga stranstvii* [The Book of Travels]. 320 p. Saint-Petersburg, Azbukaklassika.
- Hild, F., Hellenkemper, H. (1990). *Tabula Imperii Byzantini. Bd. 5: Kilikien und Isaurien*. [Tabula Imperii Byzantini. Vol. 5: Cilicia and Isauria]. T. 1. 466 p. Vienna, Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften.
- Johnson, M. (Ed.). (2000). *New Cambridge Medieval History. Vol. VI: c. 1300 – c. 1415*. XXIII, 1076 p. Cambridge, Cambridge University Press.
- Kirakos Gandzaketsi. (1976). *Istoriia Armenii* [History of Armenia]. 360 p. Moscow, Nauka.
- Kniga Marco Polo* [The Book of Marco Polo]. (2012). 400 p. Moscow, Knigovek.
- Kretschmayr, H. (1920). *Geschichte von Venedig. Bd. 2*. [History of Venice. Vol. 2]. XIX, 701 p. Gotha, Perthes.

La chronique attribuée au connétable Smbat. Introduction, traduction et notes par Gérard Dédéyan. [The Chronicle attributed to Smbat the Constable. Introduction, Translation and Notes by Gérard Dédéyan]. (1980). 139 p. Paris, Librairie Orientaliste Paul Geuthner.

Langlois, V. (1863). *Le Trésor des Chartes d'Arménie ou cartulaire de la Chancellerie royale des Ropeniens* [The Treasury of the Charters of Armenia or Cartulary of the Royal Chancellery of the Rubenids]. 242 p. Venice; Paris, Typographie arménienne de Saint-Lazare.

Monacis, Laurentii de (1758). *Veneti Cretae cancellarii Chronicon de rebus Venetis ab U. C. ad annum MCCCLIV: sive ad conjurationem ducis Faledro.* [The Chronicle of the Venetian Affairs from the Foundation of the City till the Conspiracy of the Doge Faliero, Written by the Venetian Chancellor of Crete]. XLVIII, 368 p. Venetiis, Ex typ. Redmondiniana, 1758.

Manandian, Ia. A. (1930). *O torgovle i gorodakh Armenii* [On Trade and Cities of Armenia]. 240 p. Erivan': Gosudarstvennoe izdatel'stvo.

Mikaelian, G. G. (1952). *Istoriia Kilikiiskogo armianskogo gosudarstva* [History of the Cilician Armenian State]. 555 p. Yerevan, Izdatel'stvo AN Armianskoi SSR.

Nanetti, A. (Ed.). (2010). *Il Codice Morosini. Il mondo visto da Venezia (1094–1433). T. I.* [The Morosini Codex. The World as Seen from Venice (1094–1433). Vol. 1.]. LXII, 530 p. Spoleto, Fondazione centro italiano di studi sull'alto medioevo.

Pastoureau, M. (2012). *Simvolicheskaia istoriia evropeiskogo srednevekov'ia* [Symbolic History of the European Middle Ages]. 448 p. Saint-Petersburg, Aleksandriia.

Pegolotti, Francesco Balducci. (1936). *La Pratica della mercatura.* [The Practice of the Trade]. LIV, 444 p. Cambridge, The Medieval Academy of America.

Pesce, R. (Ed.). (2010). *Cronaca di Venexia detta di Enrico Dandolo (origini – 1362)* [The Chronicle of Venice Named after Enrico Dandolo (from the Origins to 1362)]. LIII, 185 p. Venice, Centro di studi medievali e rinascimentali "E. A. Cicogna".

Sanudo Torsello, Marino. (2011). *The Book of the Secrets of the Faithful of the Cross. Translated by P. Lock.* 475 p. Farnham, Ashgate.

Sanuti Torselli, Marini (1611). *Liber secretorum fidelium crucis.* [The Book of the Secrets of the Faithful of the Cross]. 282 p. Hannover, Typis Wechelians, apud Claudium Marnium, & heredes Joannis Aubrii.

Sokolov, N. P. (1973). *Torgovye vzaimootnosheniia Venetsii i Kilikiiskoi Armenii v XII–XIV vv.* [Trade Connections Between Venice and Cilician Armenia, 12th–14th Centuries]. In *Strany Sredizemnomor'ia v epokhu feodalizma*, Iss. 1, pp. 5–24.

Thomas, C. M. (Ed.). (1880). *Diplomatarium Veneto-Levantinum. Vol. 1.* XXVI, 356 p. Venice, Sumptibus societatis.

Zhavoronkov, P. I. (1999). *Iz istorii nikeisko-kilikiiskikh otnoshenii v pervoi polovine XIII v.* [From the History of the Nicaean-Cilician Relations in the First Half of the 13th Century]. In *Antichnaia drevnost' i srednie veka*, Iss. 30, pp. 209–215.

The article was submitted on 28.04.2017

СУЛТАНХАН АДО И СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЕ МЫШЛЕНИЕ ЖИТЕЛЕЙ СРЕДНЕЙ АЗИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVIII – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX ВВ.)

Аннотация: Статья рассказывает о шейх-уль-исламе Бухары Султанхане Адо, который был талантливым двуязычным поэтом. Его творчество неразрывно связано с социально-политической жизнью, литературной средой Кокандского ханства и Бухарского эмирата второй половины XVIII – первой половины XIX вв. Персидско-таджикский диван Султанхана Адо хранится в рукописном фонде Национальной библиотеки Республики Таджикистан под № 816. Изучение дивана поэта позволило нам выделить несколько тематических подгрупп, но главенствующей является богословско-кораническая тематика. В большинстве стихотворений Султанхан возвеличивает шариат и основные ценности ислама. В содержательном аспекте его стихи близки философской, мистической лирике, а также он разрабатывает социальные, морально-этические проблемы. Поэт в своих творениях использует метрику, ритмику, рифмовку и другие приемы восточной классической поэзии. В экономическом, социальном, идейном и духовном мире простого народа появились изменения. Буржуазная революция во Франции оставила свой след в государствах Западной Европы, России, Иране, Турции, а также и в странах Средней Азии. В диване в отблеске размышлений о шариатских нормах ислама Султанхан Адо обсуждает вопросы управления государством, дает наставления, но, несмотря на его старания, эти поучения не дали положительного результата, так как в Мавераннахре интенсивно развивались передовые социальные мысли. Поэтому Султанхан Адо приступил к восхвалению государственного строя эмирата и превозношению деятельности его высокопоставленных чиновников. Поэт в своих газелях часто использовал слово «фаранг». Это слово связывает образы России и Европы, российской и европейской культуры в единое неделимое понятие. Это слово не было традиционным для Средней Азии первой половины XIX века, а было новым понятием, которое Султанхан Адо преподнес как дар своему народу.

Ключевые слова: Султанхан Адо, шейх-уль-ислам, Бухара, Коканд, поэт, Средняя Азия, ислам, Макнуна, персидско-таджикский диван, «фаранг».

Zebo S. Abdulazizova

SULTANHAN ADO AND SOCIAL AND CULTURAL THINKING OF PEOPLE OF CENTRAL ASIA (SECOND HALF OF THE XVIII – FIRST HALF OF THE XIX CENTURIES)

Abstract: The article is about the story of Sheikh-ul-Islam of Bukhara Sultanhan ADO, who was a talented bilingual poet. His work is inextricably linked with socio-political life, the literary environment of the Kokand Khanate and the Bukhara Emirate of the second half of the 18th century and the first half of the 19th century. Persian-Tajik diwan of Sultanhan ADO is kept in the manuscript collection of the National Library of the Republic of Tajikistan under the number 816. The study of the poet's diwan allowed us to distinguish in them several thematic sub-groups, but it is the dominant theological-Quranic themes. In most of his poems Sultanhan exalts the sharia and the basic values of Islam. In the content aspect, his poems are close to philosophical, mystical lyrics, and he also develops social, moral and ethical problems. The poet uses metrics, rhythms, rhymes and other techniques of Eastern classical poetry in his creations. Changes have occurred in the economic, social, ideological and spiritual world of ordinary people. The bourgeois revolution in France left its mark on the states of Western Europe, Russia, Iran, Turkey,

and also in Central Asia. In the diwan, reflecting on the Shari'ah of Islam, Sultanhan Ado discusses the issues of governance by the state, gives instructions, but despite his efforts, these teachings did not yield a positive result, as the progressive social ideas developed intensively in Transoxiana. Therefore, Sultanhan Ado embarked on praising the state system of the emirate and extolling the activities of his high-ranking officials. The poet in his ghazals often used the word "*Farang*". This word associates the image of Russia and Europe, Russian and European culture as one indivisible concept. This word was not traditional in Central Asia in the first half of the 19th century, but was a new concept that Sultanhan Ado presented as a gift to his people.

Key words: Sultanhan Ado, Sheikh-ul-Islam, Bukhara, Kokand, poet, Central Asia, Islam, Maknuna, "Farang".

Таджикская литература в XVIII–XIX вв. являлась как хранительницей, так и продолжательницей классической традиции. Литература этого периода имеет свои содержательные и художественные особенности. В эти века жили и творили талантливые двуязычные поэты и писатели.

Литературная жизнь второй половины XVIII – начала XIX вв. протекала в трех основных центрах Средней Азии: Бухаре, Коканде и Хорезме.

Как свидетельствует всесторонний анализ исторических, литературных и других источников, посвященных литературному кругу Кокандского ханства XIX века, о поэтах, творивших в данную эпоху, появился ряд довольно интересных исследований, в частности, таких известных ученых, как Е.Э. Бертельс, Х. Мирзозода, Р. Хадизаде, Н. Маъсуми, А. Каюмов, У. Каримов, М. Кадырова и др.

Вместе с тем литературная жизнь Кокандского ханства до сих пор остается неизученной, несмотря на то, что она представлена творчеством таких известных двуязычных поэтов, как Фано Истаравшани (ум. в 1845 г.), Султанхан Адо (год смерти 1250/1834–1835 г.), Назил Худжанди (1790–1876), Макнуна (1791–1842), Надим Истаравшани, Мадан Пангази (1761–1846), Хаджи Хакимхан (1217/1802–1803 г.р.), Дильшоди Барно (1800–1907) и др. Среди них особый интерес вызывает жизнь и творчество Султанхана Адо, который был великолепным поэтом, возглавлял литературный круг Коканда, затем Бухары, а в зрелые годы был шейх-уль-исламом Бухары.

Творчество Султанхана Адо неразрывно связано с социально-политической жизнью, литературной средой Кокандского ханства и Бухарского эмирата. Таким образом, изучение персидско-таджикского дивана Султанхана Адо внесет, безусловно, существенный вклад в исследование творчества поэта.

Султанхан Адо (год смерти 1250/1834–1835 г.) является одним из ярких представителей таджикской литературы первой половины XIX века, поэтическое творчество которого до настоящего времени не изучено в достаточной мере.

Этот старец, выходец из Самарканда, по прямой линии происходил от святого Ахрар Аулия, почитаемого во всем Туркестане. Проведя несколько лет на службе у коканского хана, он вернулся в Самарканд, откуда покойный Мир Хайдар пригласил его в Бухару и предложил место шейх-уль-ислама, от которого он не мог отказаться. Его происхождение, светлый ум, звание — обеспечивали ему возможность быть принятым при дворе. При правлении эмира Насруллаха (1828–1860) Султан-хан был в большом почете [3, с. 47].

Тюрко-иранское двуязычие формировалось в данном регионе в течение многих веков задолго до вторжения шейбанидов и стало обычным явлением в регионе [2, 29]. Необходимо особо отметить, что таджикско-персидский язык всегда оставался языком двора и научной общественности. Все поэты и поэтессы писали стихи как на таджикском, так и на узбекском языках. Газели, мухаммасы, мусаддасы Султанхан Адо написаны и на таджикском, и на узбекском языках. Тем не менее можно с уверенностью сказать, что в творчестве поэта весьма большое место занимают именно стихотворения, написанные им на таджикском языке.

После чтения персидско-таджикского дивана Султанахана Адо, который хранится в рукописном фонде Национальной библиотеки Республики Таджикистан под № 816, мы пришли к выводу, что он придерживался иракского стиля, так как в его поэзии усиливается богословско-кораническая тематика и превалируют мистические мотивы. В большинстве своих стихотворений он восхваляет, возвеличивает шариат и основные ценности ислама. В содержательном аспекте его стихи близки философской, мистической лирике, он разрабатывает социальные, морально-этические проблемы. Поэт в своих творениях использует метрику, ритмику, рифмовку и другие приемы восточной классической поэзии. Он обладает огромным даром художественного воображения, но с точки зрения психологии и идейного содержания в его поэзии, в большинстве случаев, превалируют стихотворения, где он говорит о потустороннем мире. К сожалению, идейное содержание этих стихотворений уводит читателя от реальности, то есть от вопросов благоустроенности и прогресса, приводит к отчаянию, разочарованию и затворничеству. Наряду с такими идейными противоположностями Султанхан Адо, опираясь на идеи Корана, воспеваает чистоту души, добро, нравственные отношения в обществе, взаимопонимание, стремление к работе «Сердце с Аллахом, руки в работе» («*Дил ба ёру, даст ба кор*»). Согласно этому учению тариката Накшбандия, постижение Аллаха происходит через душу, а руки всегда должны быть заняты делом. Но такая тематика не так часто встречается в поэзии Султанахана Адо.

В условиях глубокого феодализма первой половины XIX в. Султанхан Адо был способен только призывать эмира Бухары править по требованиям и правилам исламского шариата. С этической точки зрения заслуживает осуждения поступок самого шейх-уль-ислама Бухары – Султанахана Адо, который не смог остановить своеволие, самоуправство эмиров и правителей, действовавших против предписаний шариата и *общечеловеческих* законов.

Если бы этот защитник шариата действовал по законам Ислама и *общечеловеческим* и смог бы не допустить неправоверное поведение правителей, в том числе не закрыл бы глаза на то, что правитель исламского государства Мухаммадалихан стал совершать злостные поступки в Коканде, приказав казнить многих высокопоставленных чиновников, назначенных его отцом Умарханом, правителем Коканда (1787—1822), сняв с должности советника Масумхана, а его сына Хакимхана выслал в Россию. Кроме того, он велел казнить своего четырнадцатилетнего брата Абдулласултана и женился на своей мачехе Ханпаше [6, Л. 540^р]. В результате, 12 мая 1842 г. эмир Бухары Насруллахан пошел войной на Коканд под предлогом «защиты чистоты религии ислама». Зверски был убит сам правитель Мухаммадалихан,

его мать, знаменитая поэтесса Макнуна, его брат Мухаммадсултан, малолетний сын Мухаммадамин. Войско Насруллахана учинило там кровавые погромы, он узурпировал власть и присоединил Кокандское ханство к Бухарскому эмирату.

Мог ли *шайхулислам* Султанхан тогда предположить, что в экономическом, социальном, идейном и духовном мире простого народа появились изменения? Буржуазная революция во Франции оставила свой след в государствах Западной Европы. Через некоторое время такие изменения произошли в России, Татарстане, на Кавказе, Иране, Турции, Казахстане, а также и в Мавераннахре. Эти изменения оставили свой след в жизни и в общественном мнении народов Средней Азии.

Мавераннахром того времени с политической и религиозной сторон управлять было очень сложно. Сведения о прогрессе и реформах в Западном мире привлекали внимание представителей науки, культуры и просвещения. Жители узнавали об этих событиях посредством политико-экономических, торговых, культурных отношений, а также из рассказов путешественников и доходивших до них отдельных газет. Не существовала такая сила, которая бы противостояла внедрению изменений и противодействовала бы прогрессивной мысли. О плачевном положении религии, непристойных действиях представителей шариата хорошо знал и сам шайхулислам и представители передовых кругов того времени. Они были обеспокоены тем, что предписания шариата теряют свою мощь и влияние в сравнении с христианской религией. Прогрессивные представители общества были озадачены, а проницательные поэты, такие как Нодими Истаравшани с насмешкой говорил:

*Я стыжусь богохульства, жестокости представителей ислама,
Если это мусульманство, то лучше быть вероотступником!* [4, Л. 50^а].

А Назил Худжанди таким образом раскрыл свою тайну:

*Несмотря на то, что из-за своей слабости и бессилия закрыл свой рот,
Душа моя тянется к французской церкви* [Л. 237^а].

Султанхан Адо после того, как стал шейх-уль-исламом, признавался откровенно:

*Религия и шариат разрушаются с верхушки,
И сегодня он с головы до ног полон изъянов* [1, Л. 107^а].

Шейх-уль-ислам был недоволен:

*Глупыми поступками своих подчиненных шейхов, (которые) все являются
Шейхоподобными и непостоянными, то есть быстро меняют своё мнение.*
[1, Л. 107^б]

Особенно, этот мусульман был возмущен тем, что большинство его подчиненных “...*Неприятно, поверхностно относились (к мусульманству, поэтому они) Могут покупать и продавать веру.*” [1, Л. 78^б]

¹ Перевод этого и других газелей З. С. Абдулазизовой.

В диване в отблеске размышлений о шариате ислама Султанхан Адо обсуждает вопросы правления государством, дает наставления, но несмотря на его старания эти поучения не дали положительного результата, так как в Мавераннахре интенсивно развивались передовые социальные мысли. Поэтому Султанхан Адо приступил к восхвалению государственного строя эмирата и превозношению деятельности его высокопоставленных чиновников. Например, он сочинил касыду в честь кушбеги, который стал его гостем:

*Чу аз асти кабудаш бар замин қушбегиҷон омад,
Яқинам шуд, ки хуршеде зи авҷи осмон омад.
Чу он рӯҳи равон дар кулбаи ман меҳмон омад,
Ба ҷӯи хушк об омад, ба ҷисми мурда ҷон омад.
Зи мағриб меҳри иқболам, ки толеъ гаши ин соат,
Қиёмат шуд магар ин фитнаи охирзамон омад.
Қадат тубост гуфтам, сарви ман озод ҷаст аз ҷо,
Рухат моҳ аст гуфтам, меҳри ман аз осмон омад...
Мусаххар кард нӯздаҳ шаҳри ҳусн аз як нигоҳ охир,
Дар иқлими назокат ин замон соҳибқирон омад.
Адо ҳам об шуд аз дидани рӯи арақнокаш,
Ҳаё аз ҳарду ҷониб ҳусни ўро посбон омад [1, Л.68^а].*

В касыде Султанхан Адо сравнивает внешность своего достопочтенного гостя с «солнцем неба», душу – с «водой, дарящей жизнь», а облик – с «восходом солнца». При создании стана высокопоставленного гостя поэт чаще всего обращается к эпитетам «прекрасное дерево», «великолепный кипарис», а лицо его сравнил с «луной» и назвал лучшим в «мире галантным и деликатным» человеком. Кушбеги «беспримерный обладатель такта», а «его действия совершенны» – газель превратилась в оду.

В данной касыде Султанхан Адо использовал несколько художественных приемов, метафор, в частности, стан сравнивал с «кипарисом», лицо – с «луной», а в словосочетании «один взгляд и девятнадцать городов» использован художественный прием числа.

В диванах Надима Истаравшани, Назила Худжанди, Мирза Сиддика Фано и в произведении «Мунтахаб-ут-таварих» («Извлечения из летописей») Хаджа Хакимхана, а также в диване Султанахана Адо встречается слово «урупо», «фаранг» (Европа) например:

*Ғариби мулки худ хоҳад шудан наққош бар дасташ,
Гузори сурати ҳусни ту ҳар гоҳ дар **фаранг** афтад.
Сафи ушиоқро ҳар сў ба хок афканд, чашими ў,
Чу шоҳине, ки ҳар тамҳид дар хайли куланг афтад.
Наҳоҳам дод аз каф то нағўям арзи аҳволе,
Адо, минбаъд агар домони нози ў ба чанг афтад [1, Л.75^б].*

Слово «*фаранг*» в этой газели ассоциируется со словом «*Европа*»: «если европейцы увидят красоту его возлюбленной, они будут восхищаться, а художник поразится и растеряется». То есть возлюбленная лирического героя так очаровательна, прекрасна и соблазнительна, что даже европейский художник изумляется и восхищается при виде такой красоты.

В другой газели встречается словосочетание «*фаранги рус*», в котором поэт имел в виду Восточную Европу:

*Диле дорам зи тахти тоҷи Кайковус рангинтар,
Фигон аз тири сайди ту ки дар сад Тӯс рангинтар.
Зи найранги ҳавас дар пешаи ҳиндусияҳбахтӣ,
Дилу догошное дорам аз товус рангинтар.
Ба боги олами гулзори ҷаннат сайрҳо кардам,
Надидам ҳеҷ гулро аз дили маъюс рангинтар.
Чаро ту аз лаби ман рӯи худро дур медорӣ,
Бимон он гул шавад аз гунчаҳои бӯс рангинтар.
Насоро ку, ба ёди Исуйи лаъли ҷунун дорам,
Фигон дорад дилам аз нағмаи ноқус рангинтар.
Зи дасти теги кофар мочарое, ай мусалмонон,
Дили хунгаштаам шуд аз фаранги рус рангинтар.
Адо, аз ҳар нигоҳи чашми ӯ тарзе хабар дорам,
Намояд ҳарфи рангин аз лаби ҷосус рангинтар [1, Л. 93^b–94^a].*

Слова «*Кайковус*», «*Тус*», «*товус*» (павлин), «*маъюс*» (отчаявшийся), «*бус*» (поцелуй), «*номус*» (честь), «*ноқис*» (колокол), «*рус*» (русский), «*ҷосус*» (шпион) выполняет роль рифмы.

В первом бейте газели слово «*рангинтар*» (краше) является аллегорией к слову *сердце*, смысл которой заключается в том, что: разноцветное сердце лирического героя стоит выше престола и богатства Кайковуса, Туса, поскольку в нем много ран от любви. Во втором бейте это израненное, печальное сердце сравнивается с крыльями павлина, но оно красивее пестрых крыльев этой прекрасной птицы. В третьем бейте ни один цветок рая не может сравниться по красоте с печальным сердцем поэта.

В четвертом бейте слово «*гул*» (цветок) служит аллегорией слову «*дил*» (сердце). В этом случае слово «*рангинтар*» (краше) имеет значение «счастливый» и «радостный». В пятом бейте слово «*гул*» (цветок) являлся аллегорией слову «*дил*» (сердце) и считается лучше «*гул*» (цветок) цветка. В шестом бейте «*дил*» сравнивается с «*нокуси дайр*» (колоколом храма), но его ритм благозвучнее звука колокола, то есть ритм и звон любящего сердца торжественнее, величественнее звука христианского колокола.

В седьмом бейте говорится о том, что расстроенное, печальное сердце лирического героя лучше разнообразия красивых слов в речи восточноевропейцев. В этом случае словосочетание «*окровавленное сердце*» больше подошло бы к слову «*рангинтар*» (краше).

Вне сомнения, словосочетание «*фаранги рус*» в последнем бейте указывает на то, что речь пойдет о Восточной Европе. Нужно отметить, что в произведениях иранских поэтов первой половины XVII века и начала XVIII века, таких как Мулло Кадри, Мулло Исмоил Забехо, Мирзо Джалил Асир, Гани Лохиджи, Толиб Омули, Кози Довари, Кассаб и многих других слово «*фаранг*» употребляется вместе со словосочетаниями «*чаими сиёҳи фарангӣ*» (европейские черные глаза), «*нигоҳи фарангӣ*» (европейский взгляд), «*бути фарангӣ*» (европейская красавица), «*куллоҳи фарангӣ*» (европейская шапка), «*моҳи фарангӣ*» (европейский месяц), «*роҳи фарангӣ*» (европейский путь), «*руҳи фарангӣ*» (европейское лицо), «*руҳи фарангӣ*» (европейская душа), «*фаранги машраб*» (принцип Европы), «*фаранги наргис*» (глаза Европы), «*хусни фаранг*» (европейская красота), «*тарҳи фаранг*» (европейская фигура), «*маи португол*» (португальское вино), «*фаранги шоҳид*» (свидетель-европеец), «*бодаи португол*» (португальское вино) и «*тарсо ва фаранг*» (христианин и Европа) и обозначает Западную и Южную Европу.

Исходя из этих аргументов, мы приходим к следующим выводам:

а) в социально-культурном мышлении иранского народа с середины XVII века проявляется и чувствуется влияние жителей Западной и Южной Европы;

б) в социально-культурном и литературном мышлении народов Средней Азии с первой половины XIX века проявлялось влияние жителей Восточной Европы и России.

б) слово «*фаранг*» (Россия, Европа) ассоциируют образ России и Европы, российской и европейской культуры, как одно неделимое понятие. Это слово не было традиционным в Средней Азии в первой половине XIX века, а было новым понятием, которое Султанхан Адо преподнес как дар своему народу. Используя его, он обогатил духовную культуру, приумножил знания таджикского народа.

Литература

1. Адо Султанхан. Диван. Рукопись № 816 (ДШ).
2. Бисенбаев, А. К. Другая Центральная Азия. Алматы : Аркас, 2003. 146 с.
3. Записки о Бухарском ханстве (отчет П.И. Демезона и И.В. Виткевича). М. : Наука, 1983. 144 с.
4. Нодими Истаравшани. Диван. Рукопись. Личный архив профессора Каримова У.
5. Нозили Худжанди. Диван. Рукопись № 1033 (ДШ).
6. Хаджа Хакимхан. Мунтахаб-ут-таварих, копия № 63. Душанбе; Дом-музей А. А.Семенова. Рукопись.

References

- Ado, Sultankhan. (n. d.). *Divan. Rukopis' no 816* [Divan. Manuscript no 816]. (DSh).
- Bisenbaev, A. K. (2003). *Drugaiia Tsentral'naia Aziia* [Another Central Asia]. 146 p. Almaty, Arkas.
- Zapiski o Bukharskom khanstve (otchet P.I. Demezona i I.V. Vitkevicha)*. [Notes on the Bukhara Khanate (P.I. Demezons' and I.V. Witkiewicz's Report)]. (1983). 144 p. Moscow, Nauka.
- Nodimi Istaravshani. (n. d.). *Divan. Rukopis'.* *Lichnyi arkhiv professora Karimova U.* [Divan. Manuscript. Personal archive of Professor Karimov U.].
- Nozili Khudzhandi. (n. d.). *Divan. Rukopis' no 1033*. [Divan. Manuscript no 1033]. (DSh).
- Khadzha Khakimkhan. (n. d.). *Khadzha Khakimkhan. Muntakhab-ut-tavarikh, kopiia № 63*. [Muntakhab-ut-tavorikh. Copy no 63. The house-museum A.A.Semyonov in Dushanbe, manuscript]. Dushanbe, Dom-muzei A. A.Semenova.

The article was submitted on 10.04.2017

**А. С. Бурнасов,
Ю. Ю. Ковалев,
А. В. Степанов**

РОССИЙСКО-КАЗАХСТАНСКИЙ ВЕКТОР ПРИГРАНИЧНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В РАМКАХ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

Аннотация: Статья посвящена актуальным вопросам интеграционных процессов Евразийского экономического союза на примере российско-казахстанского приграничного экономического сотрудничества. Спустя 25 лет после распада СССР отчетливо наблюдается «асимметричность» хозяйственных процессов, протекающих на постсоветском пространстве. Выстроенные в эпоху планово-административной экономики горизонтальные и вертикальные экономические связи были разрушены в начале 90-х гг. XX века. Становление рыночной модели хозяйствования кардинально изменило представление о промышленном взаимодействии «акторов» на пространстве бывшего СССР. Создание интеграционных группировок на постсоветском пространстве дало толчок усилению промышленной кооперации между странами. Наибольших успехов в этом направлении достигли Российская Федерация и Республика Казахстан, создав благоприятные предпосылки для приграничного взаимодействия. В статье на конкретных примерах анализируется создание «цепочки добавленной стоимости» в различных отраслях экономики хозяйствующих субъектов двух стран.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз, интеграция, приграничное экономическое сотрудничество.

**Alexander S. Burnasov,
Yury Kowaljov,
Anatoli Stepanov**

RUSSIA-KAZAKHSTAN VECTOR OF THE CROSS-BORDER ECONOMIC COOPERATION WITHIN THE EAEU INTEGRATION PROCESS

Abstract: The article deals with topical questions of the integration processes within the Eurasian Economic Union. Russia-Kazakhstan cross-border cooperation is taken as an example of these processes. 25 years after the dissolution of the USSR, “asymmetry” of the economic processes in the post-Soviet space can be clearly observed. In the early 1990s, the horizontal and vertical economic links, which had been built during the epoch of the planned economy, were broken. The formation of the market economic model radically changed the concept of industrial interaction between the “actors” in the post-Soviet space. The creation of the post-Soviet integration groups triggered off the increase of industrial cooperation among the countries. The cooperation between the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan is the most successful. These efforts resulted in advantageous background for cross-border interaction. The article analyzes the creation of “value-added chain” and its specific examples among the business entities of the both countries in different sectors of economy.

Key words: Eurasian Economic Union, Integration, Cross-Border Economic Cooperation.

Актуальность приграничного сотрудничества стран Евразийского экономического союза не вызывает сомнения. На протяжении веков осуществлялся интенсивный экономический, социальный и культурный обмен между территориями этих стран. В недалеком прошлом Россия и Казахстан были единым экономическим пространством, многие хозяйственные проекты были реализованы в рамках планово-административной структуры республик бывшего СССР. Регионализация мировой экономики, создание экономических блоков, ухудшение отношений с Западом делает евразийский проект России и Казахстана практически безальтернативным.

Россия имеет самую протяженную границу с Казахстаном — 7512 км, что обуславливает особую значимость приграничного сотрудничества между этими странами. В приграничное экономическое сотрудничество вовлечено 12 российских (Республика Алтай, Алтайский край, Новосибирская, Омская, Тюменская, Курганская, Челябинская, Оренбургская, Самарская, Саратовская, Волгоградская, Астраханская области) и 7 казахстанских (Актюбинская, Атырауская, Западно-Казахстанская, Костанайская, Павлодарская, Северо-Казахстанская, Восточно-Казахстанская области) регионов. Эти регионы России и Казахстана имеют большое значение для национальных экономик и во многом определяют уровень их конкурентоспособности. В приграничных регионах (рис. 1) проживает более 32 млн человек, а совокупный валовой продукт российско-казахстанского приграничья превышает \$350 млрд. При этом ВРП приграничных регионов Казахстана составляет 40% ВВП Казахстана, а ВРП приграничных регионов Российской Федерации – 15 % ВВП РФ [1, 2, 4, 5, 6, 8]. Как справедливо отмечает А. М. Носонов: «...ВРП приграничья РФ более диверсифицирован, чем ВРП приграничья Казахстана. В ВРП приграничья Казахстана намного меньше доля обрабатывающей промышленности и услуг» [6, с. 129].

В настоящий период между приграничными регионами рассматриваемых государств особый акцент делается на «...усилении взаимосвязи межгосударственных взаимодействий и формировании межгосударственных субрегиональных образований на примере приграничных регионов. Последние – проявление трансграничного агломерационного эффекта, в результате которого повышается производительность труда, производятся более качественные товары и услуги, ускоряется товарно-денежный оборот. Концентрация производственно-технологических взаимодействий и наложение в таких пространственных образованиях (субрегиональных международных регионов) кооперационных цепочек превращает регион в неформальное ядро интеграционных процессов. Чем больше таких регионов, тем глубже и устойчивее интеграционный процесс» [7, с. 7].

Опыт региональной интеграции приграничных регионов в мире показывает, что страны должны пройти ряд последовательных стадий развития [3, с. 89]. В рамках Евразийского экономического союза наглядно наблюдается переход на третий этап сотрудничества, т.е. формирования «общего рынка» товаров, капиталов, услуг и рабочей силы (рис. 2).

Качественно новым шагом в развитии интеграционного взаимодействия стало создание в 2010 г. Таможенного союза России, Белоруссии и Казахстана.

Реализация подписанных в рамках Таможенного союза соглашений позволила унифицировать экспортно-импортные тарифы и обеспечить с 1 июля 2011 г. перенос всех видов согласованного государственного контроля с внутренних на внешние границы Таможенного союза. С 1 января 2012 г. начало действовать Единое экономическое пространство с участием трех государств, в рамках которого предусматриваются обеспечение не только свободного движения товаров, но и услуг, капиталов и рабочей силы, а в перспективе и проведение согласованной валютной и макроэкономической политики [9].

Приграничное сотрудничество стран Евразийского экономического союза должно привести к:

1. проявлению экономической, социальной и политической интеграции между государствами на субрегиональном уровне в рамках компетенций местных органов власти;

2. компенсации через сотрудничество местных властей и сообществ негативного барьерного эффекта границ;

3. к решению местных проблем через трансграничное взаимодействие (экономическая и социальная мобильность населения, проживающего в радиусе 100–150 км по обе стороны границы);

4. развитию периферийных территорий стран, через стимулирование хозяйственной активности приоритетных отраслей региональной специализации;

5. интенсификации информационного обмена и распространения лучших примеров приграничного сотрудничества.

Однако приграничные хозяйственные процессы между Российской Федерацией и Казахстаном нельзя рассматривать как тождественные в силу *«асимметричности экономических векторов»* между вышеуказанными странами. Анализ экономической ситуации показывает, что российско-казахстанские приграничные экономические отношения строятся преимущественно на базе промышленных предприятий созданных в эпоху планово-административной экономики бывшего СССР. Это положение детерминируется совокупностью целого ряда объективных факторов: геополитическим местоположением двух государств, культурно-цивилизационными особенностями, взаимодополнением их экономических интересов, наличием достаточно высокого уровня научно-образовательных и технологических связей, сформировавшейся в советские времена относительно разветвленной инфраструктурой – все это объединяет между собой Казахстан и Россию.

Что касается приграничного взаимодействия государств, то к числу приоритетов в контексте создания «полюсов роста», следует отнести взаимодействие приграничных агломераций. В результате такого взаимодействия могут создаваться синергетические эффекты, выражающиеся в образовании совместных производств, кооперационных сетей, промышленных и региональных кластеров, единых образовательных пространств и т.д. Важным ресурсом приграничного сотрудничества являются региональные различия соседствующих стран по их месту в мировой экономике, по уровню и соотношению внутренних цен, налоговому и инвестиционному законодательству, доходам населения, и т.д., что позволяет активно обмениваться соответствующими товарами и факторами производства.

Таким образом, приграничное сотрудничество на основе соседства «различий» и общности ресурсного и геоэкономического положения играет важную роль в развитии хозяйства приграничных территорий.

В контексте изучаемых хозяйственных процессов особый акцент сделан на отраслевую специфику взаимодействия промышленных предприятий вдоль границы изучаемых государств. В настоящий период особо стоит отметить, что экономико-географическое положение соседствующих регионов изменится в результате строительства транспортного пути «Западный Китай – Западная Европа» протяженностью 8.4 тыс. км. «Логистическое преимущество» отчетливо проявится на маршруте «Оренбург-Актобе», где следует ожидать всплеск хозяйственной активности через бизнес-проекты предприятий, производящих продукцию с высокой добавленной стоимостью.

Акцентируя внимание на том, что на 2016 г. между РФ и Казахстаном учреждено и ведут финансово-хозяйственную деятельность более 6000 совместных предприятий [6], необходимо остановиться на так называемых «имиджевых» проектах, интегрирующих в рамках Евразийского экономического союза крупный капитал обеих стран. К числу крупных инвестиционных инициатив промышленного развития приграничных территорий следует отнести:

1) развитие Оренбургского газохимического комплекса, перерабатывающего природный газ Актюбинской области и формирование в Оренбургской области казахстанского филиала ТОО «Казросгаз». В 2014 году «Казросгаз» принял и обеспечил переработку сырого газа Карачаганакского месторождения (рис. 3) на мощностях Оренбургского газохимического комплекса в объеме 8.594 млрд. кубометров. В числе перспектив развития предприятия – выпуск гранулированной серы для химической промышленности.

Кроме того,

2) через территорию России осуществляется основной объем транзита казахстанской нефти на внешние рынки. Транзит осуществляется по нефтепроводу «Атырау-Самара» (не менее 15,5 млн. тонн в год) и по системе нефтепроводов Махачкала–Тихорецк–Новороссийск (до 5,5 млн. тонн в год);

3) в 2010 г. было подписано межправительственное Соглашение о совместной деятельности на трансграничном газоконденсатном месторождении «Имашевское», в соответствии с которым после получения лицензии ОАО «Газпром» и АО «НК «КазМунайГаз» будет организована подготовка геологических работ в соответствии с условиями лицензионного соглашения. Общая смета проекта составляет 5,6 млрд. долларов США;

4) выпуск хрома «Новотроицким заводом хромовых изделий», который в последние годы увеличил производство продукции с высокой добавленной стоимостью (металлический и электролитический хром) за счет увеличения импорта хромовой руды из Актюбинской области;

5) успешным бизнес-проектом следует считать выпуск медицинской техники (рентгенодиагностического оборудования) завода «Актыубрентген» осуществляющего научную кооперацию с оренбургским ООО «Уралрентген»;

6) формирование и развитие агропромышленного кластера Омской области, специализирующегося на глубокой переработке российского и казахстанского зерна на базе уже сформированного приграничного биокомплекса. В рамках интеграционной кооперации здесь будут получать клейковину, крахмал, глюкозу, кормовой лизин, аминокислоты, спирт. В перспективе «синергетический эффект» наиболее ярко проявится с нефтехимическим кластером для производства экологических добавок в бензин;

7) АО «КАМАЗ-Инжиниринг» является одним из первых крупных и успешных совместных приграничных казахстанско-российских проектов в сфере производства автомобильной техники в Кокшетау. Предприятие создано 2 июня 2005 г., 5 августа того же года были собраны первый самосвал и автобус, а 19 августа сошел с конвейера первый серийный автомобиль. Вся произведенная продукция реализуется на внутреннем рынке Республики Казахстан. Акционерное общество «Камаз-Инжиниринг» города Кокшетау создано на основе лицензионного соглашения с ОАО «Камаз» и ОАО «Нефаз», по которому казахстанскому партнеру передана конструкторско-технологическая документация ведущих автозаводов России. В соответствии с этой документацией организован технологический процесс сборки. Производство оснащено современным контрольно-диагностическим и технологическим оборудованием. Завод АО «Камаз-Инжиниринг» является одним из самых первых и наиболее крупных и успешных совместных казахстанско-российских проектов в сфере производства автомобильной техники;

8) несмотря на экономические трудности ожидается, что в 2017 г. в Усть-Каменогорске появится новый автомобильный завод, что позволит сформировать автомобильный кластер Восточного Казахстана. Общеизвестно, что одно рабочее место, созданное в автомобилестроении, автоматически создает четыре рабочих места в смежных отраслях. Это совместное предприятие между «Автовазом» и компанией «Азия Авто» позволит дать дополнительный экономический импульс предприятиям металлургического и химического комплексов приграничных регионов: Алтайского края и Восточно-Казахстанской области. Доля «Автоваза» в совместном предприятии составит 25%. В ассортимент автомобилей войдут, в том числе перспективные модели «Автоваза» – «LADA Vesta» и «LADA XRAY».

Таким образом, в этом отношении нельзя не согласиться с В. С. Бильчаком, отмечающим, что «... критерием же достижения приграничной интеграции выступает степень свободы действия рыночных механизмов и, следовательно, уровень регулирующего воздействия со стороны государственных органов» [3, с. 87].

Литература

1. *Башмаков А. А.* От приграничного сотрудничества к евразийской экономической интеграции. Алматы : Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан. 2013. 215 с.
2. *Бийжанова Э. К.* Российско-казахстанское приграничье: социологический анализ // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2015. № 6 (42). С. 224–231.
3. *Бильчак В. С.* Теоретические аспекты приграничного экономического сотрудничества на основе интеграционных процессов // Балтийский регион. 2014. № 3 (21). С. 83–94.

4. Гузенкова Т. С., Сытина А. С. Приграничные связи: ресурс Евразийской интеграции и межгосударственного сотрудничества России // Проблемы национальной стратегии. 2014. № 1 (22). С. 7–30.

5. Гусев Л. Ю., Казанцев А. А. Российско-казахстанские отношения: проблемы и перспективы // Управленческое консультирование. 2015. № 1 (73). С. 29–40.

6. Носонов А. М. Приграничное сотрудничество регионов России и Казахстана // Проблемы развития приграничных регионов России [Электронный ресурс]. URL: http://artno.ucoz.ru/Download/mars_2016_1.pdf (дата обращения: 29.03.2017).

7. Регионализация внешнеэкономических связей в России и соседних странах / под ред. Л. Б. Вардомского. М.: ИЭ РАН, 2014. 175 с.

8. Хныкина Т. В. Перспективы и тенденции развития приграничного российско-казахстанского сотрудничества (на примере УФМС по Оренбургской области) // Россия – Казахстан: приграничное сотрудничество, музейно-туристический потенциал, проекты и маршруты к событиям мирового уровня: сб. ст. I Междунар. науч.-практ. конф. Самара, 2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://regrazvitie.ru/wp-content/uploads/2016/01/Hnykina.pdf> (дата обращения: 18.03.2017).

9. Часовский В. И. Трансграничное экономическое сотрудничество российских и белорусских регионов // Псковский регионалогический журнал. 2014. № 17. С. 108–117.

10. Ювица Н. В. Опыт и перспективы приграничного сотрудничества Казахстана и России // Вестник Омского Государственного университета. 2013. № 8 (157). С. 76–81.

References

Bashmakov, A. A. (2013). *От приграничного сотрудничества к евразийской экономической интеграции*. [From the Cross-Border Cooperation to the Eurasian Economic Integration]. 215 p. Almaty, Kazakhstanskii institut strategicheskikh issledovaniy pri Prezidente Respubliki Kazakhstan.

Biizhanova, E.K. (2015). Rossiisko-kazakhstanskoe prigranich'e: sotsiologicheskii analiz [Russia-Kazakhstan Borderland: Sociological Analysis]. In *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*, 6, pp. 224–231.

Bil'chak, V.S. (2014). Teoreticheskie aspekty prigranichnogo ekonomicheskogo sotrudnichestva na osnove integratsionnykh protsessov [Theoretical Aspects of the Cross-Border Economic Cooperation on the Basis of the Integrational Processes]. In *Baltiiskii region*, 3, pp. 83–94.

Chasovskiy, V. I. (2014). Transgranichnoe ekonomicheskoe sotrudnichestvo rossiiskikh i belorusskikh regionov [Transboundary Economic Cooperation between Russian and Belarusian Regions]. In *Pskovskii regionologicheskii zhurnal*, 17, pp. 108–117.

Guzenkova ,T.S., Sytina, A. S. (2014). Prigranichnye svyazi: resurs Evraziyskoi integratsii i mezhgosudarstvennogo sotrudnichestva Rossii [Cross-Border Links: a Resorce of the Eurasian Integration and Russia's International Cooperation]. In *Problemy natsional'noi strategii*, 1, pp. 7–30.

Gusev, L. Iu., Kazantsev, A. A. (2015). Rossiisko-kazakhstanskie otnosheniia: problemy i perspektivy [Russia-Kazakhstan Relations: Problems and Prospects]. In *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*, 1, pp. 29–40.

Hnykina, T. V. (2016). Perspektivy i tendentsii razvitiia prigranichnogo rossiisko-kazakhstanskogo sotrudnichestva (na primere UFMS po Orenburgskoi oblasti) [Prospects and Tendencies of Development of the Border Russian-Kazakh Cooperation (on the Exampmle of FMS in the Orenburg Region)]. In *Rossii-Kazakhstan: prigranichnoe sotrudnichestvo, muzeino-turisticheskii potentsial, proekty i marshruty k sobytiim mirovogo urovnia: sbornik statei I Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Samara*. URL: <https://regrazvitie.ru/wp-content/uploads/2016/01/Hnykina.pdf> (mode of access: 20.04.2017).

Nosonov, A. M. (2016). Prigranichnoe sotrudnichestvo regionov Rossii i Kazakhstana [Cross-Border Cooperation of the regions of Russia and Kazakhstan]. *Problemy razvitiia prigranichnykh regionov Rossii*. URL: http://artno.ucoz.ru/Download/mars_2016_1.pdf (mode of access: 25.04.2017).

Vardomskii, L. B. (Ed.). (2014). *Regionalizatsiia vneshneekonomicheskikh svyazei v Rossii i sosednikh stranakh* [Regionalization of the Foreign Economic Relations of Russia and Neighbouring Countries]. 175 p. Moscow, Institut ekonomiki Rossiiskoi akademii nauk.

Yuvitsa, N. V. (2013). Opyt i perspektivy prigranichnogo sotrudnichestva Kazakhstana i Rossii [Experience and Prospects of Border Cooperation of Kazakhstan anf Russia]. In *Vestnik Omskogo Gosudarstvennogo universiteta*, 8, pp. 76–81.

The article was submitted on 05.04.2017

Р. Р. Сулейманов

ИРАНСКОЕ ВЛИЯНИЕ НА УРАЛ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Аннотация: В начале XXI века Иран стал активно стремиться к расширению своего присутствия в разных регионах России. Тегеран начал активно налаживать экономические, культурные и научно-образовательные связи с отдельными регионами Российской Федерации. Подобная интенсификация отношений вызвана экономическими санкциями, в которых оказался Иран из-за своей ядерной программы, поэтому Тегеран стремится расширить свои связи с регионами, не представлявшие интереса ранее. Среди них – Урал, имеющий большой промышленный и научно-образовательный комплекс. В статье автор анализирует влияние Ирана на Урал в первые два десятилетия XXI века.

Ключевые слова: Иран, Урал, экономика, международные отношения, шиизм

Rais R. Suleymanov

IRANIAN INFLUENCE ON THE URALS IN THE EARLY 21ST CENTURY

Abstract: At the beginning of the 21st century, Iran has actively sought to expand its presence in various regions of Russia. Teheran began actively to establish economic, cultural and scientific-educational ties with individual regions of the Russian Federation. Such an intensification of relations is caused by the economic sanctions in which Iran found itself because of its own nuclear program. Therefore, Tehran seeks to expand its ties with those regions that previously had no interest for it. Among such interest for Iran is the Urals, which has a large industrial and scientific-educational complex. In the article the author analyzes the influence of Iran on the Urals in the first two decades of the XXI century.

Key words: Iran, Urals, economy, international relations, Shiism

Интерес Исламской Республики Иран к регионам Уральского федерального округа стал появляться в 2000-е годы. Визиты иранских дипломатов или представителей деловых кругов из Тегерана на Урал в 1990-е годы не фиксируются, неизвестно и о поездках губернаторов или региональных чиновников Урала в конце XX века в Иран. Во многом этому есть объяснение: российско-иранские отношения в то время не носили интенсивный характер: происходил процесс их выстраивания после периода сложных и натянутых отношений между СССР и Исламской Республикой в 1980-е годы вызванных участием Советского Союза в войне в Афганистане.

В начальный постсоветский период связи между Россией и Ираном налаживались преимущественно в столицах, а не в регионах. Мусульманское население областей Урала из-за его малочисленности по сравнению с Поволжьем и Северным Кавказом не рассматривалось как фактор для усиления внимания Тегерана к Уралу.

Интерес Ирана к Уралу начнется появляться в 2000-е годы, а более интенсивные контакты на уровне заключения договоров и соглашений относятся уже к 2010-м годам. Как отмечают востоковеды, «в последнее время активная внеш-

неполитическая деятельность Ирана охватила многие районы мира, которые до этого его мало привлекали», что вполне объяснимо, поскольку это «было связано с усиливающимся нажимом на него со стороны США и ЕС и стремлением не оказаться в международной изоляции в связи с ужесточением санкций» [9, 60].

Уральское направление внешней политики Ирана в отношении России следует рассматривать именно как стремление не оказаться в международной изоляции и смягчить последствия экономических санкций. В 2014–2016 гг. стал пиком развития отношений между регионами Урала и Ирана за всю их историю, что обусловлено и тем, что уже сама Россия оказалась под экономическими санкциями США и Евросоюза. В итоге дискриминационная политика Запада в сфере экономических отношений в отношении России и Ирана в какой-то степени сблизила эти две страны, что отразилось и на сотрудничестве этих стран на региональном уровне.

Иранские дипломаты и чиновники наладили прямые контакты с руководством Свердловской и Челябинской областей. Сотрудничество с другими регионами пока выстроено только на уровне бизнеса (например, так обстоит дело с Ханты-Мансийским автономным округом). Отношения выстраиваются на уровне регионов: между провинциями Ирана и российскими областями Урала.

Механизм налаживания отношений предполагает взаимные визиты делегаций руководителей регионов, дипломатов, бизнесменов и ректоров вузов, которых пока, правда, не так много, чтобы говорить о стратегическом партнерстве или серьезном взаимовлиянии. Нередко этим визитам официальных делегаций предшествует участие промышленных предприятий Урала в международных выставках, проходящих в Иране. На таких мероприятиях удастся ознакомиться с продукцией, которая может стать основой для экспорта и импорта в будущих торгово-экономических отношениях между регионами Урала и Ирана, а также оценить перспективу потенциала будущих связей.

Так, например, в феврале 2012 года делегация Свердловской области из представителей 12 предприятий региона выезжала на Международную выставку передовых инноваций и технологий «ИНОТЕХ», ежегодно проводимую в Тегеране. Впоследствии подобные визиты стали регулярными, что позволило в мае 2014 года заключить Соглашения о сотрудничестве между Торгово-промышленными палатами Свердловской области и иранской провинции Хамадан. Последняя наиболее активно проявляет интерес к Среднему Уралу, что вызвано развитым горнодобывающим производством ее территории. Иранцы стали проявлять усиленный интерес к Среднему Уралу, и даже заговорили о возможности открыть в Екатеринбурге дипломатическое представительство Ирана: о возможности открытия генерального консульства Исламской Республики заговорил генеральный консул Ирана в Казани **Расул Багернежад Шаян** на встрече с губернатором **Евгением Куйвашевым**, состоявшейся 23 мая 2014 года [5]. Впрочем, в настоящий момент консульство еще не открыто.

В октябре 2014 года в Свердловскую область прибыла крупная делегация из иранской провинции Хамадан во главе с губернатором **Мохаммадом Насером Никбахтом**. На территории Хамадана добываются полезные ископаемые (горные

руды), однако технологии для их переработки не разработаны. Свердловская область исторически имеет развитую горноперерабатывающую промышленность, соответственно, иранская сторона видит в этом направлении возможность для сотрудничества между регионами России и Ирана.

Во время ответного визита губернатора Свердловской области Евгения Куйвашева в апреле 2016 года Никбахт дал актуальное на 2016 год для России геополитическое обоснование экономического сотрудничества: «С учетом того, что Россия находится под санкциями, мы готовы к замещению отдельной номенклатуры продукции. В горнодобывающей и ресурсной отраслях мы готовы к технологическому обмену, а также к проектам, предполагающим капитальные вложения» [10]. Впрочем, объективности ради, следует сказать, что при всей начавшейся интенсивности сотрудничества между иранскими провинциями и Свердловской областью, Иран занимает лишь 68 место среди 146 зарубежных партнеров для Екатеринбурга, хотя у правительства Свердловской области есть желание изменить эту ситуацию и сделать так, чтобы Иран вошел в первую тридцатку иностранных партнеров для Среднего Урала, о чем прямо высказался губернатор Евгений Куйвашев [8].

Специализирующиеся на инженерно-техническом профиле учреждения на Урале оказывают по заказу иранской стороны услуги по проектированию горно-обогатительных предприятий. Например, екатеринбургский институт ОАО «Уралмеханобр» осуществлял концептуальный, базовый и детальный инжиниринг для предприятий Ирана, сопровождая строительство и помогая с вводом в эксплуатацию [4].

Кроме того, Иран стремится закупать продукцию тяжелой промышленности Урала: в 2016 году «Уралвагонзавод» – крупное предприятие Екатеринбурга – начало поставку грузовых вагонов в Исламскую Республику. По контракту планируется поставить 5 тысяч вагонов на сумму 12 млрд. рублей. Стоит отметить, что на «Уралвагонзаводе» вагоны были изготовлены с учетом специфики железных дорог Ирана, где колея более узкая: не 1520 мм как в России, а 1435 мм [15].

Иранцы проявляют интерес и к Южному Уралу. Так, 13–15 ноября 2012 года в Челябинск приезжал вице-губернатор иранской провинции Зенджан **Саид Аббаси** вместе с председателем Торговой палаты этой провинции **Голямхосейном Джамили** и группой руководителей 16 иранских предприятий по производству минерального сырья, извести, связующих элементов для бетона, цинка, строительного отделочного камня, добычи и переработки полезных ископаемых. Иранцы оценили промышленный потенциал Челябинской области, были приняты руководством Челябинской области во главе с тогдашним губернатором М. Юревичем. нельзя не сказать, что в 2011 году товарооборот между Челябинской областью и Ираном составлял 1 млрд. 154,2 млн. долларов. Челябинская область экспортирует в Иран продукцию органической химии и металлургии, горно-шахтное оборудование, а импортирует – фрукты, специи и овощи. Саид Аббаси пригласил губернатора Челябинской области Михаила Юревича в Иран, предложив открыть в Челябинске представительство Торговой палаты провинции Зенджан [12].

С ответным визитом в Иран поехал уже другой губернатор Челябинской области **Борис Дубровский**, приглашенный 5 октября 2015 года послом Ирана в России **Мехди Санаи** посетить Исламскую Республику во время визита иранского дипломата на Южный Урал [11]. Крупная делегация Челябинской области отправилась в Тегеран в марте 2016 года. Иранцев интересовало строительство трубопроводов, развитое в этом российском регионе. По итогам визита было заключено соглашение о сотрудничестве между Южно-Уральской торговой палатой и Российско-Иранской торговой палатой: пока сотрудничество будет идти по линии взаимопоставок сельхозпродукции (из Челябинской области будет ввозиться гарниры, мясо птицы и подсолнечное масло, а из Ирана – племенные овцы мясной породы). Было также заключено соглашение между Челябинским государственным университетом и Университетом провинции Зенджан. Добавим, что в Челябинской области действуют три коммерческие фирмы, среди учредителей которых имеются физические и юридические лица из Ирана. Организации поставляют из Челябинской области в Иран электрооборудование, продукцию черной металлургии и неорганической химии [7].

Торговый оборот между Челябинской областью и Ираном за пять лет снизился почти в десять раз: если в 2011 году он составлял больше 1 млрд. долларов, то в 2016 составил лишь 150 млн. долларов. В ходе своего визита губернатор Борис Дубровский рассчитывает исправить эту ситуацию [18].

Зачастую внешнеполитический курс России влиял на отношения Ирана с регионами Урала. Это выражалось не только в том, что иранская сторона обосновывала необходимость интенсификации отношений с уральскими областями тем, что сама Россия попала под санкции со стороны США и Евросоюза в 2014 году (Тегеран, находящийся в таком положении с 2006 года, стремится сотрудничать со всеми странами, которые не поддерживают в его отношении дискриминационные экономические меры), но и ответными действиями Москвы в отношениях с Турцией в период непродолжительной «холодной войны» с ней с ноября 2015 года по июнь 2016 года. В этот период отношения с Анкарой были заморожены в ответ на то, что 24 ноября 2015 года был сбит российский боевой самолет в Сирии со стороны Турции. Чтобы компенсировать дефицит продукции из Турции, поставляемой до этого на Урал (в первую очередь, фрукты), иранцы предложили увеличить поставки своих фруктов и специй в Челябинскую область [6], что и было сделано. Иранцы сумели быстро подстроиться под изменившиеся внешнеполитические тренды России.

Сотрудничество Ирана с Ханты-Мансийским автономным округом пока осуществляется без визитов иранских дипломатов, которые обычно стремятся закрепить уже сложившиеся экономические отношения. В основном связи с Ираном основаны на экспортировании продукции предприятий ХМАО в Исламскую Республику. Так, лесопромышленный завод «МДФ» (находится в поселке Мортка Кондинского района ХМАО), специализирующийся на выпуске древесноволокнистых плит, заключил в феврале 2016 года контракт с иранской компанией «Tabiat Sabz Moghan» на поставку своей продукции в Иран на сумму 5 млн. долларов [16]. Подобная форма налаживания связей между компаниями Ирана и ХМАО будет,

скорее всего, распространенной в ближайшие годы. Так, фонд «Центр поддержки экспорта Югры», созданный правительством ХМАО в 2013 году для реализации государственной политики по поддержке внешнеэкономической деятельности малого и среднего предпринимательства региона, настроен организовать поездку представителей экспорториентированных предприятий ХМАО в Иран [19].

Религиозное влияние Ирана на мусульман Урала прослеживается только по линии шиизма, о чем можно говорить с большой осторожностью, поскольку шиизм на Урале представлен мигрантскими группами – это общины азербайджанцев и таджиков-исмаилитов, которые лишь косвенно могут быть связаны с Ираном. Впрочем, к настоящему моменту какой-либо специальной линии по отношению к мусульманам Урала у Ирана нет (или она незаметна).

В книжных магазинах городов УрФО можно найти массу переведенных на русский язык изданий религиозных трудов иранских авторов (в отделах исламской литературы). Книжная продукция, выпускаемая в России иранским Фондом исследований исламской культуры и издательством «Садра», представлена и на Урале. Учитывая, что иранцы издают не только шиитскую литературу, стараясь позиционировать ее как общеисламскую, но и книги по суфизму, определенный спрос она имеет среди мусульман Урала, хотя исследований и публикаций на тему того, насколько она востребована уральцами исповедующими ислам, пока никто не проводил. Поэтому говорить о влиянии шиизма на коренных мусульман Урала (татар, башкир, казахов) пока затруднительно.

На сегодняшний день шиизм на Урале представлен двумя направлениями этого толка ислама: имамиты (азербайджанцы) и исмаилиты (таджики).

С 2000 г. в Екатеринбурге существует шиитская община «Ахли-Бейт» (лидер – **Эльхан Самедов**), объединяющая в основном выходцев из Азербайджана. Ее члены придерживаются имамитского шиизма. С 2007 года они ведут длительную и пока безрезультатную работу по согласованию проектно-сметной документации для строительства шиитской мечети рядом со старинным мусульманским кладбищем Екатеринбурга. Исполком города не возражает против этого строительства, однако противником этого выступает Региональное духовное управление мусульман Свердловской области (в составе Центрального духовного управления мусульман), аргументируя это возможным расколом между мусульманами и, как следствие, конфликтами. При этом сами шииты-имамиты настроены более дружелюбнее, выступают за конструктивный диалог с суннитами и отмечают, что в своей деятельности они выступают за сближение мазхабов.

Другая шиитская община – исмаилиты – в Екатеринбурге группируется вокруг таджикской культурной организации «Дидор». Исмаилитами в основном являются выходцы с Памира (их лидер на Урале – **Хушвагт Айдаров**). Они собираются в здании ДК Всероссийского общества слепых, где арендуют помещения для обучения своих детей таджикскому языку, там же проходят религиозные праздники, например, день рождения их духовного лидера принца Карима Ага-Хана IV [13, с. 121–122].

Отдельно следует коснуться присутствия Ирана в сфере науки, образования и культуры на Урале. В 2002 г. был открыт Центр исследований Ирана в Уральском государственном университете (ныне – Уральский федеральный университет име-

ни первого Президента России Б. Н. Ельцина) в Екатеринбурге. Существующий в УрФУ Центр исследований Ирана был создан не столько по инициативе иранской стороны, сколько по желанию заведующего кафедрой востоковедения университета, профессора **Вадима Кузьмина**, понимавшего необходимость появления подобной структуры для развития направления по изучению Ирана. Участие иранской стороны (Кузьмин тогда обратился в Посольство Ирана в Москве) ограничилось присланными книгами и компьютером. В 2002 году в Екатеринбурге удалось найти преподавателя персидского языка и набрать группу студентов, желавших факультативно изучать персидский язык (первоначально на курс записалось 20 человек, но до конца обучения дошло только шестеро: остальные потеряли интерес к изучению фарси). По признанию Кузьмина, Центр исследований Ирана *«не бюджетная, некоммерческая организация. Тут нет постоянных научных сотрудников, которые сидят в кабинетах и получают зарплату. По сути, это клуб любителей Ирана, энтузиастов своего дела»* [14]. При этом уральский востоковед в 2009 году констатировал пассивность иранцев в продвижении своей «мягкой силы», которой традиционно выступают культурные и научно-образовательные центры той страны, которая стремится к расширению своего влияния и своих ценностей: *«Мы не видим заинтересованности иранской стороны. Если такая заинтересованность появляется, то она эпизодическая, вроде дара библиотеки иранских книг. Некоторые наши студенты прекращали заниматься персидским языком, потому что не видели перспектив. Посылаемые ими заявки на стажировки в Иран отклоняются, причин отказа нам не объясняют»* [14].

Ситуация с иранистикой несколько изменилась лишь во второй половине 2010-х годов, что связано с усилением общей интенсивности контактов Ирана с регионами Урала. 14 апреля 2016 г. в Уральском федеральном университете был торжественно открыт Центр иранистики и персидского языка. На открытии присутствовал ректор Виктор Кокшаров и руководитель Культурного представительства Исламской Республики Иран в России Реза Малеки. Для нового иранского центра был выделен отдельный кабинет, оснащенный библиотекой на персидском языке. Кроме того, Тегеран отправил в УрФУ иранского преподавателя (носителя языка) **Реза Гасеми**, который будет работать в университете на постоянной основе [2]. Открытие иранского центра имеет и политическую подоплеку, о чем говорят и сами уральские востоковеды: *«Это широко распространившаяся практика – каждая страна, которая хочет, чтобы о ней знали в мире, вкладывает средства в пропаганду культурного наследия и языка. Тут есть и некоторые политические соображения. Никто не скрывает, что Россия и Иран рассматривают друг друга как стратегических партнеров. Партнерство обязательно должно подкрепляться сотрудничеством в области образования»* [1], – отмечает профессор Вадим Кузьмин.

Отметим, что продолжительная история с открытия иранского центра в Уральском федеральном университете (его открывали дважды) приводила к изменениям названия структурного подразделения: если в 2002 г., когда его открыли впервые, он назывался *Центр исследований Ирана*, то в 2016 г. – *Центр иранистики и персидского языка*. От смены названия его суть не менялась. Ребрендинг был сделан с целью продемонстрировать новый этап в сотрудничестве регионов

Урала с Ираном, которое охватывает не только экономическую сферу, но и культурно-образовательный компонент.

В октябре 2015 г. Челябинскую область посетил посол Ирана в России Мехди Санаи. Помимо официальных встреч с руководством и деловыми кругами региона иранский дипломат выступил с лекцией в Челябинском государственном университете. Визит в главный вуз Южного Урала был неслучаен: иранцы выразили готовность посодествовать в изучении персидского языка. Как следствие с сентября 2016 г. на факультете Евразии и Востока открылось новое направление: «Международные отношения» с преподаванием персидского языка [3]. В том же 2016 г. были заключены меморандумы о сотрудничестве между ЧелГУ и двумя иранскими вузами: университетом Алламе Табатабаи и Зенджанским университетом [17].

Анализируя влияние Ирана на Урал в постсоветский период, следует сказать, что пока мы можем говорить в большей степени об экономическом интересе Тегерана к Уралу, нежели о политическом или религиозно-идеологическом. Последний аспект внимания Ирана к российским регионам, где это можно проследить на примере Северного Кавказа или Поволжья, на Урале находится скорее на начальной стадии. О духовной экспансии и собственном присутствии на Урале со стороны Тегерана пока говорить можно только как о вероятном в будущем, как о перспективах без конкретного запланированного результата.

Типичным примером того, что даже на уровне создания очага собственно культурного представительства в столице Уральского федерального округа Тегеран закрепляется с трудом, кажется история открытия Центра иранской культуры и языка в Уральском федеральном университете: создавался он не иранцами, а уральскими востоковедами: по их инициативе, его торжественно открывали и запускали его работу, как минимум, два раза, что говорит о непостоянстве его деятельности, отсутствии регулярного финансирования со стороны Ирана и слабой востребованности в его функционировании среди учащихся, для которых он и создавался (возможно, ситуация изменится с 2016 года, поскольку теперь сотрудничество между провинцией Хамадан и Свердловской областью подкреплено на уровне визитов губернаторов этих регионов в гости друг к другу). Частично эта проблема усугубляется и тем, что на Урале не так много иранистов. Иранистика как направление востоковедения пока представлена единичными кадрами (например, в УрФУ изучением Ирана занимается профессор **Гульнара Валиахметова**, возглавляющая сейчас Центр иранистики и персидского языка), которые могли бы выступать в роли популяризаторов персидской культуры.

Вероятно, Уральский регион рассматривается Ираном как поле интересов в перспективе, где в настоящее время может вестись в первую очередь, на уровне экономического сотрудничества. Интенсивность последнего стала заметна после 2014 г., когда Россия, как и Иран ранее, оказалась под экономическими санкциями со стороны Запада.

Как им бы это не показалось парадоксальным, но дискриминационная политика США и Евросоюза сблизили Иран и Россию, сотрудничество иранцев с регионами Урала стало более плодотворным: отношения стали наиболее богатыми за всю историю по частоте контактов на уровне чиновников и крупного бизнеса.

Литература

1. Кузьмин В. А. «УрФУ – единственный вуз на Урале, который выпускает дипломированных специалистов по востоковедению» // «*Дискуссия*»: политематический журнал научных публикаций. № 6 (69) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.journal-discussion.ru/publication.php?id=1622> (дата обращения: 14.03.2017)
2. Виктор Кокшаров и Реза Малеки открыли в университете Центр иранистики // *Сайт Уральского федерального университета имени Первого президента России Б.Н. Ельцина*, 14 апреля 2016 года [Электронный ресурс]. URL: <http://urfu.ru/ru/news/news/15481/> (дата обращения: 14.03.2017)
3. В 2016 году студенты ЧелГУ смогут изучать персидский язык и иранистику // «*Хорошие новости*», 31 декабря 2015 года. URL: http://hornews.com/news/v_2016_godu_studentyi_chelgu_smogut_izuchat_persidskiy_yazyk_i_iranistiku/ (дата обращения: 14.03.2017)
4. Инжиниринг в сотрудничестве с зарубежными партнерами // *Сайт Института ОАО «Уралмеханобр»* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.umb.ru/ru/uslugi/proektnaya-deyatelnost/inzhiniring-v-sotrudnichestve-s-zarubezhnymi-partnerami> (дата обращения: 14.03.2017)
5. Иран откроет в Екатеринбурге генконсульство // «*66.Ru*», 23 мая 2014 года [Электронный ресурс]. URL: <http://66.ru/news/society/157328/> (дата обращения: 14.03.2017)
6. Иран увеличит поставки фруктов и специй в Челябинскую область // *Сайт Торгово-промышленной палаты Российской Федерации*, 15 марта 2016 года [Электронный ресурс]. URL: <https://tpprf.ru/ru/news/regional/125967/> (дата обращения: 14.03.2017)
7. Иран – Урал // «*Урал: факты и комментарии*», 18 апреля 2016 года [Электронный ресурс]. URL: <http://uralfact.ru/news/item/?id=1138> (дата обращения: 14.03.2017)
8. *Кирягин К.* Евгений Куйвашев вылетел в Иран // «*Аргументы и Факты*» (Урал), 20 апреля 2016 года [Электронный ресурс]. URL: http://www.ural.aif.ru/politic/situation/evgeniy_kuyvashev_vyuletel_v_iran (дата обращения: 14.03.2017)
9. *Кулагина Л.М., Ахмедов В.М.* Влияние режима санкций на внешнеполитическую деятельность ИРИ // Санкции и их влияние на Иран. М. : Институт востоковедения РАН; Институт Ближнего Востока, 2012. С. 58–65.
10. *Призова Е.* Иран и Средний Урал заключили договор о сотрудничестве // «*Российская газета*», 20 апреля 2016 года [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2016/04/20/reg-urfo/iran-i-srednij-ural-zakliuchili-dogovor.html> (дата обращения: 14.03.2017)
11. Посол Ирана прибыл на переговоры в Челябинскую область. «Встретится с губернатором и директорами» // «*URA.Ru*», 5 октября 2015 года [Электронный ресурс]. URL: <http://ura.ru/news/1052225182> (дата обращения: 14.03.2017)
12. Представительство иранской торгово-промышленной палаты откроется в Челябинской области // «*УралПолит.Ру*», 14 ноября 2012 года [Электронный ресурс]. URL: http://uralpolit.ru/news/econom/news_business/predstavitelstvo-iranskoi-torgovo-promyshlennoi-palaty-otkroetsya-v-chelyabinskoi-oblasti (дата обращения: 14.03.2017)
13. *Старостин А. Н.* Ислам в Свердловской области. М. : Логос, 2007. 144 с.
14. *Старостин А.* Проблемы и перспективы уральской иранистики: интервью с заведующим кафедрой востоковедения факультета международных отношений УрГУ Вадимом Кузьминым // «*Фергана*», 14 сентября 2009 года [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fergananews.com/articles/6297> (дата обращения: 14.03.2017)
15. Уралвагонзавод начнет поставки грузовых вагонов в Иран в первой половине 2016 года // «*ТАСС*», 10 февраля 2016 года [Электронный ресурс]. URL: <http://tass.ru/ural-news/2654883> (дата обращения: 14.03.2017)
16. Ханты-Мансийский завод получил от Ирана заказ на 5 млн долларов // «*Знак*», 19 февраля 2016 года [Электронный ресурс]. URL: https://www.znak.com/2016-02-19/hanty_mansiyskiy_zavod_poluchil_ot_irana_zakaz_na_5 mln_dollarov (дата обращения: 14.03.2017)
17. ЧелГУ наладил сотрудничество с двумя крупными вузами Исламской Республики Иран // *Сайт Челябинского государственного университета*, 21 марта 2016 года [Электронный ресурс]. URL: <http://www.csu.ru/Lists/List1/newsitem.aspx?ID=1564> (дата обращения: 14.03.2017)
18. Челябинская область восстановит товарооборот с Ираном // «*Полит74.Ру*», 16 марта 2016 года [Электронный ресурс]. URL: <http://www.polit74.ru/economics/detail.php?ID=52372> (дата обращения: 14.03.2017)
19. Экспортеров ХМАО пригласили в Иран // «*Правда-УрФО*», 25 июля 2016 года [Электронный ресурс]. URL: <http://pravdaurfo.ru/news/137181-eksporterov-hmao-priglasili-v-iran> (дата обращения: 14.03.2017)

References

- ChelGU naladil sotrudnichestvo s dvumia krupnymi vuzami Islamskoi Respubliki Iran* [Chelyabinsk State University Established Cooperation with Two Leading Universities of the Islamic Republic of Iran]. (2016). URL: <http://www.csu.ru/Lists/List1/newsitem.aspx?ID=1564> (mode of access: 14.03.2017)
- Cheliabinskaia oblast' vosstanovit tovarooborot s Iranom [Chelyabinsk Region Will Revive Its Trade Turnover with Iran]. (2016). In *Polit74.Ru*, 16.03.2016. URL: <http://www.polit74.ru/economics/detail.php?ID=52372> (mode of access: 17.04.2017).
- Eksportery KhMAO priglasili v Iran [The Experts of KhMAO Were Invited to Iran]. (2016). In *Pravda-UrFO*, 25.07.2016. URL: <http://pravdaurfo.ru/news/137181-eksportery-hmao-priglasili-v-iran> (mode of access: 14.03.2017).
- Inzhiniring v sotrudnichestve s zarubezhnymi partnerami [Engeneering in the Cooperation with the Foreign Partners]. (n. d.). URL: <http://www.umbr.ru/ru/uslugi/proektnaya-deyatelnost/inzhiniring-v-sotrudnichestve-s-zarubezhnymi-partnerami> (data obrashcheniia: 14.03.2017).
- Iran – Ural [Iran – the Urals]. (2016). In *Ural: fakty i kommentarii*, April 18. URL: <http://uralfact.ru/news/item/?id=1138> (mode of access: 14.03.2017).
- Iran otkroet v Ekaterinburge genkonsul'stvo [Iran Will Open a Consulate General in Yekaterinburg]. (2014). In *66.Ru*, 23.05.2014. URL: <http://66.ru/news/society/157328/> (mode of access: 14.03.2017).
- Iran uvelichit postavki fruktov i spetsii v Cheliabinskuiu oblast' [Iran Will Increase the Supply of Fruit and Spices for Chelyabinsk Region]. (2016). In *Sait Torgovo-promyshlennoi palaty Rossiiskoi Federatsii*, 15.03.2016. URL: <https://tpprf.ru/ru/news/regional/125967/> (mode of access: 14.03.2017).
- Khanty-Mansiiskii zavod poluchil ot Irana zakaz na 5 mln dollarov [Khanty-Mansi Plant Received an Order for 5 Million Dollars from Iran]. (2016). In *Znak*, 19.02.2016. URL: https://www.znak.com/2016-02-19/hanty_mansiyskiy_zavod_poluchil_ot_irana_zakaz_na_5_mln_dollarov (data obrashcheniia: 14.03.2017).
- Kiriagin, K. (2016). Evgenii Kuivashev vyletel v Iran [Yevgeny Kuyvashev Set off for Iran]. In *Argumenty i Fakty (Ural)*, 20.04.2016. URL: http://www.ural.aif.ru/politic/situation/evgeniy_kuyvashev_vyletel_v_iran (mode of access: 14.03.2017).
- Kulagina, L. M., Akhmedov, V. M. (2012). *Vliianie rezhima sanktsii na vneshnepoliticheskuiu deiatel'nost' IRI* [The impact of Sanctions on the foreign policy of the Islamic Republic of Iran]. In *Sanktsii i ikh vliianie na Iran*. Moscow, Institut vostokovedeniia RAN; Institut Blizhnego Vostoka, pp. 58–62.
- Posol Irana pribyl na peregovory v Cheliabinskuiu oblast'. "Vstretitsia s gubernatorom i direktorami" [The Ambassador of Iran Arrived in Chelyabinsk Region at Negotiations to "Meet with the Governor and the Directors"]. (2015). In *URA.Ru*, 5.10.2015. URL: <http://ura.ru/news/1052225182> (mode of access: 14.03.2017).
- Predstavitel'stvo iranskoi torgovo-promyshlennoi palaty otkroetsia v Cheliabinskoi oblasti [A Mission of The Iranian Chamber of Commerce and Industry Will Be Opened in Chelyabinsk Region]. (2012). In *UralPolit.Ru*, 14.11.2012. URL: http://uralpolit.ru/news/econom/news_business/predstavitelstvo-iranskoi-torgovo-promyshlennoi-palaty-otkroetsya-v-chelyabinskoi-oblasti (mode of access: 14.03.2017).
- Prizova, E. (2016). Iran i Srednii Ural zakliuchili dogovor o sotrudnichestve [Iran and the Middle Urals Signed a Treaty of Cooperation]. In *Rossiiskaia gazeta*, 20.04.2016. URL: <https://rg.ru/2016/04/20/reg-urfo/iran-i-srednij-ural-zakliuchili-dogovor.html> (mode of access: 14.03.2017).
- Starostin, A. (2009). Problemy i perspektivy ural'skoi iranistiki: interv'iu s zaveduiushchim kafedroi vostokovedeniia fakul'teta mezhdunarodnykh otnoshenii UrGU Vadimom Kuz'minym [The Problems and Prospects of the Ural Iranian Studies: An Interview with Vadim Kuzmin, the Head of the Chair of Oriental Studies (Department of International Relations, Ural State University)]. In *Fergana*, 14.09.2009. URL: <http://www.fergananews.com/articles/6297> (mode of access: 14.03.2017).
- Starostin, A. N. (2007). *Islam v Sverdlovskoi oblasti* [Islam in Sverdlovsk Region]. 144 p. Moscow, Logos.
- Uralvagonzavod nachnet postavki gruzovykh vagonov v Iran v pervoi polovine 2016 goda [Ural Railroad Car Factory will Start Supplies of the Freight Cars to Iran in the First Half of 2016]. (2016). In *TASS*, 19.02.2016. URL: <http://tass.ru/ural-news/2654883> (mode of access: 14.03.2017).
- V 2016 godu studenty ChelGU smogut izuchat' persidskii iazyk i iranistiku [The Students of the Chelyabinsk State University Can Learn Persian and the Iranian Studies]. (2015). *Khoroshie novosti*, 31.12.2015. URL: http://hornews.com/news/v_2016_godu_studentyi_chelgu_smogut_izuchat_persidskiy_yazyk_i_iranistiku/ (mode of access: 14.03.2017).
- Vadim Kuz'min: "UrFU – edinstvennyi vuz na Urale, kotoryi vypuskaet diplomirovannykh spetsii-

alistov po vostokovedeniiu” [Vadim Kuz'min: “Ural Federal University” is the Only University in the Urals, Which Prepares the Specialists in the Oriental Studies with Diplomas]. (2016). In *Diskussia: politematicheskii zhurnal nauchnykh publikatsii*, liun', 6. URL: <http://www.journal-discussion.ru/publication.php?id=1622> (mode of access: 14.03.2017).

Viktor Koksharov i Reza Maleki otkryli v universitete Tsentri iranistiki [Victor Koksharov and Reza Maleki Opened the Center for Iranian Studies in the University]. (2016). URL: <http://urfu.ru/ru/news/news/15481/> (mode of access: 14.03.2017).

The article was submitted on 19.04.2017

Алек Д. Эпштейн

ИНСТИТУТ ПРЕЗИДЕНТСТВА В ИЗРАИЛЕ: ПРАВОВЫЕ НОРМЫ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ²

Аннотация: Несмотря на значительное количество научных работ, посвященных Государству Израиль, опубликованных в России в последние годы, институт президентства в этой стране до сих пор не стал объектом внимательного изучения. Настоящая статья призвана заполнить эту лакуну, сопоставляя юридические нормы, регулирующие статус этого института, с политическими традициями, сложившимися за почти семьдесят лет его существования. Особое внимание обращено на функционирование института президентства в первые пятнадцать лет израильской независимости, еще до принятия Основного закона о президенте государства, а также в последние годы. В статье демонстрируется, что политические практики, сформировавшиеся в 1948–1963 годах, заложили основные принципы, касающиеся процедуры выборов президента и его полномочий, вследствие чего принятие Основного закона лишь закрепило существовавшее положение дел, практически ничего в нем не изменив. Кроме того, автор указывает, что, вопреки достаточно широко распространенному мнению о преимущественно церемониальном характере должности президента, занимающее его лицо обладает отдельными крайне важными полномочиями в сфере как внутренней, так и внешней политики, что отчетливо проявилось в ходе недавних государственных визитов президента Израиля в Россию и на Украину.

Ключевые слова: президентские выборы, законодательная власть, парламентская республика, формирование правительства, российско-израильские отношения

Alek D. Epstein

THE ISRAELI PRESIDENCY: CONSTITUTIONAL NORMS AND POLITICAL TRADITIONS

Abstract: Despite the significant development of Israel studies in Russia in the recent decades, the status and powers of the Israeli president do not occupy an adequately prominent place in the current research. The aim of the present paper is to fill that gap through a comparative analysis of legal norms and political traditions that have shaped the status of Israel's president since the country gained independence. A special emphasis is put on the first fifteen years of statehood before the adoption of the Basic Law: The President of the State, as well as on the evolution of the presidency in the recent years. It is argued that political practices developed in 1948–1963 laid the groundwork for the core principles that underlie the procedures of the president's election and define his powers. Therefore, it is concluded that the Basic Law merely gave legal effect to what had already become common political practice. Although the Israeli president is widely perceived as a mere ceremonial figure, he is actually endowed with crucial powers both in interior and foreign politics, as Reuven Rivlin's latest visits to Russia and Ukraine have clearly demonstrated.

Key words: presidential elections, legislative power, parliamentary republic, government formation, Russian-Israeli relations

---

² Статья публикуется в авторской редакции.

*Светлой памяти уроженки Риги
Елены Рабинер-Шацкой (Иланы
Рава) – многолетней ведущей про-
грамм «Неделя в Кнессете» и
«Открытый радиоуниверситет»
израильского радио РЭКА, ушедшей
из жизни после тяжелой болезни в
апреле 2017 года*

Государство Израиль отметит в мае 2018 года свое семидесятилетие. Институт президента в стране моложе лишь незначительно, однако несколько парадоксальным образом, несмотря на большое количество публикаций об Израиле, в том числе и на русском языке, численность научных работ, с политологических и правовых позиций освещающих процедуру выборов и круг полномочий президента этой страны, остается мизерной. Более того, авторы даже этих немногочисленных публикаций не изучали релевантные парламентские протоколы, а ведь на всем протяжении истории страны президента избирал именно парламент, принимающий все законодательные акты, связанные с процедурой выборов президента и сфер его полномочий. Настоящая статья призвана заполнить эту досадную и в значительной степени малообъяснимую лакуну.

Президент в Израиле (как и, например, в Германии) не является полноправным руководителем страны, не возглавляя ни законодательную, ни исполнительную ветви власти. Вместе с тем, и особенно применительно к уникальному историческому опыту еврейского народа, реализовавшего мечту о своей государственности спустя тысячелетия жизни в разрозненных общинах в странах диаспоры, значимость президента как объединяющего символа общества весьма велика. Не забудем и о том, что, согласно статье 11(б) Основного закона о президенте государства, именно ему в Израиле принадлежит исключительное право помилования, причем во второй половине 1980-х годов судьи Верховного суда страны приняли точку зрения тогдашнего президента государства Хаима Герцога о том, что это право включает в себя и возможность освобождения от продолжения судебного процесса еще не осужденных подсудимых, а подозреваемых – от отдачи под суд [1, с. 505].

Термин «президент» происходит от латинского *Praesidens*, что буквально означает «сидящий впереди». В античные времена президентами называли председательствующих на различных собраниях (от этого первоначального значения слова «президент» впоследствии возникла такая должность, как, например, президент сената). В его нынешнем понимании как главы государства термин не употреблялся ни во времена греческой и римской республик, ни в периоды существования ранних буржуазных республик в Англии и Нидерландах. Различные модели президентской власти предопределяют использование в законодательстве таких терминов, как «глава государства», «глава исполнительной власти», «арбитр», «высшее должностное лицо»; при этом возможна и ситуация, при которой к президенту не применимо ни одно из этих определений. Реальная власть главы

государства обычно зависит от формы правления, характера политического режима, а также от личных качеств лица, занимающего данный пост, его способности надлежащим образом взаимодействовать с другими органами государственной власти [2, с. 5].

В 1789 году США стали первой страной, где возникла должность президента, объединившая в одном лице главу государства и главу правительства (напомним, что отдельного главы правительства в США нет и поныне). Кроме того, именно в США зародился институт президентства как один из важнейших элементов политической системы. В отличие от других государств того времени, где исполнительная власть практически везде имела монархический, наследственный характер, в США главу государства стали избирать, пусть и весьма своеобразным образом.

Первыми примерами США в установлении президентской системы правления последовали страны Латинской Америки. В первой половине XIX века во многих южноамериканских странах был учрежден пост президента. Несмотря на сходство с системой государственного правления в США, президентские республики в этих странах уже на первой стадии развития представляли собой особую разновидность, связанную с наличием таких специфических черт, как высокая степень централизации государственного аппарата, гипертрофированное развитие институтов чрезвычайного или особого положения, а также преобладание насильственных методов достижения власти. Таким образом, одной из отличительных особенностей явилась концентрация власти в руках президента, а также абсолютизация роли исполнительной власти. Более того, сильная власть президента, независимая от законодательной, зачастую приводила к установлению в этих странах диктатуры. Процесс формирования в странах Латинской Америки многопартийных систем и сильной независимой судебной власти занял многие десятилетия.

Первыми европейскими странами, где была введена должность президента как главы государства, стали в 1848 году две республики – Франция и Швейцария. Несмотря на одновременность этого шага, статус и полномочия президентов в силу особенностей исторического развития данных государств были очень различны. Высшим органом исполнительной власти в Швейцарии был и остается Федеральный совет, состоящий из семи министров, избирающихся на совместном заседании обеих палат Федерального собрания на трехлетний срок. Согласно ст. 174 ныне действующей Конституции Швейцарии 1999 года, Федеральный совет является верховной руководящей и исполнительной властью страны. В Швейцарии нет главы государства, который бы назначал других членов правительства или руководил ими. Решения принимаются коллективно, в соответствии с волей большинства (ст. 19 п. 2 Закона об организации правительства и администрации), от имени Федерального совета как органа власти. Совет представляет собой коллегия администраторов, один из которых избирается президентом Швейцарской Конфедерации сроком на один год. Он может переизбираться неограниченное количество раз, но обязательно с перерывом, как минимум, в один год. Президент Конфедерации формально руководит работой правительства, но все семеро членов Федерального совета являются равными, то есть, с правовой точки зрения, ни один из них не выше остальных. Иными словами, в Швейцарии

нет носителя исполнительной власти, стоящего отдельно от министров, что позволило многим специалистам говорить о существовании «коллективного президента» [3, с. 133–134].

Конституцией 1848 года во Франции была провозглашена республиканская форма правления во главе с президентом – единоличным главой исполнительной власти. Он наделялся правом законодательной инициативы, мог назначать министров и других государственных служащих, а также офицеров высшего ранга. Однако создав сильный институт президентства, члены Национального собрания Франции начали постепенно ограничивать его полномочия. Президент был лишен права вето, большинство его актов нуждались в контрасигнации премьер-министром или ключевыми министрами, а акт об объявлении войны, как и заключение международных договоров, подлежали утверждению парламентом. Более того в отличие от Соединенных Штатов Америки, во Франции президент Республики и правительство (во главе со своим премьер-министром) являются носителями исполнительной власти совместно. В отличие от США, президент Франции не является главой правительства, хотя он и может председательствовать на заседаниях кабинета, обладает прерогативой утверждать декреты и постановления, принятые правительством, а также имеет возможность в случае несогласия вернуть их на повторное рассмотрение кабинетом. Кроме этого, он обладает правом вето на законы, принятые парламентом и поддержанные правительством, и в этом качестве он выступает в качестве арбитра в отношениях между различными ветвями государственной власти. Вместе с тем, действующая во Франции своего рода «полупрезидентская» модель правления не допускает обладания всей полнотой государственной власти, поскольку президент не только не является главой правительства, но и само правительство формируется в зависимости от соотношения партийных фракций в парламенте, выборы в который проходят отдельно от выборов президента. Избираемый с 1965 года путем всеобщего и прямого голосования (а не коллегией выборщиков, как было прежде) президент Франции находится на вершине иерархии органов государственной власти, но серьезным ограничителем его власти является тот факт, что деятельность правительства подконтрольна не только ему, но и Национальному собранию [4].

Сегодня президентство – неотъемлемый элемент политических систем многих стран. В то же время каждая страна сама определяет, какую роль должен играть президент в ее политической жизни. Весьма распространено представление о том, что крупными по территории государства можно эффективно управлять только посредством системы президентского правления. Между тем в крупнейших странах мира – США и Бразилии действует система президентского, а в Канаде и Австралии – парламентарного правления. В то же время некоторые небольшие по размерам государства – Кипр, Гондурас, Уругвай и другие – установили у себя президентскую систему правления, а также крупные европейские страны, как Федеративная Республика Германия, Испания, Швеция и Италия, являются парламентскими республиками или монархиями.

Разумеется, каждое из государств имеет свои национально-исторические особенности и традиции, что не может не сказаться на содержании и форме организа-

ции президентской власти. Не менее важно и то, что каждому типу государственного правления соответствует определенный тип президентства. Пост президента является основополагающим, но лишь одним из составляющих института президентства. Для его укрепления в политической системе необходимы, прежде всего, устойчивая конституционно-правовая база и широкая поддержка президентской власти в обществе [5]. Важно помнить, что институт президентства включает в себя не только зафиксированный в конституции и соответствующих законах порядок исполнения президентом своих функциональных обязанностей, но также и нормы, касающиеся выборов президента, реальный сложившийся на практике объем его полномочий, прецеденты осуществления им этих полномочий, организацию и порядок функционирования учреждений, обеспечивающих работу президента [6, с. 28].

Конституции обычно предъявляют к кандидатам в президенты определенные требования. Часто требуется достижение определенного минимального возраста; кроме того, достаточно широко распространен запрет избрания на третий срок (а в некоторых странах – даже на второй). Кандидат в президенты должен, разумеется, быть гражданином соответствующей страны, причем в некоторых странах, как, например, в США, требуется, чтобы он был прирожденным, а не натурализованным гражданином. В отдельных странах конституцией или соответствующим законом установлено требование непрерывного проживания кандидата в президенты на территории государства на протяжении определенного количества лет. Нередко президенту запрещается совмещение этой должности с исполнением любых других, особенно оплачиваемых, обязанностей. Во многих странах нормы закона или политическая традиция исходят из того, что президент, находясь в должности, не может состоять ни в какой политической партии, тогда как в других странах это считается вполне допустимым [7].

В Израиле нет единой конституции, но есть двенадцать основных законов, которые по замыслу инициаторов подобного законотворческого процесса должны были составить – но так и не составили – единую конституцию страны [8]. В их числе и Основной закон о президенте государства, принятый Кнессетом более полувека назад, в 1964 году. Детали этого закона внимательно анализировались юристами-конституционалистами [9], а история его реализации – политологами. Однако важно помнить, что к моменту принятия этого закона в Израиле уже де-юре сменился третий, а де-факто – пятый президент! Опыт становления института президентства в Израиле на протяжении пятнадцати первых лет государственности заслуживает куда более внимательного изучения, чем это было до сих пор.

Первым на этот пост 16 февраля 1949 года был избран профессор Хаим Вейцман (1874–1952), на протяжении более чем двадцати лет, в 1920–1931 и 1935–1946 годах, возглавлявший Всемирную Сионистскую организацию, которая фактически была международным «правительством в изгнании» еврейского «государства в пути». Ученый-химик, кстати, всю жизнь разговаривавший и переписывавшийся с женой по-русски, пользовался огромным авторитетом как в Израиле, так и за его пределами. Президентом он был избран после того, как на протяжении ровно девяти месяцев со дня провозглашения независимости был

председателем Временного государственного совета страны.

Как следует из изучения протоколов, на оба поста этот человек, начиная с 1910-х годов игравший важнейшую роль в дипломатической и политической деятельности, приведшей к созданию независимого еврейского государства, был избран далеко не единогласно. В ходе голосования членов Временного государственного совета, прошедшего 16 мая 1948 года по предложению ставшего буквально накануне министром юстиции Пинхаса Розена (урожденного Розенблита, 1887–1978), две фракции – левых социалистов (МАПАМ) и коммунистов (МАКИ) – в полном составе воздержались, а двое депутатов проголосовали против; в результате его кандидатуру поддержали лишь 13 из 24 имевших право голоса членов Совета (двадцать пятым был сам Хаим Вейцман) [10, с. 7]. В процессе выборов первого президента страны, начавшемся в Учредительном собрании (в тот же день за несколько часов до этого провозгласившем себя Кнессетом первого созыва) 16 февраля 1949 года в без пяти двенадцать ночи (!), так же отнюдь не все прошло гладко. Руководители трех (из двенадцати) фракций, коммунистов – слева и Партии свободы и Списка борцов – справа, выступили против кандидатуры Хаима Вейцмана, причем двое последних поддержали второго выдвинутого кандидата, профессора истории и литературоведения Иосифа Клаузнера (1874–1958). Оба 75-летних кандидата были уроженцами западной периферии Российской империи: Хаим Евзорович Вейцман родился в селении Мотоль (ныне – в Брестской области в Республике Беларусь), Иосиф Львович Клаузнер – в Олькениках (ныне – Валкининкай в Литовской республике, в 55 километрах к юго-западу от Вильнюса), однако большую часть своей жизни они писали не по-русски, а на других языках, вследствие чего их вышедшие на русском языке книги представляют собой переводные, а не оригинальные издания [11]. В ходе голосования, прошедшего около часа ночи, в поддержку Хаима Вейцмана отдали свои голоса 83 депутата, за Иосифа Клаузнера проголосовали 15 человек, остальные же 15 положили пустые, а один – испорченный бюллетень, тогда как еще шестеро не участвовали в голосовании (из них четыре – по причине отсутствия в стране; голосование депутатами по доверенности в Израиле категорически запрещено) [12, с. 48–49].

Интересно, что первоначально было решено, что каждый состав Кнессета избирает президента Государства Израиль, то есть в случае досрочных парламентских выборов и президент страны подлежал переизбранию. Поскольку Кнессет первого созыва был распущен, проработав всего два с небольшим года, и 30 июля 1951 года прошли досрочные парламентские выборы, возникла необходимость и в новом проведении выборов президента. С ними, однако, никто особенно не торопился: хотя Кнессет второго созыва собрался и приступил к работе 20 августа 1951 года, вопрос о перевыборах президента был включен в повестку дня лишь пять месяцев спустя! Хаим Вейцман, несмотря на крайне серьезные проблемы со здоровьем, согласился на переизбрание; против него не была выдвинута никакая другая кандидатура. 19 ноября 1951 года Кнессет второго созыва переизбрал Хаима Вейцмана на пост президента 85 голосами «за» при 11 «против» (трое положили пустые бюллетени, 21 депутат не участвовал в голосовании, из них десять – по причине отсутствия в стране) [13, с. 407–409]. Уже через три недели по-

сле этого Хаим Вейцман сообщил, что, в связи с нездоровьем, не в состоянии исполнять обязанности президента страны, вследствие чего, согласно статье 14(а)(2) незадолго до этого принятого Закона о сроке правления президента государства, его полномочия – без какого-либо дополнительного голосования и даже обсуждения – были 11 декабря 1951 года возложены на тогдашнего председателя Кнессета уроженца Москвы Иосифа (Йосефа) Шпринцака (1885–1959) [14, с. 595].

К исполнению обязанностей президента Хаим Вейцман так и не вернулся до самой своей кончины 9 ноября 1952 года, и на протяжении целого года И. Шпринцак совмещал обязанности председателя парламента и президента страны. Выборы нового постоянного президента Израиля прошли лишь через месяц после смерти Хаима Вейцмана, 8 декабря 1952 года. Иосиф Шпринцак не баллотировался на пост президента, но разными партиями были выдвинуты четыре других кандидата. Согласно действовавшему тогда (и остающемуся в силе и поныне) положению законодательства, для избрания президентом необходима поддержка большинства депутатов, принимавших участие в голосовании. Перед голосованием депутат от Партии свободы Йоханан Бадер задал вопрос, считаются ли участвующими в голосовании только те, кто поддержали какого-либо конкретного кандидата, либо же и те, которые опустили пустые или испорченные бюллетени; Иосиф Шпринцак в своем ответе поддержал вторую трактовку [15, с. 255–256] – не до конца понятно, каковы именно были правовые основания этого ответа, в самом Законе о сроке правления президента государства об этом не говорилось вообще ничего. Закон устанавливал лишь то, что выборы президента Израиля осуществляются в несколько туров путем тайного голосования депутатов. Если уже в первом туре кто-либо из кандидатов получает большинство среди проголосовавших депутатов Кнессета, то он объявляется избранным президентом. Если же в первом туре ни один из внесенных в список претендентов не набрал абсолютного большинства, назначается второй тур голосования, куда по-прежнему допускаются все выдвинутые кандидаты. Если же и второй тур не принес требуемого результата, голосование продолжается и назначается третий тур, но в нем, как и в последующих турах, кандидат, получивший в предыдущем туре наименьшее по сравнению с другими кандидатами количество голосов, отстраняется от дальнейшего участия в выборах президента. Как сформулировал это видный российский правовед В. П. Воробьев, «в данном случае израильским законодательством предусматривается своеобразное “рейтинговое голосование”» [16, с. 254]. Если в третьем или последующих турах голосования два или более кандидатов получают равное количество голосов, голосование будет продолжено до тех пор, пока один из кандидатов не получит относительное большинство голосов депутатов, принимавших участие в голосовании.

Как оказалось, вопрос, заданный Йохананом Бадером, не имел большого практического значения, ибо за уроженца Полтавы Ицхака Бен-Цви (урожденного Шимшилевича, 1884–1963) в первом туре голосования было отдано 48 голосов, а за трех его соперников (Переца Бернштейна, Ицхака Гринбойма и Мордехая Нурока), вместе взятых, – 50, даже и без учета 12 пустых бюллетеней, избранным он быть не мог. Повторное голосование лишь добавило один голос Ицхаку

Гринбойму за счет сокращения числа не участвовавших в выборах с десяти до девяти, остальные результаты не изменились. Далее состоялся третий раунд, в котором Перец Бернштейн уже не участвовал – в его отсутствие Ицхака Бен-Цви поддержали 62 депутата, что составляло большинство не только от участвовавших в голосовании (таковых в третьем туре было 112 депутатов), но и от общего числа членов Кнессета [17, с. 258–259]. Ицхак Бен-Цви и стал вторым президентом Государства Израиль на последующие одиннадцать лет, до самой своей кончины. Он переизбирался на этот пост 28 октября 1957 года и 30 октября 1962 года, получив – оба раза в отсутствие конкурентов – 76 голосов в Кнессете третьего созыва [18, с. 50], а спустя пять лет – 62 голоса в Кнессете пятого созыва [19, с. 20]. Нужно отметить, что закон, требовавший от каждого созыва парламента проводить выборы президента, был к тому времени изменен. Вместо этого был установлен пятилетний срок пребывания избранного лица на посту президента (большой, чем срок полномочий Кнессета каждого созыва, составляющий максимум четыре года). Вследствие этого в проработавшем всего менее двух лет Кнессете четвертого созыва вопрос выборов президента не поднимался.

Менее чем через полгода после начала его третьей каденции, 23 апреля 1963 года, Ицхак Бен-Цви скончался, и председатель парламента – тогда им был уроженец Бобруйска Каддиш Луз (урожденный Лужинский, 1895–1972) – вновь оказался исполняющим обязанности президента. Правда, срок его пребывания в должности оказался очень коротким, ибо уже 21 мая 1963 года прошли выборы третьего президента Израиля. Кандидат от Либеральной партии уроженец немецкого городка Майнинген Перец Бернштейн (1890–1971) баллотировался вновь, но, получив только 33 голоса «за», не был избран. Президентом же стал уроженец поселка Мир Минской губернии (ныне – Гродненской области Республики Беларусь) Залман Шазар (урожденный Рубашов, 1889–1974), которого поддержали 67 депутатов [20, с. 1893]; как и Ицхак Бен-Цви, он был ученым-историком, и тоже – на протяжении многих лет – одним из лидеров социал-демократической Партии Труда. Залман Шазар, кстати, должен был занять в 1950 году пост посла Израиля в СССР, но не получил агреман от советской стороны, вследствие чего остался в Израиле и вскоре был назначен министром образования и культуры.

Именно во время первой каденции Залмана Шазара был принят Основной закон о президенте государства, который, скорее зафиксировал уже существовавшее положение дел, чем внес в него какие-либо принципиальные изменения, за исключением того, что максимальный срок пребывания президента в должности ограничивался двумя пятилетними сроками. Закон также закрепил минимальные требования к кандидату на этот пост; в частности, он должен обязательно обладать гражданством Израиля и проживать на его территории – без указания, на протяжении какого времени (это положение позволяло взвешивать возможность выдвижения на президентский пост видных интеллектуалов и общественных деятелей еврейской диаспоры, вообще никогда не живших в Израиле). Не был установлен и какой-либо возрастной ценз. Выборы президента Израиля в соответствии с нормами вышеназванного Основного закона должны состояться в срок не ранее, чем за 90 дней до окончания срока полномочий действующего президента, и не

позднее, чем за 30 дней до их окончания. Если должность президента становится вакантной до окончания срока полномочий действующего главы государства, то выборы нового президента должны быть проведены не позднее 45 дней с момента объявления вакансии. Точную дату выборов определяет председатель Кнессета.

В соответствии с этим Основным законом Залман Шазар 26 марта 1968 года переизбрался на второй срок, причем, как и в случаях перевыборов Хаима Вейцмана и Ицхака Бен-Цви, речь шла о почти формальной процедуре: из 110 участвовавших в голосовании депутатов Залмана Шазара поддержали 86. Хотя голосовали депутаты, как всегда, тайно (такой порядок сохраняется и поныне), не была выдвинута никакая альтернативная кандидатура [21, с. 1625].

Вскоре умер глава правительства Израиля Леви Эшколь (1895–1969), и 17 марта 1969 года пост премьер-министра заняла Голда Меир (1898–1978). Сложилась редчайшая в мировой политике – и совершенно уникальная для Израиля – ситуация, при которой посты президента и премьер-министра занимали люди, которых в прошлом связывали глубочайшие личные отношения. «Шазар был замечательно одаренным человеком. Это был настоящий ученый, ... талантливейший журналист, эссеист и редактор, – вспоминала Голда Меир в своей изданной уже после его кончины книге. – Когда Шазар был президентом, а я премьер-министром, я виделась с ним так часто, как только могла» [22, с. 134, 136]. Она не написала – и мы никогда не узнаем – о том, что она чувствовала, приходя в качестве главы правительства к мужчине, с которым ее связывали годы интимной дружбы, и который в то время был президентом страны. Впрочем даже о самом факте этих отношений она пишет лишь один раз, и то намеком («через некоторое время мы стали очень близкими друзьями» [22, с. 135]) – что неудивительно, учитывая, что все эти годы Залман Шазар был женат, да и Голда Меир никогда формально не была разведена.

Вторая – и последняя – президентская каденция Залмана Шазара закончилась 24 мая 1973 года; 5 октября 1974 года его не стало. Голда Меир в значительной мере вынужденно покинула пост главы правительства за четыре месяца до этого, 3 июня 1974 года. При ее поддержке 10 апреля 1973 года четвертым президентом Израиля был избран выдающийся ученый-биофизик, действительный член Лондонского королевского общества и Национальной академии наук США Эфраим Кацир (урожденный Качальский, 1916–2009). Как и сама Голда Меир, он был уроженцем Киева, однако в столице Украины они встречаться не могли, ибо Голда с родителями покинула ее за десять лет до его рождения. Куда большее значение имел тот факт, что его родной брат, выдающийся ученый-биофизик Аарон Кацир (1914–1972), бывший в 1962–1968 годах президентом Национальной академии наук Израиля, был 30 мая 1972 года убит в ходе чрезвычайно резонансного террористического акта, организованного боевиками Народного фронта освобождения Палестины и так называемой Красной армии Японии в единственном в Государстве Израиль международном аэропорту (ныне носящем имя первого премьер-министра страны Давида Бен-Гуриона, который тогда был еще жив). Спустя ровно год после этой бойни, в которой погибли двадцать шесть ни в чем не повинных людей (семнадцать из которых были паломниками-христианами из Пуэрто-Рико), брат одного из убитых был избран четвертым президентом Израиля. Оппозиция выдвинула на

этот пост кандидатуру профессора Эфраима Урбаха (1912–1991), за которого был отдан 41 голос; профессора Эфраима Кацира (в выборах он участвовал под фамилией Качальский, сообщив, что в случае избрания сменит ее на «Кацир», как и его погибший брат) поддержали 66 депутатов [23, с. 2635].

Впоследствии пост президента Израиля занимали разные люди – кто-то из них был достоин этого больше, кто-то меньше. Далеко не все соответствовали тем высочайшим стандартам общественной и личной порядочности, отличавшим первых четырех президентов страны, каждый из которых был незаурядным интеллектуалом, автором многих книг; Хаима Вейцмана и Эфраима Кацира и поныне относят к числу крупнейших ученых XX столетия. Родившийся в Иерусалиме известный писатель, драматург и общественно-политический деятель Ицхак Навон (1921–2015), избранный 19 апреля 1978 года пятым президентом Израиля при беспрецедентно широкой поддержке («за» проголосовали 86 депутатов, а других кандидатур выдвинуто не было [24, с. 2566]), стал первым, кто продолжил политическую карьеру после отставки с этого поста, заняв в сентябре 1984 года посты вице-премьера и министра образования и культуры, на которых он оставался на протяжении пяти с половиной лет. Отдельные специалисты считали, что это нанесло существенный урон институту президентства, ибо, отказавшись от переизбрания на второй срок, но перейдя на работу в правительство, президент как бы оказывался фигурой, по статусу уступающей вице-премьеру (при том, что вице-премьеров в тогдашнем правительстве было целых три). Кроме того, президент, который должен быть вне партийной политики, спустя год был включен в состав правительства именно по квоте одной из формировавших его партий. При этом сам Ицхак Навон продолжал пользоваться широким уважением в обществе. Завершив политическую карьеру, в разные годы он был главой общественного совета заповедника библейской природы «Неот Кедумим» (в котором собраны все растения, упоминаемые в Библии и в Талмуде), председателем попечительского совета иерусалимской Академии музыки и танца, а также председателем Национального управления культуры языка ладино.

Избранный в 1983 году Хаим Герцог (1918–1997) и сменивший его в 1993 году Эзер Вейцман (1924–2005), шестой и седьмой президенты были генералами в отставке; первый из них возглавлял военную разведку (хотя в мире он куда больше известен как дипломат и автор ряда книг по военно-политической истории), второй – военно-воздушные силы. Заслуживает упоминания тот факт, что Эзер Вейцман, впечатляющая военная карьера которого оправданно завершилась постом министра обороны в правительстве Менахема Бегина (1913–1992), был племянником первого президента страны Хаима Вейцмана. Однако, даже принимая во внимание значительный вклад Эзера Вейцмана в подписание в 1978–1979 годах мирных договоров между Израилем и Египтом, его статус в международной политике и дипломатии был несравнимо ниже, чем статус его легендарного дяди.

Девятый президент Израиля Шимон Перес (1923–2016), избранный в 2007 году, – и только он – в прошлом возглавлял правительство страны, причем даже дважды, в 1984–1986 и 1995–1996 годах. Кстати, в 2000 году законодательство было изменено таким образом, что каденция президента была продлена до семи

лет, однако время пребывания в этой должности ограничено только одним сроком без права переизбрания.

10 июня 2014 года израильский парламент в ходе прошедшего в два тура голосования должен был выбрать десятого президента страны. Удивительным образом, несмотря на то, что общее число избирателей крайне мало – президента избирают только депутаты Кнессета, а их в Израиле всего 120 человек – никто не мог заранее не только сделать прогноз о том, кто окажется победителем, но и кто выйдет во второй тур: избранный президент должен набрать большинство голосов депутатов, что, при наличии пяти кандидатов в первом туре, справедливо представлялось малореальным.

Среди президентов Израиля были весьма достойные люди, но только завершавший каденцию Шимон Перес был человеком, который мог разговаривать с руководителями крупнейших держав мира, как минимум, на равных. В 1959 году, когда он был впервые избран депутатом Кнессета, ни Барак Обама, ни Дэвид Кэмерон, ни Дмитрий Медведев вообще еще не родились. Уникальная личность Шимона Переса – одного из создателей израильской атомной программы, с одной стороны, и архитектора «соглашений Осло» между Израилем и ООП – с другой, за что он еще в 1994 году был удостоен Нобелевской премии мира, не имеет precedентов в мировой политике последних десятилетий. В эпоху, когда Уинстон Черчилль, Конрад Аденауэр и Шарль де Голль воспринимаются как далекие легенды из прошлого, во главе Государства Израиль семь лет стоял президент сравнимого с ними масштаба личности. В 2013 году на праздновании своего девяностолетия Шимон Перес собрал в Израиле впечатляющий круг гостей – от Билла Клинтона до Барбары Стрейзанд.

При этом Шимон Перес проиграл в Израиле больше выборов, чем кто бы то ни было за всю историю страны, в том числе и президентские выборы 2000 года, когда за него голосовали 57 депутатов, тогда как за Моше Кацава – 63. Президентство Моше Кацава было, в общем, сравнительно нейтральным, но закончилось грандиозным скандалом: президент был обвинен в сексуальном насилии, вынужденно досрочно прекратил исполнение своих полномочий, а затем был предан суду и приговорен к длительному сроку тюремного заключения; две поданные его адвокатами апелляции были последовательно отклонены Верховным судом. Тот факт, что восьмой президент Израиля в момент избрания президента десятого находился в тюрьме (он был освобожден только 21 декабря 2016 года, отбыв пять лет в местах лишения свободы), не мог не стоять перед глазами депутатов Кнессета, существенная часть которых голосовала за его избрание за четырнадцать лет до этого. Учитывая, что к тюремному заключению по обвинению во взяточничестве и коррупции был приговорен и бывший премьер-министр Израиля Эхуд Ольмерт, было особенно важно выбрать президентом человека, сомнения в моральной чистоплотности которого напрашиваться не будут. Израильский опыт демонстрирует, что когда президент и премьер-министр вначале оказываются на скамье подсудимых, а потом в тюрьме, то конец света не наступает, страна продолжает жить и развиваться дальше, но при этом это наносит очевидный и серьезный удар по доверию граждан к политической системе в целом, который не нужно недооценивать.

Собственно говоря, под знаком сомнений и опасений именно такого рода прошла вся предвыборная кампания: вначале длительное время считалось, что на пост президента будет выдвинут министр энергетики, водоснабжения и национальных инфраструктур Сильван Шалом, в разное время возглавлявший министерства финансов и иностранных дел, и, несмотря на свой сравнительно молодой возраст (ему было на момент выборов 55 лет), считавшийся одним из самых опытных политиков страны. Однако в предвыборный период стало известно о жалобах в связи с его недостойным поведением по отношению к нескольким работавшим под его началом женщинам; полиция и прокуратура приняли решение не подавать дело против него в суд за недостатком улик и в связи с истечением срока давности, но из президентской гонки Сильван Шалом выбыл, а позднее, 20 декабря 2015 года, был вынужден уволиться из правительства и Кнессета и объявить о завершении своей политической карьеры. За три дня до президентских выборов вынужденно снял свою кандидатуру и Биньямин Бен-Элиэзер (1936–2016), один из самых опытных израильских военачальников и политиков, возглавлявший в разное время министерства обороны, промышленности и торговли, связи и другие; он был обвинен в получении подозрительных платежей в сотни тысяч долларов от бизнесменов, имеющих многочисленные интересы в энергетической сфере, на развитие которой Б. Бен-Элиэзер на занимаемых им должностях оказывал прямое влияние. Позднее он был отдан под суд по обвинению во взяточничестве, злоупотреблении доверием и других экономико-финансовых правонарушениях (судебный процесс не был доведен до конца в связи с кончиной бывшего министра). В результате вынужденного самоотвода Б. Бен-Элиэзера Партия Труда впервые за всю историю Израиля оказалась без «своего» кандидата на президентских выборах.

Уникальность ситуации состояла, однако, в том, что в полном смысле «своего» кандидата не было ни у одной из ведущих партий: хотя бывший спикер парламента Реувен Ривлин, во втором туре голосования избранный президентом, много лет был депутатом Кнессета от блока «Ликуд» [«Единство»], возглавляющий этот блок премьер-министр Биньямин Нетаньяху приложил значительные усилия к тому, чтобы Р. Ривлин не был избран. Дело дошло до того, что 28 мая 2014 года – в последний день, когда можно было вносить кандидатуры для выдвижения на пост президента – Б. Нетаньяху рассматривал возможность срочного предоставления израильского гражданства лауреату Нобелевской премии мира Эли Визелю (1928–2016), с тем, чтобы в день предоставления гражданства выдвинуть его на президентский пост в стране, где он никогда не жил. До этого приближенные Б. Нетаньяху рассматривали самые разные кандидатуры в противовес Р. Ривлину: бывшего министра финансов и юстиции Якова Неэмана (1939–2017), бывшего постпреда Израиля в ООН Дани Гиллермана, главы Еврейского агентства Натана Щаранского, председателя Кнессета Юлия Эдельштейна, бывшего министра иностранных дел Давида Леви, однако по разным причинам ни одна из этих инициатив не получила развития.

В итоге, кроме Реувена Ривлина, на президентский пост баллотировались еще четыре человека, ни один из которых не был связан с правящей партией: бывшая

председатель парламента Далия Ицик, которую в прошлом поддерживал Шимон Перес; судья Верховного суда в отставке Далия Дорнер, возглавляющая с 2006 года Совет по делам прессы; лауреат Нобелевской премии по химии профессор Технологического университета в Хайфе Дан Шехтман; и бывший казначей Еврейского агентства и многолетний министр Меир Шитрит, родной брат жены которого был в 2013–2015 гг. министром социального обеспечения в третьем правительстве Биньямина Нетаньяху. Такое большое количество кандидатов в бюллетень по избранию президента Израиля не вносилось никогда.

Дело в том, что, согласно требованиям Основного закона о президенте государства, выдвижение кандидатов на эту должность требует поддержки не менее десяти депутатов Кнессета, причем это выдвижение должно быть закончено не позднее, чем за десять дней до самой даты выборов. При этом любой депутат Кнессета вправе высказаться в поддержку только одного кандидата на должность президента страны. Собрать десять подписей депутатов, общее число которых составляет лишь сто двадцать, весьма непросто, особенно учитывая, что, как правило, они связаны в этом вопросе партийной дисциплиной. На выборах 2014 года ситуация была иной: никогда прежде выбор депутатов не было настолько личным, не зависевшим от решений партийных органов, так как практически во всех партиях было принято решение о предоставлении членам фракций права на свободу голосования.

По всем вышеперечисленным причинам результаты выборов десятого президента Израиля были совершенно непредсказуемы. Эксперты считали вероятным, что кто-то из кандидатов (в частности, восьмидесятилетняя Далия Дорнер, выдвигавшаяся по очевидно феминистским мотивам, осознавая, что она практически не имеет шансов на избрание) в последний момент снимет свою кандидатуру, призвав голосовать, например, за другую женщину, Далию Ицик. В результате ни одна из женщин во второй тур не прошла. Процедура выборов президента была в этот раз существенно упрощена: согласно новой редакции статьи 8 (а) Основного закона, во второй тур выходили только два кандидата, набравшие наибольшее количество голосов в первом туре. На финишную прямую вышли баллотировавшийся второй раз Реувен Ривлин (в 2007 году он уступил Шимону Пересу), получивший 44 голоса, и Меир Шитрит, которого поддержал 31 парламентарий. Во втором туре за Р. Ривлина проголосовали 63 депутата, за М. Шитрита – 53; трое депутатов не отдали свои голоса ни одному из них, а один отсутствовал [25, с. 9, 15].

Мнение о том, что пост президента в Израиле является преимущественно церемониальным, является верным лишь отчасти, ибо в отдельные моменты именно позиция человека, занимающего его, имеет критически важное значение. В парламентской республике, которой является Израиль, президент принимает одно из важнейших политических решений – кому поручить формирование правительства после всеобщих выборов. В 2009 году, когда две ведущие на тот момент израильские партии финишировали на выборах с разницей всего в один мандат, именно от Шимона Перса зависело, возглавит ли правительство Биньямин Нетаньяху, блок «Ликуд» во главе с которым получил 27 мандатов, либо же Ципи Ливни, тогда возглавлявшая партию «Кадима» [«Вперед»], фракция которой насчитывала 28 депутатов. Шимон Перес пришел к выводу, что несмотря на отрицательную

разницу в один мандат, именно Биньямин Нетаньяху имеет наибольшие шансы сформировать жизнеспособное эффективное правительство, которое и было им создано, после чего приведено к присяге. На парламентских выборах 2013 года преимущество возглавлявшегося Б. Нетаньяху блока «Ликуд–Бейтейну» [«Наш дом – Ликуд»] было уже настолько очевидным, что поручение президента, данное Б. Нетаньяху по формированию уже третьего правительства под его руководством, было чисто символическим. Вместе с тем, следует помнить, что президент в Израиле избирается на семь лет, тогда как парламентские выборы в стране проходят раз в три–четыре года или чаще: они почти всегда устраиваются досрочно в связи с теми или иными внутривластными кризисами (так, выборы в Кнессет 17 марта 2015 года состоялись лишь два с небольшим года спустя после предшествующих, прошедших 22 января 2013 года). Исходя из этого очевидно, что избранный в 2014 году президент будет, как минимум, еще один раз (а может быть, и дважды) принимать решение о том, кому поручить формирование правительства, а потому ответственность, которая оказалась на его плечах, весьма велика.

Не следует недооценивать и международное значение деятельности президента. Так, 16–17 марта 2016 года президент Израиля Реувен Ривлин посетил Москву, где провел встречи и с Владимиром Путиным, и с Дмитрием Медведевым. Подобные переговоры на высшем уровне не могут иметь исключительно церемониальное значение, о чем свидетельствовали и слова самого Реувена Ривлина. «Есть необходимость координировать действия с Россией, в той ситуации, что мы сейчас находимся, – отметил президент Израиля перед вылетом в Москву. – Есть общее понимание, что Исламское государство [запрещено в России] несет опасность всему миру, но шиитский фундаментализм Ирана для нас – опасность ничуть не меньшая. Мы также затронем в беседе приверженность России целостности и безопасности Израиля, обязательств, которые были взяты россиянами на себя во время визита президента Путина в Израиль в 2012 году» [26]. Это – отнюдь не церемониальные выражения вежливости, а серьезный разговор о самых главных опасностях, вызревающих сегодня в ближневосточном регионе. Между Москвой и Иерусалимом еще в 2014 году были достигнуты важнейшие договоренности по Сирии, призванные исключить возможность возникновения кризиса, серьезно омрачившего – и продолжающего омрачать – российско-турецкие отношения. Россия гарантирует, что Иран и союзные ему боевые группировки, включая ливанскую «Хизбаллу», не будут использовать сирийскую территорию в качестве плацдарма для подготовки атак на Израиль. Иерусалим, в свою очередь, координирует с Москвой нанесение авиаударов по действующим на территории Сирии боевикам, при этом гарантирует безопасность российских военных и российской боевой техники, расквартированной на территории Сирии. Переговоры президента Израиля в Москве весной 2016 года были призваны подтвердить приверженность обеих сторон этим важнейшим договоренностям.

Не меньшее значение имел и визит Реувена Ривлина в Киев в сентябре 2016 года, когда президент Израиля с трибуны Верховной Рады обвинил почитаемую сегодня новым украинским режимом Организацию украинских националистов в совершении преступлений против человечества в годы Холокоста. «Многие по-

собники преступлений были украинцами. И среди них особо выделялись бойцы ОУН, которые издевались над евреями, убивали их и во многих случаях выдавали немцам. Верно и то, что было более двух с половиной тысяч праведников народов мира – те считанные искры, которые ярко горели в период темных сумерек человечества. Однако большинство молчали, – справедливо констатировал президент Израиля. – Антисемитизм следует признавать таким, каким он был в прошлом и в его сегодняшнем обличье, и нельзя реабилитировать и прославлять антисемитов. Лидеры стран, разделяющих антисемитские, расистские и неонацистские взгляды никогда не станут желанными и полноправными членами семьи народов мира» [27]. В последние годы такие безусловно верные слова с трибуны Верховной Рады, кроме президента Израиля, не произносил никто, вследствие чего их значение невозможно переоценить; к сожалению, украинские руководители не прислушались к ним.

Выборы десятого президента Израиля стали свидетельством зрелости израильской демократии и ответственности, с которой избранные народом подошли к определению того, кто будет в 2014–2021 годах «гражданином номер один» в стране. Вместе с тем, очевидно, что реальное функциональное наполнение президентской власти является следствием не четко оговоренных правовых норм, а политической традиции, с одной стороны, и личностных особенностей государственных деятелей, занимавших этот пост – с другой. Более пятнадцати лет назад в первой опубликованной в Российской Федерации статье, посвященной проанализированной в настоящей работе теме, ее автор А. М. Сумин, справедливо отмечал, что «институт президентства эволюционировал (и продолжает эволюционировать в настоящее время) вместе со всей системой государственной власти и управления Израиля» [28, с. 137]. Политическая культура Государства Израиль обладает целым рядом формально нигде не зафиксированных особенностей, которые, однако, порой оказывают решающее влияние на функционирование политической системы страны [29]. Ход выборов десятого президента Израиля, равно как и реализация президентом Реувеном Ривлиным своих полномочий, демонстрируют это со всей отчетливостью.

Литература

1. Решение Верховного суда Израиля по делу 428/86 Ицхак Барзилай и др. против правительства Государства Израиль и др. // Сборник постановлений Верховного суда Израиля. Т. 40 (3).
2. Сахаров Н. А. Институт президентства в современном мире. М. : «Юридическая литература», 1994.
3. См.: Воробьев В. П. и Воробьева Д. В. Конституционно-правовые институты и высшие органы власти и управления Швейцарской Конфедерации. М. : МГИМО – «Национальное обозрение», 2010.
4. См.: Крутоголов М. А. Президент Французской республики: правовое положение. М. : «Наука», 1980.
5. Чиркин В. Е. Глава государства: сравнительно-правовое исследование. М. : «Норма – Инфра-М», 2010.
6. Каллагов Т. Э. Конституционное право Российской Федерации. М. : Волтерс Клувер, 2010.
7. См.: Осавелюк А. М. Глава государства // Конституционное (государственное) право зарубежных стран. Общая часть / отв. ред. Б. А. Страшун. М. : «Бек», 2000 [3-е изд.].
8. См.: Нойбергер Б. Проблема конституции в Израиле / пер. с иврита В. Каплан. Тель-Авив: Открытый университет Израиля, 1997.

9. Ландой М. Основной закон: президент государства. Иерусалим : Институт сравнительного правоведения им. Г. Сакера, 1994.
10. Протокол заседания №1 Временного государственного совета Израиля. 1948. 16 мая. С. 7 [на яз. иврит].
11. Вейцман Х. В поисках пути / пер. с англ. Р. Нудельмана. Иерусалим : Библиотека «Алия», 1983; Клаузнер И. Когда нация борется за свою свободу. Избранные статьи / пер. с иврита И. Керен. Иерусалим : Библиотека «Алия», 1978.
12. Протокол заседания №5 Кнессета I созыва. 1949. 16 февраля. С. 48–49.
13. Протокол заседания №20 Кнессета II созыва. 1951. 19 ноября.
14. Протокол заседания №30 Кнессета II созыва. 1951. 11 декабря.
15. Протокол заседания №151 Кнессета II созыва. 1952. 8 декабря.
16. См.: Воробьев В.П. Конституционно-правовая система Государства Израиль. М.: МГИМО – «Национальное обозрение», 2002.
17. Протокол заседания №151 Кнессета II созыва.
18. Протокол заседания №345 Кнессета III созыва. 1957. 28 октября.
19. Протокол заседания №172 Кнессета V созыва. 1962. 30 октября.
20. Протокол заседания №250 Кнессета V созыва. 1963. 21 мая.
21. Протокол заседания №272 Кнессета VI созыва. 1968. 26 марта.
22. Меир Г. Моя жизнь / пер. с иврита Р. Зерновой. Иерусалим: Библиотека «Алия», 1985. Т. 1.
23. Протокол заседания №417 Кнессета VII созыва. 1973. 10 апреля.
24. Протокол заседания №105 Кнессета IX созыва. 1978. 19 апреля.
25. Протокол заседания №143 Кнессета XIX созыва. 2014. 10 июня.
26. Цит. по: Шлеймович Э. Правила боя. Президент Израиля уже в Москве // Эксперт. 2016. 16 марта.
27. Цит. по: Президент Израиля с трибуны Рады обвинил ООН в участии в Холокосте // Страна (Украина). 2016. 27 сентября.
28. Сумин А. М. Пост президента как составная часть государственно-политического механизма Израиля // Ближний Восток и современность. 1999. №7. С. 137.
29. См.: Эпштейн А. Д. Особенности политической системы и политической культуры Государства Израиль // Политические системы и политические культуры Востока / отв. ред. А. Д. Воскресенский. М. : МГИМО – «Восток–Запад», 2006. С. 235–261.

В. А. Кузьмин,

Н. В. Соколов

ПРИЧИНЫ СИРИЙСКОГО КРИЗИСА И ЕГО РАЗВИТИЕ В 2011–2015 ГГ.

Аннотация: В течение нескольких последних лет внимание мировой общественности привлечено к событиям, происходящим в Сирии. В настоящей статье освещаются различные политические, экономические, этнические и религиозные причины возникновения острого политического кризиса в Сирии, приведшего к ожесточенной гражданской войне. Рассмотрим также последующее развитие сирийского конфликта до 2015 г., в ходе которого его участниками стали многочисленные внешние силы. Показана позиция в отношении событий в Сирии со стороны ведущих стран Западной Европы и США, Турции, монархий Персидского Залива, Исламской Республики Иран, России. Особое внимание обращено на политику Саудовской Аравии в сирийском вопросе в контексте ее политического противостояния с Ираном в борьбе за региональное лидерство. Новизна исследования видится в том, что оно проведено на основе анализа весьма широкого круга источников и литературы на арабском языке, особенно материалов периодической печати арабских стран, слабо используемых в трудах других ученых. Актуальность исследования обусловлена тем, что изучение вышеуказанных событий позволяет лучше понимать некоторые современные явления и процессы, происходящие на Ближнем Востоке.

Ключевые слова: Сирия, президент, конфликт, оппозиция, власть, группировки, провинции

Vadim A. Kuzmin,

Nicholas V. Sokolov

THE ORIGINS OF THE SYRIAN CRISIS AND ITS DEVELOPMENT IN 2011 – 2015

Abstract: Over the past few years, the world's attention has been drawn to the events taking place in Syria. This article highlights various political, economic, ethnic and religious causes of the emergence of an acute political crisis in Syria that led to a fierce civil war and the subsequent development of the Syrian conflict until 2015, during which many external forces became its participants. The position regarding events in Syria from the leading countries of Western Europe and the USA, Turkey, the monarchies of the Persian Gulf, the Islamic Republic of Iran, and Russia is shown. Particular attention is paid to the policy of Saudi Arabia in the Syrian issue in the context of its political confrontation with Iran in the struggle for regional leadership. The novelty of the study is that it is based on an analysis of a very wide range of sources and literature in the Arabic language, especially the materials of the periodicals of the Arab countries, poorly used in the writings of other scientists. The relevance of the study is due to the fact that the study of the above events makes it possible to better understand some of the contemporary phenomena and processes taking place in the Middle East.

Key words: Syria, President, Conflict, Opposition, Power, Factions, Provinces.

Политические перемены 2011–2012 гг. в Северной Африке и на Ближнем Востоке, называемые «арабской весной», стали началом еще более глубоких кризисов и острых конфликтов в ряде арабских стран. Таким конфликтом стал и си-

рийский кризис, выросший из «арабской весны» и поднявшийся на региональный и глобальный уровень. Сегодня в вооруженную борьбу между официальными властями Сирийской Арабской Республики, оппозицией и исламистскими группировками втянуты все ведущие державы и мировые центры силы, такие как Саудовская Аравия и монархии Персидского залива, Иран, Турция, Израиль, США и другие страны НАТО, ЕС, Россия, а также соседние с Сирией арабские страны.

Причины сирийского кризиса многообразны. Это и внутренние противоречия между различными слоями сирийского общества и властью, и экономические проблемы в стране, и этнорелигиозные факторы. В данной статье будут рассмотрены основные причины конфликта в Сирии и его развитие в 2011-2015 гг.

К началу кризиса Сирия подошла будучи в довольно устойчивом социально-экономическом положении. Так, ВВП страны в расчете на душу населения в 2010 г. составлял 5200 долл. США, что превышало аналогичный показатель в Египте и Тунисе, где произошло смещение действующей власти. Уровень безработицы находился на отметке 8%, а инфляция – в пределах 4%, что было значительно ниже египетских и тунисских показателей [10]. В Сирии была развита добыча нефти и газа, производство товаров народного потребления, пищевая промышленность, туризм.

Однако, несмотря на то, что Сирия казалась устойчивой к потрясениям, вызванным «арабской весной», в обществе тем не менее назрели довольно серьезные проблемы, которые значительно обострились под воздействием событий 2011 г.

Во-первых, внутривластное противостояние. Высшая власть и ключевые посты в правительстве и силовых структурах Сирии в течение многих лет принадлежали представителям правящей семьи Асадов, одновременно являющихся представителями алавитской религиозной общины. Такое долгое пребывание у власти не могло не стать причиной различных злоупотреблений, коррупции, расстановки своих людей на высокие должности, что сконцентрировало всю полноту власти в одних руках [4, с. 403].

В результате в Сирии возник вакуум между властью и обществом, где власть была отстранена и удалена от реальных проблем и интересов большинства сирийского народа. При этом усилия властной верхушки были направлены не на удовлетворение требований народа, а на сохранение и укрепление собственной власти и подавление проявлений инакомыслия.

С 2000 г. страну возглавляет президент Башар Асад, состоящий в Партии арабского социалистического возрождения (БААС). Он стал преемником своего отца, Хафеза Асада, который в 1970 г. захватил власть в результате военного переворота и правил в Сирии в течение 30 лет. После прихода к власти Башар Асад начал проводить политику демократизации, открытости и гласности, а также им был предпринят ряд мер по развитию рыночной экономики, которые дали импульс для оживления деятельности частного бизнеса [4, с. 403].

Одним из результатов такой политики стало появление в Сирии различных оппозиционных организаций, т.н. «форумов национального диалога», в состав которых вошли как представители сирийской интеллигенции, так и общественно-политические деятели. Форумы выступали за либерализацию экономики Сирии, дальнейшую демократизацию и создание политических партий в стране. Однако

руководство Сирии не откликнулось на эти призывы, опасаясь чрезмерной либерализации и возможной радикализации общества, после чего многие оппозиционные организации начали публиковать свои программные установки и выступать за пределами страны. Таким образом, в Сирии появилась разрозненная оппозиция, но она не была услышана действующей властью, что повлекло за собой нарастание напряженности.

Во-вторых, экономические проблемы. Несмотря на стабильное состояние экономики, после объявления курса на либерализацию в Сирии начались негативные процессы, неизбежно сопровождающие общество при переходе к рыночной экономике: рост безработицы, повышение цен, увеличение разрыва между богатыми и бедными слоями населения. Наряду с обеспеченным городским населением, в стране имелось большое число жителей сельских провинций, уровень жизни которых был крайне низок. Эта масса населения и составила в дальнейшем основной контингент тех, кто стал активно протестовать против текущего экономического и политического положения в стране.

В-третьих, этнорелигиозные противоречия. Сирия является многоконфессиональным государством, где правящие алавиты составляют всего 12-15% населения страны. Подавляющее большинство граждан Сирии – это мусульмане-сунниты (70%). Христиане, которые поддерживают действующую в Сирии власть, составляют 10% населения, остальные – это представители других конфессий [11].

Алавитское учение – очень сложное и закрытое, однако оно имеет общие корни с шиизмом. Поэтому у правящей верхушки Сирии существуют тесные связи с Ираном, что не может не вызывать недовольства у суннитского большинства. В начальный период президентства Б. Асада в стране активизировалась деятельность сирийского отделения «Братьев-мусульман», которые в 2002 г. провели съезд в Лондоне и призвали к политической борьбе с сирийским режимом.

Что касается этнического вопроса, то главная проблема Сирии – это курды, проживающие в северных провинциях страны общим количеством порядка 4 млн. чел., что составляет 5% населения страны. Сирийские власти всегда старались не допустить никаких движений курдов за независимость или автономию, многие курды не имели сирийского гражданства или обладали статусом «незарегистрированного», что не позволяло им пользоваться правами гражданина Сирии в полной мере. Курды периодически устраивали столкновения с властями, как, например, в 2004 г. в г. Камышлы, где в результате беспорядков на футбольном матче начались протестные демонстрации курдов, в результате которых были убиты 14 человек, а более ста получили ранения [12]. В целом курдская проблема постоянно была актуальна для официального Дамаска.

В результате обострения всех вышеперечисленных проблем достаточно было какого-либо события, чтобы спровоцировать конфликт. И такое начало было положено 15 марта 2011 г. центре провинции Хауман в городе Дераа, жители которого вышли на демонстрации в ответ на жестокое обращение сил безопасности с несколькими подростками. Требования демонстрантов касались проведения демократических реформ, отмены чрезвычайного положения в стране, улучшения условий жизни граждан [1, с. 306]. Позднее демонстрации охватили и другие го-

рода и провинции – Хомс, Алеппо, Хама, после чего силы правопорядка начали подавлять выступления с применением оружия. В апреле–мае 2011 г. Башар Асад объявил о проведении политических, законодательных и административных реформ в Сирии – было отменено чрезвычайное положение, сформировано новое правительство, проведены кадровые перестановки губернаторов и руководителей спецслужб, возвращено сирийское гражданство нескольким сотням тысяч курдов, сделан ряд уступок суннитским богословам [8, с. 206].

Однако и эти, и последующие шаги по реформированию порядка в Сирии, такие, как отмена руководящей роли БААС, создание новой конституции, альтернативные выборы в парламент и др. несколько запоздали и были встречены оппозицией прохладно: они не смогли остановить протестное движение, которое требовало уже полной смены политической системы и отставки президента Асада. В данной ситуации правительство пошло на конфронтацию с оппозицией и стало использовать регулярную армию для подавления демонстраций. Оппозиция также начала формировать вооруженные отряды и вступать в боевые столкновения с сирийской армией. К концу 2011 г. была создана повстанческая Свободная сирийская армия (ССА).

Сирийская оппозиция как одна из главных действующих сил конфликта поначалу не имела единой организационной структуры. Кроме того, она была разделена на внутреннюю и внешнюю, зарубежную, оппозицию. В августе 2011 г. на съезде в Дамаске был образован «Национальный координационный комитет сил за национально-демократические перемены» (НКК), который включил в свой состав 13 политических партий демократической ориентации, а также 3 партии, защищающих интересы сирийских курдов [2]. Внешняя оппозиция в октябре того же года организовала «Сирийский Национальный совет» (СНС), включивший в себя ряд зарубежных оппозиционных группировок. СНС базировался в Стамбуле, поддерживался странами ЕС и НАТО и некоторое время считался законным представителем оппозиции. Однако внутренние разногласия его членов не дали возможности СНС объединить оппозицию и влиять на ситуацию в Сирии [3, с. 15]. К августу 2012 г. протестами и столкновениями с правительственными войсками была охвачена уже вся Сирия, что требовало от оппозиции координации своих действий. Именно поэтому в ноябре 2012 г. в столице Катара Дохе была создана «Национальная коалиция революционных и оппозиционных сил» (НКОРС), которая также впоследствии переместилась в Турцию. В марте 2013 г. НКОРС получила официальное место Сирии в Лиге арабских государств (ЛАГ) «в качестве единственного законного представителя сирийского народа» [13].

Кроме оппозиционных группировок, требовавших политических реформ, представители сирийской курдской общины выступали за автономизацию территорий проживания курдов. В июле 2013 г. курды объявили всеобщую мобилизацию и вступили в столкновения с исламскими боевиками, вторгшимися в курдские провинции, а в ноябре создали собственную автономию с центром в г. Камышлы.

Еще одной стороной конфликта в Сирии являются вооруженные исламистские группировки, цель которых – установление в Сирии режима исламского правления. С первых же дней конфликта в страну начали прибывать боевики, впо-

следствии влившиеся в ССА или образовавшие собственные вооруженные формирования. Самые известные и многочисленные из них – это «Фатх аль-Ислам» («Победа ислама»), «Джунуд аль-Ислам» («Солдаты ислама»), военное крыло сирийских «Братьев-мусульман» «Ат-Талиа аль-мукатила» («Сражающийся авангард»), «Джабхат ан-Нусра» («Фронт победы»), а также боевики «Аль-Каиды». В основном члены этих группировок – наемники из разных стран мира. Сначала они вели вооруженную борьбу против официальных властей Сирии, но нередко были случаи, когда по разным причинам группировки сражались и между собой. В ходе ведения боевых действий исламисты совершили многочисленные террористические акты, среди которых нападения на военнослужащих и государственные учреждения, взрывы на нефтепроводах, железной дороге, убийства и захват в заложники мирных граждан. Тем не менее, сами боевики пытались придать своим действиям политический контекст. В начале 2012 г. было создано Бюро по координации действий между ССА и СНС с целью «укрепления координации и достижения наилучшей эффективности сирийской революции» [14].

Со временем разногласия между ССА и исламистскими группировками привели к расколу в среде вооруженной оппозиции. В сентябре 2013 г. часть группировок вышла из состава ССА и призвала к объединению на основе ислама, а в ноябре был создан «Исламский фронт» – единая боевая структура исламистов. Таким образом, образовалась третья сила, которая начала вести войну как против Башара Асада, так и против ССА. Тем не менее, общего единства в рядах исламистов не наблюдалось и в январе 2014 г. между ними развернулись боевые действия, особую жестокость в которых проявила группировка «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ, организация запрещена в России. – *Авт.*), действовавшая до этого в Ираке и провозгласившая создание «Халифата» на завоеванных землях. К лету 2014 г. ИГИЛ контролировало обширные территории в Сирии, газовые и нефтяные месторождения и проводило бесчеловечную политику на оккупированных территориях – массовые казни, рабский труд, торговлю людьми, убийства представителей других религиозных конфессий. Сирийская оппозиция поспешила дистанцироваться от ИГИЛ, и НКОРС объявила их террористической группировкой и своим главным врагом наряду с режимом Асада. ИГИЛ стало самой опасной и многочисленной группировкой в Сирии и к августу 2014 г. уже контролировало 35% территории страны, а ее численность составляла порядка 50 тыс. человек [5]. По сути, ИГИЛ стало отдельным участником конфликта, против которого выступают все воюющие стороны.

В сирийский конфликт оказались вовлечены и внешние силы, отстаивающие в Сирии свои собственные интересы и использующие ту или иную сторону конфликта для их реализации.

Запад в лице ЕС, США и НАТО с самого начала конфликта начал оказывать давление на президента Башара Асада, обвиняя его в жестокости при подавлении протестных демонстраций и выступая за его уход со своего поста. При этом использовались различные политические решения. Так, в мае 2011 г. ЕС ввел санкции против Сирии и внес Башара Асада в черный список; в октябре 2011 г., в феврале и июле 2012 г. западные страны пытались провести через Совет Безопасности ООН

резолюции по введению дополнительных санкций против Сирии; в мае 2013 г. ЕС принял решение об отмене эмбарго на поставку оружия сирийской оппозиции, а 22 июня в Дохе на встрече 11 стран, т.н. «друзей Сирии», среди которых были и Саудовская Аравия с Катаром, было принято решение об «обеспечении срочной поддержки бойцов сирийской оппозиции и доставке военной помощи через Высший военный совет повстанцев» [15]. Кроме того, в сентябре 2014 г. президент США Барак Обама подписал закон, позволяющий американским военным вооружать и обучать бойцов умеренной сирийской оппозиции в целях борьбы с ИГИЛ [9]. При этом США и НАТО в целом не исключали вопрос и о военном вмешательстве в конфликт, о чем говорилось на экстренном совещании постоянных членов Совета Безопасности ООН 29 августа 2013 г., когда Великобритания, США и Франция оказались «на грани военного удара» по Сирии после обвинения Башара Асада в переходе «красной линии» и применении химического оружия [16].

Наряду со странами Запада против официальных властей Сирии была настроена и Турция, которая, являясь одним из претендентов на лидерство в регионе, была заинтересована в ослаблении Сирии как союзника Ирана, который также стремится занять лидерские позиции на Ближнем Востоке. С первых дней сирийского конфликта в Турцию перешли около 12 тыс. беженцев из районов боевых действий, что негативно повлияло на сирийско-турецкие отношения [1, с. 314]. Турция также уделяла особое внимание своим приграничным районам, населенным курдами, опасаясь их возможной реакции на события в Сирии. В Турции были размещены базы и лагеря по подготовке групп вооруженной оппозиции, а также созданы условия для оказания им медицинской помощи.

Были заинтересованы в ослаблении Сирии как иранского союзника и монархии Персидского залива. Они поддержали сирийскую оппозицию и использовали различные политические средства для давления на действующие власти Сирии. В ноябре 2011 г. ЛАГ на своем экстренном заседании приняла решение «приостановить участие делегаций из Сирийской Арабской республики в заседаниях Лиги арабских государств и ее вспомогательных органов до полного выполнения ей обязательств по разрешению кризиса в Сирии» [17]. В феврале 2012 г. на совещании Министров иностранных дел ЛАГ было принято решение о «прекращении всех форм дипломатического сотрудничества с представителями сирийского режима в государствах и международных органах» [18].

В мае 2013 г. эти же страны подготовили проект резолюции, осуждающей «применение сирийскими властями тяжелых вооружений, грубые нарушения прав человека, обстрелы территорий соседних стран» и приветствующей создание НКОРС, которая была принята на Генассамблее ООН [19].

Россия и Сирия имеют давние экономические, политические и дружеские отношения. Все усилия России в сирийском конфликте были направлены на его политическое решение. Россия неоднократно использовала свое право вето при голосовании резолюций Совета Безопасности ООН по Сирии, предполагавших ужесточение санкции в отношении режима Асада, была одним из организаторов встреч с сирийской оппозицией в Женеве в 2012–2014 гг., принимала представителей оппозиции в Москве в 2011 и 2015 гг., стала инициатором проекта по унич-

тожению химического оружия в Сирии в 2013 г., не допустив военного вмешательства США. В конце сентября 2015 г. по просьбе правительства Сирии Россия оказала военную помощь Сирии в виде поддержки частей сирийской регулярной армии силами военной авиации и нанесения авиаударов по террористическим группировкам [7]. В результате 27 февраля 2016 г. было объявлено о режиме прекращения огня между некоторыми сторонами конфликта [6].

Иран также является давним союзником и партнером Сирии на Ближнем Востоке, и для обеспечения своих интересов ему необходимо сохранить режим Башара Асада, который он стал поддерживать с помощью финансовых, политических и военных средств. В боевых действиях на стороне армии Асада стали участвовать иранские подразделения из Корпуса стражей исламской революции и контролируемая Ираном шиитская группировка «Хезболла», которая в июне 2013 г. отбила у боевиков город Эль-Кусейр [20]. При этом на официальном уровне Иран стал выступать за абсолютное иностранное военное невмешательство во внутренний сирийский конфликт.

Таким образом, можно констатировать, что многообразие причин, вызвавших глубокий внутренний кризис в Сирии, вылившийся в ожесточенную гражданскую войну, в который оказались постепенно вовлечены различные внешние силы, преследующие собственные цели и интересы, сделало урегулирование сирийского конфликта весьма сложным международным вопросом.

Литература

1. Ахмедов В. М. Сирия // Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия: что дальше? Сборник статей. М. : ИВ РАН, 2012. С. 305–320.
2. Ахмедов В. М. Сирия – некоторые проблемы национальной безопасности в условиях «Арабской весны» (март 2011-январь 2012 гг.) // Russian Middle East. 10.10.2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://bit.ly/24g89i9> (дата обращения: 19.10.2015).
3. Долгов Б. В. Динамика «арабской весны»: переходный этап. М. : ЦСПИ; ИВ РАН, 2013.
4. Долгов Б. В. Сирийский конфликт // Конфликты и войны XXI века (Ближний Восток и Северная Африка). М. : ИВ РАН, 2015. С. 401–421.
5. Какова численность боевиков ИГИЛ? // Pars Today. 02.09.2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://bit.ly/1TRSy6R> (дата обращения: 19.10.2015).
6. Режим прекращения огня в Сирии вступает в силу в субботу // РИА. 27.02.2016 [Электронный ресурс]. URL: http://ria.ru/syria_peace/20160227/1381041859.html (Дата обращения: 03.03.2016).
7. Совет Федерации дал согласие президенту России на использование ВС РФ в Сирии // ТАСС. 30.09.2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://tass.ru/politika/2302922> (дата обращения: 22.10.2015).
8. Шарунов У. З. Американская концепция «Большого Ближнего Востока» и национальные трагедии на Ближнем и Среднем Востоке. М. : Центр стратегической конъюнктуры, 2013. 280 с.
9. Obama Signs Bill to Train, Arm, Syrian Rebels against ISIS // Fox News. 19.09.2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.foxnews.com/politics/2014/09/19/obama-signs-bill-to-train-arm-syrian-rebels-against-isis.html> (дата обращения: 21.10.2015).
10. قمع فرضن – تيروسلا تيبرعلا تيرومجل يف داصتقتال الف اربابيا اس-سوريا – نازرا امما (Экономика Сирийской Арабской республики – общий взгляд) // Сирийский Центр политических и стратегических исследований [Электронный ресурс]. URL: <http://scps.org/?p=991> (дата обращения: 18.10.2015).
11. ايروس ايتاركيبا اس-سукيانيف الف سوريا (Демографическая ситуация в Сирии) // Аль-Джазира. 19.04.2011 [Электронный ресурс]. URL: <http://bit.ly/1raP1or> (дата обращения: 19.10.2015).
12. يلمشماقلا ائادحأ يف قيقحت فنجل لكشيت قشدم. Димашк тушаккиль ляджна тахкик фи ахдас Аль-Камишли (Дамаск формирует комиссию по расследованию событий в Камышлы) // Аль-Яум.

- At-tarkiba as-sukkjanijia fi Suriya [Demographic Situation in Syria]. (2011). In *Al Jazeera*, 19.04.2011. URL: <http://bit.ly/1raP1op> (mode of access: 19.10.2015).
- Dimashk tushakkil' ljadzhna tahkik fi ahdas Al'-Kamishli [Damascus Form a Commission of Inquiry on the Events of Qamishli]. (2004). In *Al Yaum*, 14.03.2004. URL: <http://www.alyaum.com/article/1158290> (mode of access: 20.10.2015).
- Dolgov, B. V. (2013). *Dinamika "arabskoi vesny": perekhodnyi etap* [Dynamics of the "Arab Spring": Transitory Stage]. Moscow, TsSPI; IV RAN.
- Dolgov, B. V. (2015). Siriiskii konflikt [Syrian Conflict]. In *Konflikty i voiny XXI veka (Blizhnii Vostok i Severnaia Afrika)*. Moscow, Institut vostokovedeniia RAN, pp. 401–421.
- l'lan Ad-Duha as-sadir an Al'-Kymma Al'-Arabijja ar-rabi`a va al'-ishrun [Doha Declaration of the Summit of the League of Arab States]. (2013). URL: <http://www.arableaguesummit2013.qatarconferences.org/arabic/news/news-details-25.html> (mode of access: 18.10.2015).
- Kakova chislenost' boevikov IGIL? [How Many Militants Does the ISIS Have?] (2015). In *Pars Today*, 02.09.2015. URL: <http://bit.ly/1TRSy6R> (mode of access: 19.10.2015).
- Karar ittahazathu Al'-Dzhami'a Al'-Ammu fi 15 Ajjar / Maju 2013 [Resolution Adopted by the General Assembly on 15 May 2013]. In *United Nations General Assembly*, 04.06.2013. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N12/494/30/PDF/N1249430.pdf> (mode of access: 21.10.2015).
- Madzhlis Al'-Amn jafshal' fi at-tavassul' ilja ittifak haulja Suriya (Совет Безопасности не может достичь соглашения по Сирии) [The Security Council Fails to Reach an Agreement on Syria]. (2013). In *Al Riyadh*, 29.08.2013. URL: <http://www.alriyadh.com/863313> (mode of access: 21.10.2015).
- Obama Signs Bill to Train, Arm, Syrian Rebels against ISIS. (2014). In *Fox News*, 19.09.2014. URL: <http://www.foxnews.com/politics/2014/09/19/obama-signs-bill-to-train-arm-syrian-rebels-against-isis.html> (mode of access: 21.10.2015).
- Rezhim prekrashcheniia ognia v Sirii vstupaet v silu v subbotu [The Ceasefire Regime in Syria Will Come into Force on Saturday] (2016). In *RIA*, 27.02.2016. URL: http://ria.ru/syria_peace/20160227/1381041859.html (mode of access: 03.03.2016).
- Sharipov, U. Z. (2013). *Amerikanskaia kontsepsiia "Bol'shogo Blizhnego Vostoka" i natsional'nye tragedii na Blizhnem i Srednem Vostoke* [US Concept of "Greater Middle East" and National Tragedies in the Middle East]. 280 p. Moscow, Tsentr strategicheskoi kon"iunktury.
- Sovet Federatsii dal soglasie prezidentu Rossii na ispol'zovanie VS RF v Sirii [The Federation Council Gave the President the Consent of Use of the Armed Forces of the Russian Federation in Syria] (2015). In *TASS*, 30.09.2015. URL: <http://tass.ru/politika/2302922> (mode of access: 22.10.2015).
- Suriya: ittifak tansik bejna Al'-Madzhlis Al'-Vatanij va Al'-Dzhejsh Al'-Hurr [Syria: Agreement on Coordination between the National Council and the Free Army]. (2012). In *Al Riyadh*, 14.01.2012. URL: <http://www.alriyadh.com/700721> (mode of access: 19.10.2015).
- Vuzara' Al'-Haridzhijja al'-arab ju'allikun udvijja Suriya bi Al'-Dzhami'a va jad'un ilja sahb ac-suf-ara' [The Ministers of Foreign Affairs of the Arab States Suspend Syria's Membership in the League of the Arab States and Appeal for the Recall of the Ambassadors]. (2011). In *Al Arabiya*, 13.11.2011. URL: <http://www.alarabiya.net/articles/2011/11/12/176659.html> (mode of access: 21.10.2015).

The article was submitted on 15 April 2017

УДК 325.35(410)(09) + 325.8(689.7)(09) + 070.22 Ньясаленд Таймс

А. В. Антошин

КОЛОНИАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО НЬЯСАЛЕНДА НА ПОРОГЕ ЗАКАТА (по материалам газеты «Ньясаленд Таймс»)

Аннотация: Статья посвящена заключительному этапу истории британского колониализма в Восточной Африке. В центре внимания – ситуация в Ньясаленде, который в 1950-е гг. являлся частью Федерации Родезии и Ньясаленда. В основе методологических установок автора данной статьи лежат подходы, характерные для «новой социальной истории». Статья базируется на материалах крупнейшей газеты колонии «Ньясаленд Таймс», издававшейся в Блантайре. Охарактеризованы повседневная жизнь белых поселенцев в Ньясаленде, их досуг. Уделено внимание миру леди, показано, что он развивался под влиянием стандартов, существовавших в Британской империи. Особое место занимает анализ экономических проблем Ньясаленда, охарактеризовано его место в экономической структуре Федерации Родезии и Ньясаленда. Материалы «Ньясаленд Таймс» позволяют сделать вывод о том, что верхушка белых поселенцев была недовольна ролью Ньясаленда в Федерации как аграрно-сырьевого придатка и активно искала новые источники пополнения бюджета. Предпринимались попытки использования ресурсного потенциала территории, развития ее промышленности для пополнения местного бюджета. В статье доказано, что белые поселенцы Ньясаленда пытались сплотиться в условиях активизации деятельности Африканского конгресса Ньясаленда в 1950-е гг. Они связывали это явление с усилением внимания к Африке со стороны Советского Союза и его партнеров по социалистическому блоку. При этом верхушка белых поселенцев уже в 1950-е гг. указывала на то, что уход европейцев из Африки вызовет обострение социально-экономических проблем, с которыми будет крайне трудно справиться черному большинству. На основе проведенного исследования сделан вывод о том, что «Ньясаленд Таймс» является важным источником по истории колониального общества Ньясаленда.

Ключевые слова: Ньясаленд, британский колониализм, «Ньясаленд Таймс», Малави.

Alexey V. Antoshin

COLONIAL SOCIETY OF NYASALAND AT THE END OF ITS HISTORY (On The Base of “Nyasaland Times”)

Abstract: This article is devoted to final period of colonial epoch in British East Africa. Situation in Nyasaland, a part of Federation of Rhodesia and Nyasaland in 1950s, is at the center of attention. Methodological approaches of this article are principles of new social history. This article is based on the “Nyasaland Times”, the main newspaper of this colony, published in Blantyre. This article characterizes daily life of white inhabitants of Nyasaland, their leisure. The author paid attention to lady’s world in Nyasaland, he concludes that this world developed under the influence of British colonial standards. An analysis of economic problems of Nyasaland, its

role in economic structure of Federation of Rhodesia and Nyasaland has an important place in this article. Materials of “Nyasaland Times” show that the top of colony was not agree with the role of agrarian periphery in Federation and tried to find new ways to bring money to regional budget. They tried to use resource potential of territory, to develop local industry. The article proves that white inhabitants wanted to unite for the struggle against political activity of African Congress of Nyasaland. They connected this fact with activity of Soviet Union and its allies in Africa in 1950s. The top of white inhabitants also proved that exit of Europeans from Africa led to many social and economic troubles for black population of continent. The author proves that this newspaper is an important historical source on the history of colonial society in Nyasaland. *Key words:* Nyasaland, British colonialism, “Nyasaland Times”, Malawi.

Заключительный этап истории британского колониализма в Восточной Африке уже привлекал внимание российских исследователей, однако труды, написанные советскими историками, естественно, несли на себе отпечаток той эпохи, в которую они создавались. Основное внимание уделялось межимпериалистическим противоречиям в Африке, стремлению США заполнить «вакуум», возникавший в результате ухода с Черного континента Великобритании [3]. Среди работ советских историков следует выделить исследование Г. В. Фокеева, специально посвященное британской политике в Африке в середине 1940-х – середине 1960-х гг. В книге уделено внимание и образованию Федерации Родезии и Ньясаленда. Советский исследователь доказывал, что целью Великобритании было «полностью передоверить поселенцам осуществление консервации африканцев», создать в регионе «белый доминион» типа Южно-Африканского союза. При этом наиболее консервативной была политика белого меньшинства в Ньясаленде, где в Исполнительном совете (правительстве) территории к концу 1950-х гг. не было ни одного африканца [4, с. 211].

Бесспорно, в современной российской историографии предпринимаются попытки иначе взглянуть на ситуацию в Тропической Африке. Широкою известность получило новаторское исследование М. Д. Никитина, где показана противоречивость результатов британской колониальной политики на континенте. Историк доказывает, что в 1940–1950-е гг. происходило внедрение некоторых форм «западной политической системы», однако они наполнялись «частично модифицированным традиционным содержанием» [1, с. 170]. Ключевое внимание М. Д. Никитин уделил анализу ситуации в Уганде.

Нельзя не отметить и выход в свет в 2004 г. второго издания (первое издание вышло в 1989 г.) страноведческого справочника, посвященного Малави. Его автор, старший научный сотрудник Института Африки РАН А. П. Позднякова, охарактеризовала основные вехи истории этой страны. В книге представлен и обзор ситуации в Ньясаленде в 1940–1960-е гг [2, с. 52–59].

Однако, как нам представляется, чрезвычайно важным является привлечение источников, способных высветить новые грани истории колониализма в Восточной Африке. Анализ колониального общества Ньясаленда, психологических и ценностных установок его членов, их повседневной жизни требует обращения к такому важному историческому источнику, как периодическая печать. Автору данной статьи довелось работать с комплектом газеты «Ньясаленд Таймс»,

издававшейся в Блантайре. Именно Блантайр, основанный в 1876 г. и получивший свое название в честь родного города Д. Ливингстона, являлся крупнейшим политическим и экономическим центром юга Ньясаленда. В 1895 г. он получил статус города, именно тогда были созданы муниципальный совет, торговая палата и начала выпускаться «Ньясаленд Таймс».

Это было крупнейшее издание Ньясаленда колониальной эпохи, выпускавшееся, как и другие подобные газеты британской Африки, по образцу лондонской «Таймс». Ее подшивки хранятся в Библиотеке Конгресса США в Вашингтоне, автору довелось работать с ними в 2011 г. Публиковавшиеся на страницах «Ньясаленд Таймс» материалы позволяют пролить свет на многие стороны жизни местного колониального общества 1950-х гг.

Исследователю, который впервые начинает листать подшивки «Ньясаленд Таймс», сначала кажется, что на этом островке британского мира ничего не изменилось с довоенных лет. Его жители по-прежнему ощущали себя частью огромной империи. Почти в каждом номере газеты публиковались «Письма из Лондона», прочитав которые можно было узнать последние новости из жизни столицы. Жители Блантайра слушали передачи Би-Би-Си, в разделе спорта регулярно публиковались таблицы английской футбольной лиги. У представителей местного «общества» была возможность и самим заняться спортом – в Блантайре был клуб, где имелись секции крикета и тенниса [12]. Те, кто не увлекался спортом, также могли найти себе занятие по душе. Например, верхушка «общества» во главе с губернатором сэром Р. Армитаджем посещала престижный Ротари-Клуб [6].

Среди проживавших в Блантайре британцев было немало любителей театра. Специально для них «Ньясаленд Таймс» публиковала новости театральной жизни лондонского Вест-Энда. В Лилонгве, будущей столице независимого Малави, в конце 1950-х гг. было создано драматическое общество, и главная газета Блантайра приглашала своих читателей посетить его постановки [6].

Бесспорно, были среди британских поселенцев в Ньясаленде и любители литературы. Им были адресованы статьи «Ньясаленд Таймс», посвященные творчеству великого английского поэта XVIII в. Уильяма Блейка [11]. В Блантайре функционировала Библиотека Британского Совета, число активных членов которой за 1957 г., например, выросло с 91 до 348. Согласно данным самой библиотеки, всего за год ее посетителями было прочитано более 22 тысяч книг (в основном – художественной литературы и исторических романов) [10].

Помимо Британского Совета, в Ньясаленде продолжали действовать и другие учреждения. Так, здесь по-прежнему функционировали Лига службы Британской империи [17], Британское общество Красного Креста и др. [5].

Конечно, их действительными и почетными членами, участниками разнообразных мероприятий, проводимых этими структурами, были британцы. Они же посещали и кинотеатры Блантайра, где демонстрировались фильмы «Парамаунт Пикчерз» и набиравшие популярность индийские мелодрамы. Британские поселенцы стремились сохранить закрытость того «общества», в котором они привыкли жить. Среди публиковавшихся в «Ньясаленд Таймс» объявлений о вакансиях преобладали девушки-секретари. При этом часто указывалось, что нужна «евро-

пейская леди» [5]. Очевидно, именно эти девушки и посещали функционирующие в Блантайре курсы искусства и библиотечного дела.

У леди в британском Ньясаленде, конечно, был свой мир, отличный от занятий местных джентльменов. Специально для них «Ньясаленд Таймс» публиковала материалы в разделе моды, где можно было познакомиться с последними новинками и увидеть фотографии, лондонских нарядов. Вместе с тем, публикации газеты показывали, что постепенно дамы начинали участвовать и в общественной жизни колонии, вторгаться в традиционно «мужские» сферы. Так, в 1958 г. три женщины приняли участие в выборах в муниципалитет Блантайра-Лимбе (Лимбе, официально слившийся с Блантайром в 1956 г., находился от него на расстоянии 5 км. Здесь располагалась штаб-квартира британской «Империял тобакко компани») [18]. Одной из дам-кандидаток на муниципальных выборах была президент Женского профессионального и бизнес-клуба миссис Дж. Барнетт [16].

Именно муниципальные выборы 1958 г. показывали, что идиллическая картина жизни британцев в Восточной Африке представляла собой лишь верхушку айсберга. В ходе дискуссий на страницах «Ньясаленд Таймс» поднимались экономические проблемы территории. Уже во второй половине 1950-х гг. Великобритания проигрывала в торговле с Ньясалендом ФРГ и ряду других стран. Бедный полезными ископаемыми Ньясаленд был мало интересен предпринимателям из лондонского Сити, которых гораздо больше привлекал знаменитый «медный пояс» Северной Родезии. Поэтому британские поселенцы Ньясаленда, обеспокоенные проблемой привлечения инвестиций, активно искали новые источники пополнения местного бюджета. Ряд публикаций «Ньясаленд Таймс» был посвящен привлечению туристов, развитию соответствующей инфраструктуры. Руководство Ньясаленда во главе с губернатором Р. Армитаджем пыталось использовать те природные богатства, которые имелись на этой территории. В частности, в конце 1950-х гг. начался экспорт рыбы, которую ловили в озере Ньяса. Предпринимались усилия и по развитию местной промышленности. Так, одна из местных компаний начала поставки цемента из Ньясаленда в Танганьiku [9]. Впрочем, все это были локальные успехи: в целом экономика Ньясаленда продолжала носить аграрный характер.

Однако ключевым, бесспорно, становился вопрос сохранения привычного для британцев образа жизни в ситуации набирающей обороты борьбы за равноправие африканского населения: с 1944 г. действовал Африканский конгресс Ньясаленда (АКН), выпускавший листовку «Квача» («Свобода»). Лидеры АКН все активнее требовали всеобщего и прямого избирательного права («один человек – один голос»). Белым поселенцам было очевидно, что это будет означать конец привычного им мира. Неслучайно, выступая в Ротари-Клубе в январе 1958 г., губернатор сэр Р. Армитадж призвал местное «общество» к единству [6]. Перед лицом внешних угроз британцы должны были сплотиться и забыть мелкие обиды.

В Лондоне одним из стабилизирующих факторов считали существование Федерации Родезии и Ньясаленда. Представители федерального правительства также стремились доказать белым поселенцам, что Федерация – единственный выход из создавшегося положения. Член правительства Федерации сэр М. Бэрроу даже выступил со специальным заявлением в феврале 1958 г., заметив, что

Ньясаленд «не имеет будущего вне Федерации» [13]. Однако слова М. Бэрроу были свидетельством того, что в Блантайре были и сторонники иной точки зрения. Как известно, Ньясаленд занимал в Федерации периферийное место аграрно-сырьевого придатка. Основные инвестиции, которые шли в Федерацию, поступали на развитие Южной Родезии, а также вкладывались в развитие рудников Северной Родезии. В Федеральной ассамблее Ньясаленд имел лишь 11 из 59 мест. Поэтому в Блантайре постепенно зрели сепаратистские настроения, недовольство политикой Солсбери.

Власти Федерации не могли замалчивать наличие расовой проблемы. Неслучайно во второй половине 1950-х гг. появилось специальное федеральное Министерство по расовым отношениям [14]. Оно официально провозгласило принцип «партнерства рас» [8].

Власти Ньясаленда также вынуждены были учитывать эту проблему. Было торжественно объявлено об открытии в Блантайре «мультирасового» госпиталя на 750 коек [7]. Британским поселенцам, привыкшим жить в своем замкнутом «обществе», приходилось учитывать изменение ситуации. В послевоенном мире расовая сегрегация воспринималась все более негативно. Поэтому топ-менеджер одного из открытых в 1958 г. в Ньясаленде отелей вынужден был через газету опровергать обвинения в том, что отель будет предназначен только для белых [5].

Даже «Ньясаленд Таймс» вынуждена была признать наличие серьезных проблем в положении черного населения территории. Так, власти открыто признали тот факт, что из 6200 африканских учителей только пятеро имели университетское образование [6].

Обсуждение именно расовых проблем на страницах «Ньясаленд Таймс» показывало всю их сложность и неоднозначность. Знакомство с главной газетой британского Ньясаленда показывает, что поселенцы уже в 1950-е гг. указывали на те аспекты проблемы прав африканского населения, о которых все чаще будут писать исследователи впоследствии. В одной из передовиц газеты критическому разбору подвергалась точка зрения о том, что «дни патернализма закончены и африканцам надо дать возможность самим определять свою судьбу». Редакция «Ньясаленд Таймс» по этому поводу замечала, что в реальности африканцы нуждаются в «особой защите африканского». Так, правительство выплачивало бонусы африканским производителям табака и хлопка [15]. Таким образом, уже в 1950-е гг. становилось очевидно: уход белых из Черной Африки чреват обострением проблем последней, ухудшением социально-экономической ситуации на континенте. Опасаясь потерять свой замкнутый мирок, привычный образ жизни, британские поселенцы одновременно предупреждали: без них черному большинству придется самостоятельно решать те проблемы, о которых они до этого даже не подозревали.

Так или иначе национально-освободительное движение африканцев становилось фактором, с которым белым приходилось считаться. Даже на страницы «Ньясаленд Таймс» прорывалась информация о деятельности африканской Национальной прогрессивной ассоциации, требованиях ее лидеров к губернатору об отмене расовых ограничений, введении всеобщих выборов в Законодательный Совет Ньясаленда [19].

Администрация губернатора колонии и белые поселенцы пытались понять, в чем корни этого движения. Заметим, что они связывали всплеск политической активности африканцев, в том числе и с влиянием политики Советского Союза. Заявлялось даже, что Африка стала столь же приоритетной целью для «советского проникновения», каким в 1930-1940-е гг. был Китай. В 1958 г. британские поселенцы с тревогой читали в «Ньясаленд Таймс» о том, что в пригороде Праги ведется специальная подготовка партизанских формирований для осуществления акций в Черной Африке [16].

Однако сил на то, чтобы организовать эффективное противодействие этой политике, у белых поселенцев уже не было. Дни британского Ньясаленда были сочтены. Именно в 1958 г. Африканский конгресс Ньясаленда возглавил политэмигрант (с 1953 г. живший в Гане), врач по профессии, знаменитый Хастингс Камузу Банда. В 1964 г. он станет первым лидером независимого Малави и будет управлять страной как диктатор в течение 30 лет. От колониального общества Ньясаленда останутся одни воспоминания. И только «Ньясаленд Таймс» (переименованная в «Дейли Таймс») останется крупнейшей газетой страны, являясь живым символом ушедшей эпохи.

Литература

1. Никитин М. Д. Черная Африка и британские колонизаторы: столкновение цивилизаций. Саратов : Научная книга, 2005. 392 с.
2. Позднякова А. П. Малави. Справочник. М. : Вост. лит., 2004. 176 с.
3. Тарабрин Е. А. Новая схватка за Африку. М. : Международные отношения, 1972. 321 с.
4. Фокеев Г. В. Они не хотят уходить. Английский колониализм в Африке после Второй мировой войны. М. : Международные отношения, 1965. 263 с.
5. The Nyasaland Times. Blantyre, 1958. January 3.
6. The Nyasaland Times. 1958. January 7.
7. The Nyasaland Times. 1958. January 10.
8. The Nyasaland Times. 1958. January 14.
9. The Nyasaland Times. 1958. January 17.
10. The Nyasaland Times. 1958. January 24.
11. The Nyasaland Times. 1958. January 28.
12. The Nyasaland Times. 1958. February 7.
13. The Nyasaland Times. 1958. February 11.
14. The Nyasaland Times. 1958. February 14.
15. The Nyasaland Times. 1958. February 18.
16. The Nyasaland Times. 1958. February 21.
17. The Nyasaland Times. 1958. March 11.
18. The Nyasaland Times. 1958. March 14.
19. The Nyasaland Times. 1958. April 4.

References

- Fokeev, G. V. (1965). *Oni ne khotiat ukhodit'. Angliiskii kolonializm v Afrike posle Vtoroi mirovoi voiny*. [They Don't Want to Leave. English Colonialism in Africa after the World War II]. 263 p. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia.
- Nikitin, M. D. (2005). *Chernaia Afrika i britanskie kolonizatory: stolknovenie tsivilizatsii* [Black Africa and the British Colonizers: Clash of Civilizations]. 392 p. Saratov : Nauchnaia kniga, 2005.
- The Nyasaland Times*. (1958). Blantyre. January 3.
- The Nyasaland Times*. (1958). Blantyre. January 7.

- The Nyasaland Times*. (1958). Blantyre. January 10.
The Nyasaland Times. (1958). Blantyre. January 14.
The Nyasaland Times. (1958). Blantyre. January 17.
The Nyasaland Times. (1958). Blantyre. January 24.
The Nyasaland Times. (1958). Blantyre. January 28.
The Nyasaland Times. (1958). Blantyre. February 7.
The Nyasaland Times. (1958). Blantyre. February 11.
The Nyasaland Times. (1958). Blantyre. February 14.
The Nyasaland Times. (1958). Blantyre. February 18.
The Nyasaland Times. (1958). Blantyre. February 21.
The Nyasaland Times. (1958). Blantyre. March 11.
The Nyasaland Times. (1958). Blantyre. March 14.
The Nyasaland Times. (1958). Blantyre. April 4.
Pozdniakova, A. P. (2004). *Malavi. Spravochnik*. [Malawi. Handbook]. 176 p. Moscow, Vostochnaia literatura.
Tarabrin, E. A. (1972). *Novaia skhvatka za Afriku* [New Scramble for Africa]. 321 p. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia.

The article was submitted on 12.04.2017

КОЛОНИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ВЕЛИКОБРИТАНИИ ПОСЛЕ СУЭЦКОГО КРИЗИСА В 1957–1959 ГГ.

Аннотация: На материале британских документов в статье показан механизм выстраивания колониального курса Великобритании после Суэцкого кризиса 1956 г. в период первого кабинета Г. Макмиллана. В этот период (1957–1959 гг.) новый премьер-министр сделал особый упор на укрепление англо-американского партнерства в колониальной сфере и выдвижение интеграционных инициатив в отношении колоний и обретающих независимость территорий. Эти вопросы слабо изучены в отечественной историографии, однако их детальный анализ помогает понять, каким образом менялась степень приоритетности внутри известной концепции У. Черчилля о трех окружностях внешней политики Великобритании и как происходил процесс вытеснения имперской сферы со второго на третье место после англо-американских отношений и европейских дел.

Автор показывает, что новое правительство консерваторов, осмыслив неутешительные для Великобритании итоги Суэцкой операции, признало деколонизацию свершившимся фактом, но стремилось не форсировать события в колониальной сфере. К 1957 г. имперские владения Британии продолжали оставаться внушительными. Цепная реакция начавшихся процессов деколонизации в Азии в 1950-е гг. охватила африканские территории, и свою главную задачу Г. Макмиллан видел в том, чтобы предотвратить ускорение темпов распада колониальной системы в этой части земного шара. Консерваторы, продолжая осмыслять глубокие последствия Суэцкого кризиса и колониального опыта других стран, прежде всего Франции с ее провалом в Индокитае и продолжающейся войной в Алжире, старались не затягивать сроки предоставления независимости колониям и идти в ногу со временем. Такое понимание колониальных дел в Великобритании не означало ослабление контроля, скорее наоборот, следовало максимально пристально отслеживать происходящие в процессы с тем, чтобы сохранить освобождающиеся территории в британской и в целом западной орбите влияния в условиях холодной войны. Особо внимательное отношение лично Г. Макмиллана к этим вопросам показывало, что премьер-министр чутко реагировал на ход времени и стремительные изменения роли освободившихся афро-азиатских государств в мировых делах.

Ключевые слова: Великобритания, колониализм, Африка, деколонизация, англо-американские отношения, концепция взаимозависимости

Elena V. Khakhalkina

COLONIAL POLICY OF GREAT BRITAIN AFTER THE SUEZ CRISIS IN 1957-1959

The article, based on British documents, shows the mechanism for building the British colonial policy after the Suez crisis of 1956 during the first Cabinet of Harold Macmillan. In this period (1957-1959), the new Prime Minister made a special emphasis on strengthening the Anglo-American partnership in the colonial sphere and promoting integration initiatives for the colonies and the territories that are gaining independence. These questions have been poorly studied in Russian historiography, but their detailed analysis helps to understand how the degree of prioritization within the well-known concept of Winston Churchill “three majestic circles” of British foreign policy has changed and the process of ousting the imperial sphere from second to third place after Anglo-American relations and European affairs has occurred.

The author shows that the new Conservative government, having comprehended the results of the Suez operation that was disappointing for Great Britain, recognized decolonization as a fait accompli, but tried not to force events in the colonial sphere. By 1957 the imperial possessions

of Britain continued to be impressive. The chain reaction of the decolonization processes that began in Asia in the 1950s covered the African territories, and H. Macmillan saw as his prime task a preventing the acceleration of the collapse of the colonial system in this part of the globe. Conservatives, continuing to comprehend the profound consequences of the Suez crisis and the colonial experience of other countries, especially France with its failure in Indochina and the ongoing war in Algeria, tried not to delay the granting of independence to the colonies and to keep pace with the times. This understanding of colonial affairs in the UK did not mean a weakening of control; rather, on the contrary, it was necessary to closely monitor the processes taking place in order to preserve the liberated territories in the British and in the whole western orbit of influence during the cold war. Particularly attentive attitude of H. Macmillan personally to these issues showed that the Prime Minister was sensitive to the course of time and rapid changes in the role of the newly free Afro-Asian states in world affairs.

Key words: Britain, colonialism, Africa, decolonization, Anglo-American relations, the concept of interdependence.

Важной вехой в колониальной политике Великобритании после 1945 г. стал Суэцкий кризис 1956 г., сыгравший значительную роль в ее пересмотре, подтвердив, что в сложившейся системе миропорядка значительную роль приобрели освободившиеся государства, рост численности и влияния которых способствовал размыванию биполярного характера Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений. В этих условиях от метрополии требовалась выработка такой модели постколониального управления, которая могла бы смягчить переход зависимых территории в статус суверенных государств с одновременным их вхождением в Содружество.

К 1957 г. имперские владения Британии продолжали оставаться внушительными. Цепная реакция начавшихся процессов деколонизации в Азии в 1950-е гг. охватила африканские территории, и свою главную задачу новый премьер-министр Великобритании Г. Макмиллан, возглавивший правительство после отставки А. Идена в связи с провалом тройственной интервенции против Египта, видел в том, чтобы предотвратить ускорение темпов распада колониальной системы в этой части земного шара.

В конце января 1957 г. премьер-министр дал распоряжение председателю специально созданного Комитета кабинета по колониальной политике лорду Солсбери подготовить аналитический обзор, посвященный перспективам конституционного развития африканских колоний и последствиям обретения ими суверенного статуса в последующие десять лет [1, с. 1–2].

Подготовка экспертного анализа, посвященного будущему британской части африканского континента имела прямое отношение к запланированной на весну встрече премьер-министра Великобритании и президента США на Бермудских островах. Очевидно, Г. Макмиллан собирался затронуть в разговоре с Д. Эйзенхауэром тему колониализма, приобретающую особо болезненный характер для британской стороны после Суэцкого кризиса 1956 г.

Комитет лорда Солсбери, выполняя поручение премьер-министра, сразу столкнулся с проблемами «терминологического» характера. К понятию «независимость» в британском ведомстве по колониальным делам было неоднозначное отношение. Министр по делам колоний А. Леннокс-Бойд считал, что этот термин

в отдельных случаях – когда речь идет об экономически и политически слабых территориях – подразумевает **самоуправление** [выделено *Е. Х.*] с перспективой обрести полную независимость лишь в долгосрочной перспективе [1, с. 3]. Поскольку большинство африканских колоний относились именно к слабо развитым территориям, то применять к ним термин «независимость» в самом прямом смысле этого слова было затруднительно.

В то же время общемировые темпы деколонизации и антиколониальная деятельность ООН заставляли Великобританию уделять особо пристальное внимание колониальным вопросам. В Лондоне понимали, что процесс «ухода» с подконтрольных территорий не является решением самой проблемы колониализма. Следовало подумать о том, как выстраивать отношения с уже независимыми государствами и по возможности оставить их если не в британской, то в западной орбите влияния. А. Леннокс-Бойд был убежден, что необходимо также просчитать все возможные последствия «дарования» суверенного статуса с финансовой точки зрения – в плане влияния на британскую экономику и страны стерлинговой зоны в целом. Немаловажным был и вопрос недопущения «вакуума» силы в оставляемых территориях [1, с. 3]. Британское руководство больше заботил не вопрос о том, как можно дольше «остаться» в колониях, а о том, как уйти, но не дать занять свое место антизападным силам, под которыми главным образом подразумевался Советский Союз.

Именно поэтому вопрос о колониализме был не праздным и для США. В Вашингтоне с интересом относились к интеграционным идеям, циркулировавшим в европейских метрополиях после войны и касавшимся создания «евро-африканского» объединения с целью продолжения использования ресурсов колоний и их рынков сбыта в некоем постколониальном формате. Поэтому большое внимание в США вызывали идеи стран Шестерки по включению колоний и обретающих независимость территорий в Общий рынок на правах ассоциированных членов. Кроме того, такая модель сохранения колоний под своим частичным влиянием потенциально затрудняла советское проникновение на эти территории. Фактор холодной войны и Движения неприсоединения усиливал стратегическую значимость африканского континента.

Именно эту роднившую США и Великобританию основу – а именно недопущение создания «вакуума» силы в обретающих суверенный статус территориях – в Лондоне планировали использовать для того, что добиться более тесного сотрудничества с заокеанским партнером по колониальным вопросам и снизить накал антиколониальной риторики Вашингтона.

Сам термин «вакуум» впервые наиболее отчетливо прозвучал в начале января 1957 г. в выступлении президента США Д. Эйзенхауэра, ставшем известным как «Доктрина Эйзенхауэра», при характеристике последствий тройственной интервенции против Египта в Ближневосточном регионе. Согласно взгляду главы Белого дома, образовавшийся «вакуум» стремился заполнить Советский Союз, последовательно наращивавший свои позиции не только на Ближнем и Среднем Востоке, но и регионе Южнее Сахары – Тропической Африке.

Действительно, советское проникновение в страны африканского континента в конце 1950-х гг. усилилось. Еще в 1953 г. советский представитель в

Экономическом и Социальном Совете ООН (ЭКОСОС) заявил, что СССР «внесет 4 млн. рублей в поддержку программы технического содействия развивающимся странам ООН» [2, с. 262]. К осени 1959 г. Москва предоставила освободившимся странам кредитов на сумму в 6,55 млрд. рублей. Также на безвозмездной основе таким азиатским странам как Афганистан, Непал, Камбоджа и Индия было направлено 440 млн. рублей [2, с. 262].

В марте 1958 г. было принято Постановление ЦК КПСС «О мероприятиях по расширению культурных и общественных связей со странами Азии и Африки», в котором МИД СССР поручалось «усилить работу» с молодыми азиатскими и африканскими государствами и укрепить «состав посольств и миссий в этих странах работниками, достаточно владеющих языками ... и являющимися специалистами по этим странам», а также «активнее использовать участие СССР в Совете по опеке ООН для освещения перед общественностью положения на подопечных территориях и защиты интересов населения этих территорий против колониализма» [3, с. 158].

В «Рекомендациях по вопросам советской пропаганды на страны Азии и Африки» предлагалось осуществление широкого спектра пропагандистских мероприятий, включавших «последовательную, глубокую и умелую» демонстрацию «преимуществ социалистической системы перед системой капиталистической», акцентирование внимания на том, «какую угрозу несут миролюбивым народам военные блоки западных держав» и «разоблачать попытки империалистов втянуть в эти блоки нейтральные страны» [3, с. 161–162]. При этом действовать следовало максимально гибко и тактично – «чтобы это не выглядело как вмешательство во внутренние дела...» [3, с. 164].

Разумеется, эти действия СССР не были секретом для западных стран, прежде всего, Великобритании и США. Г. Макмиллан на предстоящей встрече на Бермудах собирался обратить внимание Эйзенхауэра на то, что содержание территорий, из которых Британия будет вынуждена «преждевременно» уйти, ляжет грузом на США. Учитывая, что еще в 1954 г. администрация Д. Эйзенхауэра провозгласила стратегию «массированного возмездия» в отношении СССР, предполагавшую значительное сокращение обычных вооруженных сил и сосредоточение на производстве атомного оружия и средств его доставки к цели, в Лондоне полагали, что Вашингтону будет невыгодно в этих условиях принимать на себя новые расходы по содержанию колониальных территорий [1, с. 226]. Соответственно, в Лондоне надеялись на то, что Вашингтон не будет форсировать события в колониальной сфере.

Британские дипломатические круги также неоднократно пытались привлечь внимание Белого дома к излишне жесткой линии американской делегации в ООН, действующей в русле ускорения сроков деколонизации и «подрывающей» западное единство и господство европейских метрополий. Однако смягчить антиколониальные заявления США, которые таким образом пытались перехватить инициативу у СССР в борьбе за «умы» освободившихся от колониальной зависимости народов на платформе ООН, было по определению проблематично.

Принимая во внимание эти факторы, британские правительственные эксперты советовали премьер-министру попытаться в ходе встречи донести до США мысль

о необходимости и важности для обеих сторон осуществления предварительных консультаций по всем колониальным вопросам и воздерживаться от резких антиколониальных заявлений в ООН [1, с. 227].

Г. Макмиллан понимал, что США используют антиколониальную риторику во многом как инструмент нажима на Великобританию с тем, чтобы корректировать ее политику в имперской сфере – каких-либо существенных уступок со стороны Вашингтона в удовлетворении британских просьб по проблемам колониализма ждать не стоило. Министр по делам колоний поддержал позицию главы кабинета и предложил «упаковать» вопросы, связанные с британской деколонизацией, в комплект более широких проблем, связанных с будущим африканских стран в контексте холодной войны [1, с. 228–229].

Накануне Бермудской конференции – в начале марта 1957 г., независимость и статус доминиона обрела колония Золотой берег под названием Ганы, став первым независимым государством в регионе южнее Сахары. 31 августа 1957 г. аналогичный статус получит Малайя в рамках Федерации Малайя.

Представление Золотому берегу независимости непосредственно перед встречей на Бермудских островах явно свидетельствовало о желании Г. Макмиллана продемонстрировать США, что Великобритания идет в ногу со временем и готова расставаться со своими имперскими владениями.

21 марта 1957 г. Г. Макмиллан и Д. Эйзенхауэр прибыли на Бермуды. Запланированное совещание имело большое значение для обеих сторон – для нового британского главы кабинета это была первая официальная встреча с президентом США после провала тройственной операции против Египта. Общая повестка дня преимущественно предусматривала обсуждение вопросов, связанных с урегулированием ситуации на Ближнем Востоке после Суэцкого кризиса и выработку совместной политики в регионе. Г. Макмиллан провозгласил на встрече заранее подготовленный тезис о «взаимозависимости», который мыслился им как качественно новая, эффективная и, главное, равноценная основа англо-американского двустороннего сотрудничества. И хотя озвученный тезис в первую очередь касался взаимоотношений в регионе Ближнего и Среднего Востока, в последующий период британский лидер попытается апробировать его на других частях мира [4].

По результатам встречи на Бермудах глава Форин оффис подготовил согласованный с госсекретарем США Дж.Ф. Даллесом аналитический обзор, в котором освещались проблемы будущего африканского континента [5, с. 230]. Среди ключевых задач британской колониальной политики в представленном документе фигурировали достижение баланса между «слишком быстрыми и слишком медленными» темпами деколонизации. С. Ллойда беспокоило, что несоблюдение такого баланса затруднит поддержание британского влияния в обретающих или стремящихся к независимости территориях, особенно на фоне советского проникновения в Африку и укрепления советско-китайских отношений [5, с. 231].

В мае 1957 г. Министерство по делам колоний Великобритании подготовило экспертный анализ, посвященный ситуации в Африке. Симптоматично, что авторы документа избегали указания даже примерных дат предоставления независимости колониальным территориям. С присущей британской дипломатии гибкостью

эксперты предпочитали говорить о «готовности в отдельных случаях» некоторых территорий к самоуправлению. Термин «независимость» почти не упоминался в тексте, что оставляет стойкое впечатление, что в Министерстве по делам колоний либо не считали африканские территории готовыми к суверенному статусу, либо были не готовы идти по пути деколонизации в самое ближайшее время. Скорее всего, в своих выводах колониальное ведомство руководствовалось и теми, и другими соображениями, однако симптоматичной была оговорка экспертов о том, что дарование независимости допустимо, когда национально-освободительная борьба уже не оставляет других возможностей [1, с. 22–27]. При этом авторы обзора считали вполне вероятным предоставление самоуправления вплоть до суверенитета даже тем территориям, которые имели стратегическое значение для метрополии. Среди них в документе фигурировали Нигерия, Уганда, Кения, Танганьика и Занзибар, имевшие военные базы и коммуникации мирового значения [1, с. 16].

В сентябре 1957 г. Г. Макмиллан ознакомился с докладом экспертов, ставшим результатом работы Н. Брука, возглавлявшего правительственный Комитет по колониальной политике. Основной посыл документа состоял в том, что нарушение связей внутри империи и ее сокращение сами по себе не представляли большой проблемы для страны. Скорее, речь шла о том, в какой форме и на какой основе Британия сможет сохранить отношения уже с бывшими колониями после обретения ими независимости. Эксперты предлагали задуматься над вопросом, каким странам продолжать, а каким отказать в грантовой и иной финансовой помощи после предоставления независимости. Правительству рекомендовалось при решении этого вопроса исходить из стратегической пользы территории и, при необходимости, вовлечь в политику развития страны Содружества [1, с. 28–31, 34–35].

Финансовое положение страны и кризис платежного баланса наряду с низкими темпами экономического роста объективно вынуждали британское правительство пересматривать свои колониальные и постколониальные обязательства и внимательно отслеживать готовность колоний к самоуправлению и независимости. В Форин оффис выработали свой взгляд на эти проблемы, согласно которому Великобритания, даже с учетом ее экономических сложностей, оставалась страной с мировыми обязательствами и глобальным влиянием. Однако для того чтобы и дальше поддерживать такой статус, действительно требовался пересмотр существующих расходов и сокращение международных обязательств [1, с. 39].

Свое видение этого вопроса изложили и другие заинтересованные ведомства – Министерство по делам колоний и Министерство по делам Содружества. Симптоматично при этом, что ни одно из ведомств не оказалось способным назвать источники значительной экономии средств. Существующие обязательства страны практически не подвергались сомнению в трех обозначенных министерствах, что свидетельствовало о нежелании правительственных кругов принять тот факт, что страна уже не была способна – не только по финансовым причинам, но и в общей геополитической ситуации – играть прежнюю глобальную роль. Хотя в британском МИДе неохотно признавали, что поддержание «нынешнего статуса страны и ведущих позиций в мире» становилось все более затратным, вынуждая Великобританию «бежать очень быстро, чтобы остаться на прежнем месте» [1, с. 40–41].

Финансово-экономическое положение страны оставалась крайне неустойчивым. Лондон, во-первых, продолжал выплачивать послевоенные долги Вашингтону, во-вторых, в 1957 г. занял 1,6 млрд. долл. у Международного Валютного фонда и получил отсрочку от выплаты недавнего американско-канадского кредита [6]. Американские эксперты в области финансовых отношений на встрече с британскими коллегами в конце февраля 1958 г. сделали неутешительный вывод о том, что британский фунт стерлингов уже не мог удовлетворить потребности других стран для краткосрочных и долгосрочных займов и кредитов. Американская сторона настойчиво предлагала Великобритании провести девальвацию курса национальной валюты, однако британское руководство не пошло на этот шаг [6].

В сложившихся условиях кабинет Г. Макмиллана задумался о сокращении военных обязательств. В первую очередь, речь шла об уменьшении численности Рейнской армии в связи с отказом западногерманского правительства содержать британские военные силы [6, с. 456]. В мае 1958 г. ФРГ все же согласилась частично (на треть – в размере 12 млн. ф.ст. ежегодно) оплачивать содержание Рейнской армии [8, с. 137]. В Форин оффис решили взять на себя остальные расходы, что во многом объяснялось политическими мотивами: сокращение Рейнской армии потенциально могло создать угрозу прочности Североатлантического блока и единству западноевропейских стран [1, с. 49].

В целом, в оборонных вопросах военные эксперты Великобритании по-прежнему исходили из приоритетности ядерного оружия как основного элемента системы безопасности страны. Соединенное Королевство все еще оставалось единственным из европейских государств, владевшим секретами производства атомной и водородной бомб. Хотя британское руководство рассматривало свое членство в «клубе атомных держав» как политическое преимущество, использовать его в своих интересах, как покажут итоги британских инициатив в сфере европейской интеграции, не удастся.

Расходы Великобритании на атомную программу составляли около 20 % (290 млн. ф.ст.) оборонного бюджета страны. Возможности сократить такие траты эксперты видели только в статье военных разработок, составлявших 15 % всех расходов (240 млн. ф.ст) [1, с. 49–50]. В условиях нехватки средств в документе выражалась надежда на помощь США, без которых вся оборонная система Великобритании и европейских стран была немыслима.

В 1958 г. США приняли поправки к существующему законодательству в атомной области, согласно которым англо-американское сотрудничество в этой сфере стало возможным в полной мере [9, с. 107]. Партнерство двух стран в атомной сфере дополняло «концепцию взаимозависимости» и ставило Великобританию «в отношениях с США в особое положение с точки зрения третьих держав» [9, с. 109]. В долгосрочной перспективе, как покажут события, такое привилегированное положение Великобритании обернется для нее серьезными трудностями в отношениях с Францией.

В конце 1950-х гг. британские правительственные круги начинают все больше сосредоточивать свои усилия на укреплении Содружества в системе традиционных

внешнеполитических приоритетов. Хотя по определению эта организация, прекратившая именоваться Британским Содружеством после вхождения в нее в качестве республик Индии и Пакистана, не могла являться адекватной заменой империи, в условиях холодной войны она приобрела особое значение. В Министерстве по делам Содружества – относительно новом ведомстве – рассматривали эту организацию как ключевой элемент в защите освободившихся от колониальной зависимости стран от «прокоммунистической ориентации» [1, с. 41–42].

Вопрос состоял в том, каким образом усилить Содружество и сделать его более привлекательным для обретавших независимость государств. В профильном министерстве считали, что следует укреплять существующую систему имперских преференций и стерлинговую зону. В то же время среди экспертов Министерства по делам Содружества было понимание того, что эти экономические скрепы Великобритании и ее владений – бывших и настоящих – должны и неизбежно будут подвергаться модификации и обновлению в условиях процессов деколонизации [1, с. 42].

В Министерстве по делам Содружества также считали, что при выстраивании колониального курса следует идти в ногу со временем, не замедляя, но и не ускоряя темпов освобождения колоний и их подключения к Содружеству [1, с. 42–43]. Эксперты в Форин оффис в своих оценках выражали мнение, что дарование независимости лишь несущественно облегчит финансовое положение Лондона, но вполне может ослабить престиж страны. Любопытно при этом, что в качестве возможных источников экономии финансовых средств в британском МИДе называли социальную, а не внешнеполитическую сферу [1, с. 43].

Такие соображения были объяснимы. Великобритании требовалось все больше средств на поддержание своих международных обязательств даже в сокращенном объеме. Планы же по укреплению Содружества и прозападной ориентации стран, входивших в эту организацию, предусматривали увеличение финансовых расходов на так называемые инструменты «мягкой силы» – поддержку образовательных, социальных, культурных и других программ.

Стоило также учитывать интенсификацию политики США в делах африканского континента. В июле 1958 г. в качестве одного из отделов Госдепартамента было создано специальное Бюро по африканским делам. Это решение Вашингтона во многом символизировало отход американского правительства от рассмотрения Африки как второстепенного региона. Учреждение Бюро явилось выражением линии США на осуществление политики финансовой помощи и технического содействия африканским странам с целью противодействия деятельности СССР. Выражением этой стратегии, разрабатывающейся со второй половины 1950-х гг., стал ряд поездок в африканские государства членов Конгресса и вице-президента Р. Никсона в 1957 гг [10, с. 29–30].

Официально США начали оказывать помощь в 1950 г., когда Конгресс принял Акт о международном развитии (Act for International Development). Помощь развивающимся государствам рассматривалась в Белом доме как способ продвижения экономических и национальных интересов США в сфере безопасности. Главный аргумент экономической помощи состоял в том, что она сможет «трансформировать угрозу экономического хаоса в долгосрочные возможности». Рынки развивающихся

ся стран занимали 40 % экспортных рынков США. В свою очередь, в Вашингтоне с большим интересом относились к возможности импорта из африканских стран горных пород и металлов – кобальта, боксита, марганца и других [11, с. 22–24].

В апреле 1958 г. в столице Ганы Аккре прошла первая конференция суверенных африканских государств, в декабре дополненная встречей всех народов Африки. Обе конференции, имевшие откровенно антизападный оттенок, были посвящены вопросам борьбы с колониализмом.

За год до этих событий началось сближение Ганы с СССР. Советская делегация была приглашена на празднование первой годовщины независимости этой африканского государства [12, с. 179–181]. Осенью–зимой 1957 г. – начале 1958 г. в Гане находился директор Института этнографии И. И. Потехин, имевший ряд встреч с ганскими политиками. По его впечатлениям, страна была настроена антибритански, ее лидера К. Нкруму не устраивала навязанная Англией «плохая конституция» и он мечтал об установлении республики [12, с. 179–182]. По сути, речь шла о пересмотре конституции таким образом, чтобы ограничить демократию и установить диктатуру по типу египетской [12, с. 182]. Однако в целом советско-ганские связи складывались не просто: внутри страны наблюдалась борьба между сторонниками и противниками сближения с СССР. Так, политический советник К. Нкрумы Дж. Педмор был настроен резко антикоммунистически и исповедовал panaфриканские идеи, направленные на «создание под руководством Ганы африканского блока, противостоящего не столько империалистическому блоку, сколько социалистическим странам» [12, с. 183].

В Британии с большим вниманием относились к действиям Москвы в Африке. Атташе посольства СССР в Лондоне Н. А. Макаров в июне 1958 г. докладывал в МИД СССР, что поездка советской делегации на празднование торжеств по случаю независимости Ганы создает благоприятную почву для взаимного сотрудничества, однако в течение 1958 г. советско-ганские отношения развивались медленно. Н. А. Макаров связывал такое положение с тем, что Гана сильно зависит от бывшей метрополии и боится «испортить свои отношения с Англией и США и тем самым уменьшить шансы на получение их экономической помощи в результате установления нормальных дипломатических, торговых и иных отношений с Советским Союзом» [12, с. 184].

В 1958 г. СССР установил дипломатические отношения с Гвинейской республикой, освободившейся от колониальной зависимости от Франции. В 1959 г. Москва начала оказывать этой стране экономическую помощь. Гвинея получила безвозмездную помощь в виде дара советского правительства в размере 7,5 млн руб. в экспортных ценах и кредит на сумму 140 млн. руб. из расчета 2,5 годовых, сроком на 12 лет [12, с. 222–223].

Тем не менее сближение с Москвой молодых африканских государств не означало, что они порывали связи со своими метрополиями. Обретающие суверенный статус страны позволяли себе антиколониальные выпады, в основном только на уровне риторики, на практике воздерживаясь от ухудшения отношений с бывшими метрополиями. Так, президент Гвинеи Секу Туре, как и президент Ганы, считал, что следует «обменяться дипломатическими представительствами хотя бы с

одной капиталистической страной, так как если Гвинея начнет с обмена дипломатическими представительствами с социалистическими странами, то Франция может обвинить ее в присоединении к социалистическому лагерю и, объединившись единым фронтом с Англией и США, попытается задушить Гвинейскую Республику» [12, с. 201].

Отражением тревоги британских правящих кругов в отношении судьбы Африки стала идея оформления военного пакта африканских государств. В мае 1958 г. премьер-министр Центрально-Африканской Федерации Р. Веленский представил проект такого военного союза, с которым ознакомились в Форин оффис, Министерстве по делам колоний и Министерстве по делам Содружества [1, с. 239].

Комментарии к плану Р. Веленского трех указанных ведомств показывали, что идея ассоциации африканских стран на военной основе вызвала глубокий скепсис у экспертов. Страны региона южнее Сахары преимущественно были слабо развитыми и могли сплотиться, например, вокруг ЮАС, однако существующий в Южно-Африканском союзе режим апартеида вряд ли делал возможным участие этой страны в военной организации.

Идея военного пакта шла вразрез и с курсом Великобритании на поддержание своих обязательств в стратегически значимых странах и регионах мира. В Африке к таковым районам преимущественно относилась только северная часть континента, входившая в регион Ближнего Востока. Территории Тропической Африки скорее имели важность с точки зрения природных ресурсов и поддержания политических связей с ними в условиях холодной войны. При этом британское руководство не отказывалось от поддержания своих вооруженных сил на востоке и центре Африки для охраны нефтяных ресурсов в Персидском заливе и на Аравийском полуострове.

Наибольшее внимание Великобритании в этот период привлекали усилия Франции, Бельгии и Нидерландов по развитию ассоциированного членства со своими колониями и освободившимися государствами в рамках оформленного в марте 1957 г. ЕЭС [1, с. 239]. Общий рынок устанавливал «особые отношения» с этими территориями и предоставлял им преференциальный режим по сбыту своих – главным образом, сельскохозяйственных товаров – на европейских рынках. Такая модель позволяла в новой, и как считали некоторые африканские страны (например, Гана), «неоколониальной» форме поддерживать и развивать торгово-экономические связи с распадающимися осколками европейских империй.

В июне 1959 г. правительственный Комитет по колониальной политике подготовил анализ прогностического характера, посвященный перспективам развития африканского континента до 1969 г [1, с. 113]. Документ был выстроен в регионально-географическом разрезе с делением на Западную Африку с преимущественно «черным» населением и Восточную, Центральную и Южную Африку с незначительным процентом «белых» жителей. Обе части имели свои различия, как в темпах конституционных изменений, так и области развития экономики [1, с. 114].

Эксперты считали, что, хотя в странах континента налицо все признаки политического бурления, обретение суверенного статуса африканскими территориями не даст им желаемой свободы и процветания. Авторы документа предрекали, что

в регионе южнее Сахары предоставление независимости может спровоцировать волну междоусобных и племенных войн, не говоря уже о повторении политики апартеида наподобие ЮАС.

При этом в анализе содержалось ясное предупреждение о том, что выстраивание отношений с обретшими суверенный статус территориями будет осложнено в связи с тенденцией африканских стран рассматривать любые действия колониальных властей как проявление неокOLONIALИЗМА и усилением на этом фоне пропагандистской политики СССР. Чтобы не дать СССР закрепиться в странах Африки, эксперты рекомендовали проводить максимально гибкий курс, в том числе по оказанию финансовой помощи, не задевая «гордость» молодых африканских стран [1, с. 119–121].

В связи с возможными сложностями, которые могли возникнуть при использовании наземных коммуникаций военного характера в восточной части Африки в случае дарования странам этого региона независимости, аналитики высказали идею о создании альтернативных баз и других объектов на территории более дружественных государств, например, Гамбии и Сьерра-Леоне. Однако реализация таких замыслов вовлекала дополнительные финансовые траты, в которых Британия не была заинтересована [1, с. 122].

Сроки предоставления независимости африканским колониям в аналитическом обзоре не оговаривались, за исключением Нигерии и Сьерра-Леоне, которым уже был обещан суверенный статус. В большинстве слабо развитых африканских колоний, по мнению экспертов, существовали проблемы «запоздалого» экономического развития и межрасовых конфликтов. В особо острой форме эти трудности проявлялись в Центральноафриканской федерации (ЦАФ), созданной в 1953 г. путем объединения Северной Родезии, Южной Родезии и Ньясаленда и основанной на власти «белого» меньшинства.

Впоследствии британские власти пытались распространить идею федерации на другие страны африканского континента и регионы мира для ослабления градуса национально-освободительной борьбы, устранения противоречий этническо-религиозного характера и построения стабильной политической системы [13, с. 90].

Однако довольно скоро стало очевидно, что эта идея не работает. Развал ЦАФ начался уже в 1959 г. с восстановления в Ньясаленде и стремления «белого» меньшинства в Южной Родезии любым путем удержать власть под натиском местного населения. Эксперты уточняли, что складывающееся положение дел в Африке грозит ущербом престижу страны, особенно в условиях пристального внимания со стороны мировой общественности к действиям европейских метрополий. Для Британии было важно, чтобы именно ее, а не Францию и Бельгию, рассматривали как наиболее прогрессивную в колониальной сфере державу, способную и готовую идти на уступки [1, с. 124–125].

Эксперты считали, что следовало также подумать, над синхронизацией своих действий по освобождению колоний, насколько возможно, с аналогичными действиями других колониальных держав [1, с. 124–125]. В этой связи они вновь выражали тревогу по поводу установления «особых отношений» между ЕЭС и африканскими территориями, в результате которого европейский капитал мог хлынуть на континент в большем, чем прежде, объеме. Среди правительственных

экспертов существовало также опасение, что статьи Римского договора о введении таможенных барьеров против третьих стран может негативно сказаться как на самой Великобритании, так и ее колониальных территориях [1, с. 132].

В июне 1959 г. лорд Хьюм по поручению главы кабинета подготовил документ, в котором рассматривались вопросы конституционного развития Африки [1, с. 161]. Целью колониальной политики страны в меморандуме значилась помощь в обретении африканскими колониями сначала самоуправления и только потом независимости. Причем в качестве критерия для освобождения колоний была названа способность территории «стоять на своих собственных ногах». По сути, лорд Хьюм предлагал придерживаться своеобразной триады в вопросах конституционного развития колоний: самоуправление – независимость – Содружество. Также министр по делам Содружества указывал, что образцом конституционного развития не обязательно должна была выступать Вестминстерская модель, но считал жизненно важным введение принципов прав и свобод личности [1, с. 161].

Существенно ограничивала возможности некоторой «демократизации» колониальной политики активизация проимперских групп давления – переселенческого лобби, кипрской группы, группы по расширению Содружества. Впрочем, действия самого министра по делам колоний отличались умеренностью и осторожностью. А. Леннокс-Бойд считал, что большинство имперских владений Великобритании объективно не будет готово к независимости в ближайшее десятилетие [14, с. 365].

Парламентские выборы осени 1959 г. подтвердили значимость колониальной политики страны. Трудности, с которыми правительство столкнулось при решении Кипрской проблемы¹ и распаде Центрально-Африканской Федерации привлекли общественное внимание как внутри страны, так и за ее пределами, активизировав оппозиционные силы. В ходе предвыборной кампании лейбористская партия декларировала, что «будущее Африки внушает такие же опасения, какие внушала Индия в 1945 г.» [15, с. 187].

В разделе предвыборной платформы «Наш долг в заморских территориях» тори излагали намерения метрополии двигаться вперед по пути освобождения зависимых территорий и оказания помощи им в построении «государственности» в рамках Содружества [16]. Независимость была обещана Нигерии и странам Восточной Индии. В отношении мультирасовых обществ, особенно в связи с разработкой конституции для Федерации Родезии и Ньясаленда, консерваторы ставили цель «создания общин, которые защищают права меньшинств и свободны от любой дискриминации по признаку расы или цвета кожи» [16].

Общая тональность документа в этой части заметно отличалась от предвыборной программы консерваторов 1955 г. тем, что в ней ни разу не прозвучал термин «коло-

---

¹ С 1878 г. Кипр перешел под владение Великобритании. После Второй мировой войны британское правительство неоднократно прилагало усилия разрешить существовавший на острове конфликт между греками-киприотами и турками-киприотами. В феврале 1959 г. на конференции в Швейцарии в Цюрихе министры иностранных дел Великобритании, Греции и Турции подписали предварительное греко-турецкое соглашение. На конференции в Лондоне стороны согласились на предоставление Кипру политической независимости при соблюдении самоуправления общин и гарантии со стороны трех заинтересованных государств.

нии». Тори явно стремились показать, что они готовы к дарованию независимости и будут строить партнерские отношения с получившими и обретающими суверенный статус странами в рамках Содружества. Консерваторы обещали увеличить финансовую помощь для обучения учителей и облегчить распространение британской литературы в рамках новой схемы по обмену учеными и стажировкам внутри Содружества. Содержалось также обещание сделать более доступными займы и гранты странам Содружества. В целом, программа свидетельствовала о намерении Г. Макмиллана продолжать взятый курс на деколонизацию. Победа тори на этих выборах позволила им реализовать предвыборные обещания и продолжить начатый курс.

Таким образом, в период первого кабинета Г. Макмиллана наметились изменения в колониальной сфере. Консерваторы, продолжая осмысливать глубокие последствия Суэцкого кризиса и колониального опыта других стран, прежде всего Франции с провалом в Индокитае и продолжающейся войной в Алжире, начали пересмотр некоторых установок в имперской сфере, фактически признав неизбежность деколонизации. Такое понимание колониальных дел не означало ослабление контроля, скорее наоборот, следовало максимально пристально отслеживать происходящие процессы с тем, чтобы сохранить освобождающиеся территории в британской и в целом западной орбите влияния в условиях холодной войны. Внимательное отношение лично Г. Макмиллана к этим вопросам показывало, что премьер-министр взвешивал каждое решение, стараясь чутко реагировать на ход времени и стремительные изменения роли освободившихся афро-азиатских государств в мировых делах и позиции двух сверхдержав.

Литература

1. British Documents on the End of Empire (BDEE). Series A. Vol. 4. The Conservative Government and the End of Empire, 1957-1964. Part I. High Policy, Political and Constitutional Change. Ed. by R. Hyam, W.R. Louis. L. : The Stationery Office, 2000. CIX, 825 p.
2. Гайдук И. В. В лабиринтах холодной войны: СССР и США в ООН, 1945-1965 гг. М.: ИВИ РАН, 2012. 340 с.
3. Россия и Африка. Документы и материалы. Т. II. 1918–1960 / Под ред. А. Б. Давидсона и С. В. Мазова. М. : РАН, Институт всеобщей истории, Центр африканских исследований, 1999. 398 с.
4. Хахалкина Е. В. Гарольд Макмиллан и «Год Африки»: подули ли новые ветры над континентом? // Новая и новейшая история. 2016. №4. С. 60–74.
5. BDEE. Series A. Vol. 4. The Conservative Government and the End of Empire, 1957–1964. Part II. Economics, International Relations, and the Commonwealth. Ed. by R. Hyam, W. R. Louis. L., 2000.
6. Foreign Relations of the United States (FRUS). 1958-1960. Foreign Economic Policy. Vol. IV. 24 February, 1958 [Электронный ресурс]. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1958-60v04/d32>
7. British imperial policy and Decolonization. 1938-1964. Vol. 2. 1951-1964. Ed. by A. N. Porter, A. J. Stockwell. L. : Palgrave Macmillan, 1989. 601 p.
8. Bartlett C. J. The Long Retreat. A Short History of British Defence Policy, 1945-1970. L. : Macmillan, 1972. XIII, 306 p.
9. Трухановский В. Г. Английское ядерное оружие. Историко-политический аспект. М.: Международные отношения, 1985. 232 с.
10. Мазов С. В. Политика СССР в Западной Африке, 1956–1964: Неизвестные страницы истории холодной войны. М. : Наука, 2008. 337 с.
11. Africa Tomorrow: Issues in Technology, Agriculture and U.S. Foreign Aid – A Technical Memorandum. Washington, D. C. : Congress of the United States, Office of Technology Assessment, 1984. VII, 145 p.

12. Россия и Африка. Документы и материалы. Под ред. А. Б. Давидсона, С. В. Мазова. Т. II. 1918-1960 гг. М. : РАН, Институт всеобщей истории, Центр африканских исследований, 1999. 398 с.
13. *Maudling R. Memoirs*. L.: Sidgwick and Jackson, 1978. 288 p.
14. *Goldsworthy D. Colonial Issues in British Politics. 1945–1961*. From “Colonial Development” to “Wind of Change”. Oxford: Clarendon Press, 1971. XIII, 425 p.
15. *Hargreaves J. D. Decolonization in Africa*. L., N.Y. : Longman, 1988. XVI, 263 p.
16. 1959 Conservative Party General Election Manifesto [Электронный ресурс]. URL: <http://www.conservativemaneffesto.com/1959/1959-conservative-manifesto.shtml>

References

- Africa Tomorrow: Issues in Technology, Agriculture and U.S. Foreign Aid – A Technical Memorandum*. (1984). VII, 145 p. Washington, D. C. : Congress of the United States, Office of Technology Assessment.
- Bartlett, C. J. (1972). *The Long Retreat. A Short History of British Defence Policy, 1945-1970*. XIII, 306 p. London, Macmillan.
- Hyam, R., Louis, W. R. (Eds.). (2000). *British Documents on the End of Empire (BDEE). Series A. Vol. 4. The Conservative Government and the End of Empire, 1957-1964. Part I. High Policy, Political and Constitutional Change*. CIX, 825 p. London, The Stationery Office.
- Hyam, R., Louis, W. R. (Eds.). (2000). *British Documents on the End of Empire (BDEE). Series A. Vol. 4. The Conservative Government and the End of Empire, 1957-1964. Part II. Economics, International Relations, and the Commonwealth*. London, The Stationery Office.
- Davidson, A. B., Mazov, S. V. (Eds.). (1999). *Rossiiia i Afrika. Dokumenty i materialy. T. II. 1918-1960 gg.* [Russia and Africa. Documents and Materials. Vol. II. 1918-1960]. Moscow, RAN, Institut vseobshchei istorii, Tsentr afrikanskikh issledovani, 1999. 398 p.
- Foreign Relations of the United States (FRUS). 1958-1960. Foreign Economic Policy. Vol. IV.* (1958). 24 February, 1958. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1958-60v04/d32> (mode of access: 16.03.2017).
- Gaiduk, I. V. (2012). *V labirintakh kholodnoi voiny: SSSR i SShA v OON, 1945–1965 gg.* [In the labyrinths of the Cold War: The USSR and the USA in the UN, 1945–1965]. 340 s. Moscow, Institut vseobshchei istorii RAN.
- Goldsworthy, D. (1971). *Colonial Issues in British Politics. 1945-1961. From “Colonial Development” to “Wind of Change”*. XIII, 425 p. Oxford: Clarendon Press, 1971.
- Hargreaves, J. D. (1988). *Decolonization in Africa*. XVI, 263 p. London, New York: Longman.
- Khakhalkina, E. V. (2016). Garol'd Makmillan i “God Afriki”: poduli li novye vetry nad kontinentom? [Harold Macmillan and “Year of Africa”]. In *Novaia i noveishaia istoriia*, 4, pp. 60–74.
- Maudling, R. (1978). *Memoirs*. 288 p. London, Sidgwick and Jackson.
- Mazov, S. V. (2008). *Politika SSSR v Zapadnoi Afrike, 1956-1964: Neizvestnye stranitsy istorii kholodnoi voiny* [Policy of the USSR in West Africa (1956-1964): Unknown Pages of the Cold War History]. 337 p. Moscow, Nauka.
- Porter, A. N., Stockwell, A. J. (Eds.). (1989). *British imperial policy and Decolonization. 1938-1964. Vol. 2. 1951-1964*. 601 p. London, Palgrave Macmillan.
- Trukhanovsky, V. G. (1985). *Angliiskoe iadernoe oruzhie. Istoriko-politicheskii aspekt* [British Nuclear Weapons (Historical-Political Aspect)]. 232 p. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia.
- 1959 Conservative Party General Election Manifesto*. (1959). URL: <http://www.conservativemaneffesto.com/1959/1959-conservative-manifesto.shtml> (mode of access: 15.04.2017).

The article was submitted on 10.04.2017

УДК 811.581'27(07) + 811.581'35(07) + 003.212(07)

А. Л. Мышинский

ИЗУЧЕНИЕ КИТАЙСКИХ ИЕРОГЛИФОВ: ПРОБЛЕМЫ И МЕТОДЫ

Аннотация: В статье проанализованы методы, обеспечивающие понимание иероглифов русскими студентами. Учебники китайского языка зачастую пишутся «для всех иностранцев вообще». Главной проблемой таких учебников является отсутствие связи между китайским языком и родным языком учащегося. Восприятие же китайского языка русскими студентами определяется особенностями русского языка. Целью русского преподавателя китайского языка является демонстрация структуры иероглифа и китайского слова. Для этого в основном используются два метода: 1) демонстрация связи между этимологией иероглифа и его написанием; 2) определение связи между семантикой иероглифа и его написанием. Так, чтобы продемонстрировать структуру иероглифа «*ци*» («жена») преподавателю следует сообщить студентам, что верхняя часть иероглифа означает собой «руку, держащую волосы», а нижняя часть – женщину. Только муж может касаться длинных волос женщины, поэтому данный иероглиф означает жену. Кроме того, иероглиф «*ци*» может интерпретироваться как «женщина, которая в руке держит метлу», а также указывать на древний обычай похищения невесты. Чтобы проанализировать структуру современного китайского слова, необходимо информировать студентов об основных типах связи его частей. Как правило, можно ограничиться сочинительным, подчинительным, субъект-объектным и определительным типом связи. Следует продемонстрировать студентам структуру иероглифа и слова. В статье приводятся упражнения, позволяющие студентам усваивать иероглифы посредством изучения иероглифических ключей. Анализируются распространенные ошибки при написании иероглифов.

Ключевые слова: китайский язык, китайский иероглиф, китайское слово, методы преподавания китайского языка, проблемы изучения китайского языка.

Aleksey L. Myshinskiy

LEARNING OF CHINESE CHARACTERS: PROBLEMS AND METHODS

Abstract: The article analyzes the methods that had determined understanding Chinese characters by the Russian students. The usual way to write guides to Chinese language is to write so called “for all foreigners guide”. The main problem of these guides is some lack of connection between Chinese and native language of students. Perception of Chinese by Russians students depends on specific features of Russian language. The aim of the Russian teacher of Chinese language is to demonstrate structure of the characters and words. We are developing some methods to demonstrate its. There are two methods to describe the structure of Chinese character: 1) depict relationships between etymology of a Chinese character and its drawing; 2) depict relationships between semantics of a Chinese character and its drawing. To explain the “*qi*” character which means “wife”, we have to inform students that the upper part indicates the “hand

holds hair” and the bottom indicates “woman”. Her husband could only touch woman’s long hair so the “*qi*” character indicated married woman. Moreover, the “*qi*” character means the woman who in her hand holds a broom. Otherwise, it means the custom that the bridegroom pretended to kidnap his bride in primitive times. To describe the structure of modern Chinese word teacher have to say about all kinds grammatical links between each character of the word (between two parts of the word). There are coordination, subordination, modifier, subject-object types of link between two components of Chinese word. The author develops a system of exercise to make students remember a great number of Chinese characters with meaning of each hieroglyphic key. Common errors in writing Chinese also analyzed.

Key words: Chinese language, Chinese character, Chinese word, methods of teaching Chinese language, problems of leaning Chinese language.

В составе дружного коллектива китаистов мне выпала честь преподавать китайский язык на Кафедре востоковедения Департамента международных отношений Института социально-политических наук Уральского федерального университета. Методические приёмы, сформировавшиеся за годы работы, которыми хотелось бы поделиться представлены в рамках настоящей статьи.

Краткое описание. Китайский язык у студентов департамента – основной восточный язык. Учебный план предполагает 8 – 10 аудиторных часов китайского языка в неделю на первом курсе, на втором – по 8 часов, на третьем курсе – по 8 часов неделю, на 4-м – по 8 – 10 часов. Совместно со старшим преподавателем кафедры Н. В. Ду обычно делим обязанности на младших курсах. На ее долю приходится фонетика, на мою – иероглифика.

Рассматриваемые аспекты иероглифики. Кроме непосредственно графического образа иероглифа я стараюсь анализировать связь графики с этимологией и семантикой.

Так, обращаясь к этимологии и графике, на доске легко нарисовать трехпалую лапу, которая держит кусок мяса. За многие века этот рисунок преобразился в иероглиф 有 – «иметь».

При анализе иероглифа 妻 – «жена» – легко изобразить на доске фигурку женщины, а сверху – пучок ее волос, который держит все та же трехпалая лапа. Это лапа мужа. Только муж может трогать волосы жены.

То же самое я делаю, когда анализирую полный иероглиф 写 – «писать», «орудие письма». Это трехпалая лапища, которая держит кисть ворсом вниз. Удобно отсылать студентов к популярному электронному словарю «Вэньлин» 文林, в котором много внимания уделяется связи этимологии иероглифа и графики [7]. Знание этимологии помогает усвоить графику знака.

Объясняя связь семантики и графики, например, при анализе слова 银行 – «банк» – можно указать, что первый иероглиф означает «серебро», а второй – «ряд». 银行 означает «серебряный ряд», (ср. «калашный ряд», «охотный ряд»), где производился обмен валюты с процентами. На «серебро» в левом иероглифе указывает ключ «металл». Графика правого иероглифа указывает на некий перекресток, по которому «рядами» осуществляется движение. Для такого анализа я также часто использую словарь «Вэньлин» 文林 и рекомендую его студентам.

Примеры упражнений, показавших свою эффективность. Я придерживаюсь традиционной методики, предполагающей определенную последовательность: вначале – изучение черт китайской каллиграфии, затем – изучение иероглифических ключей, и, наконец, изучение иероглифов. Система моих упражнений соответственно, разбита на три этапа. Ниже поэтапно приведены примеры разработанной мной системы упражнений.

Первый этап. Черты китайской каллиграфии

Упражнение 1.

В каждом вопросе выберите один правильный ответ. В каждом вопросе – только один правильный ответ. В каждом вопросе правильный ответ есть.

1. Найдите ключ, соответствующий «словесному портрету»: откидная влево, откидная вправо.

А) сила 力 lì Б) нож 刀 dāo В) идущий человек 儿 éг Г) человек 人 rén.

2. Найдите ключ, соответствующий «словесному портрету»: точка вправо; точка влево; откидная влево; откидная вправо.

А) огонь 火 huǒ Б) делать 为 wéi В) маленький 小 xiǎo Г) вершок, цунь 寸 cùn.

3. Найдите ключ, соответствующий «словесному портрету»: откидная черта влево; вертикальная – изогнутая – крюк.

А) идущий человек 儿 éг Б) вечер 夕 xī В) частный, личный 厶 sī Г) столик, несколько 几 jǐ.

4. Найдите ключ, соответствующий «словесному портрету»: вертикальная; горизонтальная ломаная; горизонтальная; горизонтальная.

А) почва 土 tǔ Б) солнце 日 rì В) луна 月 yuè Г) дерево 木 mù.

5. Найдите ключ, соответствующий «словесному портрету»: горизонтальная ломаная; вертикальная с крюком; горизонтальная.

А) ребенок, сын 子 zǐ Б) нож 刀 dāo В) труп 尸 shī Г) рука 手 shǒu.

6. Найдите ключ, соответствующий «словесному портрету»: вертикальная, точка вправо.

А) гадать 卜 bǔ Б) обрыв 厂 В) два 二 èr Г) черпак, кинжал 匕 bǐ.

7. Найдите ключ, соответствующий «словесному портрету»: точка влево, лежащая черта, точка вправо, точка вправо

А) глаз 目 mù Б) рот 口 kǒu В) ухо 耳 ěr Г) сердце 心 xīn.

8. Найдите ключ, соответствующий «словесному портрету»: горизонтальная, вертикальная, горизонтальная.

А) женщина 女 nǚ Б) огонь 火 huǒ В) нож 刀 dāo Г) почва 土 tǔ.

Упражнение 2.

Составьте «словесные портреты» иероглифов и определите, какие черты отличают их друг от друга.

了 liǎo закончить

子 zǐ ребёнок

子 jíé сирота

𧈧 jué личинка комара

予 yú я (древнее)

Тип этих упражнений я заимствовал из учебника Т. П. Задоевко и Хуан Шуин [2, с. 134], однако в отличие от авторов этого учебника, я непременно указываю перевод иероглифа и *пиньинь*. Во-первых, это избавляет меня от необходимости писать все на доске. Во-вторых, я могу использовать эти же упражнения для чтения вслух. В-третьих, я могу контролировать темп работы студентов на русском языке, точно указывая им, какой иероглиф мы анализируем, и избегать указаний наподобие: «ну вон та черная закорючка – пятая слева во второй строчке».

Упражнение 3.

№	Иероглиф	<i>Пиньинь</i>	Кол-во черт в этом иероглифе (цифрой)	2-я черта в этом иероглифе (написать черту отдельно)	Русское название 2-й черты	Направление 2-й черты (стрелкой)	Перевод отдельного иероглифа
1	送						
2	给						
3	找						
4	子						
5	今						
6	年						
7	岁						
8	样						
9	天						
10	课						
11	星						
12	期						
13	上						
14	午						

Тип этих упражнений заимствован мною из сборника упражнений И. В. Кочергина и Хуан Лилян [4]. Я адаптировал его к учебнику, по которому мы занимаемся на 1-2 курсах, и добавил несколько дополнительных столбцов: нумерацию строчек, русское название последней черты, направление черты, *пиньинь*, перевод. Обычно я даю студентам несколько минут на выполнение этого задания, а потом мы разбираем его в аудитории. В инструкции к упражнению можно уточнить, над какой чертой иероглифа предстоит работать в рамках задания.

Второй этап

Иероглифические ключи.

Начнем с самого занимательного упражнения.

Упражнение 4.

«В виде предположения, хотя бы и химерически, можно представить себе, что если бы культура монголов не стала сразу же в то враждебное отношение к китайской, о которой уже приходилось упоминать, то русская письменность под их давлением точно также подчинилась бы китайской графике, как японская, и мы писали бы теперь иероглифически: 言ком (ком с определителем «слова») = команда; 虫ком (ком с определителем «насекомого») = комар; 木ком (ком с определителем «дерева») = комод и т. д.» [1, 46-47].

В этих рассуждениях, принадлежащих академику Василию Михайловичу Алексееву (1881–1951) «определитель» означает тот компонент иероглифа, который указывает на класс предметов: «слово», «насекомое», «дерево». Этот компонент иероглифа часто называют «ключ». Слог «ком», использованный акад. В. М. Алексеевым, соотносится с приблизительным чтением иероглифа. Его называют «фонетик».

В данном случае фонетик указывает на начало русского слова. Иероглиф, в котором одна часть соотносится с классом обозначаемых предметов, а вторая – с приблизительным чтением, называется «фоноидеограмма», то есть «звук – понятие – запись». В современном китайском языке иероглифов этого типа – более 80 %. Можно продолжить ряд, начатый акад. В. М. Алексеевым, и сконструировать ряд «русских иероглифов». Левая часть такого иероглифа будет указывать на класс обозначаемых предметов, а правая – на первый слог слова.

Приведем приблизительный текст задания:

Определите, какие русские слова записаны «иероглифически» ниже (все приведенные примеры – выдуманные, но все китайские ключи и их значения в китайской и японской иероглифике – настоящие).

1. 貝ком (ком с ключом 貝 – «раковина, сокровище») (раковины *каури* использовались в Древнем Китае как деньги).

2. ㄩком (ком с ключом 水 «вода»).

3. 方ком (ком с ключом 方 «квадрат», «сторона света»).

4. 土ком (ком с ключом 土 «земля», «почва»).

5. 尸ком (ком с ключом 尸 «труп»).

6. 士ком (ком с ключом 士 «воин»).

7. ㄛком (ком с ключом 衣 «одежда»).

8. 口ком (ком с ключом 口 «рот»).

9. 石ком (ком с ключом 石 «камень»).

10. 亻ком (ком с ключом 人 «человек»).

11. 女ком (ком с ключом 女 «женщина»).

12. 音ком (ком с ключом 音 «звук»).

13. 穴ком (ком с ключом 穴 «пещера»).

14. 目ком (ком с ключом 目 «глаз»).
15. 文ком (ком с ключом 文 «текст, письмена»).
16. 车ком (ком с ключом 車 (车) «телега, повозка»).

Это значки квази-письменности, но они удобны для объяснения структуры иероглифов, и студентам они нравятся.

(Ключи/правильные ответы: 1. коммерция; 2. компот; 3. компас; 4. комок; 5. кома; 6. командир; 7. комбинезон; 8. коммуникация; 9. комета; 10. коммунист; 11. комсомолка; 12. композитор; 13. комната; 14. компрометировать; 15. компьютер; 16. комбайн).

Существует серьезная проблема: многие начинающие китаисты уверены, что китайский иероглиф равняется тексту. Так, одна юная леди с первого курса предположила, что слово «衣ком» (ком с ключом 衣 «одежда») означает «комплект нижнего белья». Значительное количество времени уходит на то, чтобы студенты привыкли к мысли, что в современном языке отдельный иероглиф не есть текст, и даже не есть слово. Иероглиф означает слог, а слова в современном китайском языке по большей части двусложные.

Кроме всего прочего, это упражнение помогает приучить студентов к мысли, что ключ иероглифа может быть связан со значением иероглифа весьма опосредовано.

Упражнение 5. Установите соответствия.

	Графема 1	Установите соответствия, проведите стрелки		Графема 2	Весь иероглиф целиком	Пиньинь
1	木		А	可		
2	口		Б	木		
3	可		В	马		

Это элементарное упражнение. У студентов должны получиться иероглифы 林, 哥, 吗. Использование цифр в левой колонке и русских букв в правой – позволяет мне вслух разбирать с большой группой правильные ответы: 1 Б, 2 В, 3 А.

Конечно, такие задания я делаю гораздо длиннее.

Упражнение 6.

Установите соответствия между русскими словами и иероглифами с фонетиком 甬, ориентируясь на значения ключей.

1. 通 tōng   А. Пройти сквозь; проникнуть
2. 燧 tōng   Б. Болезненный; страдание
3. 捅 tǒng   В. Емкость, посуда, ведро, бак
4. 噎 tōng   Г. Бамбуковая трубка
5. 痛 tòng   Д. Проколоть, вскрыть
6. 桶 tǒng   Е. Готовить на пару
7. 箊 tǒng   Ж. Тяжелый удар; глухой звук

(Правильные ответы: 1 А; 2 Е; 3 Д; 4 Ж; 5 Б; 6 В; 7 Г).

В данном случае студентам легко объяснить, что такое «фонетик» и показать, что такое «фоноидеограмма». Некоторые строчки, например, третья и шестая, показывают, что ключ может быть связан с современным значением иероглифа опосредованно. Писать такие упражнения можно очень быстро, имея под руками словарь иероглифов. Я использую китайско-русский словарь иероглифов, составленный П. Г. Цыбенко [5].

Другим важным видом упражнения с иероглифическими ключами является «иероглифическая семья», так они названы в книге И. В. Кочергина [3]. Я предпочитаю называть такие упражнения «снежный ком». Студенту дается цепочка иероглифов, например:

皮 pí → 波 bō → 婆 pó.

Первый ключ – «кожа» – может выступать в качестве отдельного иероглифа. Далее этот ключ последовательно «обрастает» еще двумя ключами, сначала «вода» – слева, потом – «женщина» – внизу, образуя еще два иероглифа. Студентам нужно определить значение иероглифов, опираясь на значения ключей.

Упражнение 7. Установите соответствия.

1. 皮 pí	A. Волна, волнение; тревожения.
2. 波 bō	B. Мать, мамаша; мать мужа, свекровь
3. 婆 pó	B. Кожа, кора; обложка, упаковка, обертка.

Студентам нужно провести карандашом линии и найти соответствия. В большой группе это можно делать всем вместе, называя ключи, их положение в иероглифе и указывая, какую цифру мы соединяем с какой буквой: 1 В, 2 Б, 3 Б. Разумеется, такое упражнение может быть гораздо длиннее.

Упражнение может быть организовано иначе:

Упражнение 8.

Установите соответствия.

A 匕 bǐ → B 比 bǐ → C 毕 bì → D 筭 sù

1 Сравнить, сопоставлять, соревноваться	☐
2 Завершить, закончить; полностью, до конца	☐
3 Плетеная бамбуковая корзина; плетень	☐
4 Черпак, ковшик (<i>древнее</i>); кинжал, кортик	☐

Упражнение 9.

Используя значение иероглифа, определите, где именно в иероглифе находится ключ, и что он значит.

青 qīng синий; зеленый

清 qīng прозрачный

鯖 qīng скумбрия

圜 qīng отхожее место

蜻 qīng стрекоза

鯖 qīng темно-красный

情 qíng симпатия
 晴 qíng солнечный день
 氰 qíng цианистый газ
 精 jīng очищенный
 睛 jīng зрачок
 菁 jīng цветущий
 脍 jīng органическое соединение нитрил
 鯖 jīng землеройка (зоол.)
 靖 jìng спокойствие, порядок, мир
 靓 jìng украшать, наряжать
 婧 jìng изысканный

Ряд иероглифов можно продолжить. Фонетик 青 очень продуктивный. Нумерация в этом упражнении не обязательна, так преподаватель может давать чёткие указания студентам, указывая на значение иероглифа.

Это упражнение может быть организовано иначе.

Установите соответствия между русскими словами и иероглифами с фонетиком 马, ориентируясь на значения ключей.

1	吗 ma	Проведите стрелки	А	Мама; обращение к замужней женщине; няня
2	蚂 mǎ		Б	Ругать; осуждать
3	玛 mǎ		В	Мамонт
4	妈 mǎ		Г	Деревянная спинка кровати; притолока
5	杩 mǎ		Д	Вопросительная частица (в конце предложения)
6	码 mǎ		Е	Муравей
7	妈 mā		Ж	Агаг
8	骂 mǎ		З	Цифры; гири

Правильные ответы: 1 Д, 2 Е, 3 Ж, 4 В, 5 Г, 6 З, 7 А, 8 Б.

Третий этап. Иероглифы

На первом и втором курсе мы работаем по учебнику «Синь шиюн ханьюй кэбэнь» 新实用汉语课本. В начальных уроках учащимся предлагают набор так называемых «базовых иероглифов». Их нет в списке «новых слов», которыми записан учебный текст. «Базовые иероглифы» в учебнике используются для объяснения структуры сложных иероглифов. Их написание и значение приходится зубрить. Вот, например, набор «базовых иероглифов» первых четырех уроков нашего учебника.

1 урок. 一、八、力、门、也、马、女、五、木、火
 2 урок. 丁、力、又、大、口、土、六、不、尼、可
 3 урок. 人、十、匕、中、日、贝、玉、矢、生、者
 4 урок. 七、小、心、水、月、手、田、白、只、言

Вот набор иероглифов из списка «новых слов»

1 урок 林

2 урок 吗、呢、妈、哥

3 урок 她、他们、你、那、哪、娜、都、老、师、国、医、是

4 урок 认、识、语、汉、您、朋友、贵姓、叫、的

Эти знаки представляются начинающим довольно однообразными закорючками. Чтобы облегчить запоминание этих иероглифов и слов, я стараюсь организовать для них минимальный контекст: «прозрачные» двусложные слова. Студенты переводят их без словаря. При этом студенты на элементарном уровне знакомятся с принципами словообразования в современном китайском языке.

Упражнение 10.

Ориентируясь на значение и чтение каждого иероглифа, определите значение слов (新实用汉语课本, 1–4 урок).

1. 一一 (ожидаемый ответ: один за другим)
2. 一力 (ожидаемый ответ: делать все возможное)
3. 一心 (ожидаемый ответ: всей душой; единодушно)
4. 一月 (ожидаемый ответ: январь)
5. 一生 (ожидаемый ответ: вся жизнь; свой век)
6. 七十 (ожидаемый ответ: семьдесят)
7. 七月 (ожидаемый ответ: июль)
8. 也门 (ожидаемый ответ: Йемен)
9. 五一 (ожидаемый ответ: Международный день солидарности трудящихся всех стран, 1 мая)
10. 五十 (ожидаемый ответ: пятьдесят)
11. 五月 (ожидаемый ответ: май)
12. 八一 (ожидаемый ответ: День создания народно-освободительной армии Китая – 1 августа)
13. 八十 (ожидаемый ответ: восемьдесят)
14. 八月 (ожидаемый ответ: август)
15. 六十 (ожидаемый ответ: шестьдесят)
16. 六月 (ожидаемый ответ: июнь)
17. 力口 (острие ножа; цель, мишень)
18. 十七 (ожидаемый ответ: семнадцать)
19. 十五 (ожидаемый ответ: пятнадцать)
20. 十八 (ожидаемый ответ: восемнадцать)
21. 十六 (ожидаемый ответ: шестнадцать)
22. 可口 (ожидаемый ответ: вкусный, по вкусу)
23. 可可 (ожидаемый ответ: какао)
24. 国力 (ожидаемый ответ: государственная мощь)
25. 国土 (ожидаемый ответ: территория страны; родная земля)
26. 国语 (ожидаемый ответ: государственный язык)
27. 大人 (ожидаемый ответ: взрослые)
28. 大力 (ожидаемый ответ: всемерно, всеми силами)

29. 大哥大 (ожидаемый ответ: сотовый телефон; «прибамбас» большого брата)
30. 大国 (ожидаемый ответ: держава)
31. 大大 (ожидаемый ответ: сильно, значительно)
32. 大好 (ожидаемый ответ: прекрасный, замечательный, весьма благоприятный)
33. 大门 (ожидаемый ответ: главный вход)
34. 好心 (ожидаемый ответ: хорошее отношение, доброта)
35. 好手 (ожидаемый ответ: мастер, мастак)
36. 好汉 (ожидаемый ответ: храбрец, молодец, удалец)
37. 小心 (ожидаемый ответ: осторожный, осмотнительный, внимательный)
38. 小朋友 (ожидаемый ответ: дружок: обращение к ребенку)
39. 木马 (ожидаемый ответ: гимнастический конь; деревянная лошадка)
40. 林木 (ожидаемый ответ: леса; лесное дерево)
41. 林林 (ожидаемый ответ: многочисленный)
42. 林火 (ожидаемый ответ: лесной пожар)
43. 水力 (ожидаемый ответ: гидроэнергия)
44. 水土 (ожидаемый ответ: климатические условия: вода и почва)
45. 水手 (ожидаемый ответ: матрос)
46. 水田 (заливное поле)
47. 火力 (ожидаемый ответ: огневая мощь; горючесть)
48. 生人 (ожидаемый ответ: незнакомец, незнакомый)
49. 生日 (ожидаемый ответ: день рождения)
50. 生火 (ожидаемый ответ: развести огонь, затопить печку)
51. 老好人 (ожидаемый ответ: беспринципный добряк)
52. 老手 (ожидаемый ответ: мастер, знаток своего дела)
53. 老汉 (ожидаемый ответ: старик)
54. 言语 (ожидаемый ответ: слова, речь)
55. 认可 (ожидаемый ответ: дать согласие)
56. 语言 (ожидаемый ответ: язык)
57. 马刀 (ожидаемый ответ: кавалерийская сабля, шашка)
58. 马力 (ожидаемый ответ: лошадиная сила в физике)

Нумерация в этом упражнении обязательна, поскольку она позволяет разбирать правильные ответы в большой группе. Выполняя это задание, студенты привыкают к мысли, что каждый иероглиф имеет целый диапазон значений. Например, учебник предлагает следующие значения иероглифа *шэн* 生: «рожать», «суффикс со значением человека» [6, с. 33]. Разбирая упражнение, студент знакомится с такими значениями иероглифа *шэн* 生, как «жизнь» (一生); «незнакомый» (生人); «зажигать» (生火) и т.д. Кроме того, студенты видят, что некоторые иероглифы используются для образования фонетических калек. Это, например, китайские слова 也门 (Йемен) и 可可 (какао). Разумеется, здесь приведены не все слова, а только самые простые и «прозрачные». Минимальный контекст помогает запомнить значение каждого отдельного иероглифа.

Приведенное выше упражнение помогает студенту узнавать иероглиф в тексте и понимать его. Но еще более важным навыком, позволяющим запомнить и написать иероглиф, как показывает И. В. Кочергин, является умение проанализировать его и создать его словесный портрет [3, с. 114]. С целью формирования у студентов этого навыка я регулярно провожу составление словесных портретов незнакомых иероглифов в аудитории вслух.

Упражнение 11.

Составьте словесные портреты иероглифов.

Образец: 林 «роща» (lín) = слева ключ «дерево» 木 (mù) + справа ключ «дерево» 木 (mù). 林 = 木 + 木.

1. 吗 *mā* *вопросительная частица* (ожидаемый ответ: слева ключ «рот», справа – фонетик *mā*)

2. 妈 *mā* *мама* (ожидаемый ответ: слева ключ «женщина», справа – фонетик *mā*)

3. 认 *rèn* *признать, согласиться; распознавать, знать; познакомиться* (ожидаемый ответ: слева ключ «речь», справа фонетик *ren*).

4. 语 *yǔ* *язык как средство общения, речь* (ожидаемый ответ: слева ключ «речь», справа фонетик *yu*).

Сам по себе фонетик представляет собой составной иероглиф: сверху – «пятерка», снизу – «рот»)

Упражнения такого рода могут быть гораздо длиннее. Можно остановить разбор и показать студентам следующий «снежный ком»: 五 – 吾 – 语.

五 *wǔ* (пять, пятый; музыкальный знак в китайской гамме (*ля*); май);

吾 *wú* (я, мне, мы, нас (*книжный стиль*));

语 *yǔ* (язык как средство речи, речь; говорить; идиомы; фразеологизмы; знаки, жесты, семафор, сигнал).

Вот упражнение, которое более эффективно, чем простое прописывание иероглифов в строчку.

Упражнение 12.

Левая часть слова (левый иероглиф)	Проведите стрелки, установите соответствия	Правая часть слова (правый иероглиф)	Записать все слово иероглифами	Записать все слово при помощи <i>пиньинь</i>
1 听		А 娘		
2 告		Б 影		
3 姑		В 说		
4 电		Г 舍		
5 宿		Д 诉		

Правильные ответы: 1 В, 2 Д, 3 А, 4 Б, 5 Г

Русские студенты, изучающие китайский язык в Китае, обычно отстают от корейских и японских студентов. Это понятно, поскольку для Кореи и Японии иероглифическая письменность не является чем-то экзотическим. В России же проблемы

есть. Молодые люди, после школы пришедшие изучать китайский язык, зачастую имеют весьма фантастическое представление об иероглифах. Одна юная леди, например, была уверена, что в китайском иероглифе каждая черта означает отдельный звук (как в корейском буквенно-слоговом письме), соответственно, чем больше строк в иероглифе, тем длиннее китайское слово, которое он передает.

Существует серьёзная проблема: начинающие китаисты не знают, что китайские иероглифы принципиально отличаются от знаков корейской письменности, от египетских иероглифов и от иероглифов майя.

Нельзя не сказать о недостатках учебного пособия, по которому изучается иероглифика. В силу разных причин (в т.ч. неакадемического характера) особого учебника по иероглифике для первого курса у нас нет. На первом курсе я преподаю иероглифику «с голоса». Пишу на доске причудливое русское слово, например, «ночевальный домик», потом – «общежитие», потом пишу *пиньинь* – *sùshè*, озвучиваю его несколько раз. Потом я пишу на доске иероглиф *су* 宿 сначала целиком, потом – по разделениям черным маркером, и красным маркером стрелкой указываю направление черты. Потом делаю то же самое с иероглифом *шэ* 舍. Сам делаю прописи, упражнения, разбираю значения наиболее распространенных иероглифических ключей и т.д.

На втором курсе мы отчасти повторяем, отчасти изучаем иероглифику по учебнику *新实用汉语课本* (издание 2008 года). На мой взгляд, разделы этого учебника, посвящённые иероглифике, обладают целым рядом недостатков.

В частности, я привык к методической схеме, которая традиционно используется в нашей стране: основные черты – основные ключи – иероглифы. Ей (схеме) соответствует следующая классификация иероглифов: графемы, идеограммы, фоноидеограммы и заимствованные знаки. Представление об этих типах иероглифов я даю первокурсникам на первом же занятии, а потом мы многократно повторяем этот материал, выполняя различные упражнения. Традиционная китайская классификация *лю шу* 六书, как известно, делит иероглифы на шесть категорий: *сянсин* 象形, *чжиши* 指事, *хуйи* 会意, *синишэн* 形声, *чжуаньчжу* 转注, *цзяцзе* 假借.

В учебнике же *新实用汉语课本* не следуют ни той, ни другой схеме. Вместо этого используется следующая схема: базовые иероглифы 基本汉字 – появившиеся в тексте иероглифы 课文中的汉字. Так, в первом уроке к базовым иероглифам относятся 一、八、力、门、也、马、女、五、木、火. (Причем, имеются ошибки: так, в томе 1, на с. 12 указано, что 火 означает «лошадь», хотя это знак «огонь»).

Легко видеть, что в этом списке представлены и иероглифы категории 象形, и иероглифы категории 指事. Представление о «шести категориях иероглифов» появляется только во втором томе учебника, когда поезд, как говорится, уже ушёл.

Другая проблема связана с тем, что названия всех иероглифических ключей в учебнике *新实用汉语课本* даются по-китайски. Например, ключ «город» в иероглифе 那 обозначен только *пиньинь*: *yòu'ěrduo* (右耳朵 – «правое ухо»). Прелестно. Но это техническое китайское название ключа ничего не говорит первокурснику.

Кроме того, в учебнике отсутствуют упражнения по иероглифике, поэтому системе упражнений приходится создавать самому.

Приведем некоторые трудности и наиболее распространенные ошибки, которые испытывают студенты при написании иероглифов.

В иероглифе 七 «семь» вместо горизонтальной по ошибке пишут откидную черту влево. Вместо «семерки» получается иероглиф 匕 «черпак».

В иероглифе 师 слева по ошибке вместо вертикальной черты и откидной черты влево по ошибке пишут ключ 卩 «нож».

В иероглифе 那 по ошибке вместо левой графемы – «мех» пишут ключ 月 – «луна». В этом же иероглифе справа вместо ключа «город» по ошибке пишут греческую букву *бета* – β.

В иероглифе 这 по ошибке вместо ключа 文 пишут точку право, а под ней – ключ 又.

В иероглифе 正 вместо верхней горизонтальной черты по ошибке пишут откидную черту влево.

В иероглифе 做 вместо ключа 攵 по ошибке пишут ключ 攵 или даже 乍 (результат интерференции в умах студентов двух иероглифов: 做 и 作).

В иероглифе 学 по ошибке точки сверху пишут как в иероглифе 常 (вместо «точка вправо, точка вправо, точка влево» по ошибке пишут: «точка в центре, точка вправо, точка влево»). И наоборот.

В иероглифе *цзинь* 斤 по ошибке вместо откидной влево (первая черта) пишут горизонтальную черту. И, наоборот, в иероглифе *тин* 斤 по ошибке вместо горизонтальной черты (первая черта) пишут откидную черту влево.

В иероглифе 或 по ошибке ключ 口 «рот» пишут справа в самом низу, а горизонтальную черту – над ним. И, наоборот, в иероглифе 威 горизонтальную черту по ошибке пишут под ключом 口 «рот».

В иероглифе 商 по ошибке сверху вместо точки вправо и горизонтальной черты пишут ключ 宀 «крыша».

В иероглифе 谁 слева по ошибке вместо ключа 讠 «речь» пишут ключ 亻 «человек».

В иероглифе 生 вертикальная черта не пересекает верхнюю горизонтальную – ошибка.

Эти ошибки трудноискоренимы. Лучше всего помогает разбор диктантов в аудитории. Я делю доску на две половины по вертикали. Слева пишу слово ПРАВИЛЬНО. Справа пишу страшное слово ОШИБКА. Я сам пишу иероглиф правильно слева, а справа пытаюсь изобразить мерзкие закорючки, которые студенты сдают мне под видом китайских иероглифов. Разборы одних и тех же привычных ошибок приходится повторять по 3–4 раза. Только после этого студенты начинают замечать у себя такие ошибки и исправлять их. Хорошо действует индивидуальных разбор диктантов на консультациях. Студентам также нравится писать иероглифические прописи. Их особенно радует, когда я кружком в правом верхнем углу квадрата отмечаю «изящно написанные иероглифы».

Литература

1. *Алексеев В. М.* Китайская иероглифическая письменность и её латинизация. Л. : Изд-во АН СССР, 1932. 178 с.
2. *Задоевко Т. П., Хуан, Шуин.* Основы китайского языка. Вводный курс. М. : Наука, Главная редакция восточной литературы, 1983. 271 с.
3. *Кочергин И. В.* Очерки лингводидактики китайского языка. 2-е изд., испр. и доп. М. : АСТ: Восток – Запад, 2006. 192 с.
4. *Кочергин И. В., Хуан, Лилян.* Сборник тренировочных упражнений, контрольных заданий и тестов по базовому курсу китайского языка. 2-е изд., испр. и доп. М. : АСТ, Восток – Запад, 2007. 256 с.
5. *Краткий китайско-русский словарь / Сост. П. Г. Цыбенко.* Новосибирск : Изд-во Новосибирского государственного университета, 1980. 538 с.
6. *Новый практический курс китайского языка. Синь шиюан ханьюй кэбэнь 新实用汉语课本/ Янь Мэйхуа и др.* 2-е изд., Пекин : Издательство Пекинского университета языкознания и культуры, 2008. 242 с.
7. *Wenlin Software for Learning Chinese.* (n. d.) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.wenlin.com> (mode of access: 11.03.2017).

References

- Alekseev, V. M. (1932). *Kitaiskaia ieroglificheskaia pis'mennost' i ee latinizatsiia* [Chinese Character Writing and Its Romanization]. 178 p. Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR.
- Zadoenko, T. P., Huang, Shuying. (1983). *Osnovy kitaiskogo iazyka. Vvodnyi kurs* [Basics of Chinese Language. Introductory Course]. 271 p. Moscow, Nauka, Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury.
- Kochergin, I. V. (2006). *Ocherki lingvodidaktiki kitaiskogo iazyka* [Studies in the Chinese Language Pedagogy]. 2nd Ed. 192 p. Moscow, AST: Vostok – Zapad.
- Kochergin, I. V., Huang, Liliang. (2007). *Sbornik trenirovochnykh uprazhnenii, kontrol'nykh zadanii i testov po bazovomu kursu kitaiskogo iazyka* [Collection of Training Exercises, Control Tasks and Test for the Basic Course of the Chinese Language]. 2nd Ed. 256 p. Moscow, AST, Vostok – Zapad.
- Tsybenko, P. G. (Ed.). (1980). *Kratkii kitaisko-russkii slovar'* [Brief Chinese-Russian Dictionary]. 538 p. Novosibirsk : Izd-vo Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta.
- Novyi prakticheskii kurs kitaiskogo iazyka. Xin shiyong hanyu keben* [New Practical Chinese Reader]. (2008). 2nd Ed. 242 p. Beijing, Beijing Language and Culture University Press.
- Wenlin Software for Learning Chinese.* (n. d.). URL: <http://www.wenlin.com> (mode of access: 11.03.2017).

The article was submitted on 16.03.2017

ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ ТУРЕЦКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ СО СТУДЕНТАМИ-ВОСТОКОВЕДАМИ II И IV КУРСОВ

Аннотация: Несмотря на достаточный объем материала по литературе Турции, доступного для изучения, актуальными, на взгляд автора, остаются вопросы поиска такой методики преподавания данного предмета, которая позволила бы, с одной стороны, уйти от пассивного способа усвоения знания к активному исследованию, а с другой стороны, представить изучаемый материал не как отдельный блок информации, а как системный элемент, вписанный в контекст процесса развития турецкого народа и связанный с другими элементами, такими как история, география, экономика, религия. В настоящей статье предлагается краткое описание инновационного подхода к преподаванию литературы студентам-востоковедам, основанного на сопоставлении литературных феноменов с теми историческими, географическими, социальными, экономическими и иными реалиями, которые сопутствовали их появлению и трансформации. В ходе курса особый акцент делается на деятельностном аспекте обучения, когда перед студентами ставится задача перевести текст литературного произведения с языка оригинала на русский язык, а в процессе выполнения они самостоятельно выделяют для себя отличительные особенности данного произведения, перенос которых в реалии другого языка и культуры, как правило, вызывает наибольшие сложности. В статье демонстрируются примеры подобной работы, выполненной студентами II и IV курсов. Столкновение с особенностями того или иного литературного феномена не в лекционном формате, а в ходе решения практической задачи позволяет создать ситуацию, когда мы не подводим лошадь к воде в надежде, что она захочет пить, а спокойно ожидаем, когда лошадь столкнется с жаждой и сама начнет искать воду, а затем обсуждаем в режиме семинара те открытия, которые студенты совершили, параллельно обучая их тестировать возникающие гипотезы, опираясь на контекст.

Ключевые слова: литература Востока, турецкая литература, деятельностный подход.

Lilia F. Fomina

THE EXPERIENCE OF EXPLORING TURKISH LITERATURE WITH SECOND AND FOURTH-YEAR STUDENTS OF THE DEPARTMENT OF ORIENTAL STUDIES

Abstract: Despite the sufficient volume of material on Turkish literature available for studying during the course, the author keeps looking for a method of teaching this subject that would allow, on the one hand, to evade the passive learning and engage students into active practicing, and on the other hand, to present the material being studied not as a separate block of information but as a system element inscribed into the context of the developmental process of the Turkish people and associated with its other elements such as history, geography, economy, religion. This article offers a brief description of the innovative approach to teaching literature to students of the Department of Oriental Studies, based on the comparison of literary phenomena with those historical, geographical, social, economic and other realities that accompanied their emergence and transformation. During the course, special emphasis is placed on the active practice aspect of learning, when students are asked to transfer the text of a literary work from the original language into Russian, and in the process of doing it they independently reveal the distinctive features of this work, the transfer of which into the realities of another language and culture, as a rule, causes the greatest difficulties. The article contains some examples of the said work done by second and fourth-year students. The confrontation with the peculiarities of this or that

literary phenomenon not in a form of lecture, but in process of solving a practical task makes it possible to create a situation where we do not lead the horse to water in the hope that she will want to drink, but we wait calmly the moment when the horse encounters thirst and starts itself looking for water, and then we discuss in the form of seminar those findings that students have made, while simultaneously teaching them to verify the emerging hypotheses using the context.
Key words: Oriental literature, Turkish literature, activity approach.

Изучение литературы региона является важным этапом подготовки высококвалифицированных востоковедов, так как позволяет им достичь более глубокого понимания ментальных особенностей народов, населяющих изучаемый регион и отличающих их способов мыслить, наделять теми или иными значениями слова, действия и события, а также – способов оценивать прошлое и прогнозировать будущее. Последовательное изучение литературы региона, наряду с его историей, позволяет проследить процесс формирования мировоззрения народов изучаемого региона, глубокое понимание и учитывание которого могут быть ключом к долговременному плодотворному взаимодействию.

Изучение литературы региона имеет свою специфику. Во-первых, курс предполагает освоение большого объема новой информации в достаточно сжатые сроки. И здесь мы сталкиваемся с риском, что данная информация, будучи механистично заученной, останется недостаточно систематизированной и, как следствие, не превратится в то базовое знание, которое может быть использовано студентом и выпускником в его исследовательской и профессиональной деятельности. Иными словами, целью данного курса является формирование у студента способности видеть литературное произведение не как отдельный продукт творческой деятельности конкретного человека, а как творческий ответ на вызов определенной исторической ситуации, отражающий определенный эволюционный этап формирования мировоззрения народов изучаемого региона.

Для достижения данной цели необходима опора на три базовых принципа, первым из которых является *понимание контекста*, то есть той исторической, географической и социальной ситуации, в рамках которой было создано литературное произведение.

Турецкая литература имеет следующую классическую периодизацию:

- Турецкая литература в доисламский период;
- Турецкая литература, созданная под влиянием ислама (народная и диванная литература);
- Турецкая литература испытывающая влияние Запада (литература Танзимата, Сервети Фюнун, Феджр-и Ати, национальная литература, литература периода становления республики и современная литература).

Студентам предлагается не просто заучивать даты создания произведений, но сопоставлять их с хронологией событий, на фоне которых оно создается, что зачастую позволяет ответить на вопрос, почему та или иная тема начинает звучать только в определенный момент. Так, например, относительно поздно в турецкой литературе звучит тема свободы.

С другой стороны, контекст позволяет увидеть, насколько тесно литература связана с социальной ситуацией, когда расслоение общества неизбежно приво-

дит к расслоению на литературу дворца и литературу народа, каждая из которых обладает своим языком и раскрывает собственные темы и решает собственные специфические задачи.

Вторым базовым принципом курса является *работа с текстами на языке оригинала*, позволяющая студентам точнее видеть особенности языка, в том числе отличие языка диванной литературы от языка народной литературы. Диванная литература – литература для высшего общества, широко использующая заимствования из арабского и персидского языков и стихотворный размер *аруз*.

Садовник розам власть дает напиться, но ни к чему старания его.
И сотне розам не сравниться с прекрасной розой лика твоего.

*Отрывок из «Касыды о воде» Фузули.
Перевод выполнен Диной Денисовой, студенткой II курса.*

Позволь напиться горем вдоволь
Душе, утратившей покой.
Ведь грех не поднести больному
Сосуд, наполненный водой.

Не потушить ручьем из слез палящего огня в груди.
Печалью сердце сожжено, его ничем нельзя спасти.
Отрывки из «Касыды о воде» Фузули.

*Перевод выполнен Аленой Головниной,
студенткой II курса.*

Народная литература, напротив, имеет простой язык и опирается на устную традицию. Главными темами здесь становятся насущные проблемы, что, в том числе ярко отражено в таком жанре как *нинни* – колыбельные, которые служили не только как средство укладывать детей, но и как способ снятия напряжения матерей-турчанок, которые через песню могли выразить те мысли и чувства, выражение которых в других формах было жестко табуировано (в том числе агрессивные чувства по отношению к собственным детям):

Akşam olur, güneş batar
Periler kapıları açar,
Uyumayan çocukları
Çuvala katar!
Benim yavrum rüyalara dalar
Uyu yavrum uyu

Солнышко краснеет, наступает вечер,
И свои домишки открывают феи.
Деточек неспящих заберут в мешок,
Спи, мое дитяtko, спи, мой огонек.

*Перевод выполнен Александрой
Никифоровой, студенткой IV курса*

Uyu ey canım uyu,
Uyu sultanım uyu,
Ağlarsan baban döver,
Derde dermanım uyu
Uyu bebek uyu!

Баю баю баю бай
Спи, султан мой, засыпай.
Будешь плакать, то придет
Папа и меня побьет.
Баю баю баю бай
Спи, малыш мой, засыпай.

*Перевод выполнен Аленой Головниной,
студенткой II курса.*

Ninni ninni ninni
Kediler yemiş burnunu
Ninni ninni ninni
Kediler yemiş yavrumu

Ули люлюшки люлю
Носик твой откусят кошки. .
Ули люлюшки люлю
И всего съедят до крошки.

*Перевод выполнен Аленой Головниной,
студенткой II курса.*

Народная литература включает также литературу **ашыков** – народных поэтов, бродивших по деревням и городам и исполнявших свои произведения в сопровождении саза:

Gönül gurbet ele varma
Ya gelinir ya gelinmez
Her dilbere meyil verme
Ya sevilir ya sevilmez

Не прироста́й к чужбине сердцем,
Быть может примет, может – нет,
Для юных дев души своей держи
закрытой дверцу
Может полюбят, а быть может – нет.

Erzurumlu Emrah

*Перевод выполнен Диной Денисовой,
студенткой II курса*

Sen bir ceylan olsan ben bir avcı
Avlasam çöllerde saz ile seni
Bulunmaz dermanı yoktur ilacı
Vursam yaralasam söz ile seni

Охотником стал бы, будь ты газелью,
Ловил бы тебя среди трав и песков,
Но не спасло бы и лучшее зелье,
Коль раны нанёс тебе с помощью слов.

Aşık Veysel

*Перевод выполнен Александром Кузнецовым,
студентом II курса*

Yürü bre yalan dünya
Sana konan göçer bir gün
insan bir ekin misali
Seni eken biçer bir gün.

Вращайся дальше, бренный мир!
Однажды каждый в бездну канет.
Ростку подобен человек:
Он как взойдет, так и увянет.

Karacaoğlan

*Перевод выполнен Аленой Головниной,
студенткой II курса*

Третьим базовым принципом курса является *деятельностный подход*. Студентам предлагается не только знакомиться с текстами, но и пробовать свои силы в качестве художественного переводчика, результатом чего и стали публикуемые выше переводы.

Помимо этого, студенты получили задание в поэтической форме раскрыть фабулу поэмы “Лейла и Меджнун”, что привело к созданию следующих творений.

Меджнун на рассвете

«Нет повести печальнее на свете,
Чем повесть о Меджнуне на рассвете».

Склоненный перед камнем милой Лейлы,
Безумье на мгновение рассеял
И жизнь свою он снова всю увидел,
Любовь и смерть, что сам в душе взлелеял.

Улыбки первые, любимые глаза, их взгляд,
Запрет строжайший, тягостное горе.
Другому отдана, увезена... в Иран!
Песок и солнце, а душа – за морем.

Каис семью и племя позабыл,
Одни лишь дюны, неба выцветшая синь.
Бродя, бредя, все пишет. Строфы, строфы.
Их ветер унесет. Безумья явь и быль.

А там, в стране фарси, среди персов,
Жила Лейла, с мольбой взывая к свету.
И вот – супруг почил. И Лейла мчится. «Где ты?»
Меджнун стоит, она лишь ждет ответа.

Он не узнал. Безумье унесло былое.
Укор в глазах. Молчанье. Слезы-перлы.
Взмах смерти. Миг. Любви лишь не истлеть.
Меджнун лежит пред камнем милой Лейлы.

*Перевод выполнен Александрой Никифоровой,
студенткой IV курса*

Лейли и Кайс были очень юны,
Но штурвал корабля под флагом любви,

Несмотря на угрозы, шторма, тайфуны,
В море будничных реалий отважно вели.

Он песни писал, сочинял ей стихи,
Красоту воспевал прекрасной Лейли.

А течение вод злодейки-судьбы
Разбило корабль о камни беды.

Меджнуном стал Кайс, притворился глупцом,
Невзирая молитвам не услышан отцом...

Подневольной женой Селяму стала Лейли,
Азраил же развел их дороги судьбы.

Пред Меджнуном явившись, впала в отчаянье,
Не признал ненаглядный! Напрасны старания?

Смерть от горя постигла. Вернулась к Аллаху.
Теперь незачем жить и скитальцу-монаху.

Ах, отчего же так слепы людские сердца?
Настоящей любви не бывает конца!

*Перевод выполнен Мариной Геворкян,
студенткой IV курса*

УДК 94(510)“1840-1842” + 821.161.1-3 + 7.033/.038

В. А. Кузьмин

ЛИТЕРАТУРНЫЙ РАЗВОРОТ НА ВОСТОК? ВОРОНЕЖСКИЙ АВТОР ИЗДАЛ ПОВЕСТЬ ИЗ КИТАЙСКОЙ ИСТОРИИ (ИНТЕРВЬЮ С Г. М. ЛИТВИНЦЕВЫМ)

Ключевые слова: Китай (история), Опиумная война, ориентализм, повести.

Малознакомый современному читателю мир Цинской империи, ее воинства и чиновников-мандаринов; портовый город Гуанчжоу (Кантон) с его опиумными курильнями и притонами; английская колониально-военная экспедиция; морские и сухопутные сражения тех времен. Таков антураж повести воронежского литератора **Геннадия Литвинцева** «Молодым не ходи в Гуандун. Записки о бедствиях Опиумной войны, составленные Ли Вэньхуа, конфуцианцем», вышедшей в этом году в екатеринбургском издательстве Ridero. От лица юноши, получившего классическое конфуцианское образование и едва вступающего в самостоятельную жизнь, рассказывается о драматических событиях в истории Китая полуторавековой давности, получивших название Первой опиумной войны. Бесхитрое с виду повествование невольного очевидца и участника англо-китайской войны обладает достоверностью исторического свидетельства, и при этом увлекательностью приключенческой прозы. Предлагаем интервью с автором повести.

Геннадий Михайлович, что ни говори, а для российского автора обращение к истории далекого Китая выглядит несколько неожиданно. И при этом – такой объем исторических фактов, литературный стиль той эпохи – так что остается впечатление, будто «записки» в самом деле написаны китайцем и лишь переведены на русский. Что побудило вас обратиться к столь отдаленному – и во временном и пространственном смысле – сюжету?

– Пожалуй, начну с того, что я родился и вырос в Китае, на станции близ Харбина, тогда понятнее станет все остальное. Как известно, в городах и поселках Маньчжурии, на линии КВЖД, столетие назад нашли приют и спасение от бедствий гражданской войны десятки тысяч русских людей. Впоследствии десятилетним я с родителями репатриировался в Россию (СССР). Но интерес к Китаю, его истории, культуре и современной жизни остался у меня навсегда. И со временем созрела мысль сделать что-то хорошее для страны, по воле судьбы ставшей мне родиной, например, раскрыть соотечественникам некоторые драматические

страницы китайской истории. К тому же Китай представляет сейчас основную и все более растущую силу современности и, думаю, наше стремление лучше узнать и понять эту страну будет год от года идти по восходящей. Вот уже у нас заговорили об экономическом «развороте на восток». Можете считать, что моя повесть – прецедент литературного, духовного разворота в эту сторону.

Данный факт вашей биографии, действительно, многое объясняет. Наверное, в эмиграции вы учились в китайской школе, изучали китайский язык?

– Нет, к сожалению, учить китайский не довелось. В Хаке, в небольшом нашем поселке, была и русская школа, и церковь. Так что в китайской школе я бывал только на экскурсии. В отличие от европейских стран, где эмигранты уже во втором поколении заметно ассимилировались и большей частью стремились раствориться среди автохтонов, в Китае русские с местным населением почти не смешивались. А главное, продолжали себя считать подданными России, лишь временно оказавшимися за ее пределами.

Все, кто видел Харбин тех лет, отмечали поразительную самобытность этого города, его стойкость, верность традициям. Когда в самой России с революцией все перевернулось вверх дном, здесь сохранился островок, своеобразный «град Китеж», прежней русской жизни с ее деловым и праздничным размахом, предприимчивостью и консервативной устойчивостью обычаев. «Нет харбинца, который не вспоминал бы с глубокой благодарностью годы жизни, проведенные в Харбине, где жилось привольно и легко, – вспоминала писательница Наталья Резникова. – На всем земном шаре не было другой страны, в которой русская эмиграция могла почувствовать себя в такой степени дома».

С войной, закончившейся освобождением Маньчжурии от японской оккупации, возникновением КНР, прежняя жизнь окончилась. Красный Китай не хотел больше терпеть державшееся особняком миллионное русское население. Со смертью Сталина и в Советском Союзе отношение к эмигрантам стало меняться, бывшая вражда и непримиримость теряли остроту, зарастали быльем. В 1954 году из Москвы раздался официальный призыв возвращаться на Родину. Репатриация растянулась на несколько лет. При этом часть харбинцев подалась в другие страны – в Канаду, Аргентину, больше всего в Австралию. Впрочем, о жизни русской эмиграции в Китае, о ее метаниях я рассказал в повести «Сон ласточки», в 2015 году она опубликована в журнале «Подъем».

Теперь понятно, что Китай для вас не чужая страна, китайскую культуру вам несколько легче почувствовать и освоить. Тем не менее остается вопрос – почему сюжет произведения взят из времени так называемых «опиумных войн»? Чем именно вызвали они творческий интерес?

– Для Китая это, можно сказать, «осевое время», период резких потрясений и перемен, причем во многом сделанных не по своему выбору, а навязанных извне. По объемам производимого продукта Китай в середине XVIII в., как и нынче, занимал первое место в мире, ему принадлежало более трети общемировой экономики. Власти Британии нуждались в развитии торговли с богатейшей страной, к тому же обладавшей «эксклюзивными» товарами. Ежедневно за счет ввозной

пошлины за один только чай в британскую казну поступало больше 3 миллионов фунтов стерлингов, этих средств хватало на покрытие половины расходов на Королевские военно-морские силы. Поэтому Британию все более остро занимал вопрос проникновения на обширный китайский рынок. Но для этого прежде всего следовало как-то суметь распахнуть двери в эту страну. Будучи абсолютно самодостаточной, империя веками ограничивалась внутренней торговлей между своими обширными провинциями, не имея ни нужды, ни желания открываться перед иноземными «варварами».

Эта точка зрения с непоколебимой уверенностью изложена в знаменитом ответе великого императора Цяньлуна (правил почти шестьдесят лет, 1735–1795 гг.) на письмо короля Великобритании Георга III, предложившего в 1793 году установить между ними дипломатические и торговые отношения: «Что же до твоей просьбы о том, чтобы аккредитовать одного из твоих подданных при моем Небесном Дворе и доверить ему контроль над торговлей с Китаем, то она противоречит всем нашим традициям и не может никак быть исполнена... Чужие цели меня не интересуют. Мы не придаем никакого значения вещам экзотическим или дорогостоящим, и в товарах твоей страны не нуждаемся». Если бы британский посланник лорд Макартни разгласил тайну своего двора, что Георг III время от времени теряет рассудок, китайский император этому ничуть бы не удивился. Разве в здравом уме пришло бы какому-то варварскому князьку в голову обращаться к Сыну Неба, как если бы он был ему ровней? А уж тон британского послания, даже приняв во внимание невежество его составителей, должен был показаться Цяньлуну и его окружению поистине дерзким.

В общем, до первой опиумной войны империя Цин жестко проводила политику «закрытых дверей», не допуская западных коммерсантов и миссионеров на свою территорию, ограничивая их деятельность приморской провинцией Гуандун (Кантон). Тогда Англия решила подобрать к этой богатейшей стране ключик. И нашла его в виде опиума, который и начала поставлять контрабандой из Индии, настойчиво приучая китайцев к дурману. Кстати, название повести взято из популярной тогда китайской песни «Молодым не ходи в Гуандун!»: в том краю легких денег, разгула и притонов легко было забыть себя, родных и любимых, потерять душу, а то и жизнь. Когда же император попытался остановить наркотическую агрессию, миллионами уничтожавшую население, англичане послали к берегам Китая боевой флот и начали войну с целью «выбить двери» богатой страны, заставить ее согласиться с уделом бесправной колонии. Таким образом, нерв и смысл повести составляет конфликт двух, столь не похожих друг на друга, цивилизаций: древней китайской, тогда замкнутой в самой себе, духовно глубокой, погруженной, как в гипнотический сон, в красоту и величие прошлого; и европейской (английской) – рациональной, предприимчивой, наступательной, вооруженной идеологией прогресса и обязательного успеха, не отягощенной философскими и моральными рефлексами, но претендующей на мировое господство и добывающейся его посредством стального кулака и денежного мешка. У нашего замечательного писателя Ивана Александровича Гончарова в очерках «Фрегат “Паллада”» (а он побывал в Китае и Японии в тот самый период опиумных войн) так описывается

обычная империалистическая тактика: «Поступить по-английски – то есть пойти, например, в японские порты, выйти без спросу на берег, и когда станут не пускать, начать драку, потом самим пожаловаться на оскорбление и начать войну. Или другим способом: привезти опиум и, когда станут принимать против этого строгие меры, тоже объявить войну».

Мне показалось символичным описание сражения у крепости Чжапу, когда в схватку с английской армией, оснащенной «самым передовым» оружием, кинулись крылатые мастера рукопашного боя, древнего ушу.

– Да, кинулись – и полегли под пулями и штыками солдат, действующих с точностью бездушных, заведенных на убийства механизмов. «Совершенный человек», которого проповедовала тысячелетняя китайская мудрость, оказался беспомощным перед изобретенной и сработанной на Западе военной машиной. В результате англичане, не неся особых потерь, громят китайские крепости и города, мощью своих пушек устрашают императорский двор, диктуют унижительные условия договоров, снимающие всякие запреты и ограничения на торговлю наркотиками, из-за введения которых и начался конфликт. В качестве камуфляжа – либеральная болтовня в английском парламенте и в английских газетах, оправдывающая войну тем, что она ведется, мол, ради открытости границ и свободы торговли, с тем, чтобы страна-жертва быстрее могла включиться в «современную цивилизацию». Так сквозь историческое полотно рельефно проступают реалии наших дней...

В самом деле, спросим себя, не был ли Цяньлун прав, отвечая таким образом английскому королю? Мы, знающие продолжение истории по учебникам, можем поиронизировать над наивностью и простодушием императора, не предугадавшего дальнейших последствий общения с англичанами. Да, спустя четыре десятилетия после миссии Макартни Великобритания провела победную войну с Китаем и продиктовала свои условия под дулами пушек. Но что, собственно, эти последствия означают? Только малую осведомленность императора и его советников, не подозревавших о военной мощи «варваров Южного моря», обретенной ими благодаря практическому применению новых открытий физической и химической науки.

«Не доказывает ли такое продолжение истории, что Цяньлун был все же проницателен и мудр в своей политике “закрытых дверей”, хотя и плохо информирован относительно военной силы англичан? – Спустя столетие задался вопросом английский историк А. Дж. Тойнби. – Интуиция императора предостерегла его от “экзотических и примитивных” британских товаров, одним из которых, причем самым главным, был выращенный на бенгальских плантациях опиум. Когда власти запретили эту торговлю, как и должно было сделать уважающее себя правительство, варвары воспользовались своим военным преимуществом, чтобы пушечным огнем с моря ввести в Китае британскую торговлю на своих условиях. Я понимаю, что это весьма упрощенное описание «опиумной войны», но по существу это правда, и единственное, что можно сказать в пользу виновников данного международного преступления, – это то, что с тех самых пор они стыдились своей акции. Я хорошо помню это, надеюсь, искупающее ощущение стыда, переданное мне еще в детстве моей матерью, когда я спросил ее об “опиумной войне” и она рассказывала мне о ней» (А. Дж. Тойнби. Цивилизация перед судом истории).

Действительно, «закрытые двери» вовсе не были тогда выражением ксенофобии или прихотью императора, а скорее предусмотрительной и вполне разумной политикой.

Сюжет «записок о бедствиях войны» исторический. И тем не менее, как мне представляется, в них вложено нечто важное для нашего времени, для современного Китая...

– Повесть недаром написана от первого лица: мне хотелось разглядеть те драматические события именно глазами их современника, китайского юноши; так же посредством его восприятия, «изнутри», показать быт, любовные, родственные и служебные отношения того времени, картины народной жизни. Пришлось перечитать множество справочной и исторической литературы, источников и документов, оживить в памяти китайскую классику с ее особенной стилистикой и интонацией. В ходе работы я понял: народный характер меняется медленно, тысячелетиями, особенно в восточных странах. Поэтому повесть, будучи исторической по сюжету, читается и как актуальная, современная по смыслу, она, я думаю, поможет читателям лучше узнать и понять китайцев. На ее страницах оживают подлинные исторические фигуры – цинский император Даогуан, руководивший в Гуандуне борьбой с наркотической агрессией народный герой Линь Цзэсюй, британский «суперинтендант» Чарльз Эллиот, первый британский генерал-губернатор Гонконга Генри Поттинджер, командовавший рейдом английской эскадры генерал Хью Гоф, посланники Цинского двора Илипу и Киин и другие. Все же главным героем является сам Вэньхуа (Грамотей, Начитанный), от чьего имени ведется повествование. Воспитанный в конфуцианской морали, взявший себе за образец мудрецов и героев древности, юноша роковым образом оказывается на переднем крае событий, теряет возлюбленную, едва сам не гибнет, попадает в плен – и осознает, что враждебные силы, пусть материально и более могущественные, можно преодолеть духовным порывом. Как говорит один из героев повести, «В конце концов, побеждает ведь не порох, а тот, кто его выдумал».

Что в середине XIX века, что сегодня самая населенная страна мира, если не брать узкий слой профессионалов, остается метафизической загадкой, абсолютной иллюзией для европейцев, да и для россиян тоже. Вместо знаний – стереотипы, или как сейчас говорят, матрицы: страна мудрецов-философов, буддийских монастырей, мастеров и т.п. Или Китай мистический и экзотический: фэншуй, чайные церемонии, китайская медицина, которая якобы от всего помогает. Третий Китай – хитрый, прагматичный, страна подделок и дешевки, где можно все купить и продать. Есть пара десятков таких стереотипов, и китайцы не разрушают их: главное, что они приносят либо доброе имя, либо прибыль. Вообще-то, за редким исключением, европейцам не интересен настоящий Китай. Постигание иной культуры требует большого количества времени. Интересы к открытию нового Китая, за редким исключением, нет.

Вы же знаете, что современные западные политологи вроде Хангтингтона и других делят современное человечество на «цивилизации». Китай, как и Индия, безусловно, самобытны, однако они не навязывают своего понимания «правильного устройства» другим странам, не заставляют их под угрозой бомбежки менять

веру и не экспортируют наркотики, как химические, так и духовные. Даже иранские аятоллы уже не рассматривают свою идеологию как предмет назойливого экспорта. Есть только одна «цивилизация», условно именуемая евро-атлантической, которая в принципе не признает за другими государствами суверенитета и исходит в международных делах из того, что ее идеологические (по сути, уже религиозные) догмы являются общеобязательными. От евроинтеграторов невозможно спрятаться на «острове», мы вынуждены с ними вступать в конфликты, и не во имя какого-то альтернативного умозрительного «проекта», даже не ради сохранения идентичности, просто для того, чтобы оставаться людьми.

В наши дни наркоторговля уже не ограничивается лишь наркотрафиком, пусть и с нарощенной на него нарко-субкультурой (истоки которой восходят к молодежной контр-культуре). Она образует своего рода «нижний этаж», скорее даже – фундамент процесса глобализации. Наркотикам в глобальном сверхобществе будущего отведена роль социального регулятора. Как некогда в Китае, Англии позапрошлого века или современных США, глобальный контроль над наркотиками будет не только приносить огромную прибыль, но и умирять, перенося в мир иллюзий и делая безопасными для этого сверхобщества тех, кто, по мнению его хозяев, является в нем «лишним», либо представляет угрозу «новому мировому порядку».

Надеюсь, мой скромный труд по представлению китайской истории и культуры нынешнему российскому читателю не останется незамеченным в Китае и вызовет ответное желание лучше узнать прошлое и настоящее нашей страны. Издание повести могло бы стать действительным актом той народной дипломатии, о которой мы все много говорим, но еще мало что делаем.

The article was submitted on 21.04.2017

СОВЕТЫ БЫВАЛОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА-ОРИЕНТАЛИСТА

Ключевые слова: путешествия, ориентализм, этнография, воображаемый Восток, мусульманский мир.

Странствуя в Азии, укрываясь в чужих домах, караван-сараях, ночлежках, притонах, заворачивайся в ковер, если найдешь на полу, и старайся улечься головой в угол, то есть вписывай круг в треугольник. Для чего? Тому, кто захочет тебя зарубить, в углу труднее взмахнуть топором, а ковер защитит туловище и ноги. Выбирай для ночлега двор, в котором висят пеленки. Деньги прячь не в шапку и не в сапоги – это первое, что там крадут. Лучше пришей в брючине ниже колен или в воротнике шубы. Золото проглоти на дратве, другой конец дратвы привяжи к зубу. С молодыми не якшайся, лучше с теми, которым за шестьдесят – в таком возрасте жизнь уже не меняют на деньги. В спутнике, а тем более в проводнике, черному глазу предпочитай голубой, особенно если дорога безлюдная. Хотя в Азии голубые глаза в редкость, совет пригож для всего света. Но вообще-то главное в глазах не цвет, а разрез.

Не откликайся, если зовут «Эй, друг!». Не просыпайся и не поворачивайся, если кричат «Айда!». Будь глух и нем. Зная язык, внимай, но сам не говори на нем. Старайся не выделяться, просто не мой лица. Одежду носи неопределенно-го цвета, лучше цвета земли. Режут горло барану – не морщся. Гаси сигарету плевком, сморкайся в два пальца, пальцы суши о кошму. После еды икай, там это заменяет «спасибо».

Если ночь застала в пустыне, перед лежанкой сложи из камней стрелу, чтобы, проснувшись, знать направление пути: за ночь стороны света могут перемениться. Ночами в пустыне шайтаны голосами смущают путника. Заслушаешься – и забудешь, куда и зачем спешил. Когда песок сравнивает тебя с горизонтом, сам убедись, насколько населена пустыня призраками и духами. Там никто ничего не знает наверняка. Думаешь кого-то нагнать – но в результате отстанешь навеки. Выйдешь раньше других – а придешь позже всех.

Не вздумай что-нибудь приобретать – потеряешь и то, что имеешь. Судьбу не обманешь – каждый твой ход записан на небесах. Гроссмейстера не обыграешь. В будущее не стремись: между *сегодня* и *завтра* там нет никакой разницы. Жизнь там – прошлое, прикинувшееся настоящим. Если кто-то гонится сзади, не убыстряй шагов. Возможно, это настигает тебя твой вчерашний день. Там ты быстро потеряешь привычные представления, станешь недосыгаем для мобильника, фотоаппарата, бинокля, любопытных взглядов, моды, разведок и проч. В ароматном дыму горящего кизяка, в блаженной бедности, в пропахшем курдючным салом рванье, дремлющий на потнике в затерянном под звездами кишлаке – какая раз-

ница, кому интерес, кем был ты вчера или какой ты себя внутри. Даже лучше, если гашишем обкуренный сын хозяина тебя не примет за чужака.

Из рек и арыков не пей, чтоб, трясясь в лихорадке, не жалеть потом. Если придется плыть – старайся с закрытым ртом. Лодочников обходи за версту. На другой берег переправляйся только на сколоченном тобою самим плоту. Но и то будь осторожен: тот берег может оказаться всего лишь отражением этого на воде. Не доверяй реке: отблеск твоего костра, разожженного ночью на берегу, волна унесет неизвестно куда и тем самым выдаст тебя врагу.

В письмах из тех мест не сообщай ничего личного, особенно личных планов, и ничего не обещай – письмо могут перехватить. Да и какой смысл писать о себе и своих чувствах тем, с кем ты скорее всего уже не увидишься, даже если и пообещаешь в письме. Лучше попрощайся сердечней.

Впрочем, ничего не бойся и, если решил, собирайся в дорогу. Побывать там надо, хотя бы ради того, чтоб ощутить пространство, перед которым ты слаб и мал. Только в тех странах азийских можно понять и принять, что тебе ничего не нужно из того, чем ты так дорожишь дома. Там поймешь, что всю жизнь ты тем и занимался, что таскал воду в решете. И только там можешь лечь в тени на песок и всей грудью вздохнуть: «О блаженство! Наконец-то свободен!»

The article was submitted on 30.02.2017

ЙЕМЕН – УВИДЕТЬ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ В НАШИ ДНИ

Ключевые слова: очерки, Сана, ислам, этнография, путешествия, арабский мир.

Пожалуй, для нашего соотечественника, выросшего в советско-российской этнокультурной среде, любая из стран арабского востока со всем ее укладом жизни, традициями и обычаями, менталитетом жителей выглядит абсолютно необычно, почти как «другая планета». Казалось бы, чем особо отличаются друг от друга ближневосточные страны со своим жарким пустынным климатом, жителями-мусульманами, говорящими на одном языке, имеющими одинаковую внешность и так далее. Именно такой стереотип сформирован у обычного россиянина.

В 2011 году мной была осуществлена поездка в Йемен. Эту поездку, на мой взгляд, не совсем корректно трактовать как просто туристическую, поскольку она, равно как и все предшествующие (в Египет, в Сирию и соседние с ней страны), одной из целей ставила языковую практику, знакомство с местными говорами, но более всего – попытку сблизиться в общении с местным жителем для понимания его жизни, хлопот, чаяний и, в конечном счете, национального характера. Этому способствовал, в основном, сугубо личный интерес: так ли уж намного «мы» различаемся «с ними». Для полноты картины считаю уместным привести немного предыстории этой поездки.

Приступил к серьезному изучению арабского языка в 2002 г., наряду с тем изучал и материалы по истории ближневосточного региона, а позже и философии, религии. Летом 2005 г. в составе группы студентов УрГУ, которые посещали курсы арабского языка на кафедре востоковедения, участвовал в поездке в Египет на двухмесячные курсы арабского языка в Хелуанском университете (г. Каир). Проживая в студенческом городке, обрел много знакомых среди студентов из разных арабских стран, в общении с которыми получил хорошую языковую практику и, безусловно, хороший стимул, толчок для дальнейшего улучшения своих познаний. Впоследствии, при помощи одного из них, сирийца из Дамаска, посетил Сирию, первый раз – для ознакомления со страной, в следующие два года – организовав поездки со студентами нашего факультета для прохождения ими подобных языковых курсов уже в Дамасском университете. В свободное от занятий время, то есть, в выходные дни, нам выпадала возможность выбираться из Дамаска как в другие города и провинции самой Сирии – Хомс, Пальмиру, Алеппо, Латакию, так и в соседние государства – Ливан, Иорданию, Палестинские территории и Иерусалим. Так что в этом смысле каждый наш приезд в Сирию был насыщен.

Однако меня как интересующегося арабской культурой в целом, не могла оставить равнодушным такая страна как Йемен. Упоминания о нем встречаются

даже в Ветхом завете, в повествовании о Соломоне и царице Савской (Ветхий завет, 3Цар 10:1–13). Наверное, стоит сказать, что в те времена, когда интернет еще не существовал, о возможности найти информацию о стране или картинку через поисковик Google понятия не было. Первой моей ассоциацией с Йеменом были двое смуглых, телосложения и роста меньше среднего молодых людей с сумкой с надписью Yemen, которых я видел, когда был еще подростком, в московском метро, и, как мне уже тогда показалось, значительно отличающиеся от представителей других арабских стран. В Хелуанском университете Египта в студенческом городке были и йеменцы, с которыми тогда уже получалось общаться, хотя и понемногу, на арабском. Тогда сложилось впечатление о йеменцах как открытых, добродушных людях. Кроме того, очень сильно было видно отличие от представителей других арабских стран, в т.ч. антропологическое.

На тот момент я уже решил, что в числе первых стран арабского мира, которые собираюсь посетить, обязательно будет Йемен. Ну, что интересного для арабиста в Эмиратах? Сможет ли он попрактиковать арабский язык, или вообще встретить араба в этих мегаполисах по типу западных, всего лишь расположенных на берегу Персидского залива. Нет, конечно, и ОАЭ под определенным углом зрения представляют определенный интерес. Но у каждого свои ценности...

Наступил 2011 год, как потом уже стало очевидно, не малозначимый для арабского мира. Началом путешествия считаю посещение консульского отдела посольства Йеменской Арабской Республики в Москве с целью получения визы, так как при въезде в страну ее не дают, как например в Сирии. Понравилось абсолютное отсутствие очереди, практически моментальное оформление визы, дружелюбная, даже семейная атмосфера. На стене приемной – красочная репродукция: карта страны, фотографии некоторых достопримечательностей и надписью *Arabia Felix* (лат. Счастливая Аравия – эпитет Йемена, Ср. араб. название страны *ал-Йаман* и *йумн* – араб. блаженство, счастье; правая сторона).

Поскольку прямых рейсов из России не имеется, мой путь в Йемен пролегал через Каир с остановкой на несколько дней. Пять лет тому назад, приехав в этот город и увидев его улицы, особенно не в фешенебельных, а «народных» районах, первым впечатлением было то, что действительно попал на другую планету. Забегая вперед, надо отметить, что после йеменских городов и весей кайрская обстановка казалась обычной, «западной», мало отличающейся от общесредиземноморской. Египетские друзья, приютившие меня на несколько дней, отнеслись к идее поездки в Йемен скептически, но с пониманием, потому как знают направленность моих интересов, и необходимость расширять кругозор, любезно проводив до международного аэропорта Каира. Издалека безошибочно определил ворота на мой рейс Каир – Сана, потому что не заметить было невозможно: только трое-четверо одетых в строгий костюм мужчин стояли в ожидании на ногах, остальное сообщество, разбившись на несколько групп, сидело прямо на полу кружками, все мужчины с характерной внешностью и формой одежды, в основном это юбка-маауаз, платок с особым оттенком и рисунком, какого нигде кроме Йемена не встретишь. Эти люди – представители племен из йеменской глубинки, для меня до сих пор остается

загадкой, что их привело в Египет, да еще в таком количестве. Предполагаю, они были трудовыми мигрантами, но спросить их об этом тогда не догадался, хотя была возможность.

В салоне самолета на месте рядом оказался один из них. Очень забавным оказалось выступать в роли переводчика между ним и стюардессой-египтянкой, которая была обескуражена непонятным йеменским говором. Похоже, эта девушка первый раз в жизни видела столь аутентичных представителей арабского этноса. Не скажу, что сам полностью и сразу понимал всю речь, приходилось иногда переспрашивать, но все же знание и литературного арабского языка, и основ различных диалектных форм сильно помогло.

Столица Сана – город, окруженный живописным кольцом гор. Кроме того, высота над уровнем моря, на которой он расположен – 2200 м, следовательно, несмотря на южные широты, здесь сравнительно прохладно. В панораме города сразу выделяется гармонично вписывающаяся в ландшафт большая мечеть президента Салеха. Архитектура зданий и жилых домов в городе – примерно как во всех арабских городах, но все же выполнена в своем характерном санаанском стиле, особенно это касается исторического центра – *Баб аль-Йаман*, находящегося в списке всемирного наследия ЮНЕСКО. Над Старым городом величественно возвышается гора Нугум, выделяясь из всего кольца гор.

Улицы города не сильно наполнены людьми и автотранспортом. Мужчины практически все одеты одинаково: длинная рубаха-джалабийя, широкий пояс золотистого цвета с кинжалом-джамбия с загнутыми вверх ножнами, поверх рубахи традиционно жилетка или пиджак, на плечах накинут платок-куфия (по-йеменски ее называют *гутра*), на ногах – тапочки-сланцы. Непременно присутствует перстень с агатом, добываемым в стране. Такой перстень – самый распространенный товар в сувенирных лавках старой Саны.

Большинство мужчин, особенно после полудня, встретятся вам с раздутой щекой: это процедура жевания растения «кат», листья которого пережевываются и накапливаются под щекой, отсюда название этого процесса – *тахзйин*, т.е. накопление. Наверное, для йеменца жизнь без ката так же немыслима, как для нас – без чая, например. Если говорить о кинжале-джамбии, то это скорее декоративная деталь одежды, нежели оружие. Но, даже символически, эта деталь говорит о многом: по всей видимости, северная часть Йемена, где джамбия в основном распространена, никогда не была покорена извне.

Что касается женщин – все, как одна, подчиняются определенному дресс-коду: черная накидка-никаб с прорезью для глаз. Кисти рук, как правило, украшены рисунком хной. Общение поддерживают, могут даже завести разговор первыми, но в транспорте мужчинам не принято садиться рядом с незнакомой девушкой.

В употреблении пищи не используются столовые приборы, все едят руками, даже рассыпчатый рис, хотя можно зачерпывать пищу сложенным лодочкой куском хлеба. В качестве сувениров я привез деревянные расписные ложки, которые подарил персоналу гостиницы в Санае, но функциональность такого прибора, по всей видимости, ребят смутила, потому что прозвучал вопрос: что этим делают, пьют что ли?

Люди приветливо относятся, особенно узнав, что вы из России. Иностранцев-туристов совсем не видно, можно встретить лишь единицы, и то большинство из них приезжают в Йемен для посещения чудо-острова Сокотры, расположенного в Аденском заливе Индийского океана. Молодежь сетует на то, что правительство ничего не делает для развития международного туризма, хотя его потенциал в Йемене огромен. При этом есть понимание того, что международный имидж у страны нелицеприятен, естественно, это представляет большую проблему, которую еще предстоит преодолеть, и с большим трудом: речь о наличии на территории Йемена ячеек террористических организаций. На северо-востоке, согласно многим свидетельствам, велика вероятность быть похищенным с целью выкупа, причем, даже для самих йеменцев. В этих областях имеет место перманентная межплеменная борьба, а жители не ограничиваются ношением лишь поясного аксессуара – «игрушечной» джамбии, не расставаясь и с автоматом, и гранатометами.

Для выезда за пределы столицы иностранцу необходимо получить разрешение в специальном офисе. Во избежание неприятностей, разрешение для выезда не дают как раз в те проблемные районы. Мне выдали разрешение на выезд без проблем, так как я описал маршрут своего следования в районы, считающиеся безопасными: Сана – Ибб – Таизз – Аден – эль-Ходейда – Сана.

Дорога, ведущая от столицы Саны на юг, к провинциям Ибб, Таизз, Лахедж и Аден – постепенно спускающийся серпантин, не менее кавказского впечатляющий равнинного жителя. В дороге можно наблюдать так называемое террасное земледелие, присущее горной местности: плодородные земли разделаны на небольшие поля или полосы, расположенные ступенями на склонах гор, что создает очень живописную картину для взора приезжего. Первая остановка в пути на ночь – город Ибб, называемый самими его жителями *'ибб ал-Хадра* – «Зеленый Ибб». Это очень живописный населенный пункт все с тем же горным скалистым пейзажем, провинция – житница Йемена, что и соответствует названию. Вместе с водителем, дежурящим при гостинице, совершили экскурсию в его родную деревню, где была возможность пообщаться с сельскими жителями. Особенно интересно было побеседовать со стариками. Они очень приветливо встретили нас, первым делом спросив, чей я сын, видимо полагая, что я происхождения из местных, но приехал на побывку к родным. Поняв, что я русский, очень сильно хвалили наше государство и политику, с особенным теплом вспоминая Н. Хрущева (что слышал и до этого много раз в Египте и Сирии, но почему-то не ожидал, что его могут знать и помнить здесь, в йеменской глубинке). Возраст этих мужчин – за девяносто, все с ясной памятью и рассуждениями. Они, по их собственным свидетельствам, застали период правления имама Ахмада бен Яхья, затем антимонархический переворот и переход к республике, и конечно же, помнят все то хорошее, что сделал СССР по отношению к арабским странам, и скорбят по поводу распада советской державы, видя в этом и главную «причину всех нынешних бед» остального мира. Ясность мысли этих старейшин поражает. Причем, по их словам, они за всю жизнь не выезжали дальше районного центра. Вот он, эффект жизни на селе, труда на земле своих предков!

В окрестностях города имеется водопад, точнее, как и во всем Йемене, русло, наполняющееся лишь в весенне-летний период прихода дождей.

Дальше, на юг – следующий пункт, город Таизз, считающийся «сердцем» страны из-за своего срединного расположения, и с точки зрения численности населения – один из крупнейших. Таизз стоит посетить хотя бы из-за его живописнейших видов. Над городом величественно возвышается гора Сабр, и с ее вершины открывается неповторимая панорама, у подножия горы находится холм, на вершине которого – крепость аль-Кахира (Победоносная), «тезка» египетской столицы. И, конечно, все то же доброжелательное и теплое отношение местных жителей, интерес к нашей стране, расспросы о том, как у нас живется. В таких встречах на улицах города обязательно предложат стакан йеменского чая с молоком в качестве угощения, для поддержания беседы. Кстати, провинция Таизз считается основным производителем йеменского кофе.

Гористая местность переходит в равнинную ближе к Адену – городу на берегу Аравийского моря. Пейзаж становится пустынным, хотя сам город окружен скалистыми горами. Город большей частью выглядит по-современному. За многими районами закрепились английские названия, например, Крессент, который вытянулся вдоль берега моря, изогнувшись полумесяцем, или центральный район Крейтер в кольце гор. Тип южного йеменца заметно отличается от северного: другой говор, стиль одежды. Здесь уже не увидишь поясов с джамбиями и пиджака поверх длинной рубахи: предпочитают надевать юбку-маауаз. Больше женщин с открытым лицом. Встречается очень много аденцев, знающих русский язык – тоже печать прошлого (Народно-Демократическая Республика Йемен со столицей в Адене имела значительную поддержку СССР). Вообще, Аден производит впечатление «окна в мир» для Йемена. Еще приходит в голову мысль об огромном потенциале этого места в плане развития туризма.

Из Адена в эль-Ходейду, направление на северо-запад. Путь пролегает через равнину пустынного характера, район Тихамы, пересекать который пришлось на автобусе весь день. Где-то западнее от дороги осталась Моха – тот самый красноморский порт, который дал название сорту кофе Мокка.

Вообще, цель посещения эль-Ходейды, а также порта на берегу Красного моря – повидать своих давних друзей по Хелуанскому университету. Каких-либо достопримечательностей эта местность особо не имеет, в сравнении хотя бы с Шибамом (куда съездить на этот раз не довелось. Общение с друзьями, воспоминания о днях, проведенных в Египте, небольшая прогулка вдоль побережья, ужин в ресторане, где все так же едят руками.

Но главный сюрприз, как оказалось, был впереди, и не посетив эль-Ходейду, не довелось бы это увидеть. Возвращаться в йеменскую столицу надлежало на следующий день. Автобус сообщением эль-Ходейда – Сана ходит регулярно. Расстояние между этими двумя пунктами по прямой незначительное, ровно сотня километров, но давайте вспомним, что йеменская столица находится на высоте около двух километров над уровнем моря! И набор этой высоты должен производиться практически «в лоб», то есть резко вверх, в гору. Подобный серпантин, какой представляет собой данная трасса, просто

трудно представить нашему соотечественнику, даже жителю горных районов Кавказского региона.

И вот снова Сана... Пора собираться домой, через охваченный восстанием 25–30 января Каир. Остался не посещенным на этот раз Хадрамаут и такие «жемчужины», имеющиеся в нем, как Мариб – «наследник» Сабейского царства с древним храмом, который называют Троном царицы Балкис (Царицы Савской), Шабва – древняя столица Хадрамаутского царства, Шибам – «пустынный манхетен», где были возведены и до сих пор стоят первые в мире многоэтажки, причем глинобитные, ну и конечно же то, что влечет в эту страну многих исследователей и ученых разных областей науки – остров Сокотра, где имеются нигде более не встречающиеся образцы флоры, такие как драконовое дерево и т.д. Множество неразгаданных загадок, огромное поле деятельности для исследователя, экзотика и интерес для обычного туриста.

Любой человек, даже араб из другой страны, попадая в Йемен находит себя очутившимся, по меньшей мере, в средних веках, нужно лишь убрать электричество, интернет и автотранспорт. Можно практически совершить путешествие в истории, столетий на пять назад и без всякой машины времени. В наше время, когда практикуют экскурсионные поездки на орбиту, в космос, кажется странным, что столь интересное место здесь, на Земле, незаслуженно обойдено вниманием. Остается пожелать этой древней земле мира, взаимного согласия и роста благосостояния граждан. До свидания, Arabia Felix!

The article was submitted on 27.04.2017

В. В. Хренов

ОСТРОВ ЧЕДЖУДО: ГОРОДА И ЛЮДИ ГЛАЗАМИ УРАЛЬСКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА. ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Аннотация: данный путевой очерк посвящен путешествию по самому необычному, самобытному и уникальному месту Южной Кореи – острову Чеджудо. Очерк представляет собой дорожные заметки автора статьи, основанные на его личном опыте, наблюдениях и впечатлениях во время путешествия по острову в июле 2013 года.

Ключевые слова: Азия, Южная Корея, общество, путешествия, туризм, Чеджудо, путевые заметки.

Valentin V. Khrenov

JEJU ISLAND: ITS TOWNS AND PEOPLE IN THE EYES OF THE URAL TRAVELER (PART I)

Abstract: the article presents a traveling essay on a trip to the Jeju Island as the most unusual, unique and marvelous region of South Korea. These are the Author's own travel notes based on his personal experience, observations and impressions during his trip to the Island in 2013.

Key words: Asia, South Korea, society, traveling, tourism, Jeju, travel notes.

Пролог или попытка номер один.

Остров Чеджудо – как много в этом звуке не только для иностранцев, но и для самих корейцев. Живописная природа вулканического острова в бирюзовых водах Корейского пролива, завораживающие рассветы и закаты, самобытная культура его жителей – вот что притягивает сюда как корейских молодоженов, мечтающих провести свой медовый месяц в этом «корейском Крыму», так и ищущих новых впечатлений искушенных туристов, которых, казалось бы, ничем уже не удивить. Благодаря своей уникальности этот «остров трех изобилий» – вулканических камней, сильнейших порывов ветра и бесстрашных женщин-ныряльщиц, так называемых «хэнё» – обрел статус природного памятника всемирного наследия ЮНЕСКО. Об этом чудесном райском уголке Кореи я узнал еще в начале 2000-х от своего первого преподавателя корейского языка и решил для себя, что непременно побываю в этих местах. Вскоре я уехал учиться на год в Сеул по обмену, и во время очередных коротких летних каникул намеревался осуществить мечту юного корееведа – посетить остров Чеджудо. За пару дней до планируемой даты моего выезда на Чеджу оттуда вернулись несколько знакомых тайванских студентов, изучавших вместе со мной корейский язык. Они пробыли там лишь три дня, но вернулись довольными и сияющими от новых впечатлений. Мы собрались в общежитии, где они мне долго показывали фото солнечного Чеджудо, наперебой рассказывали о своих приключениях. Их рассказы уносили меня на этот вулканический остров, мысленно я был уже там... Казалось бы, вот оно, Чеджудо, совсем

близко! Но вот кто-то из них решил включить телевизор посмотреть новости: на экране мелькали кадры полета сорванной штормовым ветром кровли, люди, пытавшиеся противостоять сильнейшему ветру, который, казалось, оторвет их от земли и унесет их далеко-далеко. Вдруг мои собеседницы стали дружно показывать пальцем на экран и кричать, что они были там еще вчера. И тут до меня дошло, что моим грандиозным планам поездки не было суждено сбыться: это были кадры того самого солнечного Чеджу, где буквально за сутки ясная и комфортная погода сменилась стихийным бедствием, которое, как потом выяснилось, пробушует больше недели, а на устранения последствий шторма уйдет несколько месяцев... Вот так второе из ранее упомянутых «трех изобилий» острова не дало мне попасть на него в 2004 году. Будто бы природа таким образом охраняет остров от чрезмерного потока туристов и пытается иногда сказать, мол, хватит сюда ехать, господа туристы, дайте природе дивного острова хоть немного отдохнуть от вас... Вот на мне, видимо, природа Чеджу тогда и отдохнула...

Попытка номер два. Подготовка к вылету.

Почти десять лет спустя, в июле 2013 года, мне снова довелось побывать в Южной Корее, где я обитал преимущественно в Сеуле. Так как в мои планы входило путешествие на остров Чеджудо, еще в России я стал искать недорогой способ добраться из Сеула на Чеджу и обратно. Мой выбор пал на самого популярного лоукостера этого направления, авиакомпанию Чеджу Эйр (Jeju Air), чьи акционные билеты иногда доходили до 75%). Изучая рейсы на их сайте, я нашел авиабилеты в одну сторону по цене 38 тыс. южнокорейских вон туда-обратно, вместе со всеми сборами (по среднему курсу 1100 вон за 1 долл. США). Однако приобрести билеты на официальном сайте этого авиаперевозчика иностранцу оказалось невозможно: система регистрации требовала ввода ряда персональных данных, которыми обладают только граждане Республики Корея. Почитал форумы на эту тему, и оказалось, что все россияне, пытавшиеся осуществить оплату через этот сайт, сталкивались с той же проблемой, что и я. Поэтому я решил приобрести билеты на месте, по прилету из России в международный аэропорт Инчхон на стойке авиакомпании Чеджу Эйр. Как только я прибыл в этот аэропорт, не теряя времени, я отправился на ее поиски. Аэропорт Инчхон не зря считается одним из крупнейших в мире, поэтому сходу отыскать ее месторасположение не удалось. Не долго думая, я подошел к одной из многочисленных информационных стоек, находящихся у каждого из выходов вдоль всего здания аэропорта. К моему счастью, Чеджу Эйр оказались совсем рядом, на втором этаже терминала прибытия. Однако от сотрудниц авиакомпании я узнал, что они продают билеты только на международные рейсы, поскольку аэропорт Инчхон является международным. А все билеты на внутренние рейсы, в т.ч. на Чеджудо, необходимо приобретать на их стойке в аэропорту Кимпхо, который обслуживает все внутренние и некоторые международные рейсы, или же в авиакассах. Других вариантов покупки билетов сотрудницы авиаперевозчика мне предложить не сумели. Последний из вариантов я сразу же для себя исключил: была суббота, а все авиакассы в Южной Корее работают только по будням, да и

берут агентскую комиссию в то время на стойке авиакомпании в Кимпхо билеты можно приобрести ежедневно и без комиссии.

На следующий день я отправился в аэропорт Кимпхо, находящийся на юго-западе Сеула, у станции Сингиль 5-й ветки метро, который до постройки Инчхонского аэропорта в 2001 году являлся главным аэропортом страны для международных и внутренних перелетов.. Там же можно пересесть на линию метро, ведущую от Сеульского вокзала до Инчхонского аэропорта. От станции Сингиль к главному зданию аэропорта тянется тоннель длиной в примерно 1 км. с траволаторами – напольными эскалаторами, благодаря которым от станции до аэропорта можно пройти за 10 мин. не выходя на улицу.

Аэропорт Кимпо значительно меньше и намного проще аэропорта Инчхона. Я сразу же поднялся на 2-й этаж, где находились стойки регистрации авиакомпаний. Стойка авиакомпании Jeju Air была в самом левом крыле (если стоять лицом к аэропорту), и там мне удалось-таки купить авиабилеты из Сеула на Чеджудо (до аэропорта города Чеджу) на 18:30 17 июля – туда, и на 20:50 23 июля 2013 – обратно. Билет туда-обратно обошелся в 82,3 тыс. вон (туда 38 тыс., обратно – 44 тыс. вон). Это была не самая лучшая цена для этого направления, но в любом случае это было дешевле, чем 90–100 тыс. вон за перелет в одну сторону (именно столько обычно стоят билеты на Чеджудо без скидки). На внутренних авиалиниях компании можно провозить 15 кг. багажа и 10 кг. ручной клади. Примечательно, что в билетах оранжевого цвета, которые мне продали, говорилось, что авиакомпания не несет ответственности за повреждение багажа, порчу и срыв замков багажа и т.п.

Что касается проживания на Чеджу, то я решил найти отель непосредственно по прилету на остров. Ведь на острове очень много небольших мотелей, не имеющих даже сайта, где не знают английского языка, и информация о которых отсутствует в известных системах бронирования. Но, судя по отзывам, эти мотели по уровню сервиса практически ничем не уступают «раскрученным» в этих системах отелях и имеют стоимость проживания в 1,5–2 раза ниже последних. Но это в теории. Было сложно предположить, как все сложится на практике, но что-то мне подсказывало, что по цене 60 тыс. вон за ночь, т.е. по стоимости самого дешевого отеля по данным международных систем бронирования, я точно сумею найти какой-нибудь сносный отель или мотель. Хотя, конечно, я рассчитывал подыскать себе что-нибудь по цене не более 40 тыс. вон за сутки. При этом приходилось учитывать, что с середины июля до конца августа на Чеджу бархатный сезон, когда свободных отелей не очень много и цены на этот период поднимаются на 10–15%, так что шанс найти отель по такой цене казался большой удачей. На остров я должен был прилететь вечером, и не исключал, что тратить много времени на поиск оптимального по цене места ночлега не смогу, поэтому на всякий случай заранее подыскал себе по системам бронирования несколько дежурных отелей. А план путешествий, карты местности, транспорта и другую информацию я собрал еще до приезда в Корею. Так что с удачной покупкой авиабилетов на Чеджу организационную часть подготовки к путешествию можно было считать законченной.

Неделя на Чеджудо.

День первый. Прибытие.

В ночь на 17 июля в Сеуле прошел дождь, и весь день было пасмурно. Прогноз погоды сулил в целом ясную погоду на Чеджу, но с дождями. Памятуя о непредсказуемости погоды на острове, мне оставалось только надеяться, что эти дожди не станут бурей с ураганным ветром. В Сеуле уже вторую неделю шел сезон дождей, когда ливни перестали быть чем-то удивительным. В этот день осадков больше не было до самого вылета, но весь день пахло свежестью после ночного дождя. Днем я собрал багаж, пообедал в соседней забегаловке блюдом тольсот пибимбабом, в начале пятого вечера отправился на метро от станции Маджандон в аэропорт Кипхо. Дорога на метро до станции Сингиль в Кимпхо заняла 56 мин., и еще 10 минут ходьбы по траволатору до вестибюля аэропорта, где я был уже в 17:20 (вся дорога обошлась в 1350 вон).

Регистрация на рейс еще только началась, и я решил прогуляться по аэропорту и где-нибудь проверить вес своего багажа. Тут я обнаружил несколько особенностей этого аэропорта, которые могли бы доставить дискомфорт пассажирам.

Во-первых, объявления о рейсах делаются не очень громко, только на корейском и лишь изредка – на английском. Во-вторых, в аэропорту очень мало световых табло с указанием рейсов. Поэтому, когда сидишь в зале ожидания, практически не видно и не слышно никакой информации о рейсе: объявления читаются тихо и их заглушает даже легкий шум в зале, а чтобы посмотреть информацию на табло, надо было вставать со своего места и отходить от зала ожидания не на один десяток метров. В-третьих, в зале были только маленькие весы, рассчитанные на взвешивание ручной клади с ограничительной габаритной рамкой. Чемодан или даже дорожную сумку на таких весах не взвесишь. Благо сотрудники стоек регистрации других авиакомпаний без проблем разрешают взвешивать багаж на своих весах. Как выяснилось, весы на стойках регистрации различных авиакомпаний настроены по-разному: на стойке Чеджу Эйр, где я зарегистрировался, вес моего багажа оказался на целых 5 кг. больше чем на стойке Кореан Эйр, где я предварительно взвешивал свой багаж. Но так как с учетом даже этой пятикилограммовой «погрешности» в требуемые нормативы веса я вписался, то проблем с доплатой за сверхнормативный багаж у меня не возникло.

Во время регистрации сотрудница Чеджу Эйр с приятной улыбкой сообщила мне не очень приятную новость о том, что рейс на 18:30 задерживается как минимум до 18:55 из-за штормового ветра на Чеджудо, добавив, что через 5–10 минут дадут уточненную информацию об этом. Тогда я прошел в крохотный зал ожидания, рассчитанный лишь на 20 с небольшим мест, где уже резвилась толпа громкоголосых китайских туристов. Объявления делались по-корейски, но из-за шума китайских товарищей их практически не было слышно, а табло было достаточно далеко, чтобы его разглядеть. Сначала я думал, что все пассажиры, окружавшие меня, ждут рейса на Чеджу. Но оказалось, что кто-то ждал рейса в Японию, а кто-то в Китай. Поэтому следить за объявлениями о рейсе стало для меня задачей номер один, чтобы не пропустить посадку на рейс. Я присел на освободившееся место в зале. Вокруг были только азиаты, ни одного

европейца. Не прошло и пяти минут, как со мной захотел познакомиться сидевший справа от меня молодой японец, на вид лет семнадцати. Он с трудом говорил по-английски. Оказалось, что он миссионер из Японии и долго рассказывал о своей деятельности. Думал, что у человека было банальное желание просто пообщаться с типом славянской внешности вроде меня дабы скоротать время ожидания рейса. Но финал оказался иным: весь его рассказ свелся к тому, чтобы я дал ему пожертвование хотя бы 10 долларов в обмен на какой-то бордовый платочек сомнительного вида. Тут я спохватился, поскольку прошло уже 20 минут, и за разговором с соседом под щебетание китайцев я мог прослушать объявление о рейсе. Я подбежал к своей стойке регистрации. Оказывается, все пассажиры моего рейса уже ушли на посадку, а про меня сотрудники Чеджу Эйр забыли, хотя я находился в поле их зрения. Меня попросили пройти на 3 этаж. Я поднялся, прошел осмотр и очень быстро оказался в зале ожидания посадки у стойки №11. Никаких дотошных досмотров там не было, даже рамок металлоискателей. Какая же спокойная страна, эта Южная Корея!

Зал был битком набит многочисленными китайскими туристическими группами, которые тоже ожидали посадку на рейс. Их гиды что-то старательно объясняли бабушкам-китайкам, отвечали на их многочисленные и, возможно, банальные вопросы, активно тыкая на все и вся указательным пальцем. Не прошло и пары минут, как всех пригласили на посадку. Подошел автобус и доставил нас к трапу самолета. Правда, это был выдавший виды высокопольный Дэу пригородного типа с тремя ступеньками в салон, что было очень непривычно встретить в аэропорту. Ведь даже в нашем родном Кольцово пассажиров уже давно подвозят к трапу только низкопольные автобусы.

На многих фото авиакомпании Чеджу Эйр я видел самолеты с пропеллерами и думал, что на остров полечу на подобном агрегате. К моему удивлению, самолет оказался самым обычным, небольшим воздушным судном оранжево-белого цвета, в салоне которого сиденья были расположены по два с каждой стороны. Самолет был без технических изысков, чем-то напоминая транспорт известных лоукостеров.

В 19:15 самолет выехал на рулежную дорожку, а в 19:25 мы взлетели. Так как вся дорога должна была занимать лишь 1 час, на борту пассажиров не кормили, а давали только прохладительные напитки: воду и соки. Приземлились мы уже затемно, с пятиминутным опозданием, в 20:30. Сойдя с трапа самолета, все пассажиры пешком дошли до здания аэропорта, практически сразу же попав в зону получения багажа. Через четверть часа на ленте появились чемоданы. Этот процесс оказался, пожалуй, самым забавным и всех себе подобных: сотрудник авиакомпании в белых брюках и оранжевой рубашке с рацией наперевес собственноручно перекладывал чемоданы с конца ленты в начало, брал с ленты вещи без бирок (вроде тростей, сумочек и т.п.) поднимал вверх и громко спрашивал, чья это вещь. Как только владелец отзывался, сотрудник подбежал к нему и передавал в руки вещь, одновременно поправляя криво уложенные на ленте чемоданы и переговариваясь о чем-то по рации. Вот это сервис! Меня чуть не разобрал смех, как только я представил себе такую картину в российских аэропортах.

Аэропорт Чеджу, расположенный в одноименном городе, по своему масштабу оказался меньше Кимхо, поэтому здесь все было расположено компактно и близко. Получив багаж, я сразу же подошел к информационной стойке, где мне дали буклет по Чеджудо и карту окрестностей. Карта была очень простая, туристические достопримечательности на ней практически отсутствовали, одни лишь отели, рестораны и ... даже начальные школы! Правда, непонятно, зачем информация о школах нужна прибывшему на остров туристу. На стойке была и более полезная информация: расписание первых и последних автобусов маршрутов, которые ездят через аэропорт. Я планировал обосноваться в районе Ёндон (Yeon-Dong), который расположен в 10–15 минутах езды к югу от аэропорта. До окрестностей отеля «Монако», где я рассчитывал найти демократичное по цене жилье, нужно ехать на автобусе №500 до остановки «Грэйс отель». Последний автобус в эту сторону проходил в 21:39, а на часах было уже 21:00, поэтому я поторопился на остановку.

Автобусная остановка всех городских рейсовых автобусов находится прямо на выходе из зала прибытия, причем все они транзитные и не имеют конечной в аэропорту. Остановка единственного в аэропорту пригородного маршрута – экспресса №600, следующего до города Согвипо в южной части острова, расположена на несколько десятков метров правее остановки рейсовых маршрутов (если стоять спиной к главному входу в аэропорт). Важно, что на этом месте останавливаются маршруты, следующие в обе стороны, поэтому нужно внимательно смотреть на направление следования на маршрутном указателе автобуса.

В 21:15 я сел на 500 маршрут автобуса и за 10-12 минут доехал до остановки «Грэйс отель». Так как транспорт Чеджудо представлен такси (обычное и люкс, кроме оранжевых такси, которые есть в Сеуле) и городских и пригородных автобусов, а метро и железных дорог на острове нет, стоит сказать несколько слов об отличительных особенностях автобусного движения в городе Чеджу – центральном городе одноименной провинции Чеджудо, по сравнению с Сеулом:

1) Внешне все городские автобусы Чеджу имеют не красную, желтую, зеленую или синюю окраску, как принято в Сеуле, а белую с оранжевой и голубой полосой и с символикой острова Чеджудо. При этом сам подвижной состав такой же: большие автобусы Хёнде и Дэу, пригородные КИА. Нумерация городских автобусов одно-четырёхзначная. Пригородные же автобусы, как правило, окрашиваются в сочетание белого и того цвета линии маршрута, каким она изображена на местной карте транспорта (например, зелено-белые, оранжево-белые и т.д.) и специального номера маршрута не имеют, за исключением аэропортового экспресса №600, который соединяет аэропорт Чеджу с городом Согвипо.

2) Стоимость проезда составляет 1000 вон (против 1150 вон в Сеуле) при оплате наличными, и 950 вон по так называемой «Т-Money» карте (против 1050 вон в Сеуле) – транспортной карте, которая действует во многих крупных городах Южной Кореи, в том числе в Сеуле и на всей территории провинции Чеджудо. Это очень удобно, так как избавляет путешественника от необходимости покупать региональные транспортные карты. В пригородных автобусах, курсирующих по всему острову, цена зависит от расстояния и делится на зоны: по карте от 1000

вон (т.е. стоимость проезда по городскому тарифу на короткие расстояния) и максимум до 5000 вон (например, от Чеджу-си до Согвипо-си). Причем, у экспресса №600 (Аэропорт Чеджу- отель KAL Согвипо) максимальная цена тоже 5000 вон. Например, если ехать из Согвипо в Чеджу, то тарифы на маршруте распределяются так: 5000 – от конечной Аэропорт Чеджу до конечной KAL Отель (г. Согвипо); 4500 – от самых западных остановок Согвипо под названием Чеджу Уорлд Кап Стэдиум и Пунглим Ризорт до Аэропорта Чеджу; 3900 – от города Чжунмуна до Аэропорта; 1500 – от единственной остановки между Чжунсином и Чеджу; 1000 – по городу Чеджу). При посадке на пригородные маршруты пассажир называет пункт следования, после чего водитель на сенсорном экране выбирает соответствующий тариф, который после нажатия на кнопку появляется на табло над валидатором. Если же билет приобретается в кассе, то кассир сразу продает билет до определенной остановки по соответствующему тарифу.

3) Система пересадок. В течение часа после первой посадки на пригородный или городской автобус можно сделать не более 2 бесплатных пересадок. При 3-й пересадке или если прошло более часа, нужно снова оплачивать проезд. По этой причине при поездке на другой конец города с пересадками лучше сделать все необходимые пересадки в начале следования, а потом уже ехать до нужной остановки. То же самое можно отнести и к пересадке с городского на пригородный маршрут. В этом случае спишется разница между пригородным и городским тарифом. Например, если тариф 3000 вон, то спишется $3000-950=2050$ вон. При пересадке же с пригородного на городской маршрут все точно так же. Однако, в случае пересадки на городской автобус после более чем часовой поездки на пригородном можно на выходе, через водительскую дверь, еще раз приложить карту к валидатору. Тогда в течение последующих 30 мин. можно сделать только 1 бесплатную пересадку на городской автобус. В случае пересадки, при соприкосновении карты с валидатором, система не просто пищит (как в Сеуле и большинстве других городов Южной Кореи), а объявляет женским голосом «Пересадка!» (кор. «Хвансынмнида!»).

4) Стоимость оплаты проезда на городских маршрутах фиксированная и не зависит от дальности поездки, как в крупных городах Южной Кореи. Поэтому в салоне автобуса валидатор у средней двери отсутствует. Пассажир прикладывает карту к валидатору у водительской двери на входе и сразу списывается необходимая сумма.

5) Общественный транспорт на Чеджудо к 23:00 полностью прекращает работу, в отличие от Сеула, где автобусы заканчивают ходить в 0:00, а метро – в 1:00.

6) Система расписания транспорта. В отличие от Сеула, на остановках нет схем маршрутов, что несколько неудобно, но зато висит расписание с указанием времени прохождения автобуса на каждой из ключевых остановок маршрута (в Сеуле же указывается только время начала и конца работы маршрута).

Итак, прибыв в 21:30 на остановку «Грэйс отель» на улице Саммуро в центральном районе Ёндон, я сразу же отправился искать подходящую по цене гостиницу. В районе этой остановки находился «Монако отель», который я нашел еще на сайте бронирования по 55 тыс. вон за сутки, но решил отправиться туда только

в том случае, если не смогу найти чего-нибудь более подходящего. Поэтому я, недолго думая, свернул в ближайший к остановке темный переулок. Ведь в случае с Кореей, именно в таких местах можно найти не только дешевые ресторанчики, но и мотели. Сначала на моем пути встретился «Дэсембер» отель. Хотя стоимость номера в этом отеле была 90 тыс. вон за сутки, все оказалось раскуплено местными туроператорами. Тогда я прошел еще на 50 м. вглубь, и, по правую сторону, в еще более темном закоулке, увидел еле светящуюся вывеску на корейском «Чеильчан отель». Это оказался небольшой семейный отель без особых изысков, но вполне сносный. На «ресепшене», чем-то напоминающим барную стойку, спала хозяйка отеля, бабуля лет шестидесяти. Похожа, она была удивлена визиту бледнолицего иностранца в столь поздний час. Стоимость одноместного номера за сутки оказалась всего 30 тыс. вон, что, с учетом высокого сезона, который начался на Чеджудо, было очень дешево. Поэтому я решил посмотреть номер. Дали мне номер 102, прямо у ресепшен. В номере площадью 13–15 кв. м. было практически все необходимое: санузел с душевой, одноместная кровать, старенький и маленький пузатый телевизор, кондиционер, вентилятор, тумбочка и мини-холодильник. Пожалуй, единственным недостатком было то, что отеле не было ни проводной, ни беспроводной Интернет-связи, которая теперь есть почти в каждом уголке Кореи. Также нигде не оказалось кулера с водой. Это означало, что позавтракать в номере с чашечкой горячего чая или кофе здесь не получится. А это очень актуально ввиду того, что на Чеджудо большинство точек общепита открываются только после полудня. Но, с учетом низкой цены номера и, следовательно, значительной экономии средств, я закрыл глаза на эти мелочи и оплатил номер за весь период пребывания.

Заселившись, я решил сразу же отправиться изучать окрестности, а заодно и подкрепиться. Как выяснилось, на Чеджудо, в силу курортного статуса, немало забегаловок, ресторанов и магазинов работают до 5 утра или вовсе круглосуточно (например, магазины 7/11 или GS25), в отличие от Сеула, где большинство таких заведений к полуночи уже закрыты. При этом, как и следовало ожидать, многие начинают работу после 12:00, а некоторые и вовсе в 17:00.

Было 22:30. По следам почти испарившихся луж и свежести в воздухе было понятно, что незадолго до моего прилета в городе прошел дождь. Или, может быть, здесь прошел еще и ураган, иначе вряд ли бы просто так стали задерживать мой рейс из-за непогоды на острове. На улице было тепло и комфортно. Дойдя от своего мотеля (по статусу место, где я остановился, несмотря на наличие слова «отель» в названии, относилось к категории мотелей) до центральной улицы Саммуру, я отправился к югу от нее по темной улице, ведущей в гору. На улице не наблюдалось фонарей, а было лишь естественное освещение от окон и вывесок многочисленных забегаловок и ресторанчиков. Оказалось, что многие из них специализируются на кухне из морепродуктов с соответственно высокими ценами. По сравнению с Сеулом, где можно без проблем сытно покушать за 3–5 тыс. вон, здесь цены на подобные блюда начинались от 7–10 тыс. вон. А места с блюдами менее 10 тыс., как оказалось, не так уж было легко найти. Возможно, на уровне цен сказывался как курортный сезон, так и удаленность от континен-

тальной Кореи. Более того, во многих ресторанах блюда из мяса и морепродуктов отказываются готовить на одного человека, а только из расчета минимум на двух человек, т.е. 20–25 тыс. вон. Поэтому по таким ресторанам лучше всего ходить компанией. Здесь почти все рестораны основываются на приготовлении морепродуктов, цены на которые в Сеуле примерно такие же высокие. Однако на Чеджудо практически не встретит такие обычные для континентальной Кореи блюда, как рисовые чеюк топпап, тольсот пибимбап, колбаса сундэ, и даже обычное токпокки является редкостью.

Ужинать я еще не хотел, поэтому решил продолжить осмотр окрестностей. В конце этой улицы, на самой горочке у перекрестка с улицей Ноённо, я обнаружил супермаркет «Чевон Маты». Цены там оказались вполне сопоставимыми с ценами сети E-mart в Сеуле, поэтому я решил там немного закупиться. Магазин порадовал отсутствием очередей, а работал он ежедневно чуть ли не круглосуточно, с 9:00 до 5:00.

Сложив все в рюкзак, я отправился в сторону центра по улице Ноён-но. На часах было уже 23:30, но на хорошо освещенных улицах этого района еще было достаточно оживленно: на бульваре повсюду была слышна музыка, доносились веселые возгласы гуляющей корейской молодежи, а уличные торговцы призывали купить их товар. Но стоило мне свернуть с бульвара на соседнюю улицу, я увидел горы мусора, который разгонял по проезжей части усиливавшийся ветер. И это несмотря на то, что везде на обочинах улиц Чеджудо можно встретить небольшие пластиковые баки для мусора белого цвета с оранжевыми крышками на 2 колесах, около метра в высоту. В городах континентальной Южной Кореи, например, в том же Сеуле, мусорные баки, да и элементарные урны найти большая проблема. Весь мусор в большинстве районов просто выставляется в пакетах вдоль дорог, которые под утро собирают коммунальные службы. На Чеджудо же ситуация в этом плане обстоит намного лучше и привычнее для европейцев.

Попутно я заглянул в десяток окрестных отелей и мотелей и выяснил много полезного о ценах и условиях проживания. Так, 30 тыс. за сутки, которые я заплатил за свой номер, оказалось действительно самой низкой здесь, по крайней мере в сезон. Я приехал в такое время, когда у одних отелей начался сезон, а другие только готовились к нему. Высокий сезон у отельеров здесь, в зависимости от гостиницы, начинается с 11–20 июля и длится до 20–31 августа. На сезонный период все отели поднимают стоимость на 5–10 тыс. вон за сутки в зависимости от категории отеля. Цены на большинство мотелей начинаются от 40 тыс. вон в сутки, но снять в них номер в сезон практически невозможно: либо номера уже заняты или забронированы, либо работают только с китайскими или корейскими туроператорами. Качество обслуживания и размещения за эту сумму значительно выше, чем в том, в котором я остановился: за эту цену в распоряжении постояльцев есть лифт, кулер как минимум в коридоре, а то и в номере, эстетически более красивые и приятные холлы. Но самое главное отличие от западных отелей – наличие в номере не только беспроводной Интернет-связи, но и даже компьютера с Интернетом. И это за номер стоимостью в 40\$ в самый сезон! Не в сезон большинство таких отелей реально снять за такую сумму или даже ниже, но все они

отсутствуют на известных сайтах бронирования и имеют лишь номер телефона и персонал, не говорящий даже на английском.

Так, обойдя несколько отелей, я набрел на один из них, под названием «Пэкхо мотель», со всем набором вышеописанного сервиса. Ресепшен двухэтажного мотеля на 15–20 номеров представляла собой некое подобие будки вахтера, в котором мирно посапывал кореец средних лет, оказавшийся хозяином мотеля. Я постучал в окошко будки, что привело его состояние бодрствования. Поговорил с ним, и оказалось, что номер у него стоит лишь 35 тыс. вон за сутки. По его словам, в его мотеле останавливаются только китайцы и корейцы, но условия в номере не хуже, чем в других, более дорогих отелях. Попросил показать какой-нибудь номер. Сонный хозяин, спотыкаясь о ступеньки, повел меня на второй этаж и показал свободный номер. В номере с видом на улицу было все необходимое: кулер с питьевой водой, кондиционер, большая кровать, мини-холодильник, стол, плазменный телевизор, санузел, мыло, ежедневно обновляемый набор из шампуня, зубной щетки и бритвы. Хозяин сказал, что уборка в номере производится по запросу: достаточно сказать об этом утром ему или горничной. Да, сам отель с виду неказистый, инфраструктуры никакой, лифта нет, но зато условия в номере оказались ничем не хуже отелей, стоящих в полтора, а то и в два раза дороже. Поэтому без раздумий решил, что надо переселяться сюда. Договорились, что сделаю это утром. Тем более, что переезжать было совсем недалеко – примерно 400 метров.

После такой удачной находки мой желудок стал настойчиво давать понять, что пора ужинать. В начале первого часа ночи зашел в одну небольшую забегаловку «Куксдзип». Посетителей было немного. Заказал жареных кальмаров с рисом. Пока ожидал заказ, со мной завели разговор два пожилых корейца, сидевшие за соседним столиком. Одному из них (действующему полицейскому!!) было 75 лет, а другому, директору школы – 70 лет. Они были уже навеселе. Им было интересно, что я думаю об их новом президенте (Пак Кын Хе, которая к тому времени полгода находилась у власти) и об их кухне. Посидели минут 15 и разошлись по домам. Было очень приятно завершить первый день путешествия в такой необычной компании. Только когда я подошел к своему отелю, почувствовал, как я устал. В холле отеля свет был выключен, а бабушка-отельер спала в плетеном кресле у окна. Она даже не заметила, как я зашел. На следующий день планировал поездку на самую восточную часть острова Чеджудо – мы Сопчикодзи. Желудок полон, маршрут построен, пора спать.

День второй. Мыс Сопчикодзи.

Проснулся в 8 утра. Но прежде чем отправиться на восток Чеджудо я собирался сделать еще одну важную вещь – переселиться в мотель Пэкхо, который я случайно обнаружил накануне. Так как свой багаж я даже не распаковывал, решил начать день с этого важного дела. Бабушка на ресепшен была удивлена, почему я от нее съезжаю, но без вопросов вернула мне средства за заранее оплаченные дни. На улице светило солнце, и несмотря на раннее утро, было очевидно, что день будет жарким. Следует сказать, что погода на острове была замечательная с первого и до последнего дня моего пребывания на Чеджудо: все дни было оди-

наково жарко, как правило, ни единого облачка, температура около +35 градусов. Если и появлялись облака, то холоднее от этого не становилось, разве что солнце меньше палило. Временами дул мощный горячий ветер, будто из турбины. Возможно, что из-за такого ветра задержали мой рейс на Чеджудо. Но этот ветер был очень теплым, а потому дискомфорта не создавал. Как потом выяснилось, с погодой мне действительно повезло: буквально в день моего приезда там закончились длительные дожди, а через пару дней после моего отъезда погода на острове снова испортилась.

Хозяин «Пэкхо мотеля», в который я переселился, дал мне номер, который показывал накануне. Утром забегаловки еще были закрыты, поэтому я решил позавтракать своими припасами и, не теряя времени, отправиться в дорогу.

Местоположение отеля было удобным, в нескольких десятках метрах от центральной улицы Саммура, рядом с остановкой автобуса. Здесь я сел на маршрут №100 и примерно за 25 минут добрался до автовокзала города Чеджу, откуда отправляются пригородные автобусы во все уголки острова. Автовокзал хоть и небольшой, но снаружи имеет футуристическую форму, и особенно красив в ночной подсветке.

Оттуда я собирался отправиться в одну из самых восточных точек Чеджудо – мыс Сопчикодзи, который находился примерно в 1 часе 40 минутах езды от автовокзала. На кассе мне сказали, что мне нужно сесть на автобус зеленого цвета в направлении Согвипо (красная линия), который следовал туда по длинному маршруту вдоль всего восточного побережья с севера на юг, и вот-вот должен был отъехать от 4-й стойки. Это – один из самых частотных маршрутов, который курсирует ежедневно с 6:00 утра до 19:00 через каждые полчаса. На платформе автовокзала – 12 стоек, каждая из которых предназначена для маршрута определенного направления. На стойке № 4 уже шла посадка на бело-зеленый Дэу BS106 нужного мне маршрута.

Автобус отправился в 10:50 и через несколько остановок он заполнился до отказа. Тогда я понял, что на автобус лучше садиться только на конечной, иначе на него не сесть или же придется ехать всю дорогу стоя в давке. Маршрут следования составлял ровно час езды в пределах Чеджу-си до пляжа Хамдок (конечная 10 и 38 автобуса), затем еще 30 мин. до городка Сонсан, где находится кратер потухшего вулкана Пик Восходящего Солнца (так называемый «Ильчульбон»), и еще в 10 минутах езды находится остановка Синъянни ипку, откуда ведет дорога к одноименному мысу. После этого автобус еще около часа едет до конечной – города Согвипо, самого крупного города на юге острова.

Маршрут пролегает вдоль северной части побережья, где открывается прекрасный вид на берег из черного вулканического туфа.

Примерно в 12:35 я вышел на остановке Синъянни ипку (название пляжа, который находится недалеко от Сопчикодзи) и отправился по дороге в восточном направлении. К этому времени на улице стояла сильная жара. Через полчаса неспешной прогулки по прямой улице среди одноэтажных домиков и обширных пустырей я дошел до берега, откуда открывался вид на вулкан, возвышающийся в виде отвесной скалы над морем. До мыса Сопчикодзи, как потом выяснилось,

оттуда вели две дороги. Можно было продолжать движение еще не менее часа по длинной дороге вдоль морского берега, огибая весь мыс, или добраться за 20 минут по короткой. На подходе к набережной мне попался ресторан «Оллематчип», где можно было отведать традиционное местное блюдо из жареного лофолатилуса (так называемое «Октом гуи»), которое я решил непременно попробовать на обратном пути.

Со стороны набережной открывался, на мой взгляд, самый шикарный вид на Пик Восходящего Солнца, а правее него было видно здание аквариума Аква-Планет, за которым скрывался сам мыс Сопчикодзи. Видимо, был сильный отлив, поскольку на берегу была одна зелень и водоросли. В стороне мыса виднелись черные туфовые камни. На побережье была замечена лишь пара-тройка корейцев и корейнок, которые ходили вдоль берега, высматривая в водорослях живность.

Между берегом и дорогой, ведущей к мысу, на постаменте из камней возвышалась трехметровая статуя «харубана» – традиционная фигура доброго дедушки из туфа, которая является символом острова Чеджудо. В пяти минутах ходьбы от этого места вглубь полуострова по правую сторону начиналась территория пляжа Синьянни. Пляж песчаный, достаточно мелководный (в 50 м. от берега люди стояли лишь по колено в воде), поэтому спускаться к пляжу и купаться там я не стал. На южной стороне пляжа лежало множество черных туфовых камней, которые мне наконец-то удалось разглядеть поближе. С той же стороны несколько корейцев даже пытались заниматься виндсёрфингом, несмотря на отсутствие ветра и волн.

Далее была развилка: одна дорога уходила вдаль по периметру всего полуострова, а другая шла вглубь, к зданию аквариума, перед которым возвышался серебристый памятник акуле. После развилки тротуар закончился, и дальше мне пришлось идти по извилистой дороге, сторонясь многочисленных попутных и встречных машин и больших туристических автобусов.

Однако этот маршрут стоил того, чтобы по нему так долго идти. Так, обогнув половину мыса, я оказался на побережье, состоящем только из черных вулканических камней. От этого берег выглядел совершенно черным и необычным на фоне моря с изумрудным отливом под яркими лучами солнца. Был отлив, и все эти камни архаично возвышались над водой. Вдалеке я увидел четверых корейнок, которые ловко скакали по камням у самой воды, и поспешил в их сторону. По выступам камням пришлось пробираться осторожно, но это стоило того. Как было здорово сидеть между черных камней и наблюдать, как набегающие волны с силой разбиваются о камни прямо перед твоим лицом. Вместе с этими корейнками среди камней мы наблюдали за моллюсками, которые перебежали от камня к камню, проворно двигая лапками, будто бы пытаясь сопротивляться набегавшим на них волнам. Неподалеку от нас было несколько отчаянных рыбаков, стоявших прямо на туфовых камнях, периодически окатываемых с головы до ног морской водой.

В паре сотен метров было видно скопление людей и туристических автобусов, и стало понятно, что я почти у цели. В отличие от малолюдных набережных, где я только что побывал, здесь просто не было отбоя от туристов. Вокруг были только китайцы и корейцы. Постояв на побережье из туфовых камней, наблюдая за шумным приливом под громкие вопли китайцев, я продолжил свое восхождение

по туристической тропе, ведущей к смотровой площадке. У подножия находился ресторан морской кухни, хозяйка которого прямо на улице в красном тазике при помощи молотка разделявала различные дальневосточные деликатесы вроде морского гребешка и ракушек.

Здесь было несколько смотровых площадок. Около нижней открывался вид на причудливо сложенные друг на друга вулканические глыбы и на небольшую серо-красную скалу (красный цвет давали изломы на ее поверхности). Оттуда же открывался вид на смотровую площадку более высокого уровня, которая находилась на вершине скалы, покрытой оранжевой и зеленой растительностью. А вдали был вид на достояние этого мыса – Скалу-свечу Сондольбави. По преданию, она образовалась, когда сын морского божества превратился в камень из-за безответной любви к нимфе.

Со второй смотровой площадки вид оказался еще более красивым. Далее шел спуск и очередной подъем к церкви, рядом с которой находится смотровая площадка с белым маячком уже непосредственно с видом на Сондольбави. Оказалось, что церковь является культовым местом для почитателей корейского кино: именно здесь снимались некоторые сцены корейского сериала «Все дома» (All-in-house) в 2003 году. За рубежом этот сериал известен под названием «Ва-банк». Купив билет за 3 тыс. вон, можно было зайти внутрь этой церкви

По пути к маяку мне попался так называемый «дымовой холм» или «пожарный холм», который представляет из себя искусственно созданную квадратную площадку 50х50м, три метра в высоту. В давние времена с нее велось наблюдение за пожарами и вражескими кораблями, подплывающими к острову. На третью, самую высокую смотровую площадку вела крутая узенькая лестница. Там был небольшой маяк, на котором можно было прочувствовать всю мощь окружающей стихии. По форме он напоминал Белую Башню на Уралмаше, но был раза в три ниже нее. С маяка лучше всего была видна одиноко стоящая у самого берега моря скала-свеча Сондольбави. Так, к 15:30 я обогнул $\frac{3}{4}$ периметра мыса, а обратно решил вернуться уже по короткому пути. По дороге я встречал пасущихся лошадей, символические горки и заборчики из камней. К 16:00 подошел к большому желтому зданию, напоминавшему издалека закрытый спорткомплекс, перед которым было высажено множество карликовых пальм. Это был один из входов в аквариум Аква-Планет. К этому времени я уже очень устал и хотел есть, но все-таки решил его посетить.

Как оказалось, этот аквариум был даже больше известного аквариума в выставочном центре КОЭКС в Сеуле. С противоположной стороны находился главный вход, выходящий на пляж. Билет стоил 38 тыс. вон и включал в себя посещение музея морской науки, аквариума и водного шоу. Цена была сравнительно высокая и было приятным сюрпризом узнать, что мне предоставили скидку 20%. Дело в том, что при покупке входного билета кассир поинтересовалась, какими авиалиниями я прилетел на Чеджудо, всем прилетевшим на Чеджу Эйр, предоставляется соответствующая скидка. Так, комплексный билет обошелся мне в 30,4 тыс. вон.

Музей морской науки представлял собой совсем небольшое помещение, выполненное в футуристическом стиле, отделанное в голубых и бирюзовых цветах. Некоторый интерес вызвали только макеты подводных вулканов с красной и си-

ней подсветкой – больше там смотреть было нечего. Затем я пошел в океанариум, находившийся на том же этаже. Он, действительно, большой и мне едва хватило полутора часов, чтобы все увидеть. В аквариуме также были представлены животные, которых нет в сеульских аквариумах КОЭКСа и б3-билдинг: цветные морские ежи, ядовитые желтые и оранжевые лягушки, игуана с черепахой (забавно было наблюдать, как черепаха вырывала листики из под носа игуаны и с аппетитом жевала их), маринованные рыбы в колбах, разноцветные раки, рыба-шар, рыба-камень (бородавчатка), которую здесь впервые довелось рассмотреть в активном движении, длинношеие черепахи, и небольшой музей из вулканических камней моря. В павильоне с пингвинами есть небольшая стеклянная будочка, в которую можно залезть и смотреть на пингвинов с близкого расстояния. Ощущения такие, как будто находишься в их вольере и чувствуешь себя своим в их компании.

В 17:40 я отправился на водное шоу под названием Оушэн Арена, которое проходило на том же этаже. Сначала выступали пловчихи-синхронисты славянской внешности, затем было шоу с морским котиком и моржом, которого дрессировщик заставлял отжиматься и делать пресс, ну и в завершение – шоу дельфинов. В общей сложности шоу длилось 50 мин., закончившись в 18:20. По окончании я направился к развилке, от которой пошел обратно на автобусную остановку. По пути зашел в ресторан «Оллематчип», мимо которого проходил утром, и попробовал жареного тихоокеанского лофолатилуса, который в Корее обитает только у берегов Чеджудо. Рыба была вкусная, желтого цвета, хорошо прожаренная, но слишком костлявая, а к блюду подавалось семь видов закусок. В 19:30 я покинул ресторан и направился к автобусной остановке. По пути обратил внимание, что вдоль домов заборы делают в виде сложенных друг на друга туфовых камней и, что самое интересное, они были уложены без применения какого-либо фиксирующего раствора. Когда же я сделал привал и прислонился к такому забору, камни чуть не повалились на меня. Тротуарная плитка на Чеджудо также сделана из вулканического туфа. На новой плитке это разглядеть сложно, а вот слегка изношенные плитки покрыты ямочками и дырочками, словно кратерами вулкана, что сразу выдает ее происхождение. Еще заметил, что на грядках садовых участков, видимо, в качестве удобрения, используют мелкие ракушки, которые раскиданы повсюду.

От ресторана до остановки дошел в лучах заката за 25 минут, и практически сразу же сел в автобус. Отправившись около 20:00, к 21:30 добрался до автовокзала, и уже к 22:00 – до своего отеля. На следующий день я планировал отправиться в том же направлении по уже обкатанному маршруту, но немного ближе – к Пику Восходящего Солнца, на который давно хотел забраться, и на остров Удо.

День третий. Пик Восходящего солнца и остров Удо.

К 11:20 добрался до остановки Сонсан Ильчульбон ипку, откуда за 5–7 минут дошел до главного входа, ведущего на вулкан.

На стоянке перед кассами уже выстроилась вереница туристических автобусов с китайскими туристами. Входной билет стоил 2 тыс. вон. Посреди входной дорожки – небольшая будка и никаких турникетов. Справа от нее разморенный утренним солнцем кореец лениво проверял билеты. Территория парка, где на-

ходится потухший вулкан «Пик восходящего солнца» представляет собой большую лужайку с огороженными дорожками. Вдоль аллеи, ведущей к вулкану, всех посетителей встречают две метровые фигуры харубанов, и немного поодаль, у кафе – каменная фигура нырлящицы «хэнё». Через 40-50 м. от входа аллея разделялась на две: одна вела налево к дому местных нырлящиц, находящемуся в низине, прямо в морской бухте. Другая же уходила направо, на вершину Пика Восходящего Солнца. С этой лужайки открывался прекрасный вид на бухту с домом нырлящиц, остров Удо (букв. «коровий остров») и на вулкан. Даже отсюда уже можно было представить себе, как должно быть красиво наверху. Погуляв там некоторое время, я решил начать с восхождения на Пик. Подъем на него происходит по единственной извилистой дороге с лестницами различной ширины с западной части пика длиной 240 метров (180 метров над уровнем моря), на разных уровнях которой есть смотровые площадки со скамейками для отдыха. Путь наверх украшали местные шедевры камнерезного искусства – каменные урны с выгравированным портретом харубанчика. Если особо нигде не останавливаться, то до вершины можно добраться за 20 мин. Я же забрался туда примерно за полчаса, так как периодически делал остановки на смотровых площадках разного уровня, с которых открывался вид в западном направлении. С вершины пика открывается замечательный вид на остров Удо, мыс Сопчикодзи и окрестности города Сонсан. Наверху, со стороны лестницы, оборудована небольшая площадка для туристов, напоминающая трибуны стадиона, где можно пофотографироваться, посидеть и отдохнуть. На верхней лесенке площадки сидел молодой кореец и, видимо, вдохновленный горным пейзажем, на ходу сочинял песню, подыгрывая себе на гитаре. Отсюда весь Пик виден как на ладони, он представляет собой вогнутый кратер вулкана, поросший зеленой травой и редкими кустарниками. Спуск вниз по той же дороге занял 15 минут, и к 13:10 я спустился к одноэтажному дому нырлящиц, который находился на берегу небольшой бухты.

Как гласила табличка на доме, ежедневно, два раза в день, в 13:30 и 15:00 проводится показательное выступление так называемых «хэнё»–корейских профессиональных нырлящиц, зарабатывающих на жизнь добычей морепродуктов. Прямо на крылечке дома с крышей, посыпанной мелкими красными камушками, находился ресторан, где хэнё в свободное от выступления время готовили выловленные ими морепродукты. Сначала хотел заказать у одной из них кашу из морского ушка («чонбокчук») за 10 тыс. вон, но она мне ответила, что ее готовят сразу не менее, чем на 2 порции.

Других желающих попробовать это блюдо не нашлось, поэтому от этого варианта пришлось отказаться. Помимо каши, они также готовили по отдельности морское ушко («аболон», «чонбок»), моллюска («сора»), морской огурец («хэсам») и морской гребешок желтого цвета (монгэ) по 10 тыс. вон за две штуки каждого. Хотелось попробовать все это, но получалось дорого. В итоге мне удалось уговорить бабушку-нырлящицу приготовить по одной штуке каждого из четырех вышеуказанных за 15 тыс. вон (за все). Подготовка сводилась лишь к удалению раковин, полосканию и нарезке содержимого, что заняло несколько минут. На закуску подавались водоросли, репчатый лук и острый соус. Для такой цены еды, конечно,

очень мало, да и наестся ими было сложно. Вкус у этих морепродуктов в сыром виде тоже на любителя: немного горчило, да и мясо ушка было жестким, хотя морское ушко считается в Азии деликатесом и является дорогим блюдом. Экзотика, что тут поделаешь!

И вот, в 13:30 началось шоу. Я закончил обед, и вслед за туристами пошел к воде. Все хэнё, которые еще 10 минут назад были в обычной одежде, теперь были облачены в водолазные костюмы с масками и садками с большими шарами-поплавками. Прежде чем они зашли в воду, их представили туристам. Из пятерых ныряльщиц самой пожилой было 74 года, а другим – не менее 60. Потом они исполнили на берегу ритуальную песню с танцем в стиле шаманизма, и пошли в воду. Они плавали в масках по мелководью, держа перед собой садки с белыми шарами-поплавками в поисках морепродуктов. Поиски продолжались около 10 минут, после чего они с уловом вышли на берег. Одна из самых пожилых хэнё держала в руках большого осьминога, с которым все побежали фотографироваться. После фотосессии ныряльщицы понесли улов в ресторан, а сами пошли переодеваться. В целом шоу длилось около получаса. На песке, еще не высохшем после отлива, можно было увидеть множество больших белых и коричневых ракушек. Склон же представлял собой песчано-каменный утес с полосами, образованными давним размывом водой, на котором местами росла трава.

После этого я поднялся на близлежащую вершину, откуда открывался шикарный вид на остров Удо, куда лежал мой дальнейший путь. Покинул окрестности вулкана в 14:30 и по улочкам Сонсана направился к остановке автобуса у порта Сонсанпхо. По пути проходил мимо представительства телекомпании KBS на Чеджудо, который выглядел намного скромнее своего сеульского собрата. Менее чем за 10 минут я добрался до остановки, находящейся перед мостом через местную речушку, впадающей в море. Оттуда через грузовые доки и склады вела длинная дорога, по которой за 10 минут я добрался до терминала пассажирских паромов, курсирующих между островами Чеджудо и Удо.

На часах было 15:10. Зашел в здание терминала и по левую сторону увидел билетную кассу, рядом с которой висело расписание рейсов до острова. Оказалось, что небольшие суда, курсировали между островами Чеджуро и Удо каждые полчаса и ближайший паром должен был отправиться уже через пять минут. Я купил билет в оба конца за 5,5 тыс. вон и побежал на причал. По этому билету я мог вернуться обратно на любом рейсе, причем последний рейс отчаливал от Удо в 18:00. Сев на бело-голубой паром под названием «Удо Кавери», преодолев 3,8 км., к 15:30 я прибыл на остров.

Удо – остров размером 2,5 на 3,5 км. Выйдя с причала у красного маяка, я оказался на портовой площади, посреди которой был памятник женщинам-ныряльщицам и большая карта острова. Там же находилась стоянка квадроциклов, которые можно было арендовать за 10 тыс. вон на три часа и покататься по острову. Но я предпочел другой вариант. На площади находилась стоянка автобусов, рядом с которой была касса, где за 5 тыс. вон можно было приобрести единый билет на автобусы, курсирующие через четыре ключевые точки острова каждые полчаса. Причем последний из них возвращался на пристань за несколько минут до 18:00,

т.е. ко времени отправления последнего парома. Автобус делал четыре остановки: первая – у утеса Удобон (Коровья голова) на востоке, вторая – у пещеры Тонангён, третья – у пляжа Хагосудон на севере острова, и четвертая – у пляжа Санхоса, на западе острова. По одному и тому же билету можно было проехать на разных автобусах, курсирующих по одному маршруту через все указанные объекты.

Купил билет и сел в бело-розовый туристический автобус Хёнде, который отправился в путь в 15:50. Примечательно, что водитель выполнял также роль экскурсовода, по пути рассказывая по-корейски об истории острова и достопримечательностях. Дороги были узкие, и в пути мы с трудом разъезжались с немногочисленными автомобилями, квадроциклами и мотобайками.

К 16:00 мы прибыли к первой остановке – Удобон (утесу «Коровья голова»), который находится на востоке острова. Через 3–4 минуты ходьбы от автобусной площадки по узенькой дорожке я вышел на лужайку, где рядом с торговой лавкой было стойло с пятью лошадьми и несколько коней паслись вдали. Прямо на горизонте возвышался холм с радиовышкой и маяком. Это и был Удобон, куда вела дорожка, проходящая вдоль обрыва над морем. На лужайке дорожка поворачивала направо, где, огибая смотровую площадку у края скалы, шла наверх. Извилистая тропинка была предусмотрительно оснащена прорезиненным покрытием с отверстиями, которые не давали поскользнуться. Если бы его не было, то забираться наверх, особенно после дождей, было бы не только трудно, но и опасно, так как дорога проходила вдоль обрыва, и ограждение из бруса метровой высоты тут бы не спасло. Чем выше я поднимался, тем сильнее дул ветер. С утеса открывался вид на пристань Удо, город Сонсан и Пик Восходящего Солнца. Наверху дорожка упиралась в решетку, за которой была радиовышка, а к маяку проход был закрыт. Обратнo, чтобы сократить путь, я решил рискнуть спуститься по короткой, но очень крутой тропинке. Если бы не резиновое покрытие и сухая погода, я бы точно покатился вниз. В ожидании очередного автобуса я подкрепился кимбабом (корейское блюдо – *B. B.*) в придорожной забегаловке.

В 17:00 подошел автобус и я отправился к пещере Тонангён. На этот раз за рулем была женщина. Надо сказать, она очень уверенно крутила баранку, одновременно через гарнитуру рассказывая о местных достопримечательностях. Через 5–7 минут мы прибыли к месту назначения. Оттуда открывался вид на бухту, в которой виднелась пещера. При желании до нее можно было добраться спустившись вниз и преодолев груды валунов у пляжа с коричневым песком Коммоллэ, который оказался очень маленьким и безлюдным. Левее от этого пейзажа открывался вид на уже знакомый мне берег с черными туфовыми камнями. Однако я решил ограничиться лишь короткой фотосессией на фоне живописного ландшафта и продолжить движение на этом же рейсе, так как надо было успеть посмотреть все и не опоздать на паром. Автобус проворно ехал по бескрайним просторам острова между лугами с одной стороны и каменистыми пляжами – с другой, то и дело распугивая гулким сигналом зазевавшихся квадроциклистов.

По дороге я наслаждался пейзажами острова: мы проезжали немногочисленные одно-двухэтажные дома, памятники ныряльщикам, черные туфовые набережные. В 17:25 я вышел на последней, четвертой остановке маршрута, на пляже

Санхоса. Последний автобус должен был отправиться в 17:45, и у меня было целых 20 минут на то, чтобы искупаться первый раз за все время своего пребывания в Южной Корее. У дороги перед пляжем стоял памятник «хэнь». Береговая линия была около 200 метров в длину и лишь метров 20 – в глубину. Песок был белым, но крупным. Повсюду были немногочисленные лавочки, зонтики и тенты (судя по практике других корейских пляжей, скорее всего не бесплатные). По краям береговой линии чернели небольшие скопления туфовых камней. Комнаты для переодевания, как оказалось, были очень далеко и до них можно было дойти, только перейдя дорогу. По небу плыли облака, поэтому солнце не палило, и купаться было вполне комфортно. На пляже было 20–30 человек, почти все корейцы или китайцы, которые традиционно купались в майках. Заход в море был идеальным: песчаным, неглубоким, ни единого камня или булыжника. А море было прозрачным, лазурно-бирюзового цвета, но немного прохладное. Возможно, мне так показалось с непривычки. Волны выбрасывали на берег зеленые водоросли, которые я решил поднять и попробовать в самом что ни на есть свежем виде: на вкус они оказались слегка соленые от морской воды и почти безвкусными.

В 17:45 я отправился на последнем рейсе к исходной точке маршрута – к пристани Удо, куда добрался за семь минут. Паром, видимо, ждал всех пассажиров, поэтому отчалил с десятиминутным опозданием. В порт Сонсанпхо я прибыл в 18:25 и пошел на остановку. Правда, на этот раз автобуса пришлось ждать почти полчаса. За рулем был тот же водитель, с которым я уезжал утром с автовокзала. Он узнал меня, поинтересовался, как дела, и сказал мне, что никак не ожидал меня увидеть у порта. Я, усталый, но довольный сегодняшним путешествием, плюхнулся на сиденье и в лучах оранжевого заката добрался до своего мотеля к 20:35. По пути купил у одной корейской бабули легендарных местных мандаринов на развес по 8 тыс. вон 1 кг., которые являются визитной карточкой Чеджу. Их вкус и правда отменный: неприторные, без косточек, кожура легко счищается. Но цена, что ни говори, намного выше, чем в России. Покупать на развес оказалось выгоднее: получилось 16 штук, вместо 12 на подложке. Затем я отправился на поиски ресторана в переулок южнее улицы Ноённо, по линии местного Арбата, где гулял еще в день приезда. В ресторанчике, в котором я решил приземлиться после насыщенного дня, были как обычные столы, так и низкие, в корейском стиле. Заказал за 7 тыс. блюдо Ханутоппап – это суп из мяса корейской недоистой коровы с рисом, подаваемым отдельно. К блюду полагалось четыре вида закуски и литровый кувшин с водой. Оно было вкусным, с пылу с жару, но разницы между мясом доистой и недоистой коровы я прочувствовать не сумел. Поужинав, я дошел до отеля по Арбату и занялся планированием маршрутов. На следующий день я решил отправиться в центрально-восточную часть Чеджу.

The article was submitted on 1.03.2017

(Продолжение следует)

ИЗ ЛИРИКИ О СВЯТОЙ ЗЕМЛЕ

Ключевые слова: Израиль, Давид Бен-Гурион, религия, иудаизм, христианство, Иерусалим.

* * *

Ничего не прошу у Господа...
Проживая вторую жизнь,
Я зарекся веровать в рассказы.
Повторяю себе «Остынь!».
Но оставшись однажды в комнате,
Зорко вглядываясь в стекло,
Вижу рядом пустыню сонную —
Повезло мне? Не повезло?
Мне известно было до одури:
Как мне жить и зачем мне жить.
Сторонился дешевых податей.
Не хотел по течению плыть...
А сегодня иная Вселенная
Окружает мой маленький путь.
Но мечта остается нетленная
Не упасть, не уйти, не свернуть.
Ничего не прошу у Господа...
У него слишком много хлопот.
Осчастливит пусть голого-босого.
А меня? Это как повезет...

29.11.2016

Как-то раз уже под вечер
в гости кошка к нам зашла.
Говорят, что кошки лечат,
Душу, сердце, ноги, плечи.
Может быть, и эта встреча
не случайною была?

Посмотрели друг на друга.
И, скосив с прищуром глаз,
кошка вдруг прошла по кругу
(может, просто от испуга),
будто депутат «Ликуда»,
С мыслью: «Чтоб поесть сейчас?»
Делать нечего, пришлось мне
Думать, чем ей угодить...
Пусто было, если честно,
Даже дрожжевому тесту
В холодильнике нет места.
Чем же киску накормить?
Кошки здесь полны снобизма
И едят не все подряд.
От апломба, параксизма,
показного нарциссизма
и кошачьего цинизма
Объегорить норовят.
Смотрят хитрыми глазами
сквозь бесстыжие усы
И дуэтами с котами
перед нотными листами
норовят исполнить гаммы:
До, ре, ми, фа, соль, ля, си.
Но поняв, что в доме пусто,
Что хозяин ей не брат,
Кошка, бросив взгляд, на люстру,
а потом на стены тускло,
будто мудрый Заратустра,
Проворчала: «Бедноват».
Стану я чуть-чуть богаче,
мяса кошке прикуплю,
«Вискас» с ним куплю впридачу
и ошейник от Версаче,
а еще красивый мячик.
Этой кошке подарю.
Кошка скажет мне спасибо.
Здесь, в Израиле, коты
все мурлыкают красиво
о кофейнях Тель-Авива,
Любят на иврите чтиво
И еврейские мечты.

12.12.2016

Когда в России новый год -
в Израиле плюс десять.
Здесь снег сегодня не идет,
и завтра вас не встретит.
Здесь нет ядерных холодов,
что трезвому в охотку.
И рыбно-пряных пирогов
не будет из духовки.
И баньки нет, где до нутра
парилка продирает,
Зимой плюс десять здесь с утра
и меньше не бывает.
А елку в доме наряжать
возможно? невозможно?
Умом я все могу принять,
а вот душою сложно.

14.12.2016

Туман. И дождик целый день
стучит по крышам мягко...
Он в наш безмолвный Ариэль
протиснулся украдкой.
И словно после холодов
и стужи бесконечной
он смыть ненужное готов
улыбкою беспечной.
Как будто осень на дворе
или весна мокрится.
Деревья в тонком серебре
и дальние зарницы.
Мне словно чудится сейчас
иное время года,
чем то, что в этот тихий час
Затихло у порога.
Безмолвно отворилась дверь –
зима пришла без стужи.
Но снега не найти теперь,
кругом большие лужи.

Как интересна наша жизнь —
я и не думал прежде,
что мне зимой придется жить
без вороха одежды.
И вот случилось: дождик льет,
когда мороз в России...
И скоро Новый год придет,
чтоб свидеться с мессией.

18.12.2016

Зима. Но здесь не торжествует
крестьянин на своей телеге,
И ветер с севера не дует,
и Ариэль не видит снега.
Ну иногда бывает что-то...
Но это «что-то» без морозов,
без водки через неохота,
без баньки с запахом березы.
Мне говорят, что можно это
найти и здесь. Конечно, можно.
Но все знакомые приметы
сюда забросить будет сложно.
Здесь даже дождик редко очень.
Зато хамсин бывает часто —
то днем обрушится, то ночью —
для легких, говорят, опасно.
Здесь восемь месяцев – плюс тридцать,
В прохладу тяжело поверить...
Ты как бы спишь, но нет, не спится,
хотя и настезь вроде двери.
Израиль — это мир особый,
к нему привыкнуть сразу трудно.
Ты здесь, а значит как бы снова
Бог учиняет день твой судный.
...А нынче снега нет в округе.
И если будет – тотчас сгинет.
Так жизнь отсчитывает круги
И продолжается поныне.

1.02.2017

Вчера над моей головой месяц вышел раскосый,
И тонкий, как серп, в окружении сонмища звезд,
Взглянул на меня незатейливо, искренне, просто,
И задал, прищурившись, свой сокровенный вопрос:
«Зачем ты сегодня стоишь на земле этой вечной?»
В ответ я тревожно молчал. Месяц по небу плыл.
И виделось зримо, что путь у него бесконечный,
и требует путь этот времени, мыслей и сил.
Сегодня мне часто доводится, стоя у кромки
Обрыва, откуда видна необъятная даль,
Вопрос задавать себе тот же пронзительно емкий,
в котором земная надежда звучит и печаль.
Зачем я стою на земле этой вечной сегодня?
В чем вижу я смысл? И какой мне от этого прок?
И что я скажу наверху, у божественной сходни,
Когда завершить предначертано будет урок?
Не знаю. Но думаю часто об этом под вечер.
Без тени соблазна услышать готовый ответ.
Мне сложно пока. Но земля эта явственно лечит,
Как лечит и месяц, идущий за нею вослед...

10.02.2017

Звездный вечер в Иерусалиме...
Мельтешенье праздного народа.
Я брожу по городу, чье имя
Выложено в центре небосвода.
Я брожу по городу, чье имя
Бесконечно в центре мироздания...
На земле когда-нибудь все сгинет,
Или все окажется преданьем.
Все уйдет в другие измерения,
Только этот город будет вечно.
Если что достойно изумленья,
То его дорога в бесконечность.
...Звездный вечер в Иерусалиме -
К Господу распахнутые ставни.
Время здесь как будто бы застыло,
Навсегда в мозаике из камня.

11.02.2017

Русское подворье в центре Тель-Авива,
Служится молитва, отблески свечей,
Боже благоверный, до чего красиво!
И отдохновенье от земных речей.
Я далек от веры в храме православном,
Праздное влечение чувствую сейчас.
Но в подворье Русском мне на редкость славно,
И в блаженном свете весь иконостас.
Чем-то вдруг пахнуло истинно знакомым –
Тем, к чему привычен был за много лет.
Тем, к чему, как раньше, пусть вдали от дома
Снова потянуло, верьте или нет.

15.02.2017

...Не знаю, почему не спится мне.
Наверное, от мыслей о России.
Мне говорят: на новой я земле
А значит, эти хлопоты пустые.
Мне говорят... Но деть себя куда,
Когда не здесь прошли твои полвека?
И память – это чаще навсегда,
Хотя она всегда – от человека.
Я жил в стране и чувствовал ее,
И пусть в душе все было субъективным.
Но это часть меня. И бытие
России с моим миром неразрывно.
И не хочу я спешно разделять,
Что было и что есть во мне сегодня.
Не бес я, чтобы прошлое ломать,
Себя узрев в счастливом новогодье.
Я буду жить, как прежде, нелегко,
С рефлексией больного человека.
Но прошлое – не сок, не молоко,
Чтоб выпить и забыть его навеки.
И потому и дальше суждено
Родниться с тем, что кажется далече.
Здесь часто слышу: было – и прошло,
И время постепенно все излечит.

Не знаю. Не уверен. Не скажу,
Поскольку можно быстро окараться...
Я вроде бы в иной стране живу,
Но с прошлым тоже не могу расстаться.

28.02.2017

Ничего не прошу я у господа,
Даже как-то неловко просить...
Хоть имеются вечные поводы
С бесконечным вопросом, как жить.

2.03.2017

Последние зимние всполохи,
Но стало теплеть по утрам.
Здесь нет и подобия холода
С суровой пургой пополам.
В Израиле я. И поэтому
Разяще-ядренный мороз
Забыл под оттенками светлыми
Далеких мерцающих звезд.
И день прибавляется истово
Обилием теплых лучей,
Пронзающих с воздуха чистого
Просторы пустыни моей...

5.03.2017

*Давиду Бен-Гуриону,
основателю еврейского государства*

...И через сто, и через двести лет
Когда нас всех уже давно не станет,
Он быть напоминаньем не устанет,
В себе неся Израиля завет.
Он внешне был нескладным, ростом мал.
Но боже мой, какая сила воли!
Он нашу жизнь стремительно ускорил.
Хотя дешевой славы не искал.
Он мог страдать и искренне любить

Свою страну. С тех пор прошло полвека.
Бен-Гурион остался человеком,
Который знал, что хочет совершить.
Он завещал себя похоронить
В пустыне Неgev. Где земля как камень.
Бен-Гурион – нам узелок на память,
Чтобы не все жизнь свою прожить.
Израиль – ты особая земля.
Ты та страна, что прежде и поныне
Растит людей, чей разум не остынет,
Чей дух пробьется из небытия.

26.03.2017

Окунемся в Иордана воды,
Где бродил когда-то сам Христос.
Здесь не властны время, люди, годы,
Лишь один звучит в душе вопрос:
Кто мы есть на этом свете грешном?
Но ответ мне трудно отыскать.
Воды Иордана так неспешно
Окропляют эту благодать...
Воды Иордана много помнят.
Столько, что поверить не могу,
У размокшей деревянной сходни
Созерцаю, скромно посижу.
Посмотрю на берег, где когда-то
Шел Христос к народу в полный рост.
...Я, как все, немного виноватый
В том, что кару он за нас понес.

31.03.2017

Каждый день изменения в мире,
От военных до просто погодных
Мы живем теперь в новой квартире,
Переехали только сегодня.
Раньше было у нас мало места,
Солнце редко светило под крышу,
В холода было муторно-пресно
Стук дождя был особенно слышим.
А теперь за окном много света

И отсюда земля Палестины
Наполняется солнечным летом,
Вкусным запахом апельсинов.
И из новой квартиры я вижу
Ширь земную – как в птичьем полете.
Высоко пролечу и пониже,
На земле вы меня не найдете.
Устремлюсь по еврейским просторам
Провожая их сверху беспечно.
Осязая молитву из Торы.
Как напутствие в бесконечность.

27.04.2017

Когда смотрю я сверху на пустыню
Из моего высокого окна,
То кажется, что время в ней застыло
И будто бы безжизненна она.
Но там совсем вдали, где с небом синим
Ушла земля уже в иную жизнь.
Я вижу тот кусочек Палестины,
Что частью стал еврейских палестин.
И словно рядом профиль Моисея,
Презревшего законы бытия.
И кажется, что чуточку сильнее
Я делаюсь сейчас при свете дня.
Пустыня – это часть души еврейской,
Здесь много лет скитался мой народ,
Сдирая чувства рабства и плебейства,
Мудрее становясь из года в год.
И потому смотрю я на пустыню
Как будто бы из тех минувших лет.
Идут к свободе бывшие рабыни
И бывшие рабы идут вослед.
Идут их дети, сестры, братья, внуки,
И я среди народа своего.
Нам тяжело, но все же эти муки
Мы вынесем врагам своим назло.
И нынче, взгляд пронзая на пустыню,
Мне кажется опять, как и тогда,
Что чувство правды в мире не остынет,
И не окостенеет никогда.

Смотря окрест, я лучше понимаю,
Как сорок лет мы неустанно шли,
Самих себя все время познавая,
Через надежду счастья и любви.
И сколько бы не минуло столетий,
И сколько б не проделано всего.
На все вопросы я ищу ответы
В истории народа моего.

The article was submitted on 18.04.2017

АВТОРЫ ВЫПУСКА

Абдулазизова Зебо Садуллаевна, кандидат филологических наук, и.о. доцента кафедры истории и филологии Таджикского государственного университета коммерции (ТГУК), Таджикистан. E-Mail: zebo61@mail.ru

Zebo Sadullaevna Abdulazizova, Candidate of Philology, performing the duties of Associate Professor, Department of History and Philology of the Tajik State University of Commerce (TSUC), Tajikistan. E-Mail: zebo61@mail.ru

Антошин Алексей Валерьевич, доктор исторических наук, профессор кафедры востоковедения, Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург. E-mail: alex_antoshin@mail.ru

Alexey V. Antoshin, Doctor of History, Professor, Chair of Oriental Studies, Ural Federal University, Yekaterinburg. E-mail: alex_antoshin@mail.ru

Бурнасов Александр Сергеевич, кандидат исторических наук, директор департамента международных отношений, доцент кафедры теории и истории международных отношений Уральского федерального университета, г. Екатеринбург. E-mail: burnasov@mail.ru

Alexander Burnasov, PhD in History, Head of Department of International Relations, Associate Professor of Chair of Theory and History of International Relations, Ural Federal University, Yekaterinburg. E-mail: burnasov@mail.ru

Возчиков Дмитрий Викторович, кандидат исторических наук, ассистент кафедры востоковедения, Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург. E-mail: catullus89@mail.ru

Dmitry V. Vozchikov, PhD in History, teaching fellow of the Chair of Oriental Studies, Ural Federal University, Yekaterinburg. E-mail: catullus89@mail.ru

Ковалев Юрий Юрьевич, кандидат географических наук, доцент кафедры теории истории международных отношений Уральского федерального университета, г. Екатеринбург. E-mail: yukowaljow@gmail.com,

Yury Kowaljov, PhD in Geography, Associate Professor, Chair of Theory and History of International Relations, Ural Federal University. E-mail: yukowaljow@gmail.com

Кузьмин Вадим Александрович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой востоковедения Уральского федерального университета, г. Екатеринбург. E-mail: kuzmin16@yandex.ru

Vadim A. Kuzmin, Doctor of History, Professor, Head of the Chair of Oriental Studies, Ural Federal University, Yekaterinburg. E-mail: kuzmin16@yandex.ru

Лим Сонгдже, магистрант, кафедра лингвистики и профессиональной коммуникации на иностранных языках, Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург. E-mail: aluminary@gmail.com

Lim Sungjae, master (MA) program in linguistics and intercultural communication, Ural Federal University, Yekaterinburg. E-mail: aluminary@gmail.com

Литвинцев Геннадий Михайлович, выпускник исторического факультета Уральского государственного университета, журналист, региональный представитель Международной гильдии писателей. E-mail: lit-gl@yandex.ru

Gennady M. Litvintsev, Alumnus of the Ural State University (Department of History), journalist, regional representative of the International Guild of Writers. E-mail: lit-gl@yandex.ru

Молодяков Василий Элинархович, доктор политических наук, профессор Международного института японской культуры университета Такусёку (Токио, Япония). E-mail: dottore68@mail.ru

Vassili E. Molodiakov, Ph.D., LL.D., Prof., International Institute of Japanese Culture, Takushoku University (Tokyo, Japan). E-mail: dottore68@mail.ru

Муратшина Ксения Геннадьевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений, Уральский федеральный университет. E-mail: ksenia.kgm@gmail.com

Ksenia G. Muratshina, Candidate of History, Associate Professor of the Chair of Theory and History of International Relations, Ural Federal University, Yekaterinburg. E-mail: ksenia.kgm@gmail.com

Мусинова Ирина Александровна, ассистент кафедры востоковедения, Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург. E-mail: irina.musinova@gmail.com

Irina A. Musinova, teaching fellow of the Chair of Oriental Studies, Ural Federal University, Yekaterinburg. E-mail: irina.musinova@gmail.com

Мышинский Алексей Леонидович, кандидат философских наук, доцент кафедры востоковедения Уральского федерального университета г. Екатеринбург. E-mail: sanrenxing@yandex.ru

Alexey L. Myshinskiy, PhD in Philosophy, Associate Professor of the Chair of Oriental Studies, Ural Federal University, Yekaterinburg. E-mail: sanrenxing@yandex.ru

Смирнов Сергей Викторович, кандидат исторических наук, доцент кафедры востоковедения Уральского федерального университета, г. Екатеринбург. E-mail: smirnov_sergei@mail.ru

Smirnov Sergei Viktorovich, PhD in History, Associate Professor, Chair of Oriental Studies, Ural Federal University, Yekaterinburg. E-mail: smirnov_sergei@mail.ru

Соколов Николай Владимирович, директор Центра арабского языка и культуры ООО «РУСАРА Интернэшнл», г. Екатеринбург. E-mail: sokolov@rusara-international.com

Nicholas V. Sokolov, Director of the Center of the Arab language and culture at the «RUSARA International», Yekaterinburg. E-mail: sokolov@rusara-international.com

Сомкамнерд Навапат, аспирант Уральского федерального университета, г. Екатеринбург. E-mail: zomnavapat@gmail.com

Somkamnerd Navapat, Post-graduate student, Ural Federal University, Yekaterinburg. E-mail: zomnavapat@gmail.com

Степанов Анатолий Владиславович, кандидат географических наук, доцент, доцент кафедры востоковедения Уральского федерального университета, г. Екатеринбург. E-mail: anatoly_stepanow@mail.ru

Anatoli Stepanov, PhD in Geography, Associate Professor, Chair of Oriental Studies, Ural Federal University, Yekaterinburg. E-mail: anatoly_stepanow@mail.ru

Степанов Роман Викторович, ассистент кафедры востоковедения Уральского федерального университета, г. Екатеринбург. E-mail: roman_helwan@hotmail.com

Roman V. Stepanov, teaching fellow of the Chair of Oriental Studies, Ural Federal University, Yekaterinburg. E-mail: roman_helwan@hotmail.com

Стровский Дмитрий Леонидович, доктор политических наук, профессор, исследователь и преподаватель Школы массовых коммуникаций Ариэльского университета (Израиль). E-mail: strovsky@mail.ru

Dmitry Strovsky, Professor, PhD on Political Science, researcher and lecturer of Ariel University's School of Communication in Israel. E-mail: strovsky@mail.ru

Сулейманов Раис Равкатович, эксперт Института национальной стратегии, главный редактор научного журнала «Мусульманский мир», г. Казань. E-mail: kaza-risi@mail.ru

Suleymanov Rais Ravkatovich, Expert of National Strategy Institute, Editor-in-chief of Scientific Journal "The Muslim World", Kazan. E-mail: kaza-risi@mail.ru

Суровень Дмитрий Александрович, кандидат исторических наук, доцент Уральского государственного юридического университета, г. Екатеринбург. E-mail: yamato.ur@mail.ru

Surowen Dmitry A., PhD in History, Associate Professor, Department of history of state and law. Ural State Law University, Yekaterinburg. E-mail: yamato.ur@mail.ru

Фельдман Михаил Аркадьевич, доктор исторических наук, профессор кафедры государственного управления и политических технологий, Уральский институт управления – филиал Академии народного хозяйства и государственной службы при президенте РФ, г. Екатеринбург. E-mail: feldman-mih@yandex.ru

Michael A. Feldman, Doctor of History, Professor of Public Administration and Political Technologies of the Ural Institute – the branch of the Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Yekaterinburg. E-mail: feldman-mih@yandex.ru

Фомина Лилия Фаридовна, ассистент кафедры востоковедения Уральского федерального университета, г. Екатеринбург. E-mail: liliya_faridovna@mail.ru

Lilia F. Fomina, teaching fellow of the Chair of Oriental Studies, Ural Federal University, Yekaterinburg. E-mail: liliya_faridovna@mail.ru

Хахалкина Елена Владимировна, доктор исторических наук, доцент кафедры новой, новейшей истории и международных отношений исторического факультета Томского государственного университета (ИФ ТГУ), г. Томск. E-mail: ekhakhalkina@mail.ru

Elena V. Khakhalkina, Doctor of History, Associate Professor, Contemporary History and International Relations, Tomsk State University, Tomsk, Russia. E-mail: ekhakhalkina@mail.ru

Хренов Валентин Валерьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры востоковедения Уральского федерального университета, г. Екатеринбург. E-mail: val-khrenov@yandex.ru

Valentin V. Khrenov, PhD in History, Associate Professor of the Chair of Oriental Studies, Ural Federal University, Yekaterinburg. E-mail: val-khrenov@yandex.ru

Цуканов Леонид Вячеславович, студент департамента международных отношений Уральского федерального университета, г. Екатеринбург. E-mail: Leon.tsukanov@mail.ru

Leonid V. Tsukanov, student (bachelor) of the Department of Theory and History of International Relations, Ural Federal University, Yekaterinburg. E-mail: Leon.tsukanov@mail.ru

Эпштейн Алек (Александр) Давидович, доктор социологических наук (Иерусалимский университет), старший научный редактор Еврейской энциклопедии (г. Иерусалим, Израиль), ведущий эксперт Института Ближнего Востока (г. Москва). E-mail: alekdep@gmail.com

Alek D. Epstein, PhD, Sociology (Hebrew University of Jerusalem); Senior Scientific Editor, the Jewish Encyclopedia (Jerusalem, Israel); Senior Fellow, Institute of the Middle Eastern Studies (Moscow). E-mail: alekdep@gmail.com

ДЛЯ ЗАМЕТОК
